Гринченко Б. Д.

Из уст народа.

ИЗЪ УСТЪ НАРОДА.

Малорусскіе разсказы, сказки и пр.

Б. Д. Гринченко.

Приложеніе къ № XII «Земскаго Сборника» 1900 г.

Черниговъ, 1900

Печатать дозволено.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга должна была-бы составлять новый, четвертый, томъ изданныхъ мною раньше „Этнографическихь Матеріаловъ, собранныхъ въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ“. Но, подобно предыдущимъ, и этотъ томъ долженъ первоначально появиться въ видѣ приложенія къ „Земскому Сборнику Черниговской губерніи“, и форматъ какъ приложенія, такъ и отдѣльнаго оттиска всецѣло зависитъ отъ формата „Сборника“. Между тѣмъ послѣдній въ настоящемъ году свой внѣшній видъ измѣнилъ, и если-бы я оставилъ старое заглавіе, то новый, четвертый, томъ настоящаго формата выглядѣлъ-бы довольно странно рядомъ съ тремя своими, очень высокими, старшими братьями. А такъ какъ, кромѣ того, прежнее, слишкомъ длинное, заглавіе не вполнѣ отвѣчало содержанію книги и появилось на ней въ силу случайныхъ причинъ, то этотъ томъ и получивъ новое имя, болѣе краткое и болѣе точное.

Какъ и прежнія, настоящая книга составлена изъ матеріаловъ, сообщенныхъ разными лицами. Болѣе всего доставлено было г-жею *М. С. Чудновскою* (свыше ста разсказовъ, не считая мелкихъ примѣтъ, заговоровъ, пословицъ и проч.), а затѣмъ г-жею *М. Н. Гринченко* (болѣе сорока разсказовъ, кромѣ прочаго), принявшей на себя также подборъ части малорусскихъ параллелей. Кромѣ того,

въ книгу вошли еще записи слѣдующихъ лицъ: *В. Т. Андріевскаго* (сообщившаго также и записи *Я. Бондаренко*), *В. В. Боржковскаго, Н. Д. Билоконя, Е. Н. Гаврилея, В. Н. Горленко, Е. С. Грибенюка, Н. Б. Г...*, *Ю. Н. Доминской, Г. В. Дорошенко, А. В. Заблоцкаго* (отъ г-на *В. Г. Кравченко*), *г-жи Наталіи Кобринской, И. Е. Коновала, Ѳ. Кондратовича, М. М. Коцюбинскаго* (сообщившаго и запись *А. Дуляка*), *В. Н. Кошового, М. Л. Кропивницкаго, Д. К. Лебедя, А. Н. Лукашевича* (отъ *В. Н. Горленко*), *Г. С. Неводовскаго, В. В. Полуботко, Н. М. Руденко, г-жи Одарки Романовой, В. Ф. Степаненко, В. П. Цымбала* (сообщившаго и записи *Т. Галушки*), *В. Г. Шевченко* и, наконецъ, составителя книги. Нѣсколько неизвѣстно кѣмъ записанныхъ номеровъ найдено было мною въ случайно доставшемся мнѣ собраніи разныхъ бумагъ.

Кромѣ этихъ, вновь появляющихся, матеріаловъ, читатель найдетъ въ книгѣ, по большей части въ видѣ варіантовъ къ печатаемымъ впервые записямъ, нѣсколько перепечатокъ изъ двухъ-трехъ старыхъ изданій, сдѣлавшихся такой большой библіографической рѣдкостью, что, напр., даже въ самомъ Черниговѣ я не могъ найти полнаго экземпляра „Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей“ за всѣ годы. Такимъ образомъ все, напечатанное тамъ, является совершенно мертвымъ капиталомъ, недоступнымъ для научнаго изслѣдованія. Простое указаніе варіанта, помѣщеннаго въ такомъ изданіи, въ сущности было поэтому безполезнымъ. Вслѣдствіе этого уже и раньше гг. Рудченко, Номисомъ и П. П. Чубинскимъ перепечатано было изъ упомянутыхъ „Вѣдомостей“ все, что попалось въ руки составителямъ „Южно-русскихъ народныхъ сказокъ“, „Украйинськыхъ прыказокъ“ и томовъ „Трудовъ этн.-стат. экспедиціи“, посвященныхъ юго-западному краю. Слѣдуя ихъ примѣру, и я внесъ въ свою книгу нѣсколько такихъ перепечатокъ, между которыми есть имѣющія большой интересъ записи П. С.

Ефименко, П. Кузьменко и др. Одна или двѣ небольшихъ перепечатки изъ современныхъ газетъ объясняются желаніемъ сохранить сообщеніе отъ обычнаго для такихъ извѣстій исчезновенія вмѣстѣ съ истребленіемъ газетныхъ листовъ. Всѣ перепечатки отмѣчены или при текстѣ ихъ, или въ отдѣлѣ „Примѣчаній и параллелей“.

Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ 369 номеровъ съ десятокъ записей, быть можетъ, могли бы и не появляться въ печати, такъ какъ представляютъ слишкомъ близкіе варіанты уже раньше опубликованнаго. Но условія изданія книги были таковы, что я долженъ былъ или совсѣмъ отказаться отъ опубликованія ея, —по крайней мѣрѣ, на весьма долгое время,—или начать печатаніе въ то время, когда матеріалъ подвергся только первой, предварительной провѣркѣ по печатнымъ сборникамъ. Впрочемъ, эти записи взяли не много мѣста, и я постарался вознаградить читателя, обставивъ ихъ возможно обширнымъ указаніемъ параллелей.

№ 112 и „Прибавленіе“ (стр. 402) не подходятъ подъ избранное для книги заглавіе, потому что являются воспроизведеніемъ рукописей; но такъ какъ изученіе фольклора и подобныхъ рукописныхъ произведеній тѣсно между собою связано, то мнѣ и показалось не лишнимъ опубликовать ихъ здѣсь.

Систематизація матеріала осталось та-же, что и въ первыхъ двухъ томахъ моихъ „Этнографическихъ Матеріаловъ“, а относительно правописанія я придерживался тѣхъ-же основаній, которыя изложены мною на стр. XVI—XVII предисловія къ третьему тому помянутаго моего труда. Прибавлю только, что при перепечаткахъ изъ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ я сохранялъ правописаніе оригинала, стараясь объ этомъ даже такъ, гдѣ приходилось переводить установленное фонетическое правописаніе на употребленное въ настоящей книгѣ, крайне неудобное для малорусской фонетики. Нѣсколько записей въ отдѣлѣ третьемъ (онѣ всѣ отмѣчены) напеча-

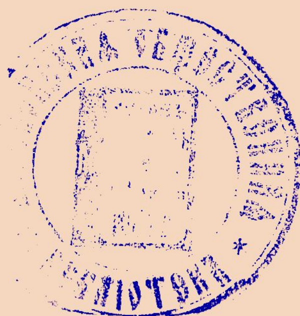
таны съ рукописей со всѣми неправильностями правописанія —за невозможностью установить съ точностью текстъ. Относительно передачи двухъ вышеупомянутыхъ старыхъ рукописей сдѣланы примѣчанія въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Извиняюсь за искаженіе чешскаго и польскаго правописанія (въ „Примѣчаніяхъ и параллеляхъ“): оно обусловлено недостаткомъ соотвѣтственныхъ буквъ въ типографіи.

Всѣмъ поименованнымъ выше лицамъ приношу мою глубокую благодарность за оказанную ими, въ составленіи настоящей книги, помощь, вызванную ихъ благороднымъ сочувствіемъ дѣлу народоизученія.

1900. XI. 24.

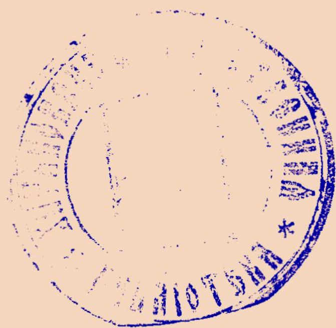
Черниговъ.

Б. Гринченко.



I.

Представленія и разсказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ.



1. Сонце.

Убытойи гадюкы не кыдай на выдноци—сонце плакатыме.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у.

---

2. Змій летивъ (метеоръ).

Я уже не докажу, куды той змій летивъ и кому винъ нисъ гроши,—кажуть люде, що винъ носыть тому шевцю, що на краю села,—а що свойимы очыма бачыла, якъ винъ летивъ. Я йшла додому, колы летыть—довгый, довгый, икразъ якъ коромыселъ; стала я къ плетню и нагнулась, бо винъ такъ нызенько летивъ, та усе и хыляеться, та блестыть же такъ! Чуть-чуть не зачепывъ мене и пролетивъ удовжъ села.

М. С. Чудновская отъ крестьянки г. Березнаго Черниг. у. 1898.

3. Змій носыть гроши.

Багато насъ, хлопцивъ, йихало на ночлигъ и бачылы, шо змій, увесь красный та блыскучый, то подыметься вгору, то знову опустыться и такъ до трохъ разъ, а у трейте пиднявся и полетивъ. Мы бачылы, якъ винъ пролетивъ скризь церкву и повернувъ до П-ча. Кажуть, що сьому чоловику змій носыть гроши.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ, Черниговъ. у., отъ Демьяна Конопки въ 1898 г.

---

4. Змій якъ куль соломы.

Одынъ чоловикъ ишовъ селомъ и бачывъ, якъ надъ його головою пролетивъ змій—икразъ якъ куль соломы, а зъ того куля такъ и сыплються искры, и винъ такъ увесь и сяе. Чоловикъ дуже злякався, та все такы хотивъ подывыться, кому се змій несе гроши. Ажъ винъ такъ и полетивъ на кутокъ, и якъ долетивъ до Б. хаты, то де и дився, тилькы дымъ пиднявся вгору.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Захарія Леуса, въ 1898.

---

5. Змій видьми гроши носыть.

Мій батько бувъ разъ обходчыкомъ. Иде винъ зъ другымъ и бачыть, що на стреси у однійи бабы щось блыщыть, наче жару насыпано. Пидойшлы воны блыжей, щобъ розглядить, що воно таке, ажъ изъ хаты выйшла хазяйка, щось промовыла, и тее блыскуче загуло такъ страшенно и провалылося. Кажуть, що се змій носыть гроши сій баби, а баба та—видьма: вона и змія прыймае до себе, и зъ нечыстою сылою знаеться.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ, отъ Петра Муцкаго, 1898.

---

6. Змій скыдае свойи крыла.

У одній хати зависылась молодыця, и ставъ туды що ночи литаты змій. Прылетыть було, покладе коло хаты крыла, а самъ зробыться чоловикомъ и йде у хату. Постеригъ разъ челядныкъ, якъ змій скынувъ крыла, и зробывъ такъ, якъ раелы люде: перехрыстывъ йихъ (крыла). Выйшовъ чоловикъ той зъ хаты, да не може узять крылъ, и давай винъ кланяться та просыть наймыта подать йому крыла.

—Насыпъ,—каже наймытъ,—мени повну шапку грошей, тоди подамъ.

Ставъ змій сыпать у шапку гроши, а шапка да була зъ диркою. Насыпавъ уже стилько, що ажъ пидъ самый бовдуръ.

— Ну,—каже тоди наймытъ,— нà твойи крыла, та бильшъ до насъ не летай, бо останешся безъ крылъ.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Владимира Ковпыты, въ 1898 г.

---

7. Одуреный змій палывъ чоловика.

Ученые не вирять, що сатана може зробыться чымъ завгодно и йиздыть, чы тамъ летать до того, кого вже уподобае, адже жъ сьому правда. Мени самій хоть и не траплялось бачыть, а багато людей росказують, якъ у опивничъ велычезный, якъ коромыселъ, та блыскучый, блыскучый, мовъ золотый, змій летавъ до Б., того чоловика, що жыве на конци села. Не скажу вже, якъ воны потоварышылы, и змій помився сьому чоловику наносыть мирку грошей. Б. забажалось грошей ще бильшъ видъ миркы; выкопавъ винъ у хливи глыбоку яму и всунувъ туды бездонну зелизну мирку. Ставъ

змій що ночы летать до того чоловика и насыпать ту мирку грошыма; тилькы якъ винъ не стараеться насыпать повну,—ніякъ та й годи!

А дали змій якось то уже прыдывывся, що мужыкъ його одурывъ и що грошей тамъ уже багато, не миркою пахне.

Росердывся тоди змій, звеливъ мужыку уризать палца и кровъю роспысаться, що гроши винъ получывъ; а тоди спалывъ того мужыка разъ, спалывъ удруге, и давай його що году палыть.

Люде и прымитылы, що якъ уже усе кончыться, позалывають, бере тоди сей чоловикъ заступъ, выкопае гроши и клункамы тоди уже зъ сынамы й носыть у друге мисто. Опротывело чоловикови горить та таскаться зъ тымы грошыма, и давай винъ хвалыться людемъ, що «такъ и такъ, каже, наносывъ мени змій грошей, а теперъ палыть,—що його въ свити діять?»

Ну, звисно, у кажномъ сели е таки люди, шо видъ усього знають, и пораялы воны йому каженъ рикъ робыть яку небудь нову прыстройку, чы тамъ хливъ якый, чы повитку, чы покривлю перекрыть, абы то що небудь нове.

И съ тыхъ поръ переставъ той чоловикъ горить. Винъ и теперъ жывъ, палецъ у його и доси не зрисся и робыть винъ такъ, якъ йому раялы люде; тилькы, звисно, уже збиднивъ, бо килькы разъ горивъ, подилывся зъ сынамы, къ тому жъ и дорогу до шынку добре знае, та такы, правду кажучы, де то вже дыявольськымы грошыма й забагатіешъ?..

М. С. Чудновская отъ Хведоры Непомнящей въ с., Выбляхъ Черниговъ. у.

———

8. Визъ (зиркы).

Когда «визъ» перевернется «до горы ногамы», т. е., когда «кони» будутъ впереди—начинаетъ свѣтать.

В. П. Горленко, Прилуцкій уѣздъ, Полтавской губ.

---

9. Витеръ.

Якъ витеръ дуже великый, такъ люде кажуть:

— Це десь йому жинка товсту сорочку дала, такъ винъ сердыться та й рве йійи.

А якъ маненькый, такъ кажуть:—О, це десь жинка тонку сорочку дала.

Записала Н. Г. С. Жеведь, Черниговск. у.

---

10. Грядъ.

Грядъ того бувае, що въ празныкъ люде на поли роблють,—се Божа кара. Щобъ грядъ переставъ,—выкыдають на двиръ, тоди якъ винъ иде, лопату або сокыру. А то святу вербу кыдають на огонь, якъ грядъ або гроза.

С. Жеведь, Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

---

11. Зима стае теплиша.

Се выдно уже земля поворачуеться другымъ бокомъ, бо колысь, кажуть, булы таки холода, що хай Богъ мылуе. Птыци, кажуть, на лету замерзалы, одмерзалы у скотыны хвосты, а якъ лынуть було угору воду, то вона за-

рязъ и замерзне, не вспившы упасты на землю. А теперь, бачте, якъ тепло, и не похоже, що зима. А мо скоро у насъ и зовсимъ не буде зимы?

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Петра Муцкаго, въ 1898.

---

12. Чомъ зима безснижна.

I.

Бачыте жъ яка сей рикъ зима—нема снигу та й годи. Се, кажуть люде, тому, що у одній слободи родылось якесь дытя. Повезлы його хрестыты, и куды не прывезуть—нема попа дома. И такъ багато зъ йимъ попоийиздылы, покы вже десь засталы. Ставъ той пипъ хрестыты и саме якъ умочывъ його у воду, воно якъ закрычыть:

— Йисты хочу!

— Оце,—каже пипъ,—яке! Не давайте жъ йому хлиба, бо буде голодъ, а давайте йому тилькы снигъ, то буде симъ рокивъ безснижна зима.

Сталы тее дытя годувать снигомъ и не ставъ снигъ иты, або колы хочъ и упаде, то де й динеться.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Курильца, въ 1898 г.

II.

Отъ я сьогоднѣ чула, шо, кажуть, десь оце вродыласе дытына, и понеслы йийи до попа, хрестыть, значыть. Несуть, а воно просыть іѣсты. Значыть, говорыть: «Іѣсты!» Сталы хрестыть, а воно зновъ: «Іѣсты!» Батюшка каже:

— Отъ, Боже мой, що йий дать іѣсты?

А кумъ пошовъ та грудку снѣгу злѣпывъ да й давъ йий, у рота пхнувъ. Такъ уже якъ перехрестылы, такъ вона, та дытына, вже й каже:

— Ну, щастя ваше, що далы снѣгу! А якъ бы далы хлѣба, то тры годы хлѣбъ бы не родывъ.

А теперъ, кажуть, тры годы отака зима буде безъ снѣгу, шо значыть кумъ давъ тій дытыни снѣгу ззѣсты.

с. Жеведь, Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1898 г.

---

13. Обизяны.

А обизянъ, кажуть, такъ ловлють. Воны жъ у лѣси жывуть, такъ бабы пойдуть по абабкы (грыбы) та й поскыдають постолы. А обизянамъ антыресно. Воны повбувають постолы и почнуть лѣзты на хвою, та ніякъ не злѣзуть, а бабы йихъ и поберуть. Та ото йихъ тоди и водють.

М. Н. Гринченко. С. Жеведь Черниг. у. въ 1899 г.

---

14. Вовкамъ св. Юрій роздае що йисты.

I.

Правду кажуть, що вже якъ найменуе яку скотыну вовкамъ св. Юрій, то передъ очыма визьмуть. Отъ и намъ була разъ така прыдыбачка. Оралы мы и тилькы що выпряглы воливъ зъ плуга, воны одійшлы одъ насъ може сажнивъ пъять,—колы наскочылы вовкы и задавылы.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

II.

У насъ було прудке славне лоша. Якъ нападуть звиры, то воно завсегда впереди; а то якъ судылась йому

смерть, то воно зосталось позаду и не тика; вовкы вхопылы й задавылы.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

III.

Йихавъ одынъ ганчаръ зъ Рипокъ, прыйихавъ у долыну, остановывся, колы бижыть сыла вовкивъ. Винъ бачыть, шо бида и злизъ на дуба. Потимъ того прыйшовъ якыйсь чоловикъ (а то бувъ Егорій святый).

— А злизь,—каже,—якъ тоби смерть, то й на дуби буде смерть. Злазь, ничого тоби не буде, лягай!

Той чоловикъ злизъ и лигъ. Винъ (св. Юрій) ставъ йихъ росправлять: тому туды, тому туды, а дванадцять чоловика у двиръ до знахаря, кажучы:

— Колы винъ знахарь, то я луччый за його знахарь.

А въ того знахаря та була *саросня* (сорокъ) коней. Такъ воны йихъ усихъ до свита й выложылы. А той чоловикъ уставъ уранци й поихавъ.

П. С. Ефименко. С. Напоровка.

IV.

Ночувалы ночлижныкы трыдцять чоловика. Вовкы выють та й выють коло одного дуба. Отъ воны й кажуть, що якъ бы найшовся такый, що переночувавъ на тому дуби. Отъ одынъ и каже:

— Я переночую.

Согласылысь даты йому одъ души по рублю. Отъ той прыйшовъ до дуба, злизъ, сивъ мижъ роскаракамы; колы прыйижжа на билимъ кони св. Георгій и вовкивъ передъ нымъ чоловика трыдцять; тому каже вивцю ззисты; тому—ягня, тому—гуся, «а тоби, крывый—що на дуби». Тилькы прыходять парубкы на другый день, ганяють, ганяють вовка, винъ не йде, насылу одбылы. Отъ злазыть той и каже:

— Вже мени, братця, не жывотиты.

Винъ и не бере тыхъ грошей, и каже, щобъ похоронъ одправылы. На другу ничу полягалы, посередыни положылы його, и вси головамы на його ляглы. Свитомъ прокынулысь ночлижныкы — нема товарыша — хто його зна, де й дивсь.

Записалъ С. Д. Носъ въ Черниговской губ.

V.

Заночувавъ разъ польованныкъ въ лиси на дереви та й чувъ, що його назначено вовкови. «Не злизу жъ —миркуе,—зъ дерева, хочъ умру тутъ—не злизу». Лежавъ, лежавъ вовкъ биля древа, а дали й пишовъ. Тоди польованныкъ зъ древа та додому. Прыходыть, ажъ дома въ брата хрыстыны. Братъ його просыть выпыты горилкы. А винъ:

— Ни,—каже,—братику, не хочу: вже мени не жывотиты.

Та й полизъ на пичъ. Вранци зшукалысь брата. Колы глянулы на пичъ, ажъ тамъ тилько кисткы,—а то вовкъ зкынувсь котыкомъ, вбигъ у хату да, якъ вси поснулы, и ззивъ його на печи.

Городницкій у. Черниговск. губ. А. А. Тищинскій.

Разсказы этого № номера I—IV взяты изъ «Черниговскихъ губ. Вѣдомостей» 1859, № 23, а разсказъ V-й—изъ № 38.

---

15. Вовчый богъ Полисунъ.

Крестьянинъ разсказывалъ записывателю сказку, напечатанную у Рудченка, I, № 2. Сказка начинается словами: «Не давъ богъ прокорму вовкови». Записыватель спросилъ: «Що то за богъ?» Разсказчикъ отвѣчалъ:

У вовкивъ есть пастырь Полисунъ. Винъ, значыть,

гоне йихъ якъ овець; де война, то винъ туды й турыть йихъ на прокормъ. Винъ увечери якъ свысне пугою, то й чуты. Винъ велыкый и похожъ на чоловика; безъ його ярмарка николы не буде, винъ на все цину зводыть.

Х. Николаевъ, Борзенскаго у. П. С. Ефименко.
Изъ № 23-го «Черниг. губ. вѣдомостей» 1859 г.

---

16. Лисунъ годуе вовкивъ.

Було колысь два браты. Одынъ багаты, другы бидны, бо въ сього (бидного) нищо не велось. Оце було посіе що,—на помижній ныви вродыть таке, що любо й мыло; на його жъ ныви голе якъ колино, неначе ничого й не сіяно. Терпивъ винъ, сердека, терпивъ, а дали годи й господаруваты.

— Колы,—каже,—нищо мени не ведеться, кыну все й пиду свитъ за очыма.

Отъ и пійшовъ тыняться по лисахъ,—не то щобъ тамъ зробывсь розбышакою, або що, а такъ—пишовъ, щобъ и помижъ мыромъ не жыты... Чы довго, чы коротко винъ тынявся—не скажу; тилькы разъ и зустрила його ничъ у лиси, такъ саме якъ разъ передъ Юръемъ. Злизъ винъ на дуба ночуваты... Колы такъ опивничъ якъ загуде въ лиси, якъ пиде гоминъ, та все блыжче, блыжче... Жде винъ, що зъ сього буде. Ажъ бачыть, якыйсь чоловикъ гоныть сылу звиря, а позаду други чоловикъ йиде на вози. Отъ прыгнавъ Лисунъ (се винъ бувъ самый), звиря, да якъ разъ пидъ того дуба, де сыдивъ чоловикъ, и почавъ роздиляты вовкамъ ти окрайци хлиба, що булы на вози. Эге, бакъ! я й забувъ сказаты, що визъ бувъ накладены окрайцямы хлиба,—такъ кулыдка переризана навхрестъ, на четверо,—дакъ отакымы то окрайцямы и бувъ накладенъ увесь визъ. Визьмне зъ воза окраець та й дасть вовкови. Вси чысто роздавъ, зоставсь на вози тилькы одынъ. Отъ Лисунъ и каже:

— Кому його виддаты? Виддамъ,—каже,—хочъ отому чоловикови, що на дереви... А ну,—каже до нашого сердекы,—годи тоби тамъ седиты, злазь, беры свою дильню та йды додому!

Злизъ, узявъ. Ти люде пишлы своею дорогою, а винъ пишовъ своею.

Прыходыть додому, хвалыться брату та жинци про сей окраець. Братъ и каже:

— Се тоби давъ Господь щасте. Зъ цього окрайця ты вже певне що розжывешся.

Ажъ и взаправду—такъ розжывсь, що ставъ багаччый надъ брата. Ажъ брату стало завыдно. Окрайця жъ того ніякъ не можно ззисты: оце що надийидять до половыны, на завтре винъ зновъ и стане такы, якъ бувъ,—ніякъ його не ззидять, усе прыростае. Завыдно братови:

— Пиду,—миркуе,—й я проты Юря въ лисъ, чы не дасть Богъ и мени такого окраиця.

Дождалы Юря. Роспытавсь винъ, де те древо. Прышовъ, злизъ, дожыдае... Такъ, зновъ прыходять ти люде, зачалы роздилять звирюкъ; роздилылы,—одному й не стало.

— Ну, вовче, колы тоби не стало хлиба, нехай тоби оте, що на древи.

Почувъ мій багатырь сю ричъ, да такъ злякавсь, що ажъ не вдержевсь на древи, та якъ снипъ и скотывсь додолу. Вовкъ його заразъ и розирвавъ. Оттакъ Господь завсегда дае тымъ, въ которыхъ ажъ зъ глоткы преться, а имъ ще мало *).

Городницкій у., Черниг. губ. А. А. Тищинскій.

---

*) Кромѣ того, разсказчикъ сообщилъ мнѣ, что Лисуна въ нашихъ лѣсахъ нѣтъ, а что онъ живетъ только въ литовскихъ. Онъ же сообщилъ, что узнать Лисуна на ярмаркѣ можно только потому, что у него лѣвая пола свитки на верху, а всѣ обыкновенно носятъ одежду правою полою наверхъ. *Примѣч. записывателя.*

17. Лисунка выкупыла свою дытыну.

Колысь баба ходыла въ гай по грыбы да знайшла Лисункыне дытя. Взяла його и пишла додому. Ажъ ось чуе, щось доганя ийи. Гляне—ажъ то Лисунка. Догнала.

— Жиночко,—каже,—голубочко, оддай дытя! Кажы, що тоби треба, всього дамъ тилькы оддай!

— На, беры! Мени жъ опричъ хлиба святого бильшъ ничого не треба.

— Иды жъ додому,—буде все, чого забажаешъ.

Прыйшла баба додому. Якъ же глянула въ комору, ажъ жахнулась: повнисеньки засикы борошна, а не було ничогисенько. И було оце, чого схоче, такъ и вродыться. Багата така зробылась, що страхъ. Якъ преставылась ся баба, Лисунка ажъ тры дни ходыла пидъ хату тужыты. Оце прыде, ходыть кругомъ хаты, да такъ жалибно тужыть, що ажъ сумно. Тры дни тужыла, а дали взяла та й запалыла и двиръ, и все.

Городницкій у. Черниг. губ. А. А. Тищинскій.

---

18. Лисунка вкрала чужу дытыну.

Лисунъ такы, якъ чоловикъ, тилькы въ його нема тини. Усе мае тинь, а винъ—ни. Въ його й жинка е. Колысь мій батько носывъ лысты изъ Бречи въ Тополивку. А Лисунка да вкрала въ соннойи жинкы дытыну да й держала його въ лиси. Небагато жъ вона його держала: висимъ недиль держала... Дакъ ото, кажу, носывъ батько лысты въ Тополивку, до ейи жъ треба йты лисомъ. Отъ батько, увійшовшы въ лисъ, лигъ спочыты. Колы чуе—щось голосыть. Схопывсь та й угледивъ биля древа дытыну. Винъ до його:

— Чого ты,—каже,—тутъ?

Мовчыть. Удруге—ни пары зъ устъ, усе тилькы пхыка. Тоди винъ узявъ те дытя на рукы, укутавъ його въ свытыну, бо воно, безщасне, зовсимъ голе, тилькы ковнирець зостався зъ сорочкы да рубчыкы съ пазухы, а то вся на йому сорочка попадала. Якъ то його ще не зайилы комари,—звисно вже вона його зоберегла... Прынисъ його батько въ Тополивку да й пытае:

— Чы не чутно, щобъ хто дытыну загубывъ? Ось я знайшовъ у пущи.

— Чулы,—кажуть,—його вже давно шукають, вже й обидъ по йому становылы. Несы ты його въ Погорильци до оттакого й такого чоловика.

Отъ батько й понисъ. Ради булы и чого то вже не надавалы батьку! Господы! и пыты, й йисты— всього, всячыны.

Городницкій у. Черниг. губ. А. А. Тищинскій.

---

19. Вилъ и кинь.

Вилъ съ конемъ заспорылы—хто швыдче бига. Кинь каже, що винъ швыдче, а вилъ: «Я бъ ище дужшей за тебе побигъ, да въ мене сылы багато, дакъ боюся, щобъ земля не провалылася.»

Ну, а такы побиглы вдвохъ наввыпередкы. Отъ вилъ бигъ-бигъ, та набигъ на ривъ та такъ и загурчавъ туды. Лежыть та й думае: «Оце жъ уже земля провалылася!»

Такъ съ того часу волы вже й не бигають, тилькы бигають зъ дроку.

Черниговск. у. 1900 г. Б. Д. Гринченко.

20. Чомъ ежакъ схожый съ свынею.

На Велыкдень нисъ чоловикъ изъ церквы паску и порося. Хата його була за селомъ на хутори; чоловику треба було иты гаемъ, а у тимъ гаю стояла хата. Доходыть чоловикъ до хаты и бачыть, що у йій свитыться. Поставывъ винъ те, що нисъ, а самъ зайшовъ у хату, а у хати та всякого краму розложено. Не прыдумае чоловикъ, за що й узяться. Думавъ винъ, думавъ и узявъ нижъ. Выходыть зъ хаты, узявъ ящыкъ, а въ ящыци тилькы паска, а порося де й дилось. Прыходыть винъ додому, жинка седыть уже за столомъ, — жде розговляться.

— Ты,—каже,—тутъ седышъ, а порося зъ ящыка утекло.

— Такъ выдно онде воно прыбигло,—каже жинка— я бачыла, що щось бигло у хливъ.

Пошлы воны у хливъ, а тамъ седыть ежакъ.

Такъ выдно порося тее, що нисъ чоловикъ зъ церквы, було заколдоване—стало ежакомъ, и зъ того часу и пошлы ежы.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, Черниговъ. у. отъ Петра Муцкаго, въ 1898 г.

---

21. Сорока.

На Хресте сорока почынае гниздо, положывшы навхрестъ палкы.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

22. Бусолъ.

— Ну, нехай уже це й брехня, а оце такъ уже правда. У насъ у слободи есть ясенъ и такый же старый та высокый-высокый. И на йому гниздо було: жылы буселъ и буслыця. И хлопци взялы, зробылы довгый-довгый штыхъ и тыхъ штыхомъ поранылы йихъ: и бусла, й буслыцю. И воны попадалы и попропадалы, бо воны йихъ дуже поранылы штыхомъ. И тоди впъять бусолъ на тому ясени оселывся. Такъ отъ же кажуть мужыкы наши и божуться, шо правда. Оце, кажуть, по весни возьме винъ и выкыне зъ гнизда хочъ бусленя таке, що трошкы тилькы пиръямъ обросте, хочъ яйце. Уже неодминно шо небудь выкыне, и мужыкы знайдуть. Такъ, кажуть, якъ бусленя выкыне, такъ гарный годъ буде, и хлибъ уродыть, а якъ яйце выкыне, такъ голый годъ буде. Це такы правда. Отъ винъ уже годъ 15 жыве, и що году хочъ яйце, а хочъ бусленя выкыне.

С. Жеведь, Черниг. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

---

23. Дятелъ.

Боже бороны всякого хрещеного робыть всяку роботу у светую недѣлю: Буогъ покарае за це и въ полѣ и въ домѣ. Колы хочте, хлопцѣ, декъ послухайте мене, я вамъ раскажу про бѣднаго дятла, що нема ему, бѣднязѣ, угомону: всякій Божій день товче носомъ объ дуба, а къ вечеру и головы своѣ не чуе; ни годна птица такечкы не трудитця, якъ той бѣдны дятелъ. А за що жъ такъ Буогъ ему давъ? Отцей дятелъ бувъ колись чалавѣкомъ. Чалавѣкъ сей усе було рубае дрова;

чы то празныкъ еки, чи светая недѣля, усе вуонъ рубае; дескь Буогъ его и накоривъ: коли, каже, ты усе рубаєшь дрова, а недѣлѣ моѣ не почитаешъ, то будь же ты дятломъ; коли ты усе рубаешъ, то рубай носомъ дуба до вѣку вѣшного. — Отъ якъ, братцѣ, буде тому, хто светоѣ недѣлѣ не почитае и Божихъ празниковъ за святость не считае.*)

Черниговскій у. Записалъ Г. Лѣневичъ.

---

24. Журавли.

I. На дванадцятій вылитають журавли зъ ырія.

Е. Н. Гаврилей. М. Верқіевка, Нѣжинск. у.

II. Якъ летять журавли, дакъ стань оце да кажы: «Веселокъ, веселокъ, колесомъ, перевъяжы дорогу краснымъ поясомъ!» Такъ шо люблють! Заразъ такъ и почнуть кружкомъ, кружкомъ надъ головою. А якъ скажы: «Журавель»,—такъ не люблють.

С. Жеведь, Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

---

25. Лыпа та осыка.

(Де диваеться жоноча клятьба.)

Не дай Богъ якъ бы те ставалось, що жинки бажають чоловикамъ у лайци! Звелыся бъ чоловикы не

---

*) При чтеніи разсказа о дятлѣ должно произносить букву *ѣ* нѣсколько какъ *и* (ьйе), *е*—тверже, почти какъ *э*, *ы* и *и* нѣсколько мягче русскаго *ы*; *т* передъ *с* и *ц* выговаривается почти какъ *ц*. *Примѣч. записывателя.*

знать на що; та Богъ зробывъ такъ, що вся та нечысть-дурныця прыстае не до чоловикивъ, а до лыпы, та до осыкы й наростае наростнямы, а чоловикы ще й корыстуються—роблять наростневи люлькы.

Е. Н. Гаврилей, въ м. Веркіевкѣ, Нѣжинскаго уѣзда.

26. Чого сталы неврожайи.

Колысь, якъ не було ученыхъ, та люде глядилы на прымиты,—яки булы урожайи, Господы, яки булы жыта, яки булы лены гарни,—высоки, высоки! А теперъ пересталы гледить на прымиты, та сталы насьмихаться съ того, що робылы диды, ну и урожайи сталы плохи. Колысь було молодыця якъ несе обидъ ратаямъ, то уберется якъ на Велыкдень: надине плахту гарну, роспустыть намитку предовгу. Отъ и жыто и лены родылы таки гарни, высоки. А теперъ повыводылысь и намиткы, и плахты выводяться. Теперъ иде молодыця, просты Господы, якъ та расамаха: у однимъ чепци, ще й начосы повыпускае, а замисть плахты—задрипана спидныця. Учени усе понаставалы, не вирять ничому, усе у йихъ пустякы. Ни, се не пустякы! Якъ бы не заводылы нового, та слухалысь старыхъ людей, то й жылось бы луччей!

М. С. Чудновская отъ дида С. Муцкаго, въ с. Выбляхъ Черниг. у. въ 1898 г.

II.

Примѣты и повѣрья.

27. Яка колы годына бувае.

1. Грыбы якъ чорни ростуть—буде рання осинь, а жовти—пуизна.

2. Якъ до Стритення пивень напъеться воды пидъ стрихою, то писля Стритення вже нескоро побаче воду.

3. Якъ зима холодна, то литомъ жара буде и навпакы.

4. Грыбы якъ ростуть на гори весною—буде моча влитку, а якъ на ныз у—буде суша.

5. Якъ напъеться на Стричання пивень съ калюжи—буде лито мочлыве.

6. Въ день Покрова Пресвятой Богородицы, т. е. 1-го октября, съ которой стороны повѣетъ вѣтеръ, то должно ожидать, что по большей части и во всю зиму съ той стороны будетъ вѣтеръ, и если въ этотъ день погода будетъ благопріятна, хороша, то наступающая зима должна быть постоянна; если-же въ этотъ день погода будетъ подвержена различнымъ перемѣнамъ—это вѣрный знакъ непостоянности зимы.

7. Треба на Стричення до схидъ сонця набраты мыску вщерть снигу, не натоптуючы. Якъ зъ його багато воды буде, то велыка вода прыбулна по весни буде, а якъ мало, то й по весни вода мала буде.

8. Если дворовыя птицы—гуси, утки, сидя зимою на снѣгу, машутъ крыльями, какъ будто плещутся на водѣ,—то предсказываютъ этимъ значительную оттепель; то-же предвѣщаетъ и собака, качаясь по снѣгу.

9. Кишка лягае на доливци—буде тепло.

10. Если дымъ, выходящій изъ трубы, идетъ столбомъ вгору къ облакамъ,—означаетъ наступленіе сильныхъ морозовъ, ибо передъ оттепелью онъ всегда стелется, клубится по землѣ.

11. Попилъ у печи збываеться у грудкы,—буде морозъ, а розсыпаеться—одлыга.

12. Жабы у болоти почнуть крычать, буде вода одбувать.

13. Въ зимнее время часто видимъ луну въ кругѣ, что въ народѣ называется—*мисяць обгородывся*. Это—вѣрный признакъ вѣтра.

14. Когда вороны и галки, при закатѣ солнца летая стаями, кричатъ и садятся на верху деревьевъ, то надобно ожидать вѣтра и съ той стороны, куда онѣ будутъ обращены головами. Предъ наступленіемъ же мятели, вьюги—*фицщи*, онѣ всегда садятся на половинѣ деревьевъ, между вѣтвями.

15. Жаръ самъ соби розжевріеться на витеръ.

16. Гайворонье крякае — буде витеръ, а взимку—хвыща.

17. Гайворонье сидае по деревахъ угори — буде годына.

18. Цвиркунъ цвирчыть—на годыну, а мовчыть—на дощъ.

19. Лягушки при началѣ весны, по вскрытіи земли отъ снѣга, крикомъ своимъ возвѣщаютъ наступленіе теплой погоды; а лѣтомъ крикъ ихъ предъ закатомъ солнца предсказываетъ дождь.

20. Куры рано сидають на сидало,—буде дощъ.

21. Якъ не бувае цилу весну дощу, то сподивайся вже къ десятуси пъятныци, або на Купального Ивана.

22. Якъ на жныва лаштуешся, то не внось у хату серпивъ,—зорвешъ дощъ.

23. Во время дождя, когда пузырки вздуваются и плаваютъ на водѣ,—это означаетъ продолжительность дождя.

№№ 1, 3—5,15, 21 и 22 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ 1897—1898 г.г. въ м. Веркіевкѣ Нѣжинскаго у.; №№ 2—А. А. Тищинскимъ въ Черниговской губ.; №№ 6, 8, 10, 13, 14, 19 и 23—священникомъ Петромъ Огіевскимъ въ Данинѣ Нѣжинскаго у.; № 7—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговск. у.; №№ 9, 11, 12, 16—18 и 20—М. С. Чудновскою въ с. Выбляхъ Черниговск. у.

28. Весилля.

1. Якъ на Покрову пройиде по селу ганчаръ, буде багато веселливъ, а якъ дьогтяръ, то будуть дивкы сыдиты ще рикъ.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

2. Посватавшысь купуе молоды молодій чоботы, насыпае одынъ жытомъ, а другый горихамы и дае, и якъ вуизьме молода попереду зъ жытомъ, то жытте буде злагодне, а якъ зъ горихамы, то нещасне.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка Нѣжинск. у.

29. Дытына.

1. Вагуити жуинци не треба на празныкъ рубать мъяса и сорочокъ качать—дытына буде калика.

2. Вагуитни жуинци Боже храны, воду бравшы, надлывать у колодязь—дытына блеватыме.

3. Если перемѣнить имя при крещеніи (священникъ дастъ одно, а потомъ, во время крещенья, по

просьбѣ родителей или кумовей – дадутъ другое), то тогда мѣняется счастье того человѣка.

4. Якъ хто хрестыть дивчыну, въ того кобылы плодытымуться.

5. По заходи сонця не вынось мытлю съ пидъ дытыны, якъ купалы —не спатыме вночи.

6. Не годыться дытыни рыбы давать, щобъ зубы швыдче рослы.

№№ 1, 2, 5 и 6—записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у.; №№ 3 и 4—В. П. Горленко въ Прилуцкомъ у. Полт. губ.

---

30. Здоровле. Хвороба.

1. Наканунѣ Рождества Христова, Богоявленія Господня и Новаго Года, т. е. *на всѣ три кути*, если ночи свѣтлы, и на небѣ будутъ видны звѣзды, то наступающій годъ, по увѣренію стариковъ, будетъ благополучный—здоровый на людей; а когда, напротивъ, всѣ эти три ночи будутъ пасмурны, и звѣздъ на небѣ не будетъ замѣтно,—то въ наступающемъ году должно ожидать свирѣпствованія разнаго рода болѣзней.

Данина Нѣжинск. у. Свящ. Петръ Огіевскій.

2. Не потягайсь на людыну—не ростыме.

3. Не переступай людыны—не ростыме.

4. На заходи сонця не спы—поганка нападе.

5. Въ зеркало проты ночи не выдывляйсь—лыце зминыться.

6. Не можна мочыться на дровъяный трусокъ—на пальцяхъ задьоры будуть.

№№ 2—6 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжин. у.

7. Не годыться росчисуваты голову, якъ сонце зайде.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

8. Якъ кажанъ голову вмаже, такъ голова облизе.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка Нѣжинск. у.

---

31. Сонъ.

Якъ лягаешъ спаты, такъ треба спершу на ливый бикъ хочъ трохы полежаты, бо зъ ливого боку нечыстый, а съ правого янголь-хранытель. Такъ треба, щобъ винъ зверху бувъ.

Богодуховск. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

---

32. Поганый на езыкъ.

Ни, вы бо уже мени не кажить, а поганы очи и езыки е у людей, се я вже по соби знаю.

Служыла я у попа, ну, звисно, у батюшкы усякого народу за день перевернеться. А я була до роботы охоча, такъ було коло роботы проворно поворачуюсь. Ну було якый поганымы очыма гляне, чы то що скаже,—и почне тебе ламать, та мъять,—хавкаешъ, хавкаешъ, чуть рота не роздерешъ.

Або хочъ и се: одного году у насъ такы, у батюшкы, та такъ гарно утенята вывелысь, утенятъ изъ сто вылупылось и уже таки булы гарненьки. Колы прыйизжае якыйсь генералъ, чы тамъ охвицеръ якый зъ золотымы кгузыкамы; погостювавъ и выходыть уже садыться у свій хвайтонъ, щобъ йихать. А я тутъ саме утеня-

токъ годую. Глянувъ винъ на птыцю, та й каже: «Ого каже, какъ у васъ этой птыци много!» И що жъ бы вы думалы?—тилькы що генералъ зъ двора,—якъ сталы наши утенята дохты: перевернеться догоры, дрыгне нижкамы, та й нема. И такъ до вечера одно однымъ осталось. Зъ чого жъ бы воно такъ сталось? Звисно генералъ бувъ поганый на езыкъ.

М. С. Чудновская отъ бабы Хвеськи, въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.

---

33. Смерть.

1. Якъ у пасци въ середыни буде дирка, такъ той руикъ у симйи щось умре.

2. Якъ обручъ на пекельній дижи лопне—хазяйка умре.

3. Колы прысныться колодязь або зубъ выпавъ, або въ хати вуголъ розвалывся—такъ умре щось изъ родыны.

4. Якъ выносять мерця зъ двора и стринеться хто йидучы, то зновъ у туый хати той руикъ умре хтось.

5. Курка якъ заспивае, то треба ею перемирять хату видъ покутя до прывалка и чымъ упаде, чы головою, чы хвостомъ, то треба одрубать хочъ голову, або хвистъ; а якъ сього не зробышъ, то кому небудь у сій хати прыйдеться скоро умерты.

6. *Кажуть-говорять*, что какъ прійдетъ священникъ къ больному да положитъ палку, такъ ужъ не вставать больше съ постели той *людыни*; а если поставитъ, то можетъ быть еще и выздоровѣетъ.

7. Не годыться пересажувать дуба, а то якъ пересадышъ и дубъ выросте зъ того чоловика, который його садывъ, тоди винъ умре.

№№ 1, 3 и 4 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркіевкѣ Нѣжинскаго у.; №№ 2, 5 и 7—М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., № 6—священникомъ Ѳедоромъ Боровскимъ въ с. Кручиполѣ Борзенск. у.

8. Не можна стояты на межи або на порози, якъ гримъ гремыть, а то вбъе.

М. Н. Гринченко. С. Коты Черниговск. уѣзда.

34. Мрецъ.

I.

Лубокъ. Першого вечора, якъ тило лежыть на лавыци, люды сходяться на *Лубокъ*, переважно дивчата й хлопци. Посидають коло стола та й граються:

1) «Перстенця».

2) Беруть такожъ кусень патычка, запалюють и борзо подае оденъ другому, ажъ доки патычокъ не згасне. У чыйихъ рукахъ згасне, той найскорше вмре.

3) Такожъ выпыхають михъ соломою. Оденъ лягае на той михъ зъ завязаными очыма, а вси идуть його быты; якъ згадае, хто його ударывъ, тогди той мусыть на михъ лягаты.

4) Старшійи чоловикы и жинкы, що сыдять пры мерци, спивають:

Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій!
Не поможе отець,
Бо вже прыйшовъ мій конець.
Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій!
Не поможе маты,
Бо прыйшовъ вже часъ вмираты.
Ой же ой, Боже мій!
Скороты вже викъ мій.
Не поможе ридный братъ,
Бо прыйшовъ часъ акуратъ.
Ой же ой, Боже мій! и. т. д.

Якъ мають выносыты мерця зъ хаты, тогды мае буты вся родына въ хати; колы вынесуть до синей, то борзо замыкають двери, и вси сидають, де хто попаде, на лаву, подушкы, де лежавъ мертвець. Найстарша жинка бере зъ стола прылаженый хлибъ и силь, подае найстаршому зъ родыны и жычыть въ имены померщого щаслывого поводження. Одна зъ жинокъ замитае хату и выносыть смитте на те, абы уже нихто бильше въ тій хати не умеръ, и ажъ тогды идуть за умершымъ.

У хати, съ котройи вынеслы мерця, горыть цилу ничь свитло и ставляють въ горнятку молока або воды и хлибъ. Звычайно пры тимъ сыдыть якась стара жинка. Рано дывляться, чы була душа и чы пыла и йила, що для нейи було прызначене.

Похоронъ кгазды и жинкы однакый. Колы однакъ трафыться, що жинка въ тяготи умре, то тогди якій биднiй жинци у вику помершойи дають курку зъ яйцемъ, а бо, якъ у богацтви дiеся, то китну вивцю.

Шнурокъ, що булы звязани ногы мерця, ховають, а тымъ потому колы кого щось болыть—перевязують; такожъ ховають той шматокъ, що бороду пидвязують, и тымъ видъ переполоху пидкурують.

Якъ тато або мама умре, то донькы (дивкы) идуть зъ розплетеными косамы за трумною. На цвынтари жинкы заплитають йимъ косы на те, щобы довго не тужылы.

Про душу покiйныка говорять, що вона доты держыться тила, докы грибъ не запечатаный.

Наталiя Кобрыньська. С. Белелуи (подъ Снятиномъ, на границѣ Буковины, Коломiйщина, Восточная Галицiя).

II.

У насъ якъ умре удова, такъ подаркы якъ за дiвкою дають. Отъ я за маткою, якъ вона вмерла, такъ

тымъ бабамъ, що обмывалы, полотна на рукава одрієзала и тымъ, що надъ колывомъ сыдієлы. И впъять тымъ, що неслы, по хустціє лянной. Такийи въ насъ хусткы добренныйи та велыкыйи, мо копійокъ по восимъ, та де тамъ по восимъ, мо копійокъ по десять узять можно. На хрестъ рушныкъ унесла такый добренный натыканый довгый-довгый, и на віеко зновъ не полотно, а рушныкъ такый довженный, шо вдвое перегорнулы, перетканый. Матка ще сама поперетыкала упоперекъ, щобъ уже такъ рушныкомъ воно й було; а то якъ не перетыкане полотно, такъ попадя возьме та й поріеже то на те, то на те. А якъ перетканый, то вже такъ рушныкомъ и буде.

М. Н. Гринченко. С. Жеведь. Черниговск. у. 1899.

III.

Не годыться переходыты мертвому дорогу, бо кгуля наросте.

М. Н. Гринченко. Харьковская губ.

IV.

Якъ зроблють кому труну таку вузьку, шо рукы росходяться, то то скупа людына була.

М. Н. Гринченко. Харьковская губ. 1899.

V.

На мертвого не годыться ризаты покривець, а треба драть.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

VI.

Мерцю гроши въ пазуху ввязують, щобъ мавъ чымъ у рай укупыться.

VII.

У той день, якъ умре хто зъ ридни, не золы платти спортышъ дорогу въ рай.

VIII.

Мерцева душа витае на тимъ мисци, де вмерло, до 40-ка днивъ—покы сорочыны одправлять, а тоди йде въ Давыдовъ домъ, де вси души збираються.

IX.

Зъ якого краю нестымуть у висни мерця, тамъ буде пожежа.

№№ VI—IX записалъ Е. Н. Гаврилей—въ м. Веркіевкѣ Нѣж. у.

X.

Якъ хто вмирае у зелену недилю, то бабы насыпають у рукавець маку и кладуть мертвому у домовыну Се бъ то уже на те, що покы мертвый поличыть макъ, поты русалкы до його не прыступляться, и винъ не зробыться русалкою.

XI.

Якъ у хати хто умре, безпреминно треба напекты хлиба, поламать и покласты на викна, щобъ ишла пара, бо се страва дле душечкы мертвого.

На проводы ходять на кладовыще, гуляють тамъ, угощаються, качають по могылкахъ крашанкы, а потимъ полывають могылу горилкою, прыговаруючы: хай же й його душечка напъеться.

Записала №№ X и XI отъ крестьянъ с. Выбель, Черниг. у., М. С. Чудновская.

35. Той свитъ.

1. Одымъ рушныкомъ не можна утыраться удвохъ разомъ—на тимъ свити не побачышся.

Г. С. Неводовскій. С. Евминка Остерскаго у.

2. Щобъ побачыться на тимъ свити—писля прычастя обдилюються бублыкамы.

Г. С. Неводовскій, с. Евминка Остерскаго у. Е. Н. Гаврилей, м. Веркіевка Нѣжинскаго у.

3. Скуилькы седитымешъ не йившы за столомъ, покиль инши ще йидять, стуилько въ райи седитымешъ, хочъ и грищенъ.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинскаго у. и Г. С. Неводовскій въ с. Евминкѣ Остерскаго у.

4. Выбравшы хлибъ зъ печи, вкынь ломаку дровъ на те мисце, де вуинъ седивъ, и чымъ товща, то краще: скоришъ загатышъ пекло, идучы въ рай.

Е. Н. Гаврилей, м. Веркіевка Нѣжинскаго у.

---

36. Йижа, напыткы.

1. Колы кусокъ *хлиба* падае до долу, треба пиднять, обдуть, поцилувать и ззисты.

2. Якъ неруивны *хлибъ* печешъ, такъ що менчи вже выпикся, а той ище въ печи, то Богъ храны ризать ножемъ выпечены, а ламны рукамы, якъ ничого бильше йисты, а то отой, що въ печи, буде глызявый.

3. Якъ печуть *млынци*, такъ первого хлопцямъ не годыться йисты—сокыра ламатыметься, а хай йидять дивчата—хлопци хапатымуться *).

*) Въ с. Жеведи, Черниг. у., иначе: «На вечерныцяхъ вечирня матка первый млынець рве на шматочкы и кожній дивци й парубкови

4. *Варыво* треба класты у трейтю середу и на сходнихъ дняхъ, не бачывшы ни старого, ни молодого, або у посны дни.

5. Дивчата одъ Семена (IX. I.) не йидять свижыхъ *огиркивъ*, щобъ за пряжею не дрималося.

6. *Гуркы* треба солыть на молодыку и крайнимы днямы, а якъ положыть у трейтю недилю, то будуть мъяки.

7. Не налывай *квасу* у четвергъ, щобъ нищо не топылось.

8. Якъ зайде сонце, не точы *соку*, *чы квасу*—зминыться.

9. Не тягай *зъ квасу яблукъ* уночи—почорніють.

10. Одъ обиду *по воду* до колодязя не ходы—нечысть буде заводыться.

11. Колы *обидають*—не кладуть ложкы такъ, щобъ держално лежало на столи, а другый кинець на пругу мыскы, щобъ злыдни не лазылы въ мыску.

12. *Дойимъ кусокъ*, щобъ слидомъ за мною не бигъ, а то и вночи спокою не дасть. Якъ я була малою, такъ мене страшылы: якъ не дойисы куска, то буде за тобою ганяться. Такъ мени хочъ и не хочеться, то я вже дойимъ—боюся. (1899 г.).

№№ 1 и 11 записалъ Г. С. Неводовскій въ с. Евминкѣ Остерск. у., 2, 3 и 8—10— Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинскаго у., 4, 6 и 7— М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговскаго у., 5—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниг. у., 12—Б. Д. Гринченко въ с. Жеведи Черниговскаго у.

13. Хто обидае або вечеряе у шапци, у того буде теща глуха.

(С. Голенка. М. Исаенко).

14. Попойившы не облазь кругомъ стола—блудытымешъ и вдень.

15. Не годыться дивчатамъ йисты яйця оти, що зосталысь розбовтнямы—засыдяться на викы.

дае по шматочку: щобъ парубокъ першу высватавъ, до якойи пиде, а дивку щобъ першый той посватавъ, кого вона хоче». Записалъ М. Н. Гринченко.

16. Вечеряючы на голодну кутю и обидаючы на Велыкдень не пый воды, шобъ на жныввахъ не хотилось.

17. Огришывшысь не годыться проскуры йисты—напасть буде.

18. Якъ сяту паску йисы, такъ жыво въ ротъ не несы—вдавышся.

19. Не лузай насинного насиння—останешся на насиння.

20. Не втырайся объ настуылныкъ— напасть буде.

№№ 14—20 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у.

21. Въ насъ на сели на *кутю* навить и слово бояться вымовыть: «*макъ*». Зроду не йидять кути зъ макомъ, якъ отутъ у Кыеви. Знаете чому се такъ? Бо хто побаче у сей день макъ, на того блохы нападуть таки дрибни, якъ макъ, и ніякъ йихъ не выведешъ.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василисы Наконечной.

37. Одежа, обува.

1. Снувать треба на сходнихъ дняхъ, або у другый овторокъ—пиде меншъ пряжи, а якъ на молодыку, то пиде бильшъ, бо молодыкъ на рижкы бере.

2. Якъ надумаешъ сновать уснову на що тамъ и внесешъ у хату зайвыхъ клубкуивъ, такъ мерщій накрый чымъ небудь йихъ, щобъ воны не дывылысь на уснову, бо буде вона плутаться, та ще й пряжи не хопыть на скуилько хочешъ основать.

3. У той день, колы снуешъ основу, не перенось ейи у другу хату, бо якъ стринешъ важку жуинку, такъ у нейи вродыться дытына зъ сухотамы. Та й ква-

суль тыхъ, чы гороху, що пидъ клубкы пидсыпалыся, не йижъ—голова крутытыметься.

4. Шыючы сорочку, не йижъ ничого надъ нею, а то буде вошыва.

5. У понедилокъ не беруть чыстойи сорочкы, бо не щастытыме ни въ чому.

6. У сухый четвергъ годыться цросушуваты одежу на двори.

7. У кого къ празныку не буде новынкы, тому горобець голову вмаже.

8. Якъ вертыть кравець на столи ножыци, то не буде въ його роботы.

9. Якъ хто зъ дивчатъ виддае квиткы з-за головы подругамъ носыть—женыха перелюблять.

10. Не клады ношеного постола на огонь—пидошвы свербитымуть.

№№ 1 и 5 записала М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговъ. у.. 2—4, 7—10—Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у., № 6—М. Н. Гринченко въ с. Исаковѣ Славяносербск. у. Екатер. губ.

---

38. Хата. Погрибъ.

1. Строить хату нельзя въ высокосный годъ, оттого наканунѣ высокоснаго года строится больше хатъ, чѣмъ обыкновенно. Если хата *заложена* въ простой годъ то въ высокосный можно доканчивать, но начинать нельзя. Другія хозяйственныя постройки можно строить и въ высокосный годъ.

В. П. Горленко. Прилуцкій у. Полтавской губ.

2. Якъ зробышъ хату, то першого году не годыться билыты з-окола.

Б. Д. Гринченко. Харьковъ 1898.

3. Не замитай хаты, якъ сонце зайде.

М. С. Чудновская. с. Выбли Черниговск. у.

4. Якъ будуть на Велыкдень веретена у хати,—плодытымуться гадюкы.

С. Голенка Конотопск. у. М. Исаенко.

5. Не свысты въ хати—черты заведуться.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка Нѣжинскаго у.

6. До погреба съ кускомъ хлиба не ходы, бо мыши та жабы заведуться.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговскаго у.

39. Урожай.

1. Якъ на щедруху буде иней, то буде й урожай.

2. Якъ выпадуть проводы у старому мисяци,—держысь старого хлиба.

3. Якъ на голе дерево груимъ загремыть,—буде й руикъ голы—на все незрожай.

4. Якъ багато сморшкуивъ або рыбы,—буде недоруидъ.

5. Якъ на Велыкдень иде дощъ,—незрожай буде на все.

6. Якъ журавли вылитають зъ ирія по одному, а не нызкамы, такъ чекай умолотного жыта той руикъ—по однуимъ снопу носытымешъ.

7. Якъ не вбачышъ до Миколы (9 мая) колосу,—буде плачу й голосу.

8. Якъ на пару росте лобода, то й жатымешъ лободу.

9. Если май мѣсяцъ будетъ дождливый, то ожидать должно урожаю болѣе сѣна, чѣмъ хлѣба; если же напротивъ—сухой, погодный,—то будетъ много хлѣба, а мало сѣна.

10. Де на поли на Благовищення буде лежать снигъ,—на тому мисци хлиба не буде.

№№ 1—8 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у., № 9—священникъ Петръ Огіевскій въ с. Данинѣ Нѣжинскаго у., № 10—А. А. Тишинскій въ Черниговской губ.

40. Колы и якъ ораты й сіяты.

1. Йидучы уперше ораты, дывысь, щобъ хто, боронь Боже, не перейшовъ дорогы зъ пустымы видрамы, а то у клуни буде пусто.

2. На дванадцятуій пахаръ уже наореться, та й удовынъ плугъ уже выходе.

3. Не носы на правуій руци каблучокъ,—не родытыме жыто, якъ сіятымешъ.

4. Не сій жыта у доцъ, бо буде зъ метлыцею.

5. Жыто сій у той день, у якый бувъ першый снигъ.

6. Якъ гречку сіешъ, такъ не можна йисты, ажъ покы досіешъ, бо порожня буде. Одынъ чоловикъ везе гречку съ поля, такъ на двохъ возахъ добра гречка, а на одному сама половка. А якась жинка пытае:

— Чого це въ тебе така гречка вродыла?

— Та то,—каже,—я проснидавъ гречку: сіявъ та здорово отощавъ, та й иззивъ манесенькый шматочокъ; такъ ото та, що до снидання сіявъ, а оце та, що писля снидання.

Дивчына, чуючы сю розмову, озвалася:

— Бачъ, а я й не знала, чого то воно такъ, що було якъ пойидемо зъ братомъ на поле, винъ сіе, а я волочу, то винъ дасть мени хлиба, а самъ не йисть. Я пытаю: чому жъ ты не йисы? А винъ каже: «Та я ще не хочу». И якъ досіе, тоди вже снидае.

7. Гречку сій у той день, у якый бувъ першый иней.

8. Коноплі сій у середу на молодыци—гарни будуть и нищо симъя не пытыме.

9. Коноплі сій надъ вечиръ, и того дня вже ничого не робы, особлыво въ землю ничого не забывай, бо й коноплі въ землю пидуть.

10. Якъ сіешъ льонъ, такъ терпы, не сидай на ныви про себе—вродыть серуха.

11. Прымичай, откуль на Евдохы дуе витеръ: якъ зъ горы—сій льонъ на гори, а якъ зъ долыны—сій у долыни.

12. Якъ ще въ себе льонъ не посіяный, такъ не можна никому даваты, бо въ себе зведеться.

№№ 1, 4, 5, 7 и 11 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., №№ 2, 3, 8—10—Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у., № 6 и 12—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговъ. у. въ 1899 г.

41. Садъ.

1. Не сады дерева тоди, якъ свитыть мисяць, бо буде пустоцвитъ.

2. Хто хоче заводыть садъ,—не клады мерця въ труну.

3. На родючы садъ—на яблоню, чы грушу, якъ полизешъ у чоботяхъ, и найпаче жуинка, то на другый руикъ не вродыть, або й зовсимъ посохне.

4. Яблукъ шыягаця (??) пидъ яблунею не можно, бо на друге лито не вродять.

№ 1 записанъ М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговскаго у., №№ 2 и 3—Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркіевкѣ Нѣжинскаго уѣзда, № 4—Г. С. Неводовскимъ въ с. Евминкѣ Остерскаго у.

42. Городъ

1. Не *полы* у сухый четвергъ, бо будуть сохты городы.

2. Якъ до схидъ сонця на Благовищенне потрусыть качана, то зъ його посыплеться насинне. Зъ сієи *росады* якъ посієшъ, добра буде капуста.

3. *Гарбузы* треба садыть тоди, якъ скотына лежыть.

№№ 1—3 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниг. у.

4. У грядци не можно йисты *гуркивъ*. Не можно чыстыть у грядку гурка.

Г. С. Неводовскій. С. Евминка Остерскаго у.

5. *Огирки* садыть у той день у тыжни, въ котрый на весни перший разъ гремило.

Наталія Кобрынська. «Зъ Бойкивщыны зъ пидъ Вирла» (Восточная Галиція).

6. На Велыкдень не лузають *сонешныку*, щобъ не пылы горобци його на городи.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка Нѣжинск. у.

---

43. Свійська тварь.

1. Яку шерстыну найдешъ на пасци, прынисшы йийи съ церквы—такойи масты й *скотъ* держы.

2. Якъ пры торзи та *скотына*, що купуешъ и зидесся вже на цину, каляе, то на таланъ, а якъ мочыть—лучче касайся ейи або переторгуй.

3. Оти *подарункы, що дарують на весилли* молодымъ, ведуться туилько симъ рокивъ, а тоди вже зводытымуться.

4. Стари люде кажуть, шо якъ погнать *скотыну* на Юръеву росу, то вона буде увесь годъ лучча и гладчійша, и жыто пиде лучче. У насъ на Юрія скотыну выганяють вси хазяйины, несуть хлибъ и дрибокъ солы. Хлопци складаються, пъють и йидять на жытахъ.

5. Щобъ *у скотыны не заводылысь червы*, не треба шыть видъ Риздва до нового году и по усейидныхъ середахъ и пъятныцяхъ.

6. Моя сестра ходыла въ степъ грошей зароблять. Такъ каже, шо тамъ у Полтавщыни и дали туды, такъ у дворіѣ прывъяжуть *корову*, або й такъ непрывъязану доють и ничого. Ну, а въ насъ такъ не можна.

— Чому?

20. *Пчилъ* пидризують у чыстый четверъ, щобъ булы чысти.

№№ 1—3, 7, 9, 10, 13—16 и 19 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у., № 4—П. С. Ефименко въ с. Напоровкѣ, №№ 5, 12 и 20—М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у., №№ 6, 11 и 18 (с. Жеведь Черниг. у.) и № 8 (Сядричи Черниговск. у., 1899)—М. Н. Гринченко.

---

44. Колы не треба робыты.

1. У пъятныцю Хрыстосъ страждавъ и тому у сей день не слидъ робыты ніякойи чорнойи роботы: ни прясты, бо летыть кострыця, ни золыть, бо попилъ трусыться, ни трусыть сажу, ни иншойи такойи роботы.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

2. Одна молодыця потрусыла сажу у пъятныцю и похвалылась на вулыци. Сусидкы ажъ поляка лысь, почувшы, що вона таке зробыла. «Якъ, кажуть, у такый день, та трусыть сажу? За се Богъ покарае тебе и на симъ свити и на тимъ не простыть. Сама ще не тямышъ чого, то треба пытаться людей,—а то за се велыкый одъ Бога грихъ».

Бидна переляка на молодыця такъ зажурылась, ждучы кары за свій велыкый грихъ, що чысто высохла и на третій тыждень Богу душу оддала.

Записала М. С. Чудновская отъ крестьянъ с. Буды Черниг. у.

3. У Велыкодну суботу найменчъ робы дила, щобъ литомъ спуирно робылось.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у.

4. Понедилокъ и середа—важки дни.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у.

5. Якъ идешъ куды за диломъ, та куотъ перебижыть дорогу, то луччей вернысь.

М. С. Чудновская. С. Выбли Нѣжинск. у

— У насъ якъ здойить такъ, такъ другого дни молоко пропаде, а тамъ ніѣ. Тамъ, выдно, люде добріѣйши.

7. Не крышы надъ молокомъ хлиба ножемъ—*корова* не стоятыме въ дойинню.

8. Я скруозь чысту сметану продаю. Бувае, шо якось тамъ бабы ростыраютъ сыръ та жовтокъ изъ яйця та съ того сметану роблють, кажуть, шо й крохмаль сыплють, а я ничого не роблю: и не знаю якъ, та й не хочу, бо кажуть, шо то *корови* погано та й гріѣхъ.

9. Боханця, помазаного сметаною, не рижъ ножемъ бо въ *коровы* дійкы порепаються.

10. На перву кутю пиды рано до *коровы*, якъ тильна, и куда лежатыме мордою, въ таку добу й теля знайдеться.

11. Якъ корова отелыться бычкомъ, такъ бильше молока даватыме, нижъ якъ телычкою. И молозыва тоди бильше.

12. У той день, якъ найдеться *теля*, никому ничого не давай, а то буде блудыты.

13. Не бый *теляты* ганчуиркою—жоватыме одижъ.

14. Надовго *коню* хвоста не завъязуй—схудае.

15. Якъ у хазяйина шыя товста, то въ *конякы* його певно тонка.

16. Проты ночи писни не кинчають—вовкъ *порося* зйисть.

17. Якъ *птыця* сыдыть на яйцяхъ, то не можна пекты у печи ни яець, ни картопли, а то позапикаються яйця.

М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговск. у. (1900), М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниг. у., Е. Н. Гаврилей въ м. Ѣеркіевкѣ Нѣжинскаго уѣзда.

18. На Стричення дають *гусакамъ* та *пивнямъ* перець, щобъ зли булы та посылювалы чужыхъ гусакивъ та пивнивъ.

19. Якъ порве собака *гуску* зъ табуна, то ти гусы вже зведуться.

6. Якъ перебижыть куитъ дорогу, або перейде хто съ порожнимъ видромъ, такъ лучче ворочайся назадъ— нещастя буде; хыба вже куды пыльно треба, такъ не инакъ иды, якъ перекынувшы черезъ те мисце хочъ паличкою.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка Нѣжинск. у.

---

45. Съ краденого швыдче заведешъ.

У насъ кажуть, шо съ краденого швыдчей заведешъ, нижъ исъ купованого. Я колысь ище якъ малою була та почула це, такъ и нарвала въ Мыны повну хустку проса, а тоди вымъяла його, ссыпала въ торбынку и матци оддала. Такъ братъ клынчыкъ на новыни засіявъ тымъ просомъ. И таке гарне вродыло. И съ того вже й сталы мы сіяты. И льону два снопы вкрала, такъ гарный и въ насъ льонъ ставъ. А сестра моя гуску вкрала. Подумайте, верстовъ за петнадцять, чы мо й за симнадцять зъ однею дивчыною ходылы и такы вкралы по гусци. Такъ дуже добре гусы выводылысь и въ тійи дивчыны и въ насъ.

— Значыть шобъ гарне що въ хазяйстви було, такъ треба все съ краденого заводыты?

— Ни, всього не можна. Уже жъ коровы чы кобылы не вкрадешъ. А такъ шо посіять, чы птыцю—такъ лучче съ краденого.

С. Жеведь Чернигов. у. отъ дивчыны. М. Н. Гринченко. 1899.

---

46. Даваты.

1. Съ того чоловика, кому дарышъ що небудь изъ хазяйства, треба узять килькы небудь копійокъ, а якъ будешъ давать такъ, то можно у себе позводыть.

2. Якъ зайде сонце, не годыться даваты що небудь зъ двора, а найпаче не давай молока.

М. С. Чудновская. С. Выбли Чернигов. у.

---

47. Жылавый понедилокъ.

У жылавый понедилокъ (першый понедилокъ у велыкый пистъ) бабы не продають бурякового квасу.

Прымичають, хто першый у цей день увійде въ хату: якъ шо чоловикъ, то це добре, а якъ шо жинка, такъ погано въ симйи буде.

Цей понедилокъ зветься жылавый черезъ те, що ничого не варють, а йидять редьку та коржи на самій води мишени—*жыляныкы* звуться.

У цей понедилокъ не можна шыты, бо пучкы обирве.

Богодуховскій у. Харьковск. губ. и Славяносербскій у. Екатеринославск. губ. М. Н. Гринченко.

---

48. Зустричъ.

Якъ идуть проты тебе два чоловикы, дакъ николы не йды усередыну, хоть бы воны й нарочыто розступалысь передъ тобою.

С. Голенка Конотоп. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

---

49. Що вищуе.

1. Ньохти цвитуть—жды подарунка.

2. Якъ заплитаешъ косу та останеться пасмо—дорога.

3. Очи або нисъ свербыть—плакать.

4. Борода свербыть—горилку пыть.

5. Права долоня свербыть—гроши получать, лива—оддавать.

6. Павукъ спустыться—почуешъ висть.

7. Якъ сиренькый павучокъ спустыться—добра буде звистка, а якъ чорненькый—погана.

8. Китъ умываеться—гостей сподиваеться.

9. Вугиль скаче съ печи—буде гисть.

10. Якъ пивень на покути спивае—будуть гости.

11. Якъ куитъ умываеться на якый край, звидтиль будуть гости.

12. Якъ забудешъ по обиди ложкы—будуть гости.

№№ 1—6, 8—9 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниг. у., №№ 10—12—Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у., а № 7 М. Н. Гринченко въ Харьковск. губ.

50. Злодій.

На злодіѣя пануе—на голе дерево груомъ загреміѣвъ. (Тобъ то: не знаходытыметься крадене).

М. Н. Гринченко. С. Жеведь Черниговскаго у. 1899.

III.

Знахарство, заговоры и проч.

51. Угадать, чы довго прожывешъ.

Назбиралы мы на Йвана Купала купальнычкивъ и позастыркалы у хаті на усихъ: и на батька, й на матку, и на братівъ, на усихъ. На другый день подывылысь, ажъ батькивъ и старшого брата купальнычкы повъялы, а наши уси порозвывалысь. Такъ скоро батько и умерлы, а посли батька скоро и старшого брата на поли гримъ убывъ. А мы уси, слава Богу, и по сей день жыви.

Записала отъ Ульяны Килочицкой, въ с. Выбляхъ, Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

———

52. Угадать, чы вси у симйи будуть жыви.

Нарижъ трейчи по девъять гиллючокъ глоду и звары; якъ що вода буде сыва,—хтось скоро умре, а якъ вода буде жовта, то вси будуть жыви.

Записала отъ Трыхвона Кныша изъ д. Песокъ Черниговскаго у.
М. С. Чудновская.

53. Щобъ буть здоровымъ.

1. Почувшы перщый гримъ, стань коло печи и скажы: «Дай, Боже, буть такій здоровій, якъ пичъ, щобъ було биганне заече, волова сыла, щобъ не болила ни голова, ни спына».

Записала М. С. Чудновская отъ крест. Курской губ. Рыльск. у.

2. На Велыкдень поперёдъ паскы годыться иззисты хрину, щобъ буть крипкымъ да здоровымъ.

С. Голенка Конотоп. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

3. У чысты четверъ умывайсь на бегучій води— чысты будешъ.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка Нѣжин. у.

---

54. Щобъ щастыло на войни и на суди.

Иноди трапляеться бачыть, якъ вужака нападе на жабу, щобъ иззисты йійи. Возьмы тоди ломачку и розбороны, та тилькы не убывай и тую ломачку ховай: чы прыдеться иты на войну, чы на судъ—беры зъ собою: на войни не убьють, а на суди завсегда будешъ правый.

Записала отъ Арины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

---

55. Одъ усякойи болизни.

а) Передъ тымъ днемъ, у который случыться Сритенне, узять солы, завернуть у тряпычку да й укынуть у жаръ, а до схидъ сонця вынять. Хто занедужае чымъ, тому и йисты сюю силь.

б) Якъ хто нездоровъ чымъ, дакъ нехай у чыстый четверъ, чуть свитокъ, піймде на ричку, покы нихто ище воды не бравъ да й умыеться; тоди й болизнь усяка пройде.

М. Исаенко. С. Голенка Конотопскаго у. Черниговской губ.

56. Передать болизь другому.

Щобъ изличыть лышай, чы другу яку болизь, возьмы обмый водою болюче мисто и увечери, або вранци перелый тіею водою вулыцю. Хто першый перейде черезъ перелыте мисто, той прыйме и болизь.

Записала М. С. Чудновская отъ крестьянъ въ с. Выбляхъ Черниг. у.

57. Одъ урокивъ.

I.

Ой дай, Боже, ой дай, Боже, щобъ день та й недиля:
Щобъ тая Маруся робыты не вмила.
А щобъ вона, мололая, конопель не мняла,
Ой щобъ йійи головонька пыломъ не прыпала.
Ой мы везлы, ой мы везлы зъ новымъ медомъ бочку;
Ой мы взялы, ой мы вкралы въ нашойи свахы дочку.
Бабська прымова, урокы, урочыны!
Я васъ прыклыкаю, господа мылосердные.
Въ помощъ прыклыкаю! Господь зъ помощамы,
А я зо словамы, я васъ вышептую,
Выклыкаю зъ очей, зъ плечей, зъ рукъ, изъ нигъ,
Изъ семыдесяты жылъ, изъ румъяного лыця, изъ шырокого серця.

Тутъ вамъ не буты, тутъ вамъ не гуляты,
Білнойи головонькы та й не ламаты,
Румъяного лыця та й не палыты;
Широкого серця та й не нудыты;
Семыдесяты жылъ та й не стягаты
И пидъ серденько та й не пидпираты.
Поты вы нудылы,
Покы я Господа мылосердного та на помощъ не прыклыкала:
Господь зъ помощамы, а я зо словамы.
Я васъ вышептую, выклыкаю на очерета, на болота.
Вызываю—йдить соби та й на очерета
Та й на болота,—
Тамъ вамъ столы застеляни,
Чаркы поналывани.
Тамъ вамъ пыты, гуляты и роскоши маты,
А одъ рожденнойи, молытвованойи, хрещенойи
Рабы Божойи Маруси утикаты.

Подольск. г. А. В. Заблоцкій изъ альбома.

II.

Видкиля сонце сходыть, видтыля помощъ прыходыть; видкиль свитъ наставъ видтиль Богъ помощъ пославъ. Урокы-урочыща, прыстриты-прыстритыца, лыхорадкы-лыхорадчыща, тутъ вамъ не буваты и не ходыты, червонойи кровы не пыты, серденька не сушыты, жовтойи косты не ломыты, билого лыченька не въялыты. Я васъ высылаю, вымовляю, вышиптую; я васъ посылаю на очерета, болота, на густи лиса, де дивка косы не носыть, де парубокъ коня не сидлае, де пивень не спивае. Баба золотовыда, котора Хрыста прыймала, людямъ помощъ посылала, я вызываю, я вышиптую изъ ручокъ, съ пучокъ, изъ очей, съ плечей, зъ семыдесяты суставовъ. Я вымовляю, Маты Божу на помощъ прызываю. Я словамы,

Маты Божая диламы; я хухомъ (дуетъ на крестъ), Маты Божа духомъ. Урокы-урочыща зъ карыхъ очей, зъ сирыхъ, бурыхъ и понурыхъ, чоловичыхъ и жиночыхъ, парубочыхъ и дивочыхъ. Колы буду сыне море переплываты, тоди буду на урокы и на прыстриты горюваты. Сама соби сорочку мыла, сама и зносыла, сама соби прыстритъ одходыла.

Изъ бумагъ П. А. Лукашевича.

III.

Щобъ диты булы неврочлыви, то треба умыватъ йихъ зъ помыйныци.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣзда.

---

58. Видъ прыстриту.

1. Прыстриче, прыстриче, добрый чоловиче! Сядь соби на мистечку, на золотимъ крислечку, тутъ тоби не бушавать, не воевать и костей не ломыть. Иды соби на море, на тимъ мори камень, на камени зрубъ стоявъ, самъ тамъ Богъ по имени называвъ, а тоби, мій малый, (чы мала), щобъ прыстрикъ бильшъ не упомынавсь.

Записала въ с. Выбляхъ отъ Евдокіи Чирковой М. С. Чудновская.

2. Якъ хто тебе изурочыть, то возьмы здымы зъ себе сорочку и положъ, звернувшы, пидъ камень. Пройде.

Отъ Ульяны Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская.

3. Навыворотъ сорочку носы, прыстритъ не нападе.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка Нѣжинск. уѣз.

---

59. Одъ простуды.

Узявъ жывыци такъ якъ изъ куряче ейце, изтерты йийи да й укынуть у пляшку зъ пивквартою горилкы, да тоди поставыть у тепле мисто, покы добре настойиться да й пыть по тры чаркы на день.

С. Голенка Конотопскаго уѣз. Черниговск. губ. М. Исаенко.

---

60. Одъ лыхоманкы.

1. Узять печене яйце да облупыть його такъ, щобъ шкурка цила зосталась на йому, да тоди и завъязать у ластку пидъ ливою рукою, та й держать його тамъ, покы воно зовсимъ изсохнеться.

С Голенка Конотопскаго уѣз. Черниговской губ. М. Исаенко.

2. **Одъ хынди.** Треба мовчкы йты за домовыною мертвого до могылокъ, и якъ коло ямы уже уси попрощаються, поцилуй мертвого у мызынци на рукахъ и на ногахъ и йды до дому, ни съ кымъ не балакаючы.

Записала въ с. Гусавкѣ Черниг. уѣз. отъ крестьянки Христины Губки М. С. Чудновская.

3. Узять шматокъ хлиба, солы и яйце и треба питы до мосту, зъ мосту кынуты тее усе черезъ плече у воду, проговорывшы: «васъ, титочкы, симдесятъ симъ, прынесла я вамъ полуднувать усимъ». Додому йшовшы, не треба озыраться назадъ и балакаты. Писля сього хындя безпреминно покыне.

Записала отъ крест. с. Гусавки, Черниг. уѣз. Катерины Васьковой. М. С. Чудновская.

4. **Молитва отъ лихорадки.** «Взбунтовалося море взволновалася вода, отъ туда выходитъ четыре пани красныя дѣвицы напротивъ ихъ выходитъ отъ царя Ирода

святои Мохнованій и спрашиваетъ ихъ, куда вы идете. Мы идемъ къ нарожденной Молитвенной крещенной Марфѣ жолтіи кости ломити сердца вялити бѣлаго тѣла сушити якъ выхватилъ святой Паухлатій свой пріострій мечь и вдаривъ ихъ по четыре раза а они по отвѣчали ему если Марфа сію молитву будетъ знати то мы ее будимъ на шесть лѣтъ минати». (Орѳографія подлинника).

Полтавск. губ.

61. Одъ жовтяныци.

На зори уранци треба пойты на ричку изъ суденцемъ изъ жовтойи миди, набрать у його воды, поставыть на верхъ хаты да й прыговорювать: «Зори зоряныци, возьмить раба Божого № жовтяныци—ранни й пивранни, денни й пивденни, вечерни й пиввечерни, ночнійи й пивночнійи». Якъ пройде тры дни, тоди изнять да й умывать жовтяныци, прыговорюючы те саме.

С. Голенка Конотопскаго у. Черниговск. губ. М. Исаенко.

Одъ жовтяныць треба купаты у злоти: у купель кыдаты золотый перстинь.

Богодуховск. уѣз. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

62. Голова.

1. Острыгцысь, не кыдай чуба въ пичъ, або скуилько чубъ горитыме, стуилько голова болитыме, а кыдай чубъ пидъ вербу—буде скоро росты, якъ верба.

2. Мертяковымъ черепомъ давлять свою голову, щобъ не болила, а щелепы на ротъ надивають одъ зубуивъ.

3. Изъ сятойи вербы назбирай у церкви потерти й бережы, щобъ на злучай, якъ заболыть голова, такъ парыться тымъ окропомъ, що нагріешъ зъ тою потертю.

№№ 1—3 М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣз. Е. Н. Гаврилей.

4. Учадившы, треба положыты у вуха калыны (ягидъ), —вытягне чадъ.

Богодуховск. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

5. Щобъ булы довги косы, треба на молодыку стать на порози и трохи пудризать.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

---

63. Одъ болячкы у вуси.

Пидкурюють льономъ—луццыкомъ. (Насиння зъ льону, що саме высыпаеться). Насыпають у черепокъ жару и сыплють льонъ, а хворый нахылыться вухомъ до дыму, та ще й рядномъ його прыкрыють. Якъ добре пидкурыты, такъ болячку прорве, и вона вытече.

С. Жеведь Черниговск. уѣз. М. Н. Гринченко. 1899.

---

64. Одъ зубивъ.

1. Якъ уперше побачышъ молодыка, зупынысь и трейчи скажы: Молодыкъ молодый, чы бувъ ты на мори? Чы бачывъ ты морськыхъ людей? Чы болять у йихъ зубы? Хай у йихъ болять, а мени (имъя) не знать. Промовывшы, иды не озыраючысь.

Записала отъ бабы шептухи Вар. Мулочовой въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская.

2. Побачывшы уперше молодыка, зупынысь, проказкы трейчи «Оче нашъ», трейчи плюнь черезъ ливе

плече и йды не озыраючысь. Щобъ не болилы зубы, треба такъ робыть що молодыка.

Записала отъ Лук. Новиковой въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

---

65. Якъ охрыпнешъ.

Якъ охрыпнешъ, то пый сыри яйця, чы йижъ гречани крупы.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

66. Видъ очей.

1. На Благовищення идуть люде дывытыся до рикы на дрибну рыбу, та й кажуть тры разы: «абы мене тогды очи болилы, якъ рыбу».—Ходять такожъ дывытыся на другый день Велыкодна.

Наталія Кобрынська. «Зъ Бойкивщыны зъ пидъ Вирла» (Восточная Галиція).

2. Въ страсны четверъ годыться вмываться бегучою водою, щобъ слипота не напала.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка Нѣжинск. у.

3. Молодыця, якъ мае ще тилькы одно дытя и хлопця, нехай свойимъ молокомъ капне у очи у кого болять.

Совитуйте: вирне средство. Видъ сього и бильма проходять.

Записала отъ Л. Новиковой въ с. Выбляхъ, Черниговск. у. М. С. Чудновская.

4. **Отъ бильма.** Ехалъ святій Ерій на биломъ конѣ набѣломъ сидлѣ въ бѣлой одеждѣ съ бѣлимы слугамы вилѣлъ бѣлимъ слугамъ бѣлое бильмо сикти рубати

мютлямы смитаты тутъ тобы небуваты жольтои косты червонои кровы не ламаты. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи «Примѣты разныхъ примовъ Просто-народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

67. Одъ груднойи боли.

а) Узять того сала, що якъ бъють кабана або свыню да хрестъ ножемъ пышуть, прыжарыть трохы да й мазать груды.

б) Потерты на тертушку чорну редьку да й выжать изъ йийи сокъ; сокъ той измишать изъ меншою часткою горилкы да й пыть по тры маленьки стаканы у день.

в) Весною, якъ ище мале бувае жыто, ходыть по йому уранци босымы ногамы часивъ два.

г) Узять кинського гною, якъ перепріе добре, да й прыкладувать до грудей.

д) Запекать йоловыйи шышкы у горилци да й пыть.

С. Голенка Черниговскаго у. М. Исаенко.

68. Одъ жывота.

1. Якъ йисты гориле, то жывитъ не болитыме.

Б. Д. Гринченко. Черниговск. у.

2. Одъ жывота росколоты чарку солы чы попелу та й выпый, або иды на двиръ (про себе), хочъ и не хочеться.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Отъ затвердѣнія желудка. На весни, до грому, нарвы деревію съ кориннемъ, горыцвиту съ кориннемъ, да возьмы вербы свяченойи и, зварывшы, пый и плечи мажъ.

4. Употребленіе горыцвиту противъ серозныхъ скопленій. Въ перви десять днивъ лику: узять кварту воды, налыть у полывъяный горщокъ и положыть туды тры коринци горыцвиту, закрыть горщыкъ покрышкою та й замазать и варыть поты, покы выварыться съ кварты пъята частка, и давать сього зилля на тры чашкы (чайныхъ) рано, въ обидъ и ввечери. На други десять днивъ лику узять тилько воды, якъ и перше, да тилько положыть чотыри корини и выварыть стилько, якъ и перше, и пыть по тры чашкы въ день. За часъ передъ ликарствомъ и писля ликарства не можно йисты ничого. Писля двадцяты днивъ лику пыть первого ликарства (що по тры коринци) по дви чашкы. Во вси разы, якъ сечи мало, прыбавляють у горщокъ лысту въяленого изъ калачыкивъ, такъ якъ у пучкы взять, та й варыть разомъ. Рыбы и мъясного жырного не можно йисты, зилля держать въ холодному мисти (у погреби) не бильше трьохъ днивъ (бо почне портыться). Якъ сечь дуже пиде, то й можно перегодыть одынъ день зъ ликарствомъ.

Черниговск. г. (№№ 3 и 4 взяты изъ «Черниговск. г. вѣдомостей» 1860, № 6 С. Д. Носъ).

---

69. Якъ нудно.

Якъ нудно, то перекусы въ соломыни колинце.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

70. Одъ печайкы.

Одъ печайкы лыжы праву долоню на тимъ мисти, де пысавъ хресты на голодну кутю, або крейду йижъ.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

71. Одъ піяцьтва.

1. Щобъ пъяныця кынувъ пыты, треба назбирать шины изъ утомленого коня такойи масты, якого цвиту косы у пъяныци, и дать выпыть зъ водою.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣз. М. С. Чудновская.

2. Щобъ не воняла горилка зъ рота—жуй бумагу або гречани крупы, а щобъ не пъяны бувъ—выпы чарку карасину.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка Нѣжинск. у.

72. Щобъ не болилы рукы и ногы.

Вытягны зъ пояса красну шерстяну нытку и перевежы болючу руку, чы ногу,—перестане.

Записала отъ крестьянъ въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣз. М. С. Чудновская.

73. Отъ беха, бешыхы и прыстриту.

I.

Отъченашъ: Богородице Дѣво: Честный Кресте. Іоане Крестителю и Всѣ Небесни Сили, и Св. Апостоли, Пророки, Пророчицы св: Святители Приподобныи Отци, св: Мученики Священо Мученики, и Преподобни Мученики св: Мученици. Преподобни жени, Преподобно Мученици и Сповѣдникъ и Безсребреники и Христаради Юродиви и вси въ Кієво Печерскѣ и Ерусалимской Почаевскѣ, и Перижловскѣ и Вси Святіи Станьте Мени въпомочи Господу Богу помолюся Пречистѣй святій Матери Божій Поклонюся ковсѣмъ Святимъ Станьте мѣнѣ въ помочи Беха бишиху или пристрѣтъ тоже такъ само: 1 вызвать—2 Вишиптать Зѣмову Висняну Лѣтню

Осѣнну Гадину мѣсячну дену полудену, ночну, полуночну Часову, Чоловѣчу, Жоночу, Парубочу, Дѣвчачу, Хлопячу, Огнену Вѣтряну, Водяну, попѣвску, Паньску Лядьску наслану Подуману Погадану, Тута Тобѣ Небуваты Тута тобѣ небуяти Жовтоіи кости неламати Червоноіи Кровѣ, неспивати Бѣлого тѣла невялити Сердця ненудити кости и Составъ некрушити теперъ тебе Визиваю зъ Три Девяти Составъ Вишѣптую Викликаю на Пущи и Нетри Отсилаю Де Сонце Праведне не Грѣе, де мѣсяць несвѣтить де люди неходять и де христъянскый Гласъ незаходить тамъ Собѣ Гуляй, тамъ Собѣ Буяй,—

Пречистая Богородиця, Обѣдъ Становила склепина и склепенивъ, въСѣхъ наобѣдъ звала беха и бишиху незвала бехъ и бишиха сами пришли, Господня помѣщъ (дальше слово неразобрано) немѣй Духъ Господьнѣй Духъ помагае Рожденному и хрещеному Рабу Божому Филиппу напомѣщъ Ставаеи тогда Духомъ подуть навхрестъ 3 рази говоря Сіи Слова, начиная отъ словъ не мій Духъ Госцодній Духъ, Это одинъ штихъ, тогда начинай и Другой итретій разъ отъ Словъ Пречистіи Богородици и Всѣхъ св: призивать напомощъ, акогда три рази переговоришъ То начинай опять Сначала Отъченашъ: Богородице Дѣво— такимже порядкомъ 3 рази якъ и Сначала отъ Слова до слова то будеть шестъ разъ тогда Возьми Красный плетений поясъ Розложи на пухлое мѣсто въ одно Сталь и запали лянне либо и просто пачоски и тожъ другою сталкою пояса прикрий легко чтоби пламя помало зъ тухало и когда на Поясѣ на чинаешъ Это Дѣйствовать то знову начинай отъ Отъченашъ: Богородице Дѣво: и всѣ Слова, отъ Слова До слова какъ Сначала прописано, атолько Якъ Вишептуешъ Визиваю Вишептую Викликаю прибавъ и Спалюю инапущи инетри, отъ Силаю: и такъ дали Доконця какъ и прежде отъ Слова До слова, и такимъ Способомъ 3 рази переговорить и 3 рази спалить тогда кончитъ—Отче-

нашъ Достойно—Воимя Отца 3 рази—+.+.+. —— Это Значить 9-ть разъ а Еще нужно такъ Само Дваразн по Девять разъ тозначить будеть 3-ри Девять разъ, Этіи Дваразн (слово не разобрано) послѣдніи наветъ можно и позаглаза шептать, Звѣсно Лучше Быть при Болящому нежели заглаза. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи, сообщенной В. Ф. Степаненкомъ.

II.

Простое лѣкарство отъ Рожѣ которое принять то нетолько что она и Счезнетъ и Виздоровѣетъ Больное мѣсто А наветъ доказуютъ получивше или принявше Этое Лѣкарство то и никогда небудетъ болѣе Возобновляться на Этому Человѣку, нетолько На Этомъ Мѣстѣ.

възять на Ставеть въ Чайникѣ, въ переваренной Водѣ, тоесть какъ изъ Самовара, и Дать въ Этотъ Чайникъ Кофіи съ паленой припорцію какъ Слѣдуетъ, Чтоби на Стояла тогда въ штаканъ налить тоже воды зъ Самовара съ хорошъ Кѣлѣшокъ и вложить туда Секретнаго Лѣкарства, необявленнаго Болящему какое потому что Другой Болящій не захочить Може принять въпользованіе възять въ Чистую холстинку завинуть кусочекъ конячого г. и завязать и вcase вложить въ Этотъ штаканъ чтобы натягло потомъ немножко поколотить Этую Завеніонку и тогда Этое винуть прочъ А настояна вода пусть одъ Стоіить, и тогда Еще процедить можно на холстинку и чистое Кляровное Употребить въ шклянку До лить на Стояною кофію Для приятьніишаго Духу или вкусу До Дать Сахару попринадлежности и Дать Болящему Принять Добраго Апетиту (Правописаніе подлинника).

Изъ старой рукописи, сообщенной В. Ф. Степаненкомъ.

74. Опухъ.

Дивчына писля скарлатыны опухла. Баба порадыла таки ликы: узяты гостройи водкы, вкынуты туды двадцять товстыхъ голокъ. Воны ростануть, бо гостра водка йихъ пойисть. Тоди пыты це по скилькысь тамъ крапель съ простою горилкою.

С. Алексѣевка Славяносербскаго у. М. Н. Гринченко. 1893.

---

75. Огныкъ.

Якъ нападе *огныкъ*, треба спалыты ганчирку и тымъ попиломъ затоптуваты.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

---

76. Одъ бородавокъ.

Щобъ зогнать бородавкы, треба на тоненькій нытоцци навъязать стилькы вузлыкивъ, скилькы е бородовокъ и закопать у землю. Якъ нытка перегные,—и бородавкы пропадуть.

Можно ще такъ зогнать бородавкы: узять девъять гороховынъ, покачать йимы бородавкы, загорнуть йихъ у чопурненьку латочку и кынуть на вулыцю. Хто пудыме сіе гороховыны, до того перейдуть и бородавкы.

Записала отъ Ульяны Половецкой въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

---

77. Раны.

1. Якъ урижешъ палець, то треба на трапочку взяты нагидковойи горилкы та й прымочыты уризане мисце—заразъ стягне.

2. Якъ попечешъ пальци зализомъ чы тамъ объ горшыкъ, такъ треба взятысь за вухо и сказаты: «сьогодни пъятныця»—не такъ пектыме.

№ 2 записала въ с. Жеведи Черниговск. уѣз. М. Н. Гринченко въ 1899 году.

---

78. Кровъ замовляты.

1. Щобъ перестала иты кровъ, треба сказаты: «За сынимъ моремъ бувъ камень, на камени сыдило чотыри дивыци: одна голку держыть, друга нытку сажае, трейтя жылы зашывае, четверта кровъ замовляе.» Треба сее промовыть трейчи и кровъ перестане.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Троф. Атрощенка М. С. Чудновская.

2. Разъ на ночлизи одынъ хлопець, стругавшы пуговье, поризавъ соби руку; кровъ такъ и побигла Що мы не робылы—ніякъ не перестае. «Постойте жъ,—каже Омелько,—мени колысь дидъ казавъ, якъ треба замовыты кровъ, я знаю що треба казаты.» Тутъ Омелько перехрестывся и трейчи промовывъ: «Гуляю, гуляю, кровъ замовляю.» И кровъ заразъ же перестала текты зъ поризанойи рукы.

М. С. Чудновская отъ Митрофана Шульги тамъ-же.

3. Калыновымъ мостомъ йшло тры сестри: калына, малына и шышнына. Не вмiѣлы йены ни шыты, ни прястѣ, туольки вмiѣлы сiѣкты рубаты, рiѣкы пропускаты—одна рiѣка водяная, друга рiѣка огненая, третя рiѣка кровъяная. Водяною огонь залываты, кровъяною кровъ суниматы (трейчи).

С. Осняки Черниговск. у. В. В. Полуботкова.

4. Замовляніе Кревы Двухъ Сортовъ.

1-й Въ неделю рано Причиста Дѣва плугомъ небо орала небо орала руту сияла Рута незошла чтобъ Кровъ нешла. — Сей пунктъ виговариваетца заоднимъ духъ. аговорить Его Дольжно трижды.

2-й Ишла баба Камьяная Камьянимъ мостомъ съ Камяною Доюнкою Камяную Корову Доить какъ той бабы нельзя Коровы доиты щобъ такъ неможно схрещенного порожденного какого имя кровы итить трижды нада говорить. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

---

79. Дытячи хворобы.

1. Вагуитна жинка, якъ що вкраде, нехай лапнеться за що деревъяне, або за прыпечокъ, туилько жъ не за свое тило, бо въ дытыны буде родыме на тимъ мисци, за що вона себе лапнула.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркіевка Нѣжинск. у.

2. Щобъ дытя поправлялось. Якъ у кого мруть диты, то треба, щобъ якъ дытя занедужае, хто небудь його закупывъ. Той, хто закупае, дае матци копійокъ дви, чы тры грошей и вишае на шыю дытыни хрещыкъ. Сей, хто закупыть дытя, и считаеться хрещенымъ батькомъ, чы хрещеною маткою. Часто писля сього диты поправляються и жывуть.

Записала отъ Ольги Герасименко, въ с. Буда, Черниг. у М. С. Чудновская.

3. У насъ якъ дытына не спыть та крычыть, такъ маты положе йійи на порози на кожуси и трычи переступыть, прыказуючы: «Яка породыла, та й одходыла». Тоди трычи злыже й сплюне.

— Воно жъ пособляе?

— У насъ пособляе, а въ панивъ хто-й-зна. Воны все сміються, кажуть: «бабськи выгадкы». Воны заразъ дохторивъ клычуть, а мы по простому—злыжешъ його, такъ и засне. Я хотила сказаты Ганни Мыколаевни, та не смію, ще росердються. А такъ жалко Володичкы, шо бидненьке такъ плаче.

Богодуховъ Харьковск. губ. М. Н. Гринченко. 1899.

4. У новуій колысци годыться кота на почынъ положыть, щобъ дытя краще спало.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

80. Щобъ довго не було дитей.

Якъ молода сидае на посади, то хай пидъ себе положыть стилькы пальцивъ, скилькы рокивъ вона хоче, щобъ у нейи не було дитей.

Записала отъ Ганны Индачевой въ с. Выбляхъ Черниг. уѣзд. М. С. Чудновская.

81. Кумування.

Кумовъю годыться переходыть черезъ жаръ, якъ несуть до хреста, щобъ одъ усього злого очыстыться.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

82. Змовленіе гада.

Насионской горѣ во Египетской Зимлѣ стоить Дубъ Евгимъ ивтомъ Дубу гниздо въ томъ гниздѣ гадюка сивилуха Гадюко сивилухо прикажы своимъ слу-

гамъ очеретянимъ, болотянимъ, стиповимъ, водянимъ камьянымъ ивсимъ находящимся пущай сію Ядь Розбыруть. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

---

83. Знахарка.

Раздѣвъ больную, врачъ увидѣлъ на ея шеѣ цѣлую связку талисмановъ.

— А это что?

— Да все-жъ «ликы»: бабы давалы.

Въ одномъ сверткѣ оказалась еще влажная лягушка, издававшая зловоніе, въ другомъ—иконка, въ третьемъ «выпыска», на которой карандашемъ было написано: «Рожденному, молитвенному, крещенному рабу Божію, помоги Господи! На морѣ-океянѣ, на островѣ Буянѣ есть на камнѣ груша, на той грушѣ гнѣздище, а въ томъ гнѣздищѣ три царевны—Хивря, Вивря и Олипа. Хивря, Вивря и Олипа! И спеняйте, и стягайте по заповѣди моей, слуги вы мои...» и. т. д. Въ числѣ прочихъ амулетовъ былъ запаянный со всѣхъ сторонъ флакончикъ съ прозрачной жидкостью.

— Это для чего?

— Съ святыхъ мѣстъ... странникъ далъ... Носи, сказалъ, на шеѣ и, ежели вода убавится, умрешь, значитъ, а если нѣтъ—будешь жить.

Изъ газеты «Пріазовскій край» перепечатано въ Кіевлянинѣ 1897, № 212, а оттуда заимствовано нами.

---

84. Позихання.

Якъ позихаешъ, то хресты ротъ, щобъ духы зли не нализлы.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

85. Одъ вовкивъ.

Якъ оступлять вовкы чоловика, то треба назвать якого небудь умершого чоловика менння, чы родыча, чы знакомого, то й пидуть геть.

С. Напоровка Черниг. губ. П. С. Ефименко.

---

86. Щобъ плаваты гарно.

Якъ йисты цвилый хлибъ, то плаватымешъ гарно.

С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. 1885. Б. Д. Гринченко.

---

87. Спать лягаючы, промовляты.

За горамы, за рикамы тамъ мы спать лягалы. Матиръ Божа въ головахъ, Исусъ Хрыстосъ у ногахъ, ангелы хранытели по бокахъ—хранять мою душу до самого ранку одъ ножа, одъ меча, одъ лыхого чоловика.

С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. 1885. Б. Д. Гринченко.

---

88. Щобъ не посердытыся, даючы.

Даючы кому голку, кольны його до кровы, щобъ не посердыться.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

---

89. Любощи, сватання, весилля.

I. Пряныкы зъ любощамы.

У насъ на храму уже звычайно хлопци купують дѣвкамъ пряныкивъ. Ну, я брать брала, а їѣсты не їѣла. Возьму та небожатамъ або такъ дїѣтямъ пороздаю.

— Чому жъ вы самы не їилы?

— Боюсе. Думаю, що може вуонъ до бабы ходывъ, щобъ нашептала. Та ще якъ иззїѣмъ, то якъ прыйде свататы, то й нехотя пиду.

С. Жеведь Черниговскаго у М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1899.

II. Шобъ хлопци въязлы.

Дивчатамъ годыться носыть завъязаною въ кышени першу бубешку пивоны, щобъ хлопци въязлы.

М. Веркїевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

III. Ворожиння на сонъ (за кого замижъ).

Треба на червоному пояси самою правою рукою завъязаты тры вузлыкы, якъ лягаешъ спаты. Завъязавшы першый вузлыкъ, прокажы: Узлыкъ въяжу, на сонъ закладаю, деньочкы считаю: четвергъ за пъятныцею, субота зъ недїѣлею, понедїѣлокъ зъ овторкомъ, а середа одыныця, то моя сестрыця, вона менїѣ правду скаже. Уши чуйте, очи бачте, менїѣ сповїѣщайте: хто мене желае, той менїѣ прысныться.

Завъязавшы другый вузлыкъ, каже те саме, тилькы кинчае такъ: кого я желаю, того я побачу. Третїй вузлыкъ въязавшы—те саме, тилькы на кинци таки слова: зъ кїѣмъ пудъ вїѣнцомъ стану, той менїѣ прысныться.

С. Осняки Черниговск. у В. В. Полуботкова.

IV. За якого выйдешъ замижъ.

На багату кутю треба питы, де ночують коровы и

заплющывшы очи, простягты рукы до коровы: якъ попадешъ за хвистъ, то пидешъ за багатого, якъ за рогы— за бидного, а якъ за спыну, чы за що инше—то за середнього хазяйина.

Записала отъ Ив. Сапѣги, въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

V. Старосты.

У туйй хати, де есть дивчата, годыться сидать заразъ прышовшы, щобъ старосты сидалы.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

VI. Сватання.

Якъ парубокъ ніякъ не высватае соби дивкы, то треба питы до батюшкы, попросыты пырога и зъ тымъ пырогомъ иты свататься,—буде удача.

Прыйшовшы свататься, треба ступыть попереду правою ногою на поригъ, а правою рукою узяться за колочокъ и сказаты: йиду на судъ, йиду на ведмеди, гадыною поганяю, стою якъ овечка,—не мовте про мене ни словечка.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

VII. Весилля.

Годыться на весилли въ хати по куточкахъ повишать немолоченого жыта, щобъ молодымъ було жытте щаслыве.

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

VIII. Щобъ зъ чоловикомъ зійтыся.

Щобъ исъ чоловикомъ зійтыся, треба питы до церквы, купыты дви свичкы, поставыты передъ царськымы вратамы, статы навколишкы и казаты: Во имъя Отця и Сына, одступыся, нечыста сыла, да вселыся Духъ святый и возлюбы насъ такъ, якъ насъ Богъ возлюблявъ, якъ

мы возлюбленно пудъ винцемъ стоялы, и якъ насъ батюшка благословлявъ, и на насъ винци надивавъ, щобъ такъ мы й вику дожывалы у радосты, веселосты и благословенно неосужденно.

И треба симъ разъ сказать: Господы, помылуй! Господы, просты грихы мойи! Господы, благословы!

Черниговъ. М. Н. Гринченко 1900.

90. Варыво.

Якъ що варыво стане слызьке, треба його помишать гарячою кочергою, або укынуть у дижку конопель плоскуней.

Записала отъ Горпины, крест. с. Лукашевки Черниг. у., М. С. Чудновская.

91. Дижа.

1. Глянувшы въ дижу, колы въ ній сходыть тисто, треба безпреминно цмокнуть, щобъ хутній сходыло. Не цмокнуть—грихъ.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

Не можна лыты въ дижу окропу—дижа запарыться и хлибъ не буде сходыть.

Славяносерб. у. Екатериносл. губ. М. Н. Гринченко. 1892.

2. У чыстый четверъ до сонця бабы выносять у сины пекельну *) дижу, покрываютъ чыстою скатертю и одна уже пытае: «Де це дижа?» А друга одказуе: «Пишла говить.» Себъ то уже на те, щобъ дижа не портылась, и щобъ бувъ смашный хлибъ.

С. Выбли, Черниг. у М. С. Чудновская.

*) Ту, що въ йій хлибъ печуть.

92. Одежа.

1. Щобъ плаття биле було—перы його на масныци, або якъ сады цвитуть.

2. Якъ надинешъ навыворотъ одежыну, — напасть буде, а щобъ пройшла, — кынь на землю и тоди вже вдруге надивай.

Оба номера: М. Веркіевка Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

93. Чы гарна на жыття хата.

Якъ закладають хату, то кладуть на туимъ мисци на нуичъ повернету сковороду, и якъ сковорода буде мокра, то жыття буде погане, а якъ суха, то гарне.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

94. Щобъ у хати не велыся прусы, жукы, жабы.

1. Отъ якъ я въ своейи сестры звела цыхъ *москалюовъ (прусы)*. Мени одна баба сказала, та не знаю, чы на сміѣхъ, чы й справди, шо такъ треба йихъ изводыть. Ну, я такъ и зробыла. До схудъ суонца набрала йихъ изъ добру жменю, высыпала въ постуолъ и везу на рынокъ.

— Що жъ то за рынокъ?

— То въ насъ у селіѣ такъ: одна вулыця туды пошла, а друга туды, а мижъ йимы такъ якъ бугоръ—ото зветься рынокъ, або ще ростанне. Такъ я везу йихъ, а сама собіѣ голошу: «Ой Боже муой, Боже муой!...» Такъ значыть баба меніѣ сказала. Вывезла на бугоръ и тамъ покынула съ постоломъ, а сама пошла не оглядаючысь. Такъ шо вы скажете? Не буольшъ якъ недіѣль черезъ тры чысто всіѣ звелысе.

С. Жеведь Черниг. у., М. Н. Гринченко отъ дивчины.

2. Прыйшовшы зъ похорону, лапайся за коменъ, або за прыпичокъ, щобъ *жукы* звелысь.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Щобъ у хати не було *жабъ*, треба у чыстый четвергъ обместы хату веныкомъ.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

---

95. Огонь у хати и на поли.

I. Щобъ огонь горивъ.

— Оце въ васъ и доси въ груби не горыть? Вы огонь постыдуйте, такъ и займетьсе.

— Якъ то огонь стыдовать?

— А отъ я заразъ: «Стыдно огню, що дрова на верси!» (каже голосно й зъ докоромъ).

— Отъ и не пособылося, и не займаеться.

— Треба дужшей: «Стыдно огню, що дрова не верси! Ай стыдно! Ай—яй якъ стыдно! Ай, шо то за вогонь, шо дрова на верси! Ай стыдно!» О, бачыте—уже й зайнялосе.

М. Н. Гринченко. С. Жеведь Черниговск. у. 1899

II. Щобъ огонь горивъ.

Мы якъ пасемъ овечкы, такъ огонь кладемъ: мы соби, а хлопци соби. Такъ мы въ хлопцивъ крадемъ шобъ у насъ бильшый бувъ, а то ще, й прыказуемъ:

Горы, горы жарко!
Прыйиде Захарко.
Самъ на кобыли,
Диты на лошатахъ,
Слугы на собакахъ.
Такъ и-и жарко горыть!

С. Жеведь Черниговскаго у. М. Н. Гринченко. 1899.

III. По огню ворожыты.

Мы весною якъ пасемъ овечкы, такъ день такъ *истегаетьсе*.

— Якъ то истегаетьсе?

— Значыть довгый дуже. Такъ мы огонь кладемъ и по огню взнаемъ, чы довго до вечора. Якъ биластый огонь, такъ швыдко вечиръ, а якъ червоный, такъ нешвыдко.

С. Жеведь Черниговс. у. М. Н. Гринченко. 1899.

96. Скотына.

I. Щобъ пишло у руку.

Якъ купышъ у кого яку скотыну, чы птыцю, та вона почынае хворить та марнить—не йде у руку, то треба, щобъ хто небудь изъ симъйи перекупывъ, щобъ скотына, значыть перейшла, черезъ рукы, и тоди вона поправыться и можно буде розвесты. А то бувае така погана рука, що зроду нельзя ничого завесты.

Записала отъ Горпины Ермоленко изъ с. Лукашовки Черниг. у. М. С. Чудновская.

II. Яка масть буде у руку.

Щобъ угадать, якойи масти заводыть скотыну, коней, чы тамъ яку птыцю, треба, побачывшы уперше ластивку, пиднять зъ пидъ правойи ногы землi, высушыть йийи и тоди, розломывшы, знайдешъ тамъ волосыну. Якого цвиту буде волосына, такойи масти и заводь чы коней, чы що инше: буде добре вестысь.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская. См. № 43 й этой книги.

III.

Якъ идешъ кумувать байстряты-хлопця, такъ объ-

яжы по голому тилу оброть, а дивчыну—такъ налыгачъ: скотъ у руку йтыме.

Якъ идешъ кумовать до дивкы, такъ кумови годыться пудвязаться обротею по тилу, а куми налыгачемъ, щобъ скотъ водывся.

IV.

Новитню скотыну загодовуй мишаныною зъ пашни —гладке буде й прывыкне скоро.

V.

Выганяючы вперше скотыну на пашу, треба розослать поясъ у воротяхъ, зачепывшы середъ його замкнутый замокъ, тоди й переганяй черезъ його скотыну, взявшы въ рукы шматокъ стали, пугу й сяту воду и тоди вже махны трычи пугою й кропы сятою водою; зробывшы осе усе, не страшно щобъ скотына заблудыла, або йійи вкрадено, чы вовкъ иззивъ.

Уперве пастуху не годыться хлиба брать и ничого не йисты, щобъ циле лито скотъ уберигся одъ вовкуивъ.

VI.

Якъ сохне и чавядіе людына, чы скотына—годыться, щобъ хто закупывъ и давъ задачи хочъ бы й шагъ—вылюдніе.

№№ III—VI записалъ въ м. Веркіевкѣ Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

---

97. Корова.

I.

Куплену корову обведы трычи въ хлеви кругомъ сохы, щобъ скорій прывыкла.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

II. Щобъ у коровы прыбуло молоко.

Обвязавшы ныткою окраець хлиба, треба спустыть його у колодезь, такъ, що якъ за ничъ прыбуде вода, шобъ винъ бувъ у води. Вранци вытягны сей хлибъ зъ колодезя и дай ззисты корови. Одъ сього у коровы побильшае молока.

III. Щобъ корова давала багато молока.

Якъ корова тильна першымъ телямъ, то на послиднихъ дняхъ треба провертить йій рога и положыть туды ладану: буде давать багато молока.

IV. Якъ добуваютъ гарну сметану.

Ты хочешъ мать таку сметану, якъ у мене? Добре, я тебе навчу якъ се зробыть. Возьмы икону и уопивночъ заходь по мене.—Я такъ и зробыла. Уопивночъ узяла икону и прыхожу. Повела вона мене на растанькы.—Поплюй же, каже, на икону и жды, та ничого не бійсь: заразъ до тебе будуть прыходыть усяки звиры и гады.—Усе сее, хай мене Богъ простыть, я зробыла и бачыла, якъ сталы пидходыть велыки табуны жабъ, гадюкъ, ящерокъ, усякыхъ звирюкъ и птыць. Я дывылась и не пужалась, покы щось не загуркотило и не прыйшлы страшенни черты зъ рогамы й съ хвостамы. Я дуже злякалась, хопыла зъ пидъ себе икону и стала хрестыться. Черты сталы утикать и крычалы:—А колы молышся Богу, то насъ не зовы!—Косы у мене сталы дыбомъ, я не своиимъ голосомъ стала крычать, звать ту жинку, що прывела мене сюды.

— Бачъ, каже жинка, якъ достаеться намъ гарна сметана. Мы й самы знаемъ, що грихъ, та не можемъ уже одкасаться одъ биса.—Писля такого страховыння я занедужала, пролежала цилый рикъ и чуть-чуть не умерла; та ще выдно Богъ пустывъ душу на покаяніе.

V.

Якъ несешъ молоко черезъ дорогу, то трошкы посолы.

VI.

Якъ берешъ у кого молоко, то вылывшы, вкынь у гладышку хлиба й солы.

VII. Направыты порчену корову.

У опивночъ треба узять велыкый, якый хочешъ, щобъ корова давала молока, глекъ, набрать зъ колодезя воды и йдучы додому, штовхны глекомъ першого, кого зустринешъ, бо то буде видьма. Такъ якъ зробышъ, порчена корова поправыться и буде багато даваъ молока.

VIII. Перелогы у коровы.

Треба даваты корови тры зори по тры жмени усякойи пашни. Тилькы якъ корови зроблено,—треба просыть знахара, бо корова не буде сійи пашни йисты.

№№ II—VIII записала М. С. Чудновская, изъ нихъ № II въ с. Лукашовкѣ Черниговъ. у., №№ III—VI и VIII—въ с. Выбляхъ тогоже у., а № VII отъ крестьянина Курской губ. Рыльскаго у.

IX. Змовленіе перелоговъ.

Литѣлъ орелъ сизокрилий дай сѣлъ наколючей груши якъ тую грушу нельзя безъ сокири срубаты безъ огня спалиты чтобъ такъ неможно перелогамъ жолътой косты червоной крови какой шерсти ломиты три раза въ одинъ Духъ. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

98. Кинь.

1. *Щобъ кони не рушылы зъ мисця.* Казавъ мени дядько зъ Дивыци, що якъ знайдешъ таки стрючкы, що по девъять горохвынъ, то тры такыхъ стрючка положы у визъ молодымъ и скажы: девъять четвертей гороху, десята невиста, щобъ не повезлы кони зъ миста—и кони зроду не повезуть. Я такъ разъ и зробыла. Коней пидъ молодыхъ такыхъ страшенныхъ запреглы: такъ ажъ хропуть, та рыють землю копытамы. Выведемъ, кажуть, йихъ зъ двору, щобъ ще молодыхъ не побылы. Сталы выводыть, такъ ажъ дуга скрыпыть, такъ рвуться. Ну, думаю що съ сього буде! Дрыжать кони, насылу молодыйи посидалы. Посидалы, и кони утышылысь: Но, но!—та хочъ ты що, не йдуть кони; былы, былы, такъ трохы рвонулы, та й зновъ сталы. Повылазылы тоди молодыйи зъ саней, усе поскыдалы, и тоди вже кони такъ пошлы, що ажъ страшко було. Сьому правда, ось колы хочете и самы звирте. Такихъ стручкивъ по девъять горохвынъ улитку можно багато найты, а слова си замитьте.

Записала отъ Орины Непомнящей, въ с. Выбляхъ Черниговскаго у. М. С. Чудновская.

2. *Потною коня якъ напувать.* Якъ пойишъ потного коня, то треба сказать: Добрыдень, водыце-царыце! Богъ тебе создавъ, попъ светывъ и намъ пыть веливъ. Ты, скотынко, не опывайся и на себе не оглядайся, воронойи шерсти, воронойи масти.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Муцкаго М. С. Чудновская.

---

99. Свыни.

1. Першымъ хрестовальныкамъ дають по пари яець, щобъ родылысь кабанци чысти, а не кишкуны.

2. Щобъ не було икловъ, поросятамъ одкусують хвосты крузъ пелену.

3. Побачывшы на поли въ жнива першы полукипокъ, вырвы зъ його скуилько тамъ колоскуивъ и ными загодуй кабана.

№№ 1—3 записалъ въ м. Веркіевкѣ Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

4. Щобъ поросятъ не хваталы вовкы, треба йимъ поодкусувать зубамы кинчыкы одъ хвостивъ да й поховать за пазуху.

М. Исаенко въ с. Голенкѣ, Конотопск. у.

100. Ягнята.

Пры кинци молотьбы, оддай снупъ жыта овечкамъ, щобъ ягнята кучеряви родылыся.

М. Веркіевка, Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

101. Гусенята да курчата.

1. Моя покуойна матка було якъ вылуплютьсе курчата, такъ забере йихъ у прыпуолъ та й переносыть черезъ поруогъ сюды та туды—не знаю, чы шіѣсть, чы сіѣмъ разуовъ, шобъ вороны та коршакы не хваталы. А гусенятокъ було якъ почне мучыть, такъ ажъ дывытьсе жалко. Заразъ запалыть страшну свіѣчку и прысмалюе йимъ голуовкы. Да прысмалыть, а тоди ще й капне. Господы, жалко дывытьсе! Тамъ же голуовочка така, що такъ наче до муозку й пропече. Тоди набере пуху съ кубла, де гуска сыдіѣла и вербы святойи, а гусенятъ пудъ решето та тымъ пухомъ та вербою и пудкуруе. Такъ воны такіе станутъ, якъ пъяные. И шо вы думаете? Не хваталы въ насъ вороны. Ну, та въ насъ, сказаты, й гусакы такіе булы злые, що не дадуть, бо мы йихъ перцемъ загодувалы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко отъ дивчины въ 1900 г.

2. Щобъ гусенятъ да курчятъ не хваталы шулякы, треба йимъ попрысмалювать страсною свичкою головкы тоди, якъ повылуплюються.

М. Исаенко. С. Голенка, Конотопск. у.

102. Бджолы.

1. Пасика, се таке дило, що треба багато де чого знать, щобъ велысь пчолы, щобъ получать зъ йихъ барышъ. Другый пасишныкъ якъ ходыть коло йихъ, а глядышъ, то рій утикъ, то нападь, то гнылець, або зовсимъ пропадуть зимою. А хто знае, то ничого сього не бойиться. Отъ хоть бы мій батько, царство небесне, винъ усе знавъ и яка въ його була пасика! Знимаючы роя, винъ каже, не светою водою треба побрызкать пчолы, а тіею водою, що набрато у чыстый четверъ до схидъ сонця. А рій було зроду не втече: выйде, и якъ нема никого у пасици, сяде и дожыдае хазяйина; а одынъ разъ не було батька, а я ще не вмивъ ходыть коло пчолъ, отъ ажъ тры ройи и втекло, не дождавшысь хазяйина.—Такъ и такъ, кажу, батьку, утеклы ройи.—Ну, дарма, иды на схидъ сонця и дывысь, воны вернуться.—Пишовъ я, дывлюсь—летыть одынъ, другый, а потимъ и третій. Поприлеталы и посилы у пасици, тамъ батько йихъ и познимавъ.

Также знають пасишныкы и одъ напади, и одъ гныльця, и пчолы у йихъ добре ведуться.

2. Щобъ не було напади на бджолы, щобъ бжолы булы злые и дужые, треба загодовать йихъ медомъ зъ перцемъ.

Записала оба номера отъ Хведора Новика въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

103. Садъ.

1. Щобъ добре родыла садовына, треба на голодну кутю объязать дерева соломою.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская.

2. На риздвяныхъ сяткахъ годыться до щедройи кутти сміття въ хати замитать пидъ покуть, а тоди обкурювать йимъ садъ и трусыть пидъ жодне дерево, щобъ хвыля не нивечыла й зрожай добры бувъ.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

104. Городъ.

1. Щобъ *гарбузы* булы солодки, треба посадыты у пичъ коржа, а тоди иты садыты гарбузы.

2. Щобъ було на гарбузахъ багато завези, треба поперевъязувать йхъ тыма ныткамы, що перевъязувалы ковбасы.

3. У той день, якъ збираються садыть *цыбулю*, не можна сердыться и лаяться, а якъ идешъ садыть, треба поцилуваты чоловика, чы такъ кого, щобъ цыбуля була солодка.

№№ 1—3 въ с. Выбляхъ Черниговск. у. записала М. С. Чудновская.

4. У насъ на Покрову де не пойды, такъ бабы зъ віѣнкамы біѣгають,—*цыбулю* черезъ огонь переводють, шобъ у стріѣлкы не йшла. Оце запалють солому, да всіѣ чысто віѣнкы й попереводють черезъ огонь.

С. Жеведь Черниговскаго у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

5. Щобъ *не йивъ черъякъ* городыны, встромы въ городи зъ труны триску.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

105. Поле.

1. *Щобъ у хлиби не було спору.* Одна жинка хотила, щобъ у йийи ворога та жыто не було спорне— щобъ то вже увесь споръ перейшовъ у йийи хлибъ. Отъ вона и посылае наймычку на ворогову ныву исказать таки й таки слова. Дивка полинылась иты на поле, та пидийшовшы до дуба и промовыла той заговоръ. Не вспила вона ще й додому вернуться,—якъ понесе зъ дуба лысте, та усе до сийи жинкы у двиръ,—такъ за яку годыну дубъ чысто и оголыло. Оттакъ бы було и зъ хлибомъ: чысто увесь споръ перейшовъ бы у хлибъ до сийи видьмы.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Черниговскаго у М. С. Чудновская.

2. *Заговорыть споръ.* Колы хочешъ, щобъ у твого ворога не було спору у хлиби, тобъ то, якъ стане пекты, го щобъ хлиба выходыло не бильшъ нижъ мукы, то треба на Юръя до сонця намиткою зобрать на його жыти росу.

Записала отъ Ульяны Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская.

3. Увесь риздвяный тыждень печуть хлибъ зъ несіяного борошна, щобъ жыто родыло.

4. Щобъ бувъ гарный головнистый льонъ, треба у коробку, якъ сіють, положыты двое вареныхъ яецъ.

5. Якъ забудешъ у печи хлибъ печучы, то не йижъ його—заблудышъ, а якъ хочешъ повернуть його на корысть соби—обойды зъ нымъ до схидъ сонця трычи просо, чы коноплі—птыця не нападе.

6. На куттю годыться пидкладать довгого сина на покути, щобъ льонъ высокы рисъ.

7. Щобъ горобци не пылы проса, треба, роздягшысь, трейчы оббигты круга того мисця, де посходыло просо.

№№ 3, 4 и 7 записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. М. С. Чудновская, а №№ 5 и 6—въ м. Веркіевкѣ Нѣж. у. Е. Н. Гаврилей.

106. Щобъ дощъ ишовъ.

Пидъ засуху, щобъ дощъ ишовъ, вишай на тынъ земляного рака.

М. Веркіевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

---

107. Бычъ наципъ.

Молотныкы миряють дубынку на бычъ корхамы й прыказують, переминяючы корхъ за корхомъ, такъ:—Магай-би!--Здоровъ! Чого ты прышовъ?—Дубынкы на бычъ,—позычъ!— А покы?—Одпоты.—Одрубай!

М. Веркіевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

---

108. Щобъ була удача.

Якъ хочешъ, щобъ гарно ловылась рыба, чы щобъ побывать багато дычи, чы тамъ що инше, то якъ скажуть на первый день Паскы: «Хрыстосъ Воскресъ!»—скажы: а у мене рыба, чы що друге, е.

Записала въ с. Выблякъ отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская.

---

109. Щобъ була удача на охоти.

На первый день празныка треба питы на кладовыще зъ ружжомъ, и якъ тилькы уперше ударять у дзвона на утреню, треба выстрелыть. Якъ се зробышъ, то будешъ багато побывать дычыны.

Записала отъ Ул. Килочицкой въ с. Выблякъ Черниговскаго у. М. С. Чудновская.

110. Угадать, чы знайдеться пропажа.

Одрижъ видъ звона, що на звоныци, шматокъ верьовкы, укачай, розскубшы, у вискъ, и тоди сюю свичку поставъ у церкви догоры и прымичай: якъ свичка згорыть уся, то й злодій прыбижыть и пропажа знайдеться.

Записала отъ Васылыны Шульгиной въ с. Выбляхъ Черниговъ. у. М. С. Чудновская.

111. Злодіеви одъ суда способъ.

— Знаете, у насъ такъ кажуть, шо якъ оце горыть у печи або въ груби, и выскочыть вугиль, такъ його злодійи ховають и якъ идуть на судъ, такъ изъ собою беруть. Такъ, кажуть, хочъ якый злодій, а выскочыть.

— А якъ же по вашому—це такы пособляе?

— Якъ справди попадеться, такъ лыха пособыть,—посыдыть увъ острози.

С. Жевель, Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

112. Изъ старой рукописи.

Нижеnапечатанное представляетъ выписки изъ старой рукописи въ четвертушку, бывшей въ полотняномъ синемъ переплеѣ. Осталась въ цѣлости только верхняя доска переплета, и нѣтъ поэтому возможности опредѣлить, не утраченъ-ли конецъ книжки; въ срединѣ же нѣкоторые листки цѣликомъ или частью вырѣзаны. Записи (малорусскія, отчасти церковно-славянскія и польскія) сдѣланы различными почерками. Главная часть рукописи озаглавлена: «Інструкци албо тежъ Способи Довшелякихъ писарскихъ Потребъ Информаци Ідоклади: всей книжци обрѣтаются Розмаитие». Внизу на лист-

кахъ этой части приписка: «Сия книга глаголемая Листовня Священого Иерея Даниела Родомъ слободки; Богушковой; Заха риевича Попрозвиску Гирмана; и Братовъ его Демяна И мойсея; А сия списася вся вмяртводѣ наперевозѣ; вз ѣмовнику; Богомяртвоводскомъ; Року .л; ѱ; к.. (1720) мѣсяца Декамъврия;...... рукою его». Это ничто иное, какъ собраніе различныхъ шаблонныхъ формъ (до 40), по которымъ въ то время писались оффиціальныя бумаги. Оригиналъ, съ котораго списывалъ іерей Даніилъ Захаріевичъ Гирманъ, былъ, однако, старѣе 1720 года, такъ какъ въ первомъ номерѣ образцевъ («Листъ Подорожний Которй якимъ Способомъ пишетъся») стоитъ фраза: « Подреементомъ Ясне Велможнаго Его Милости, Пана Івана Іллѣча с(к)оропадскаго, обоихъ сторонъ днепра; *ново избраннаго* Гетмана». Къ этой основной тетради кто-то прибавилъ меньшія тетрадки, даже отдѣльные листки, писанные иными лицами, и переплелъ все въ одинъ переплетъ. Въ добавочныхъ частяхъ заключаются, кромѣ всякихъ пробъ пера и чернила, такіе-же образчики, какъ и въ основной части, «лекции зписма святого», нѣсколько польскихъ стихотвореній и образцевъ писемъ, различныя замѣтки (записи дней рожденія и смерти дѣтей, отрывки, повидимому, черновиковъ проповѣдей и пр.), нѣсколько стихотворныхъ «Нарождество Христово орацѣй», «на воскресеніе Христово повѣншованіе», «суплѣка навеселье» и затѣмъ то, что напечатано ниже.

Печатаемое находится въ рукописи не вмѣстѣ, но записано въ разныхъ мѣстахъ, прерывается иными записями. Мы печатаемъ все въ такомъ порядкѣ, въ какомъ оно стоитъ въ рукописи, опуская «орацѣи» и всякія замѣтки, относящія къ инымъ предметамъ,

Вслѣдствіе ограниченности средствъ типографіи нельзя было не только сохранить церковно-славянской азбуки, но пришлось раскрыть и титла. За этимъ исклю-

ченіемъ мы старались точно передать всѣ подробности рукописи. Если случалось иногда вставить пропущенную переписчикомъ букву, то каждая такая буква стоитъ у насъ въ скобкахъ.

Рукопись сообщилъ намъ И. М. Руденко.

Сие Сказание Опчелахъ Любото отсвятаго зосима чоия не знаю;

Сказание И наука; Насвятй вечеръ Рождественскй. Потреба достати Риби щуки Изробити ей отрѣзати голову албо иной Риби аби зикрою толко щобъ била живая вибери знеи икру исховай исушивши Іякъ будешъ пчели годовати, Розотри тую икру измѣшай змедомъ ичебрецемъ, изборсуковимъ саломъ, и мало потрусить Ледовою солъю, и тое даючимъ мовитъ, Якъ риба тая по водѣ гуляетъ, албо вморѣ или врѣкахъ, плодна иродна, и весела, божимъ повелениемъ исвятаго Зосима аминь; такъ би мой пчели весели били. Сврида и врида; замолитвами Святаго Зосима;

Насвятй богоявленскй вечеръ якъ святитимутъ воду возми жъ тоей води наперед, и мовитъ такъ, якъ до тоей води т(о)вплятся люде з(о)хотою веселячись, та(къ) би мой пчели радовались и веселились ипасѣки у поле по роботу идучи, а исполя допасѣки, абимоцни й здорови, Забожиею помощию, и замолитвами Святаго Зосима; потреба мовити я(къ) безтоей води Люде не могутъ обйтися такби мой пчели от моей пасѣки немогли нѣгде отйти, толко абися множили Ройли и плодили, Замол(и)твами пречисто богородици исвятаго отца Зосима, И тую воду отроку дороку упасѣцѣ своеи держати; а на каждй урочитй праздникъ тоею водою окропляти;

А коли будешъ випускати пчели, насвятаго Алексѣя Человѣка божия то посеред пасѣки викопай дернину малую и обнеси пасѣку тоею дерниною трижди; Затре-

тимъ же разомъ притикай тую дернину до каждого улъя и мовь такъ, якъ тая земля не можетъся рушити Истого мѣста и мисли тоей немаетъ; такъ би от моей пасѣки нѣгде розно немислили ити рой и парой *), от мене Господаря своего през божие повеление и за молитва ми святаго Зосима, И положи тотъ дернокъ Где его викопавъ и прибй приколнемъ найденимъ тимъ що конь припинаютъ—А когда будешъ випускати то пускай скрозъ щучую Голову; и мовитъ такъ якъ тая Риба вморѣ гуляетъ буяетъ Родна и плодна и весела, такъ би мой пчели Гуляли буяли и били весели,—плодни и родни, якъ щуки Риби вшелякая Риба боитъся, и лякаетъся такъби и отъ мойхъ пчолъ, чужие пчоли лякали и моцне втѣкали, молитва ми Святаго Зосима;

А коли будешъ випускати то возми огню на вущо положи ладану цвѣту житнаго; акъ упершое побачишъ та нарвешъ тотудажъ изладаномъ искин и рибячую икру тую що на святи вечер заховаешъ и покади каждй улѣй, И мовь Господи Боже прйди мнѣ напомощъ, и вси святй поможите мнѣ тактеж молитва ми святаго Зосима; а васъ пчели випускаю на вшелякй цвѣтъ от бога данний, идѣте божимъ повелениемъ начотири штуки; свѣта сего; аби есте Гуляли Зродостию молитвам святаго Зосима Амин: Аще Хладно будетъ насвятаго Алексея виставляти пчолъ то влѣзши впогребъ поворушити мало, каж каждй улѣй и мовити божиею Помощию святаго зосима нуте пчели Роботу зачинайте бо уже часъ вамъ пришолъ, зачинати дѣло богу на офѣру и мнѣ на пожитокъ;

На Благовѣщение когда дадутъ Просфору всенощную то принести до пасѣки тактеж и оливи естественния, И мазати улъй **) Господи Боже когда благовѣствовал Архангелъ дѣвѣ зачатие, и зачатъ предвѣчное слово

*) Т. е. ройи и паройи. Рукопись не различаетъ **Й** отъ **ЙИ** и въ обоихъ случаяхъ ставитъ надъ **И** одинъ и тотъ-же значекъ: ˘

**) Т. е.—улъйи.

такъ благослови и моймъ пчеламъ зачати дѣло робити, начастй рой (*) на густй меди; от влаги земной и от роси небесной и от всѣхъ зелъ цвѣтущихъ; и держи тую проскуру у пасѣцѣ, и на великден освяти медъ, и коли будешъ Загодововати то давай тотъ медъ для врокувь I для зносу;

На воскресение что возмещъ дари, и артуса то тое сушити и ростерши пчеламъ давати; и мовити я(къ) тиснулися люде до дари и артоса так би тиснулись до моей пасѣки пчели и рой; божиею помощию и молитвами Святаго Зосима; Аминъ;

Когда по бачишъ перше цвѣтъ нажитѣ то на брати вплатъ, и держати; Когда купишъ у кого Пчели то нахилившись Заглянь вниxъ и возми трема персти Землѣ и кинь наних навхрестъ, я не з(е)млю то беру. но беру себѣ спчела ми Рой и парой (**) до своей пасѣки; божиею Помощию И молитва ми Святаго Зосима Заего Святими Молитва ми Спаси нас Аминъ Конецъ.

Аще ехидна кого угризеть: и хто тебѣ искажетъ тоистого мѣсця нейди; и непоступи; кажи води принести; и сие трижди измовъ; дай напитись и рану омити;

На полѣ на потоцѣ стойть дубъ крѣсловатй, А(на) томъ думѣ гнѣздо золотое крѣсло; аутумъ Гнѣздѣ сидить гадина царица черница; и приходила до ней лютая половая Гадина; и прохала ей; Гадино царице чернице ходи до мене вимовляти и вишѣптовати отъ кузя зуба; и вона ей не послухала и не пошла и я Рабъ Божй; имя рекъ: пришовъ до ней и ставъ ей прохати Гадино царице Чернице Ходи до ме(не) вимовляти и вишѣптовати отъ кузя зуба; и вона мене послухала и пошла; и тая Гадина Котора шкоду учинила; Рабу; или статьчинѣ ткой масти] то нехай бѣжить доакиян моря Где Собѣ право Знайдеть, тамъ ей хвустъ понерестѣю отпадеть;

(*) Т. е. *на частыйи ройи*—см. примѣчаніе выше.
(**) Т. е.: *ройи и паройи.*

А сей Рабъ Божй Где води напеться та(мъ) ему и минеться (другими чернилами:) скоропаха; путиха домаха;

Аще перелоги Ко(н)я нападутъ; то трижди мовь такъ;

Ишовь Господъ Богъ моремъ золотимъ мостомъ Стрѣвь потокъ; мару покусу Згинь маро покусо; ставь Господъ Богъ судй судити; Господу Богу нагавицѣ судъямъ Рукавицѣ; а чорту перелоги; через божое Росказане возми ти чорте свой перелоги отрижой; отъбѣлой кости и пуди намхи на болота Где и голос християнскй незаходитъ; И потягти трижди зачолку; и за фостъ; и по боках ницъ рукою ударити; трижди по трижди:

Кровь человѣкови замовляти;

Е вморѣ щука та врѣжу пупа та кровь не пуйде] —Цмокни трижди пучки стуливши: Палцей трехъ догори своей руки;

Черви вишѣптовати: учеловѣка;

Ишовь святй Адамъ несъ чвертъ мяса А втой чверти тридевятъ червяковь; неодинъ; недва; нетри нечтири; непятъ; нешѣстъ: несѣмъ; неосмъ; недевять; трижди такъ мовь Заеднимъ духомъ;

Кровъ опять; замовляти и такъ;

Ехавь Святй Юрей истрема хортами Кривѣ замовляти, а тй *) хорти кривѣ хлептати; кон ставь и онъ ставь, хорти стали и кровь стала; И се трижди Заеднимъ духомъ;

Аще норицят у коня Ежели есть Тжаби сѣкти тие що у погребѣ и класти до тих ран и еще зѣлемъ

*) Т. е.: *тыйи.*

засипати, тимъ що нашталътъ бедринцю; или муравею Парити И тие рани промивати;

Лѣкарство статчинѣ;

Ящерицѣ палити и ока засипати; аще естъ бѣлмо; то гадячее Линовище терти; та засипатъ

Зѣлъе Старовина аще дитя накричитъ луно то тое класти, варивши И окладати;

Аще кого утроба животъ возметъ то потреба Горѣлки Ладану Галуну, И тое у невеликй Горщикъ И вхлѣбъ Замазати та уже Пити натъще

Аще у кого волосъ есть то потреба шукати по долинкахъ зѣлъе естъ, коло краю зубчики, а оно нашталтъ буквицѣ толко трохи круглѣшее; *)

Аще гостецъ уротѣ псуеть; то потреба Сапарину напродъ утерти, А потомъ мишаку; Селемоняку; Маркурй; бѣлила того що жонки малюються; А иктимъ теди речамъ естъ Зѣлъя и тое Зѣлъе противку тихъ усе удвое потреба давати; испатокою измѣшавши; и павутини потреба умѣшовати; и шванокъ тотъ шмаровати; Опять ялового Репяха; и потреба варити противъ кождой суботи; идосходъ слонца напиватися и голову банити: а у борщъ варити;

Бѣлмо у коня албо у вола:

То знайшедши пчолъ Спалити и тимъ засипати; Аще непородитъ якая невѣста оттрочати то треба коколю, и курит, албо мови тие слова.... **)

Отфрибрибри, вwписовать на просфурѣ, небеснихъ войнствъ, албо тропар аверкию, и кондакъ албо соборъ

---

*) Затѣмъ слѣдуетъ маленькій рисунокъ двухъ листиковъ съ «зубчиками».

**) Нѣсколько словъ выцвѣло и неразобрано.

святи аггелъ; и тою просфору подкраи подложити подъ антимисъ наслужбѣ

Гнилецъ замовити;

Каменъ синй Галунъ, перец, Гвоздики, Инбѣръ, полинъ, и тое докупи змѣшати, и засипати,

Гостецъ

Кропива, щавей великй, Борщъ уваривши на одномъ мѣсцу держати, и тое подъ трема топливами варити, и пити;

тактежъ и полуничникъ, по(дъ) трема топливами, варити, аще гостецъ уротѣ плуеть; *)

аще естъ рана ножная,

Петровь батогъ корѣня, товкти, любо иссметаною, любо мастъ робити

Гостецъ аще ломить кость

Вербу тую которую вѣтеръ албо громъ вивалитъ то того Голъя нарѣз(а)ти и варити моцне; мѣсяця подповня; такъ тежъ и насходѣ; и паритис втомъ;

и то водъ гостцу

Зозулѣ забити и варити иссереди начетверъ и досходъ слонца исти, також мѣсяця подповня и насходѣ;

Конямъ вудкашлю давати коренъ отмановй увоброцѣ;

Сверщокъ у ухо когда улѣзетъ то чорнаго кота

---

*) Слѣдуетъ *псуеть*. Затѣмъ здѣсь повторено средство отъ гостця упомянутое выше («Сапарину» etc).

святи аггелъ; и тою просфору подкраи подложити подъ антимисъ наслужбѣ

Гнилецъ замовити;

Каменъ синй Галунъ, перец, Гвоздики, Инбѣръ, полинъ, и тое докупи змѣшати, и засипати,

Гостецъ

Кропива, щавей великй, Борщъ уваривши на одномъ мѣсцу держати, и тое подъ трема топливами варити, и пити;

тактежъ и полуничникъ, по(дъ) трема топливами, варити, аще гостець уротѣ плуеть; *)

аще естъ рана ножная,

Петровь батогъ корѣня, товкти, любо иссметаною, любо мастъ робити

Гостецъ аще ломить кость

Вербу тую которую вѣтеръ албо громъ вивалитъ то того Голъя нарѣз(а)ти и варити моцне; мѣсяця подповня; такъ тежъ и насходѣ; и паритис втомъ;

и то водъ гостцу

Зозулѣ забити и варити иссереди начетверъ и досходъ слонца исти, также мѣсяця подповня и насходѣ;

Конямъ вудкашлю давати коренъ отмановй увоброцѣ;

Сверщокъ у ухо когда улѣзетъ то чорнаго кота

---

*) Слѣдуетъ *псуеть*. Затѣмъ здѣсь повторено средство отъ гостця упомянутое выше («Сапарину» etc).

IV.

О сверхъестественныхъ существахъ.

113. Чорта не страшно.

— Одарко, чого вы дужче бойитеся: чорта, чы русалкы?

— Чого жъ його чорта боятьcя? Одъ чорта перехрестывся, то винъ ничого й не зробыть, а русалка якъ попаде, то й до смерты залоскоче. Я чорта зогласна зустриты, а русалку ни.

— А кого страшнише зустриты: чорта, чы видьму?

— Хто його зна: одъ чорта хрестъ е, а видьма якъ сяде на плечи, то возытымешъ, покы схоче.

С. Жеведь, Черниг. у. Отъ дивчины. Б. Д. Гринченко. 1900.

---

114. Чортъ конемъ.

Устя та Олена пошлы ловыть бродныкомъ рыбу. Дывляться—ажъ коло ричкы стойить высокый, сирый кинь. Олена була баба смила,—пидійшла до коня, та рукою його по крыжахъ: рука йійи такъ и угрузла. Догадалась тоди Олена, що се за кинь, та давай гукать на Устю, щобъ скоришъ утикать, а то винъ, каже, насъ потопыть у рицци. Кынулысь воны утикать, а вода якъ

загуде, наче гримъ. Одбиглы воны геть одъ воды, Олена и каже:

— Ну, теперь не боюсь—не утопышъ.

А кинь обизвався:

— Щаслыви, що втеклы, а то бъ зналы якъ мене по крыжахъ быть.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Р. Поляницы, М. С. Чудновская.

---

115. Чортъ панычемъ на пасици.

Ночувавъ я одного разу у пасици. Ничъ була темна. Зибралась гроза. Гримъ потроху почынавъ гуркотить, блыскавка де-не-где мыгала. А потимъ якъ блысне, такъ и освитыла вкруга, хочъ голкы збирай. Дывлюсь,—коло мене панычъ, якъ есть справжній панычъ: и зъ золотымы кгудзыкамы, и зъ золотымы латочкамы на плечахъ. Що воно за таке, думаю, видкиля винъ узявся? Тутъ уже и доцъ ставъ накрапать.

— Бувайте, кажу, здорови, суньтесь пидъ свытку.

Тилькы що я сее промовывъ, зновъ якъ блысне! Теперъ я уже зовсимъ розглядивъ панычa, що сыдивъ биля мене: винъ бувъ дуже худый и дуже чорный, такый чорный, якъ земля. На йому бувъ сиренькый каптанець зъ золотымы кгудзыкамы и зъ золотымы латочкамы на плечахъ. Не вспивъ панычъ до мене посунуться, якъ загуркотыть гримъ, я перехрестывся и дывлюсь туды, де сыдивъ панычъ, а його и слидъ простывъ. Сказано сатана, бойиться хреста.

Записала отъ Хведора Новика въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

116. Нечыстый на кони.

Прыйшлось мени разъ побачыть, якъ нечыстый йихавъ на кони. Бувъ я на ночлизи. Дывлюсь, ажъ йиде на высокимъ сиримъ кони; кинь такый ажъ билый, та такъ и зихотыть, наче увесь у огни. Проскакавъ винъ мымо насъ, а тоди зъ кручи у Десну.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Муцкаго. М. С. Чудновская.

---

117. Нечыста сыла йиде (на велосипедахъ).

Прыйихалы мы пизно на ночлигъ, посидалы у круга и сыдымо, колы звеныть. Дывымось, ажъ йидуть два на тыхъ машынкахъ, що на двохъ колесцахъ. Державться рукамы за правыла, коло рукъ телипаються били шыроки рукава, и десь звоночкы бряжчать. Не знаю и що воно таке було, выдно манея яка, або нечыста сыла, та йиде жъ такъ скоро, тилькы зъ мордъ у йихъ искры сыплються. Пройихалы воны кризь насъ по трави, а тоди такъ прямо зъ кручи у Десну—и пошлы по води. Се я свойимы очыма бачывъ и такъ налякався, що Господы! Хоча се мени и не вперше приходыться бачыть.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Муцкаго, М. С. Чудновская.

---

118. Нечыста сыла голосыть.

Чоловикъ зъ сорокъ хлопцивъ було насъ на ночлизи. Тилькы що мы розложылы огонь и посилы у кру-

га дожыдать вечери, щось якъ спугне нашыхъ коней, кони видъ насъ—куды выдно. Бигалы, бигалы, а потимъ и прыбиглы до насъ табуномъ, мовъ йихъ хто видтиль гнавъ. Прыгнало коней, а тоди щось якъ заголосыть; голосыть и прыказуе:

— На що жъ мене маты породыла?

А потимъ давай стукать объ пень, наче молоткомъ. Такый насъ ошанувъ страхъ, що не знаю, якъ мы посидалы на коней и втеклы зъ того миста. Се мы попалы въ недобре мисто, де гуляе нечыста сыла.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Р. Поляницы. М. С. Чудновская.

119. Нечыстый просыть перевозу.

Ловылы разъ уночи наши бабы рыбу, тягнуть бредня, ажъ на тимъ боци хтось крыкнувъ, просыть перевозу. Глянулы воны—стойить щось высоке: мовъ чоловикъ у чоботяхъ зъ довгымы халявамы.

— А куды вамъ,—спыталы бабы,—и хто вы?

— Я,—каже,—пепа и треба мени до П—ча.

Якъ почулы бабы, що йому до П—ча, то булы чысто повмиралы на мисти. Кажуть же, що до сього чоловика змій носыть гроши, и наша баба бачыла, якъ надъ його хатою пролетило щось блыскуче. Кынулы воны и бродныкъ, и рыбу та задыхавшысь попрыбигалы додому.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Ивана Ревки М. С. Чудновская.

120. Нечыста сыла несе гроши.

I.

Передъ смеркомъ мы гналы додому коней. Йихало насъ чымало хлопцивъ, и уси мы бачылы, що передъ намы пролетило красне довге полотно, а искры далеко видъ його такъ и сыплються. Хлопци, котріе бачылы сее, казалы, що се нечыста сыла до когось несе гроши.

Записала въ Выбляхъ, Черн. у. отъ Андрея Шульги. М. С. Чудновская.

II.

Жывъ у с. Муравейци бидный чоловикъ, а потимъ той чоловикъ усе багатіе, та й багатіе. Ну, звисно, людямъ и цикаво—видкиля у бидного чоловика беруться гроши? И сталы прымичать, що уночи и летыть щось до бидного у двиръ—чысто якъ индыкъ, тилькы безъ головы, та дуже блыскуче, з-за пиръя усе наче искры сыплються. А разъ такъ люде пидслухалы, якъ той индыкъ прылетивъ и пытае у того чоловика Петра:

— А що, багато вже я тоби наносывъ?

А той и каже:

— Та вже чымало, та ще бъ треба мени хоча зъ тысячу.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца. М. С. Чудновская. См. №№ 2—7 этой книги.

---

121. Чортъ лякае на ночлигахъ.

Бувъ я на ночлизи недалеко коло пасикы и ночувавъ зъ дидомъ пасишныкомъ коло будкы. Тилькы що я ставъ засыпать, колы щось стогне пидъ будкою и каже:

— Я одно, та васъ подавлю.

А потимъ стало ворочать будку.

— Що се,—пытаю у дида,—а морозъ такъ у мене и ходыть по шкури.

Мовчыть дидъ, тилькы чытае молытвы, а воно такъ гуде, такъ гуде, що ажъ деревъя стогнуть. Погуло такъ трохы и не стало. Що тоди мы зъ дидомъ полякалысь!

Записала въ Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Муцкаго. М. С. Чудновская.

122. Чортъ коней ганяе на ночлигахъ.

Тамъ *) увечери не можна довго побуть, — дуже сумно покажеться, и холодъ пиде по всьому тили,— звисно вже нечыста сыла тамъ е. Разъ ночовалы тамъ ночлижныкы, коней узялы та й позагонылы у Городокъ, а самы полягалы на валу, тамъ, де мовъ ворота зроблени. Отъ уночи якъ посхоплюються кони, якъ почнуть гасать по Городку, мовъ йихъ що ганяе, ажъ земля стугоныть, да ледви къ свиту вже переcталы; дакъ тоди вже годи тамъ коней пасты,—нехай йому всячына.

С. Голенка, Конотопск. у., Черниг. губ. М. Исаенко.

123. Нечыста сыла возыла.

У пъятныцю проты Великойи суботы, пишовъ я зъ ружжемъ на поле, бачу йиде карета шестерыкомъ. Дойихалы, зупынылыся.

*) Рѣчь идетъ о крѣпости въ с. Голенкѣ, Конотопск. у. Черниг. губ., называемой *Городокъ* и оставшейся отъ шведовъ.

— Якъ намъ,—пытають паны,—дойихать до парому?

Я росказавъ, що першъ держить прямо, ажъ покы буде дви дорогы, тоди повернете управо, а тоди зновъ прямо, а тамъ буде уливо.

— Нѣ,—кажуть,—такъ не найдемо, сидай та проведы насъ, мы тоби заплотымъ.

Сивъ я коло кучера и пойихалы. Дойизжаемъ до порому, я злизъ, а воны зйихалы на поромъ; гроши оддалы и подякувалы. Ставъ я коло Десны на кручи и закурывъ люльку, и якъ закурывъ, то неначе у мене очи одкрылысь: дывлюсь—я не коло Десны, а у якимсь незнакомимъ сели, сежу пидъ хатою. Роспытуюсь, колы я бильшъ якъ за трыдцять верстъ одъ Выбель у Холявыни сежу пидъ шынкомъ, Такъ отъ якъ завезла мене нечыста сыла, та й не розплатылась за се якъ слидъ: лапнувъ я за кышеню, ажъ у мене не гроши, а черепъя. Насылу вже я на первый день празныка дійшовъ додому.

Записала отъ дида Колиньки, въ с. Выбляхъ, Черниг. у. М. С. Чудновская.

---

124. Чортъ лякае дитей, бо йихъ маты зналася зъ йимъ.

Умерла одна моя родычка. Кажуть, що вона зналася зъ нечыстымъ, отъ теперъ нечыстый и ходыть пужать йийи дитей. Звисно, душа йийи не може прыйты, бо якъ ховають, то душу заклынають, а бисъ може.

Отъ, якъ умерла вона, то й стало уночи чуть, що наче хтось ходыть по хати у постоляхъ и помалу стукотыть, або пыщыть. А то одну ничъ старшого сына не було дома, невистка и диверь полягалы спать. Не вспилы ще воны заснуть, якъ на покути щось запыщыть,

а потимъ затупотыть, та й давай изъ комена кыдать на йихъ почынкы, а воны поляглы на печи.

— Якый се чортъ тутъ кыдаеться?—крыкнула невистка.

Тоди воно ще бильшъ затупотило и лынуло на йихъ сыроваткы: молодыци такъ чысто и залыло очи, а хлопцю попало на рукавъ. Палылы воны свитло, дывылысь усюды—и нема ничого, а якъ тилькы потушать, такъ зновъ и почынае: и свыстыть, и стукотыть, и замкомъ брязкае. Посвятылы оце воны хату, не знаю, чы буде й ще нечыста сыла до йихъ прыходыть, чы ни.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

---

125. Чортъ до молодыци ходыть йийи чоловикомъ.

Одна молодыця йшла полемъ и знайшла клубокъ усякыхъ стьожокъ и зъ тые ночи ставъ до нейи ходыть нечыстый, зробывшысь чоловикомъ. Першъ вона думала, що се йийи чоловикъ прыйизжае зъ ночлигу, а потимъ роспыталысь,—ни, не винъ. Знахарка и нараяла йий систы у опивночъ, колы винъ саме прыходывъ, на порози, чесать голову и йисты коноплянe симъе, а якъ спытае, що вона йисть, то щобъ сказала, що тее, що вычисуе зъ головы. Вона такъ и зробыла. Отъ у опивночь щось загуло, зашумило, и уходыть у сины чорный, якъ земля, чоловикъ.

— А що ты, каже, йисы?

— Казюку,—каже молодыця.

Винъ тоди якъ росердыться, та якъ почне плювать, такъ чысто йийи усю и обплювавъ, а самъ зъ хаты и загувъ... зъ того часу уже бильшъ и не прыходывъ.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у отъ Хведоры Непомнящей М. С. Чудновская.

---

126. Чортъ однявъ дытыну.

Пошла разъ жинка у плавлю ламать калыну, за ею увезалась и дивчынка йийи, годковъ трохъ. Бачыть жинка, що пидходять до ейи таки красыви панычи; тильки прыдывылась баба, а у йихъ рижкы и хвостыкы. Господы, думае баба, се жъ нечыста сыла, а не панычи, а утекать никуды. Вырвалы воны у жинкы сылою дытыну, а йий далы у рукы деркачъ и головешку.

Пройшло зъ того часу багато рокивъ, а про дивчынку нема й чуткы. За селомъ стояла пуста хата, що ночи стало у тій хати свитыться. Хочеться людямъ побачыты, що робыться у хати, та тилько уси бояться туды пидійты.

— А що,—каже сынъ тіейи бабы, що ходыла по калыну,—купыте пивкварты—пиду побачу, що у хати.

Люде помилысь купыть йому пивкварты, и винъ пишовъ. Глянувъ хлопець у викно и ажъ морозъ пишовъ по за шкурою: у хати сыдила дивка и пряла; винъ угадавъ свою сестру, що забрала нечыста сыла. Якъ бы, думае хлопець, мени йийи вызволыть видъ чортей? Уходыть у хату, поздрастувавсь, та не довго думаючы:

— Я хочу, дивчыно, узять тебе за себе.

— Добре,—каже дивка,—та треба позвать попа, та посвятыть сюю хату.

Побигъ братъ, прывивъ попа, и якъ посвятылы, то де воно усе и дилось: першъ загуло, а потимъ и провалылось скризь землю. Стоять попъ зъ парубкомъ, та тилькы дывуються, що творыть нечыстый.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Муцкаго М. С. Чудновская.

127. Парубокъ гравъ чортамъ.

— Кажуть, шо нема чортуовъ, а воны такы есть.

— Ну, де жъ воны есть?

— Та и въ нашуомъ селіѣ. Отъ у однойи жуонкы сынъ на скрыпку гравъ. Ну, прыйшовъ разъ пъяный да й каже матціѣ:

— Я пойду грать.

— Та куды жъ ты пойдешъ?

— Онъ до тыхъ двуохъ парубкуовъ,—воны мене клычуть.

Ну, пойшовъ да й гравъ усю нуочъ, а парубкы й діѣвкы скачуть. А вранціѣ глянувъ, ажъ уже никого нема, а вуонъ сыдыть у болоти на купныку. Ну, кому жъ то вуонъ гравъ? Звіѣсно, чортамъ, бо воны ходють по свіѣту парубкамы, а чортыци діѣвкамы.

С. Жеведь, Черниговск. у., М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1899.

---

128. Чортъ платыть за танци.

Икразъ проты первого дня Паскы пишовъ одынъ чоловикъ на лугъ. Иде соби. Доходыть до болота, ажъ мижъ купамы стоїить скрыня зъ грошыма, а коло скрыни нечыстый и грае у скрыпку. Чоловикъ бувъ не боязькый, ставъ та й дывыться. Гравъ, гравъ нечыстый, та й каже:

— Скачы, я тоби дамъ грошей.

И давай чоловикъ скакаты. Скакавъ, ажъ покы звалывсь на мисти. Давъ тоди бисъ чоловику грошей, и винъ розбагативъ.

Записала въ Черниг. у. отъ Андрея Чечни. М. С. Чудновская.

---

129. Чортъ ченцемъ частуе чоловика.

На Юръя пишовъ я поглядить жыта. Було ще рано, и до церквы не дзвонылы. Иду я та иду, колы здоганяе мене знакомый чернець. Поздрастувалысь, идемо удвохъ, балакаемъ.

— Сядьмо,—каже,—оддышымо.

Посидалы. Выйнявъ винъ изъ кышени пляшку горилкы, чарку и бублыкивъ:

Що,—каже,—мо выпъемъ?

— Та воно бъ,—кажу,—чому не выпыть, та ще рано: спасыби, не хочу.

А винъ, проклятый, держыть чарку передъ очыма, та такъ пыльно на мене дывыться. Ну, звисно, чы дорого сатани скусыть чоловика?—скусывъ и мене гришного. Узявъ я видъ його чарку, положывъ коло себе бублыка и ставъ хрестыться. Перехрестывсь, гляжу на чарку, а вмисто чаркы у руци ломачка, а змисто бублыка таке, що и казать не хочу. Самъ же чернець якъ кризь землю провалывся.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Мих. Новика. М. С. Чудновская. 1898.

---

130. Чортыци частують чоловика.

Иде разъ чоловикъ и бачыть, що знайоми бабы сыдять и любенько соби выпывають и закусюють. Чого воны, думае, тутъ зибралысь угощаться? А воны и його гукають:

— Иды,—кажуть,—Мытрохване, зъ намы выпъешъ.

Винъ пидийшовъ. Налылы воны йому чарку, пидносять. Узявъ чоловикъ чарку и перехрестывсь. Перехрестывсь—колы уже ничого й нема.

Записала въ д. Гусавкѣ, Черниг. у. отъ бабы Мавры М. С. Чудновская. 1898.

131. Чортъ та русалкы частують чоловика.

Вранци у недилю пишовъ одынъ чоловикъ погледить жыта. Иде соби помалу, ажъ доганяе його якыйсь чоловикъ у червоныхъ чоботяхъ, а самъ такый страшкый: чорный, та ще зъ красными очыма. Ставъ той страшкый чоловикъ чогось пытать, и пишлы поручъ. Увійшлы у жыта, и бачыть хазяйинъ, що у жыти стойить стилъ, за столомъ сыдять жинкы у билыхъ сорочкахъ зъ покудовченымы косамы, и одна держыть на рукахъ дытыну; а на столи наставлено усякойи стравы и горилкы. Дывуеться чоловикъ, чого сей стилъ тутъ у жыти, а той страшкый, выдно самъ чортъ, и каже:

— Мо выпъемъ?

— Ще,—каже чоловикъ,—трохы рано, ще не звонылы.

А той такы налывае и пидносыть.

Ну, сказано, горилка, якъ одказаться? Узявъ чарку у рукы и ставъ хрестыться. Перехрестывся, та тилькы тоди уже ничого було пыты, бо вмисто чаркы у руци стала кистка, вмисто пляшкы рогожа, а тамъ, де стоявъ стилъ изъ стравою, лежала тилькы куча земли; нечыстый и русалкы де й дилысь. Перехрестывсь тоди чоловикъ ще разъ, та скоришъ додому, годи уже и жыта гледить.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Демьяна Конопка. М. С. Чудновская. 1898.

---

132. Позычае въ чорта грошы.

Жывъ соби чоловикъ; и працьовытый бувъ, та ніякъ не роскомашыться у хазяйстви: що загорюе, то не 'дна вже дирка й готова;—одно слово сказать —семейство зъ голоду пропадало. Мучывся винъ, мучывся, дали й подумавъ: «пиду до чорта грошей добувать».

А колысь давно дакъ чортивъ багато водылося: де болото таке, що купыны заввышкы съ чоловика, то вже знайдешъ його; бувало й коло гребли, де гуркотъ чы прирва, його здыбаешъ, або въ лузи темному такому, що тилько зозуля куе та соловейко вытьохкуе, и тамъ иноди зуспышъ. Дакъ ото знявся той чоловикъ та й подавсь на Роменськый шляхъ. Ажъ ось назустричъ йому козакъ.

— Здоровъ!

— Здоровъ!

— Куды це такъ выпроставсь?

— Та пиду до чорта, чы не роздобуду грошей.

— Якъ же це ты такъ? Чортамъ же душу треба виддаваты.

— Та колы треба, то й виддамъ, абы жинка не сохла, та диты не кавчалы зъ голоду.

— Ну, то я жъ саме той, кого тоби треба. Ходимъ!

Пидийшлы до вербы. Чортъ полизъ на вербу, спустывсь у дупло и вынисъ виды торбу грошей.

— На!—каже—та рожжывайся; а въ годъ щобъ прыставывъ.

— Якъ же я тебе найду?

— Пидийдешъ до вербы та вдарышъ трейчы кыемъ та й гукнешъ: «магай бувъ». Отъ я й выскочу.

Подякувавъ чоловикъ, пишовъ додому. И якъ ставъ орудувать тымы грошыма, де те й багатство узялось: чы бджолы купыть—у руку йде, чы скотыну—тожъ по двору пиде; за годъ розвивъ таке господарство, що й не снылось йому. И гроши зибравъ, щобъ чортови виддаты. Прыйшовъ на те мисце, ударывъ у вербу, гукнувъ: «магай бувъ!»—Выскочывъ, та не той.

— Чого тоби?

— Та торикъ я тутъ гроши бравъ, дакъ прынисъ.

— А, дакъ це у такого то. Погуляй же трохы, винъ побигъ саме у Батурынъ ковши одбирать.

— Дакъ колы я його диждусь! — ажъ крыкнувъ чоловикъ.

— Та винъ заразъ буде.

Колы справди бижыть, засапався, ажъ языкъ вывалывъ.

— А той же де? — пытае чортъ, — ось чоловикъ його жде.

— Де! пропавъ: вовкы на дорози розирвалы, а я ледви втикъ.

Порадылысь тоди чорты та до чоловика:

— Ну, що жъ, — кажуть, — не мы ци гроши нажывалы, не намъ ихъ и брать; а хазяйина, чуешъ, нема грошямъ, — несы назадъ да пожывай самъ — знать, тоби воны судылысь.

С. Рожновка Борзенск. у. В. Т. Андріевскій отъ козака Павла Бондаря. 1898.

---

133. Чортъ у неволи въ глечыку.

Тяглы бредень по озеру якъ разъ у Петривку чоловикъ та жинка.

— Чоловиче, — каже жинка, — чого воно такъ важко цупыться? Бачышъ — поплавкы потонулы: мабуть мы щось важке піймалы.

— Та ничого — вытягнемъ хоть чортяку зъ рогамы, то диты ззидять, абы не каменюка яка.

Вытяглы, колы глечыкъ завъязаный шкуратком, а рыба хочъ бы тоби однисинька на смихъ.

— Що воно таке? може червинци?

Заглянулы усередыну глечыка, ажъ тамъ плиточка хлюпощеться и грае.

— Эчъ, яка манесенька, — каже жинка. — Злый, чоловиче, воду на берегъ!

Колы перехылылы глечыкъ, вода хлюсь на кгрунтъ,

шльопнулась плиточка объ землю и перекынулась бравымъ молодцемъ зъ рижкамы да кае, вклонывшысь:

— Спасыби тоби, чоловиче, що ты мене вырятовавъ.

Жинка злякалась и не знае, чы лыце йій закрываты рукамы, чы що друге.

— Ого! Вырятовавъ?.. Що ты таке?—пыта чоловикъ.

— Хыба тоби повалазыло? Чортъ—вже жъ не що!

— Овва! брешешъ, бисивъ сыну! Не пійму тоби виры. Якымъ же побытомъ забрався ты у глечыкъ?

— А отъ якымъ... Тутъ така повшехна чудасія була, шо ты не чувъ за дида й прадида. Литъ трыдцять назадъ спокутувся тутъ биля озера у печеряхъ пустельныкъ, и вже винъ такый бувъ святый чоловикъ, що циле наше пекло ничого йому не врадыло, щобъ загубыты його душу. Уже мы зъ нымъ возылысь, возылысь, наче ти собакы зъ воловою кисткою, повною мозку: и не перекусять, и языкомъ мозку не достануть, а тилькы мордуються. Такъ мы зъ нымъ мордувалысь, ажъ обрыдло усимъ. Полынуло наше товарыство: инши зъ попамы заляглы у перынци, други у судейськи кышени повлазылы та робылы тамъ диркы, щобъ тымъ кышенямъ николы и дна не було.... Де яки повіялысь у Московщыну... Оставылы мене, хытрійшого, спокушать пустельныка.

И вже чого я не чынывъ, якои праци не прыкладавъ—усе ничого! И куринкою прыбигавъ до нигъ його, щобъ винъ піймавъ мене да ззивъ. Що жъ винъ? Визьме мене у руку полоскоче-полоскоче да й скаже: «Пырхъ!»— махнувшы чоткамы... Плескався я и голою дивчыною пры повнимъ мисяци на озери, роспынаючы ручкы и нижкы и, повертаючысь до його и выдомъ, и бокомъ, и спыною, брызкавъ на його водою. Що жъ ты думаешъ, у його жыжкы трусылысь? Э, ни!... Винъ заплющыться да белькоче якись страшенни молытвы, а дали тебе и хрестомъ попоштуе. Звисно, заразъ зныкнешъ. Якось пишовъ винъ увечери у литній пистъ воды зачерпнуты. Я мер-

щій перекынувся плиткою и влывся въ глечыкъ зъ водою. Несе винъ мене додому. Я плещусь, радію... Миркую: зваре винъ сьогодни юшку, спокусыться, обрадуе все пекло. Що жъ бы ты думавъ?—каже чортяка, чухаючы потылыцю,—прынисъ винъ глечыкъ додому, хотивъ напытыся воды, колы побачывъ, що тамъ хлюпощеться рыбка, не схотивъ и до губъ тулыты тіейи воды, ще гирше,—не схотивъ и пыты съ того глечыка, де рыбка була, а взявъ, перехрестывъ трейчи глечыкъ, завъязавъ якымсь гыдкымъ шкуратkомъ, однисъ до берега и кынувъ у озеро... Оттаке то!—каже чортяка зитхаючы, наче той становый, що замисць мошенныка нахватывся на шановного чоловика. Трыдцять литъ сыдивъ я пидъ тымъ страшеннымъ хрестомъ, вже въ пекли давно мене зъ метрыкы вычеркнулы наче по двохъ ревизіяхъ въ бигахъ состоявшему. Нудывся я гирше тыхъ, що въ кайданахъ копають золоти руды. Лякалы мене хресты бильше нижъ дивчатъ на вечерныцяхъ фабрени москали...

— Брешешъ, брешешъ! Самъ ты москаля пидвозышъ!—каже чоловикъ,—якъ такы можно, щобъ такый здоровый козарлюга, якъ ты, влизъ у глечыкъ?

— Але не брешу!

— Але брешешъ!

— Ты думаешъ—не влизу?

— Не влизешъ!

— Давай навзакладъ!—каже чортъ.

— Здоровъ пывъ! Оттакъ пакъ выгадавъ! Буду я съ чортякою навзакладъ! Ото бъ здуривъ! Улизай такъ! Та ты тамъ не помистышся, не зобгаешся.

— Одначе помищусь,—каже чортъ,—дывысь!

— Зробывсь дымомъ и пишовъ у глечыкъ.

— А що,—каже, показуючы рижкы,—улизъ же!

— Ну, колы влизъ, такъ сыды тамъ, братику!—каже

чоловикъ. Взявъ, перехрестывъ глечыкъ, зявъязавъ упъять шкураткомъ и шпоргонувъ въ озеро, якъ вже тамъ чортъ не запрысягався и не молывся.

— Хай тоби бисъ!—каже чоловикъ, — тымъ и рыба не ловыться, що гаспыдськи чорты росполохалы.

Записано неизвѣстно кѣмъ и гдѣ. Подпись: *Пидводный.*

Варіантъ этого разсказа помѣщенъ въ № 12 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1857 г. стр. 98. Вотъ этотъ варіантъ, озаглавленный тамъ: «Мужыкъ ворона—хытрій чорта»:

Ото, бачъ, лучылось одному чоловику, звисно не кому другому, а нашому брату мужыку, узять пидсаку да й пійты рыбы ловыть. Прыйшовъ, кажуть, винъ до болота, зобравъ соби мисце, де, здрилось, рыба е, та й ну совать пидсакою, щобъ уюна, чы що другее злапать. Засунавъ разъ—нема, друге — и вдруге нема, а дали втрейте—чуе, щось цупыть. Винъ израдивъ, вытягъ пидсаку, гледыть—ажъ пляшка та ще й заткнута... Дай,—каже—одоткну! И одоткнувъ... що жъ? Мужыкъ дыв́ыться и самъ соби не вирыть: зъ тоейи пляшкы выскочыло щось, неначе чоловикъ у жупани, да таке цикаве да фацьке, що чоловикъ той дывомъ ставъ. Тилько воно тутъ йому и каже:

— Спасыби жъ тоби, дядьку, що ты мене изъ сьоейи пляшкы выслободывъ.

А чоловикъ и пытае його:

— Скажить же вы, мени, добродію, хто вы таки, що въ сюю пляшку securзализлы?

— Я,—каже воно,—чортъ.

Чоловикъ пры симъ слови и перехрестывся, а дали зыркъ—чорта вже й не стало. Чоловикъ той озырнувся кругомъ—никого нема; винъ глянувъ на пляшку—пляшка лежыть доли порожня и заткало валяеться. Дывовався мужыкъ, дывовався, а дали перехрестывсь да й ну

ловыть рыбу впъять пидсакою. Що жъ вы думаете?—якъ тилько пидсаку у воду, то гледыть—хочъ жабуру повно, хочъ каменюка де визьметься, або зацупыть уюна и тилько що хоче взятъ у руку, а зъ того уюна выйде впъять той панъ, що зъ пляшкы вылезъ да ще и регоче надъ йимъ:

— Ворона,—каже,—ты, а не мужыкъ! Ище й тоби ловыть рыбу! Седивъ бы дома та гледивъ бы готового.

Сказано, глумыться, а съ чортомъ не змагаться стать...

— Постой же, псова ты худоба!—думае соби той чоловикъ:— я тоби покажу, яка я ворона, будешъ мене знаты!

Подумавъ самъ соби такъ, а дали й каже чорту:

— Якъ же се вы, пане чорте, чы якъ васъ велычать, якъ вы, будучы стало быть таки велыки, та въ такую малую пляшку влизлы? Я виры не пойму, щобъ вы булы таки могущи, щобъ такечкы зробыть!

— Эхъ! Справедна ты ворона!—чортяка йому каже:— отъ я заразъ улизу, колы хочешъ; ты и не вгадасшъ якъ!

— А нуте жъ, нуте,—чоловикъ йому каже:—покажить, якъ се робыться. Я побачу, да тоди й повиру, що вы справедны чортъ...

Чоловикъ не доказавъ своейи речи, а чортъ скикъ у пляшку да ще и каже:

— А що, бачышъ, якъ улизъ я?

— А нуте жъ я прыдывлюся, чы вы й тамъ похожи на того, що бувъ на двори, чы може ни?—каже чоловикъ, а дали взявъ, заткнувъ пляшку та ище й перехрестывъ.

— Оттеперъ, пане чорте, знайте,—каже,—що мужыкъ хочъ ворона, та хытрій чорта!

А дали взявъ пляшку да й кынувъ знова у воду.

Черниговская губ. Ал. Шишацкій-Илличъ (?).

136. Манея не пускала.

Колысь одынъ писковськый чоловикъ ишовъ одъ ричкы додому. Було уже пизно, темно. Чуе винъ: щось перелизло черезъ плитинь. Винъ думавъ, що се мо собака, и йде соби смило, колы ни, не собака, а щось довге, довге, сире—легло поперекъ вулыци, такъ що и пройты нельзя и мурчыть. Бачыть чоловикъ, що погано йому буде, що манея його не выпустыть, та давай чытать молытвы, а потимъ якъ шарахнувъ весломъ, такъ манея де й дилась.

Записала отъ Николая Кіянца, въ д. Пескахъ, Черниг. у. М. С. Чудновская. 1898.

---

137. Чы домовыкъ, чы манея насила на чоловика.

Ишовъ я зъ вечорныць, ще колысь то, якъ бувъ паробкомъ; тилькы шо мынувъ церкву, якъ насило на мене шось важке, отъ якъ бы узять мишокъ у пъять пудовъ, такъ мене згорбыло, насылу дойшовъ додому. И бувъ я, не думайте, не пъяный, бо у насъ и моды сійи не було, шобъ напыватьcя на вечорныцяхъ. Дойшовъ до своййихъ синей: ну думаю, лапну хочъ я, шо воно таке у мене на плечахъ, и тилькы шо я хотивъ сее зробыть, а воно мене якъ пыхоне, такъ двери очынылысь, и я упавъ у сины. Шо воно таке було, чы манея, чы домовыкъ, я и самъ не знаю, а тилькы дуже воно мене налякало.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ефима Іовенка М. С. Чудновская. 1898.

---

134. Стрилецъ застрелывъ чорта.

У с. Свыняхъ бувъ одынъ панъ. Отто и пишовъ винъ на охоту. Ходывъ, ходывъ,—ничого не вбывъ, а тутъ и гроза почыналась, па́нъ и повернувъ додому. Иде винъ соби, а гримъ такъ здорово гуркотыть. И чуе панъ: якъ тилькы гримъ перегримыть, такъ щось почынае бурмотать. Зупынывсь панъ, дывыться, ажъ се нечыстый перекрывляе Бога, якъ Винъ сварыться. Подумавъ панъ, що його казаты зъ проклятымъ чортомъ, а потимъ узявъ и стрильнувъ у його: бисъ упавъ на землю чоловикомъ. Панъ тоди злякався и не озыраючысь побигъ додому. Ажъ де не визьмысь старенькый дидокъ и гукае пана, а панъ зъ переляку такъ розигнавсь, що и зупыныться не може.

— Пожды,—каже дидокъ,—я щось скажу тоби.

Насылу догнавъ винъ пана и пытае:

— Чого ты втикавъ?

Панъ йому и росказавъ, якъ було дило. Тоди дидъ и каже:

— Не бійсь ничого и просы у мене, чого хочешъ, чого тоби треба.

— А чого я хочу?—каже панъ.—Чымъ занимаюсь, того мени й треба.

И зъ того разу, якъ ни пійде на охоту, то насылу несе. Се йому такъ Богъ давъ за те, що убывъ биса.

Записала въ с. Выбляхъ, Черн. у. отъ Р. Чечни М. С. Чудновская. 1898.

---

135. Водяныкъ дытыною.

Мій дидъ ловывъ рыбу топтухою. Вытягуе винъ топтуху, колы тамъ замисть рыбы дытя у сорочечци и сміеться. Перехрестывся дидъ, такъ тее дытя ще засміялось та й шубурхнуло у воду.

Записала въ Черниг. у. отъ Ѳ. Волошки М. С. Чудновская. 1898.

138. Домовыкъ душывъ.

Батька не було дома, осталась тилькы мачуха сама, та я, ще невеличка дивчына. Мачуха спала на полу, я на лавци. Скризь сонъ мачуха почула, що на йийи щось важке навалылось и душыть йийи. Вона прокынулась, та ніякъ не пидниметься и ни рукою, ни ногою не двыне, такъ йийи прыдавыло, а по морди водыть щось, мовъ лапою. Якъ то уже вона рванула руку зъ усіейи сылы, пидняла и хватылась за щось волохате; а тоди и сама пиднялась и сыдыть. А домовыкъ скочывъ зъ полу, та тилькы тупъ, тупъ по хати. Хватыла мачуха свою дытыну пидъ руку, та зъ хаты; зъ синей вона почула, що я скризь сонъ трейчи поклыкала: тату! (Мо то винъ и мене душывъ, та тилькы я такъ крипко спала, що ничого и не чула). Выбигла мачуха, якъ була, зъ хаты и двери покыдала. Насылу вона достукалась до сусидкы и тамъ заночувала; а на завтре зъ сусидкою прыйшла додому, колы и двери позачынени, и домовыка уже нема, и я соби любенько сплю.

Записала отъ Олимпіады Іовенковой въ с. Выбляхъ Черниг. у.
М. С. Чудновская.

---

139. Домовыкъ не любыть, якъ ночують у хливи.

Росказувавъ мени одынъ чоловикъ, якъ винъ пишовъ одынъ разъ ночувать у хливъ до коней. Заснувъ винъ и саме у опивночъ скризь сонъ почувъ, що шось шамотыть и прокынувся. Дывыться, ажъ зъ горы лизе щось—наче мишокъ, та якъ бухне на чоловика, та такъ його прыдавыло, що винъ, бидняга, и дыхаты переставъ. Потимъ узяло його на оберемокъ и кынуло изъ сел-

ныка. Насылу той чоловикъ уставъ, та писля такойи оказійи уже и не ходыть у хливъ на ночъ, та й другымъ не совитуе.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

---

140. Домовыкъ кыдае коня въ ясла.

Що прыйде чоловикъ вранци до свого коня, конь и лежыть було у яслахъ, та такъ туды забъеться, що нельзя и прыдумать, якъ туды йому и влизты. Лигъ чоловикъ разъ ночувать коло коня, щобъ побачыты, хто се такъ робыть зъ конемъ. Саме у опивночъ уходыть домовыкъ, такъ бы икразъ, якъ чоловикъ, хватывъ коня и кынувъ його у ясла.

Записала въ Черниг. у. отъ Дмитрія Іовенко. М. С. Чудновская.

---

141. Домовыкъ зачипае сирого коня.

Ночувавъ у насъ недавно онущныкъ—казавъ, що де йому тилькы не траплялось ночувать, то домовыкъ зачепае усюды його сирого коня. Чы винъ такъ його улюбывъ, чы хто його знае. Такъ позапутуе що ночи грыву, що и не думай росплутаты. Та выдно и скотына чуствуе домовыка, бо иноди такъ уся ажъ у поту, та ажъ дрижыть.

Записала въ Черниг. у. отъ Никиты Глузда. М. С. Чудновская.

---

142. Домовыкъ не дае робыты вночи.

Одынъ чоловикъ та бувъ такый невсыпущый та роботящый, и вночи йому не було сну: усе було робыть.

Отъ разъ уночи віявъ винъ жыто и сивъ оддыхать. Закурывъ люльку, сыдыть, ажъ изъ засторонка сунеться щось велыке- велыке, а очи таки блыскучи, страшки, и такъ йимы уставылось на чоловика. Прысунулось воно до чоловика и не пускае його изъ клуни. Шо тилькы чоловикъ ступыть до дверей, такъ воно и загородыть йому дорогу. На велыку уже сылу винъ утикъ одъ домовыка.

— Ну, щасте твое,—крыкнувъ домовыкъ у слидъ,—шо ты утикъ, а то бъ бильшъ не віявъ.

Съ того часу переставъ чоловикъ ходыть у клуню вночи.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская. 1898.

---

143. Домовыкови треба окропу.

Прыйшовъ одынъ парубокъ зъ гульни и лигъ спаты коло викна й чуе, двое домовыкивъ гомонять. Одынъ каже:

— У мого хазяйина й укропу въ печи нема, ничымъ и горло помочыть.

— А у мого,—каже другый,—два горкшы.

От перший и каже:

— Я свого хазяйина спалю.

А другый каже:

— Ни, не палы, тамъ мого хазяйина хомутъ.

Першый прынисъ хомутъ товарышовому хазяйину, а свого спалывъ. Парубокъ росказавъ, видъ чого згоривъ сусидъ, и съ тыхъ поръ сталы ставыть укрипъ у пичъ.

Записалъ школяръ Выбельской школы Черниг. у. Иванъ Мосичъ.

144. Домовыкъ на ночлигахъ.

I.

Колысь ще улитку пойихавъ мій дядько на ночлигъ. Дойизжае до того миста, де паслы коней, ставъ гукать хлопцивъ. Здаеться йому, що хлопци озываються; ставъ винъ йихать на голосъ. Кильқы не йихавъ, а хлопцивъ не знайшовъ, хоча и чувъ, будто воны до його гукалы.

Злизъ дядько зъ коня и лигъ пидъ стогомъ, попутавшы коней. Тильқы що винъ заснувъ, қолы чуе, що його щось стало душыть, та такъ на його навалылось, мовъ стогъ сина на його перекынувсь. На велыку сылу дядько вырвавсь одъ домовыка, та такъ уже и не ложывся цилу ничъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго М. С. Чудновская. 1898.

II.

Одынъ хлопець вивъ коней на ночлигъ, и уже было дуже пизно, то онъ не знавъ, де хлопци ночуютъ, и сталъ йихъ той хлопецъ гукать, и крыкнувъ: «Хлопцы го!» Дакъ и пошовъ гласъ, и йому здалось, будто-бы за ричкою. И винъ пойихавъ туда, ажъ нема тамъ хлопцавъ. Дакъ винъ и лигъ спать, ажъ на його щось навалылось, винъ не злякавсь та й каже:

— Десь моя пуга—я тоби дамъ!

Домовыкъ злякавсь и де дився, и бильшъ не было.

С. Выбли Черниг. уѣзда. Записалъ Школяръ Выбельской школы Иванъ Новикъ.

145. Дви чирточкы зъ нашыхъ русалокъ.

(Ввивъ у запысъ изъ сливъ жытелькы хут. Петрушовки Борзенск. пов. Палашкы Китчинойи у 1854 р. Марко Вовчокъ).

I.

Якъ пошла моя маты у поле на Святу Недилю, на Зелену-то, до жыта, побачыть, чы гарне жыто. Да обійшла кругомъ, да «гарне», каже, «слава Богу; пійду ще и долыну побачу», каже. Колы прыйшла до долыны—ажъ повнюсенька долына дитокъ маленькыхъ та все, каже, такъ: скачуть одно проты дного угору да ручкамы плещуть:

«Не мый ногы объ ногу,
Не сій мукы надъ дижу;
Ухъ, ухъ,
Соломъяный духъ, духъ!
Мене маты уродыла,
Нехрещене положыла».

А воны тилько у плащечкахъ у билесенькыхъ... Дакъ вона, каже, якъ злякалася, да въ-сылу додому дойшла. Воны йій и не бачылы, а вона йихъ бачыла.

II.

Померла баба така стара, а дочка все плаче по матери; то йій и прыснылось... Каже, наче прыйшла дивка да даже йій:—«Не плачъ по свойій матери: твоя маты русалкою». Дакъ вона каже: «Де жъ вона»?—«Дитокъ малесенькыхъ гледыть.»

(Собщ. А. В. М—чемъ).

Изъ «Черниговскаго Листка» 1863, № 10, стр. 80.

---

146. Русалкы женуться за жинкою.

Однесла жинка чоловику обидъ и верталась додому. Бачыть—у жыти седыть двое дитей у билыхъ со-

рочечкахъ. Жинка заразъ догадалась, що се русалкы, и не успила вона повернуть назадъ, якъ изъ тыхъ дитей зробылысь велыки русалкы и погналысь за жинкою. Якъ то уже вона добигла до села и такъ бидна перелякалась, що проболившы тры тыжни, умерла.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Андрея Шульги М. С. Чудновская. 1898.

147. Русалкы не далы ловыты рыбы.

Дви жинкы пишлы уночи ловыть рыбу,—икразъ на Русалкы. Половылы трохы и чують, що у води русалкы граються и плещуть по води рукамы. Бигомъ побиглы жинкы одъ ричкы. Недалеко ночувалы ночлижныкы: жинкы туды и прыбиглы.

— Та то вамъ,—каже одынъ старый чоловикъ,—такъ здалось, идить соби смило додому.

Одна молодыця ни за що не хотила а друга—«Ходимъ та ходимъ»! и пишлы. Дійшлы воны уже до села, озырнулысь назадъ, ажъ за йимы женуться дви русалкы у билыхъ сорочкахъ, зъ довгымы косамы. Жинкы такъ чысто и померлы зъ переляку, насылу ускочылы у село, а русалкы тоди у воду, закрычалы и заплескалы по води. Молодыци дуже поперелякувалысь и довго писля того нездужалы.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Р. Поляницы М. С. Чудновская. 1898.

148. Русалкы прогналы чоловика зъ роботы.

Копавъ разъ чоловикъ канаву на саранчу. Копае и чуе—щось зашумило. Пиднявъ винъ голову и бачыть, выходять изъ жыта русалкы, уси у билыхъ сорочкахъ, зъ довгымы росплетенымы косамы, и перша русалка дер-

жала у руци кныжку. Якъ побачывъ чоловикъ русалокъ, то кынувъ заступъ, та давай Богъ ногы, а русалкы кынулысь за йимъ у погоню. Прыбигъ чоловикъ у село мовъ несамовытый и довго писля того нездужавъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Андрея Шульги. М. С. Чудновская.

---

149. У русальну недилю не можно робыты.

Икразъ у Русальну недилю пойихавъ одынъ чоловикъ зъ жинкою полоть просо. Полють воны, колы бачыть жинка, у проси стойить баба у билій сорочци зъ роспущенымы по плечахъ косамы и на вси бокы хыляеться. Перелякалась жинка и кынулась до чоловика. Посадывъ чоловикъ жинку на визъ, щобъ вона чытала молытвы, а самъ, ухопывшы сокыру, обвивъ визъ и воливъ кругомъ и давай тикать додому. Чоловикъ усю дорогу махавъ сокырою, и русалкы боялысь до його прыступыться. И килькы воны йихалы, то на кожній ныви бачылы по русалци. Дуже перелякани вернулысь чоловикъ и жинка додому и вже бильшъ не йиздылы на Русалокъ ни на яку роботу на поле.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго. М. С. Чудновская.

---

150. Чоловикъ суховався видъ русалкы.

Пишовъ я на поле рвать травы у межахъ. Нарвавъ и иду до додому, колы у межи лежыть щось у билій сорочци и укрыте косамы, а косы дуже довги. Я тыхенько, озыраючысь пройшовъ крозь його, а воно устало, та за мною. Недалеко була клуня—я у клуню и сежу. Воно пидійшло до клуни, понюхало плитинь, а тоди одійшло, та якъ заспивае, а потимъ загукае. Я не знаю,

якъ и додому прыйшовъ, такъ переляказся. Се було дило икразъ передъ Русалкамы, такъ се и було нищо, якъ русалка.

Записала въ Черниг. у отъ Андр. Нищенко. М. С. Чудновская.

---

151. Русалка не може переступыты круга.

Одынъ чоловикъ пошовъ жыта стерегты на Русалкы, ажъ изъ жыта выбигла русалка и напала на його, а винъ узявъ кругъ себе обчиривсь такъ, що вона не доступылась до його, и винъ стоявъ у томъ крузи той чоловикъ, а русалка бигала, бигала кругомъ и пошла изновъ у жыта, и тоди той чоловикъ вернувсь додому.

С. Выбли Черниг. у. записалъ школяръ Иванъ Новикъ.

---

152. Русалкы гойдаються на гилькахъ.

Чоловикъ ишовъ лисомъ и побачывъ, що на деревахъ гойдаються русалкы, та така жъ йихъ тамъ була сыла и велыкыхъ, и маленькыхъ. Почеплялысь за гилькы рукамы и колышуться, якъ на ореляхъ. Чоловикъ повернувъ, та скорій утекать. Не успивъ тилькы винъ утекты, такъ щобъ русалкы його не бачылы. Уси воны кынулысь за чоловикомъ и такъ його налякалы, шо на другый день той чоловикъ умеръ.

Записала въ Черниг. у. отъ Андрея Шульги М. С. Чудновская.

153. Оддавъ русалкамъ дытя.

На Русалокъ йихавъ чоловикъ зъ поля, и выскочылы зъ жыта русалкы, щобъ залоскотать чоловика, тилькы ніякъ до його не доступляться, бо куды не зай-

дуть, то чоловикъ йихъ пугавъемъ. Такъ дойихалы воны до перехрестнойи дорогы:

— Стій же тутъ,—крычать русалкы,—бо усе равно умрешъ.

— Ни,—каже чоловикъ,—я лучче оддамъ вамъ дытя,—та по коняхъ и утикъ. Що жъ бы вы думалы?—прыйижжае додому, колы застае дома мертву дытыну. Ставъ тоди чоловикъ плакать и каяться передъ усима людьмы, що се винъ самъ уморывъ свою дытыну, оддавшы йийи русалкамъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Демьяна Конопка. М. С. Чудновская. 1898.

154. Русалкы залоскоталы дивчыну.

У Зелену недилю зибралось насъ чымало хлопцивъ и дивчатъ и пишлы гулять на поле. Мы тамъ добре погулялы, дивчата понарывалы соби волошокъ да куколю, уквитчалы головы и верталысь, ще рано, додому; колы тилькы поривнялысь мы зъ тымъ кругомъ, що коло гамазея,—якъ выскочать зъ жыта на насъ русалкы: уси голійи, зъ довгымы, довгымы роспущенымы косамы, зъ зеленымы, якъ у жабъ, очыма; попростягалы упередъ рукы, та за намы. Мы съ переляку кынулысь навпростець и скоро добиглы до села; одна тилькы дивчынка осталась, и йийи залоскоталы русалкы.

Дядько якыйсь пиднявъ йийи на дорози и прывизъ у село, вона була ще тоди жыва, а дали и вмерла.

С. Выбли Черниговск. у. записала М. С. Чудновская. 1898.

155. Добра смерть.

Прыйшовъ чоловикъ до хазяйина найматься.

Що жъ,—пытае хазяйинъ,—визьмешъ за рикъ?

— А що,—каже чоловикъ,—ничого: поставышъ мени одынъ обидъ.

Прослужывъ наймытъ рикъ поставывъ йому хозяйинъ обидъ.

— Се жъ обидъ за покойного батька,—каже чоловикъ—ты поставъ мени!

Поставывъ хазяйинъ другый обидъ.

— Се,—каже,—за покійну матиръ,—поставъ мени!

Поставывъ хазяйинъ у трейте. Позабиравъ тоди наймытъ усю тую страву и пишовъ. На дорози стрекае винъ бога и каже:

— Оце якъ бы стрить доброго чоловика, то бъ умисти пообидалы бъ.

— Давай,—каже богъ,—обидать зо мною—я чоловикъ добрый.

— Ни,—каже чоловыкъ,—якъбы ты бувъ добрый, то бъ и мени було добре,—и пишовъ далей.

Иде, колы стрекае жинку.

— Куды ты,—пытае вона,—идешъ?

— Иду,—каже,—додому.

— Що жъ се ты несешъ?

— Несу обидъ: я робывъ хазяйину рикъ за одынъ обидъ. А ты,—пытае,—хто така?

— Та я смерть.

Посидалы воны и давай удвохъ обидать; пойилы усе, тилькы остався окраець хлиба.

— Чы е у тебе хто дома?—пытае смерть.

— Е,—каже,—у мене жинка и диты.

— Ну, несы жъ дитямъ сей окраець,—се буде йимъ за гостынець.

Прыносыть чоловикъ той шматокъ и давай ламать дитямъ, и скилькы винъ не ламавъ, а окраець не уменшався. А уставшы на другый день, чоловикъ побачывъ на столи цилу кулыдку хлиба, и усе воны йилы той хлибъ. Пройшло скилькы день,—прыходыть до того чоловика смерть.

— Здрастуй,—каже,—брате!

— Здрастуй, сестро!

А жинка почувшы сее, та за кочергу:

— У тебе,—каже,—багато такыхъ сестеръ найдеться!— та й хотила іи зъ хаты выпроводыть.

— Не твое се,—каже чоловикъ,—дило,—и не давъ. Посадывъ винъ смерть за стилъ и давай поштувать. Погостювала смерть, та й пытае:

— Чы е у тебе, брате, хлибъ?

— Оце увесь, що на столи.

— А йды,—каже,—пошукай у комори зернятъ жыта.

Чоловикъ знайшовъ трохы зернятъ.

— Ну, роскыдай сійи зернята по зусикахъ.

Чоловикъ роскыдавъ, и на другый день уси зусикы сталы повни жыта.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Курильца.
М. С. Чудновская 1898.

Другой варіантъ о побратымствѣ человѣка со смертью былъ напечатанъ въ «Черниговскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ» 1852 г. (№ 52, стр. 570). Вотъ этотъ варіантъ, записанный въ с. Данинѣ Нѣжинскаго у. священникомъ Петромъ Огіевскимъ и озаглавленный: «Верты—не верты, а треба вмерты»:

Колысь то и десь то, звисно не въ якій небудь басурманщыни, а въ нашій православній Малороссіи, жывъ бувъ чоловикъ и жинка. Та булы соби дуже бидни та журлыви: одно те, що воны незамижны, а бильшъ усього йихъ крушыло, що диты въ йихъ усе мерлы. Отъ и давъ йимъ Богъ дочку. Якъ же то воны йій булы ради—Господы!... И сталы соби радытыся: кого бъ то кумою узяты? Жинка й каже:

— Ось визьмемо лышень соби куму стричну; адже жъ, бачъ, стари люде кажуть, що въ кого диты мруть, треба тому браты кумивъ стричныхъ.

— Э, добре оце ты, жинко, кажешъ, ось пійду я.

И пійшовъ удовшъ села ще зъ досвитка, щобъ хто тилькы йому на зустричъ попадеться, того узяты до свого дытяты кумою,—звычайно вже боявся, щобъ и

се йому не вмерло, такъ якъ ти першіийи його диты померлы. Попадаеться йому назустричъ баба стара та курноса *); винъ йій и каже:

— Здоровенька була, бабусю!

А вона йому въ одвитъ:

— Здоровъ бувъ, сыночку!— та й попередыла його спытаты:—Чого се ты такъ позаранкамъ блукаешъ,— чы не зійшла съ твого двора товарына противъ ничкы, и ты оце шукаешъ?

— Ни, бабусю, за товарыну мени ничого бояться—и шерстыны у двори катъ ма. А мени давъ Богъ дочку, такъ я оце иду прохаты того въ кумы, хто першый зустринеться. Та, спасыби вамъ, що я оце на васъ такъ хутко наткнувся: прошу васъ покирно, будьте ласкавы, не видцюрайтесь хреста, ходите до мене кумою—чы не дасть Богъ, що и я такы, якъ люде, хоть пидъ старисть дождy соби помочи.

— Добре, ходимо.

И пійшлы. Та йдучы винъ йій и каже:

— Не во гнивъ вамъ буде, що я васъ пытатыму: якъ маемо васъ зваты?

— Я—Смерть.

Якъ почувъ винъ сее, та ажъ злякався, а описля обдумався трохы та й каже самъ соби: аджежъ смерть иднаково ни кымъ не перебирае, усихъ за-сплишъ бере: и панивъ, и нашого брата мужыка, бидныхъ и замижныхъ, старыхъ и малыхъ; що жъ маю робыты?—не треба йійи цуратыся, поведу лышень до своейи господы, може вона зглянеться на мене... Сее подумавшы та й каже:

— Ходимо, кума, до мене!

И пійшлы.

---

*) Кырпата. *Прим. записывателя.*

Покумовавшы и выдпывшы хрыстынкы, якъ Богъ давъ, звисно по убыжкы, бо той чоловикъ, кажу, бувъ соби бидненькый—смерть йому й каже:

— Слухай, кумочку, за те, що ты мною не познущався, я тоби щось искажу, та тилькы никому ты не видкрывай и свойій жинци не кажы, а робы самъ соби, що я нараю, то ты матымешъ такого добра, що не тилькы тоби, та й дитямъ, унукамъ и правнукамъ твоимъ буде.

— Добре, кума.

— Слухай же: якъ тилькы ты почуешъ, що хто небуть и де небудь занечогіе, иды до його та й дывыся: колы я буду стояты у недолугого въ ногахъ, то той выздоровіе и певно берыся його выличыты: извелы даваты йому пыты тилькы холодну воду, и винъ буде жывъ; а якъ уздрышъ мене у його въ головахъ, то втикай видъ того, то вже певно мій—я тилькы його прычавлю трохы, щобъ винъ спавъ изъ тила, щобъ легше мени зъ нымъ борушкатыся та й потягну його на той свитъ.

Сказавшы сее, попрощалыся любенько.

Чуе нашъ кумъ, що десь то велыкый и дуже багатый панъ та й давно вже хыріе; и чого то вже йому не роблять, якыхъ до його ликаривъ не возять, та ба, немае помочы. Отъ винъ и пійшовъ до його та й каже челяди, бо звисно у панивъ вона на рундуци такъ и блукае:

— Здорови булы, хлопци! Я чувъ, що вашъ панъ давно вже хыріе и помочы ни видкиля йому нема. Пустите лышень мене, щобъ я на його глянувъ, бо я такый чоловикъ: якъ побачу, то заразъ скажу, чы винъ умре, чы ни, и якъ ни, то заразъ поличу, и винъ вычуняе.

Пустылы мужыка до пана, и тилькы що ввійшовъ винъ у свитлыцю та глянувъ, ажъ стойить кума биля

нигъ недужого. Отъ винъ зъ радыщъ ажъ крыкнувъ:

— Не журысь, пане! ты будешъ жыты та ще й якъ! Ось кете лышень, пани, у пытунъ водыци непочатойи, я дамъ йому напытыся, то де та и хвороба його динеться.

Ковтнувъ панъ тоейи воды разъ, друге, утрейте, освижывся трохы—агу!—стало йому легше нибы; день, другый—уже панъ самъ и пыдыметься, уже й по хати валасаеться; дальше ще—уже у пана и пузо знова становыться таке, якъ було. Що жъ тому мужыкови-знахыру: чого то йому не робылы, якъ не шановалы и чого не надарувалы! И грошей, и воливъ, и коривъ, и печенымъ, и вареным: чого тилькы душа його не забажала. Пийшовъ нашъ кумъ жыты та Бога хвалыты, сталы його уси знаты, сталы до себе запрошаты та шановаты, та усякымъ добромъ його надиляты; нажывся нашъ знахыръ, буде зъ його стилькы,—ставъ винъ заможнійшый видъ усихъ на сели.

Ажъ ось и до його черга дошла. Скилькы не жывы на симъ свити, а того свиту такы не мынуты—треба йты такы у свою господу видвичаты за грихы свойи передъ Господомъ. О! довго жъ то винъ сердешный боровся зъ горемъ, усе такы не подавався, жалко було съ худобою розстатыся, а дали знемигъ такы та й злягъ на Божу постиль: хыріе бидураха та все поглядуе: чы нема кумы у ногахъ? такъ нема, не выдно йійи; винъ и радіе: ну, ще трохы такы пожыву на свити. А дали якось то зыркъ черезъ голову угору—ажъ стойить вона у головахъ, голубка кума його люба. Якъ побачывъ йійи, то мовъ окропу хто на його злывъ, такъ зъ його питъ видъ ляку полывся; а писля, одумавшысь трохы, та й каже:

— Жинко моя, диты, ходите сюды! А переверните лышень мое лижко; що я лежу такъ, де теперъ голова моя, поставте туда ногамы.

Перевернулы, такъ що жъ—и смерть посунулась

слидомъ за нымъ и впъять стала быля голивъ його. Бачыть винъ йийи бидолага та знову просыть:

— Поверните лижко та поставте оттакъ, отсюды! А нуте ще й оттакъ!

Ни, не помагаеться! кума його люба усе быля головы въ його. Отъ винъ бачыть сердешный горе свое, здыхнувъ тяжко, перехрестывся та кризь сльозы й каже йимъ:

— И-вже! Годи мудроваты! Постановите лижко такъ, якъ воно спершу стояло, та готуй, жинко, сорочку на смерть мени та свичку у рукы, бо вже *верты—не верты, а треба вмерты.*

156. Смерть увиходе въ хату.

У одного чоловика умирало невелыке дытя. И чулы люде, якъ коло тіейи хаты ходыло щось и голосыло, а потимъ увійшло у хату биле, биле, якъ снигъ и, ничого никому не сказавшы, скоро и выйшло. У ту жъ саму годыну, якъ смерть (бо то була смерть) выйшла зъ хаты, и дытына умерла.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

157. Смерть — домовыною.

Маты моя та ще одна жинка ишлы пизно зъ гостей. Ничъ була мисяшна. Идуть воны по вулыци, колы проты йихъ, попидъ плетнемъ, сунеться домовына. Воны обыдви дуже попerелякувалыся, и маты кынулась назадъ, а тая жинка упала на мисти. Маты зъ людьмы прыбиглы до жинкы и засталы йийи уже мертвою.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Александры Базилевичъ М. С. Чудновская. 1898.

158. Смерть зострила на вулыци.

Занедужала у жинкы дытына. Понесла вона йийи да знахаркы; пошептала знахарка дытыну, и жинка верталась додому. Дило було уночи. Поворачуе жинка у улыцю, а изъ другойи выходыть смерть у билій сорочци, высока.

— Дорова,—промовыла жинка, не догадуючысь, що то смерть. Смерть на сее ничого не одказала, тилькы такъ крипко заголосыла. Прыходыть жинка додому, ажъ на рукахъ у нейи мертва дытына. Догадалась тоди жинка, кого вона бачыла на вулыци, и чого воно голосыло.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская. 1898.

159. Манея звищае смерть.

I.

Ишовъ чоловикъ зъ беседы пизно уночи и бачыть винъ, що сунеться щось высоке у чорній одежи и каже:

— Усе село смерть выбрала, а сійи улыци не зачепыла.

— А тоби,—каже чоловикъ,—треба тутъ ходыть? Геть выдсиля!

Такъ манея и посунулась далей, а у того чоловика заразъ же диты померлы, а потимъ пошлы мерты и по всій тій вулыци.

Записала отъ Митрофана Шульги въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская. 1898.

II.

Оце зновъ якъ почалы у насъ у сели мерты диты, такъ бачылы, що по вулыци йшла такъ вродь бы жинкы, иде, та такъ же голосыть, та прыплакуе:

— Боже жъ мій, диточкы мойи любійи, диткы мойи голубъяточкы!

Плачучы и пишло удовжъ села. Выдно, зновъ багато дитей помре, що манея голосыть.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская. 1898.

160. Смерть голосыла.

Тожъ то, мойи голубъята, що воно таке й буде? Сю ничъ чую—щось иде вулыцею и голосыть, та такъ голосыть, якъ по мертвому, та й пишло на кладовыще.

— Э, кумасю, такъ се буде поморщына: се смерть голосыла. Такъ одного году було, такъ що дитей передушывъ оттой дихтерыкъ!

Записала отъ крестьянокъ с. Выбель Черниг. у. М. С. Чудновская. 1898.

161. Моровыця трычи на рикъ ходыть.

У насъ, а мо и по усихъ селахъ, моровыця ходыть по вулыцяхъ тры разы у годъ. Сама вона похожа на корову, и якъ иде, то почмыхуе и часто коло дворивъ становыться. У ту пору, якъ вона иде, коровы страшенно ревуть, а собака ни одынъ не забреше, покы вона обійде село. У тимъ двори, куды вона зайде, безпримин-но подохнуть уси коровы и собакы.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго М. С. Чудновская. 1898.

162. Моровыця конемъ.

Одного году люде бачылы, якъ середъ ночи по селу трейчи пробигъ кинь, тилькы не настоящый кинь, а одни кисткы необтягнутые шкурою. Люде кажуть,

що то була моровыця, бо у той годъ багато пропало усякойи скотыны.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Муцкаго М. С. Чудновская. 1898.

163. Моровыця лякае молодижъ.

Було уже пизно. Хлопци и дивчата сыдилы на колодкахъ, спивалы, балакалы. Колы жъ пидходыть до йихъ щось страшне зъ блыскучымы очыма; якъ дийшло до колодокъ, закрычало и зупынылось.

Се выдно була моровыця, бо якъ тилькы вона крыкнула, заразъ по селу заревлы коровы. Хлопци и дивчата полякалысь и сыдилы ни жыви, ни мертви. Моровыця трохы постояла, а потимъ де и дилась, тилькы щось загуло, мовъ гримъ.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у., отъ Петра Курильца М. С. Чрдновская. 1898.

164. Чудо.

Бувъ у чоловика сынъ парубокъ. И винъ його оженывъ—узявъ молодыцю. Отъ разъ на празныкъ Чуда винъ загадавъ йимъ кудысь на роботу йты. Воны пишлы, а ввечери прыйшлы додому, повечерялы й пишлы спаты въ комору—молоди.

Отъ той чоловикъ спыть, колы шось якъ застукае въ двери. Винъ пытае: «Хто тамъ?» А воно каже:

— Одчыны, Даныло, я Чудо.

Винъ излякався, не видчыняе. Отъ воно разивъ пъятнадцять стукало, а винъ не одчынывъ. И якъ излякався, такъ довго не спавъ, а тоди такы заснувъ. Уранци уставъ, колы коровы ходять по двору. Винъ думае: ото якъ довго молодыця спыть и до коровы не встала доси. Пишовъ будыты: стукавъ, стукавъ

у двери — не чуть никого. Винъ тоди злякався, пишовъ до сусиды, поклыкавъ його. Тоди ломомъ двери выломылы, ажъ молодыци немае въ комори, а сынъ його стойить за полубочкомъ и руку держыть и йисть. Сама рука зосталася, а то всю жинку ззивъ. А руку не съ пальцивъ почавъ йисты, бо тамъ винчальни перстини булы, а съ плеча.

Його пытають:

— На що ты йийи ззивъ?

А винъ:

— Я й васъ усихъ пойимъ.

То винъ не самъ йивъ, а то въ йому нечыста сыла. Чудо такъ його покарало, шо робывъ на його.

Такъ його й розстрелылы.

Це ходылы люде у Хвойкы, тамъ якась икона есть,—такъ тамъ це й чулы.

С. Жеведь Черниг. у. Отъ дивчины. 1898. М. Н. Гринченко.

V.

О мертвецахъ.

165. Мертва маты прылитае до сына.

Умерла у насъ одна жинка; закопалы йійи, та не запечаталы, бо никому було: тоди саме й пипъ умеръ. Сынъ сійи жинкы пишовъ на ничъ у млынъ. Иде и бачыть, що саме у тимъ мисти, де заховалы матиръ, свитло горыть. Подывывсь винъ и пишовъ. Прыходыть, колы маты на крылахъ прылитае до млына и почала здыраться на млынъ и гукать сына. Коло млына недалеко була и хата сього чоловика,—винъ гукнувъ собакъ и ставъ йійи цьковать. Собакы йійи и одогналы. На другый день сынъ росказавъ людямъ. Одкопалы йійи, колы вона лежыть уже не такъ, якъ слидъ мертвецямъ. Пробылы тоди люде жинку осыковымъ колкомъ.

Записалъ въ с. Муравейкѣ, Черниг. у. Отъ Мир. Лобуса Иванъ Мункій. Сообщила М. С. Чудновская.

---

166. Мертва ридна маты нападае, мертва хрещена обороняе.

Одна дивчына выйшла съ хаты и бачыть—у церкви свіѣтытьсе. Вона пишла туды, ажъ тамъ мертвыйи говіѣють. А хресна матка йійѣ вгледила та й каже: «Иды, дочко, швыдче, а то якъ угледыть тебе руодна матка, такъ иззіѣсть». Такъ вона и втекла. А друга тожъ побачыла, шо свіѣтытьсе, прыйшла, а руодна матка и вгледила, прыйшла до нейи и стала роспытувать:

— Шо тоби, дочко, саме важче?

А та каже:

— Мени, мамочко, саме важче мачуси годыть та сорочку робыть.

— Якъ же тоби важко сорочку робыть?

— А якъ же? Покы йийи посіѣй да пополы, тоди воно поросте, треба його побраты, тоди посушыты и помолотыты, тоди помочыты, потягаты, посушыты, потерты, помъяты, помыкаты, попрясты, помотаты, посноваты, навыты, у нитъ кыдаты, у бердо, тоди въ набылкы и заткаты, и выткаты, и вбіѣлыты, и пошыты, и надиты...

И такъ вона росказуе матци, а сама задкы йде, а матци здаетьсе, що вона стойить изъ ею гомо́ныть. Тоды вже й до хаты такъ дойшлы, а дивчына задкы одчынила хату и вскочыла въ сіѣны и двери засунула. А матка тоды каже:

— Ну, щасте твое, а то бъ я тебе ззіѣла.

— На що бъ же вона йийи ззила?

— Такъ дуже зрадіѣла, що побачыла.

С. Жеведь, Черниг. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

---

167. Завишеный не мае на тимъ свити спокою.

У сели Муравейци повисывся одынъ чоловикъ, и отъ якъ його закопалы у землю, и ставъ винъ по вулыцяхъ ходыты. Иде та й спивае писни, а якъ дайде до своейи хаты, то такъ голосыть, що ажъ сумно стане, якъ почуешъ. Така тамъ, кажуть, и жинка е, вона тежъ ходыть по селу и спивае, або голосыть.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

---

168. Мертви говіють.

— Чы у васъ бувае въ пуостъ глухый тыждень?

— Ни, не бувае. А въ васъ же колы бувае? И шо жъ то за глухый тыждень?

— То такъ зветьсе: глухый тыждень. У пуостъ на другому тыждни бувае. Тоды не говіѣють, и въ церкви не правытьсе. Кажуть, шо тоди опасно правыть у церкви, бо тоды мертви говіѣють.

С. Жеведь, Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1900.

---

169. Мертвыхъ треба помынаты.

Почувъ одынъ багатый чоловикъ, що його бидна сусидка на диды ничого не варыла, и позвавъ йійи до себе. Погостювавшы, уже пизно жинка верталась додому. На вулыци обступылы жинку мертвякы, и вона чуть жывая ускочыла у свою хату. Замкнула вона двери, колы дывыться: уси тійи мертвякы пидъ викнамы и плямкають ротамы. Поставыла скоришъ жинка пляшку зъ водою и чарку, бо такъ, кажуть, годыться, щобъ мертвякы у хату не загледалы. Тоди воны годи плямкаты и пишлы соби зъ пидъ виконъ.

Записала въ Черниг. у. Отъ Марьяны Новиковой М. С. Чудновская.

Другой разсказъ на ту-же тему, записанный въ Козелецкомъ уѣздѣ Черниговской губ. Ал. Шишацкимъ Илличемъ, напечатанъ въ № 24(стр.269) «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1853 г. Такъ какъ въ настоящее время почти нѣтъ возможности пользоваться этимъ изданіемъ, ставшимъ большою рѣдкостью, то мы перепечатываемъ здѣсь этотъ разсказъ.

Уже то наши покойные диды не дарма выдумалы помершыхъ помынаты... Стало быть тутенькы е такы якаясь польза, якъ вы зволыте мовляты. Бо старые люды кажуть, що екъ не стать помынаты покойныкивъ, дакъ

йимъ таменькы тяжко буде лежаты. Видъ того воны и сняться частенько и по хатамъ опивничъ мусять блукаты, и шкоды часомъ роблять. Отъ, прымиромъ сказаты, у насъ,—усе село про тее знае, що баба Семена Ковалева,—винъ, бачъ, держыть Федорцивну, изъ роду Малышивъ,—якъ тилькы вмерла, то й почала ходыты у господу. Було, якъ тилькы пивничъ глупа̀я зайде, ще до трейтихъ пивнивъ, то въ хати, якъ уже вси хропуть соби смертелно, тыхесенько видчыняються двери, и баба Семенова у билому покрывали й суне... Бува, хто небудь, то й чуе, и бачыть, якъ вона посудыною на полыци стука, то по хати росхожа, то ухватыть, бувало, метлу, выйде у садъ та й ну роспужувать воронне, що спы́ть на яблони, чы то на груши, а сама роспатлана, выскалывшы зубы, усе знай махае митлою та крычыть: «Го-го! Го-го!..» Разъ, кажуть, прыйшла опивничъ, а въ печи выпекався хлибъ; такъ що жъ вона зробыла?—Екъ ухватыть лопату, що хлибъ сажають, та екъ почала мисыты уси хлибы умисто, то таке накойила, що ни блызько... Хлибъ—хоть собаци выкынь!.. Ще й лопату у печи зоставыла... Капосты такые частенько вона, бувало, робыть; а знаете видъ того, що зроду було нихто объ нiй не помолыться, ни шага попу не дасть на часточку, ни паныхыдкы не поставыть, а екъ сталы паныхыды правыты та зъ людьмы помынаты, то й перестала опивночи ходыты...

170. Панъ-упырь.

I.

У Чарнигови бувъ одынъ панъ. Отъ якъ винъ умеръ, його заховалы; та ще тоди мабуть не печаталы, якъ теперъ, не заклыналы душу, щобъ не ходыла, отъ и почавъ винъ йиздыть зъ того свиту. Прыйиде та й давай наймытивъ роспытувать, якъ що робыться, а якъ що не

по його, то и бывъ. Наймыты сталы докладаться объ симъ архырею. Архырей ставъ пидстерегать того пана. Йиде разъ панъ у кареты тройкою, а на зустричъ йому йиде архирей, та й прочытавъ молытву,—се було на Красномъ мосту. Панъ и зарывся пидъ мостъ. Позвалы людей, почалы на тимъ мисти копать и одкопалы пана. Лежыть панъ и съ пидъ лоба дывыться и сміеться. Узялы тоди осыковый колокъ и пробылы йимъ пана, а кровъ якъ свыснула цивкою, то ажъ на тры аршыны угору была. И писля сей панъ уже зъ того свиту не йиздывъ.

Записала въ Черниг. у. отъ М. Плиски М. С. Чудновская.

II.

Давно колысь, ще якъ у Чернигови бувъ архыреемъ св. Өеодосій, умеръ одынъ багатый панъ Б. И ставъ винъ съ того свиту йиздыть по Чернигову. Тилькы було смеркнеться, то винъ уже и йиде у карети, четверыкомъ вороныхъ, съ кучеромъ и хварейторомъ на козлахъ. И такъ винъ йиздывъ щовечера.

А одного разу ще не смерклось добре, а Б. уже йиде по Трысвятськiй гребли. «Хто йиде?» пытають люде.—Б.,—каже хварейторъ. Тутъ одынъ чоловикъ махнувъ хрестомъ: «Будь же ты, Б., проклятъ!»—каже винъ. Заразъ и кони, и карета де й дилысь, тилькы у болоти, що николы не высыхае, дуже загуркотило. И съ того часу Б. уже бильшъ не йиздывъ.

Запис. въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ М. И. Черниской. М. С. Чудновская.

171. Не беры ничого въ мертвяка.

А то разъ парубкы й дивкы ишлы черезъ гробкы. Багато йихъ, такъ и не бояться. Колы встае проты йихъ мертвякъ—высокый, высокый у билому, и голова билою

хусткою накрыта. Одна дивка пидбигла та й исхопыла зъ головы хустку. А воно якъ загуде, такъ той мертвякъ не знать де й дився. Воны полякалыся та тикаты. И та дивка хустку кынула та тикае. Прыбиглы на досвиткы, двери защипнулы, думають — слава Богу, втеклы. А та дивчына дывыться—ажъ хустка въ нейи. Колы чують —якъ загуде, якъ загуде—ажъ то той мертвякъ—прыйшовъ пидъ викно, каже: «Подай мое!» Воны полякалыся, ажъ трусються, а воно все: «Оддай мое!» И такъ ажъ покы пивни заспивалы. Тоди загуло й не стало його.

Отъ тій дивци й кажуть:—«Пиды на гробкы и положы хустку йому на могылку!» Вона такъ и зробыла: однесла хустку и положыла йому на могылку. Отъ попрыходылы воны зновъ на вечорныци. Колы такъ опивночи якъ загуло, и впъять воно пидъ викнамы ходыть, крычыть: «Оддай мое!» А хустка вже впъять у дивчыны. И такъ якъ почало, такъ що ночи. И палылы ту хустку—ни, не пособляеться, упъять и стане въ нейи. Та вже дивка бидна ажъ иссохла, такъ журыться. Одъ тоди й прысовитувалы люде, щобъ поклыкаты батюшку його заклынаты. Батюшка прыйшовъ у ту хату, почалы правыты. Колы воно такы прыйшло и крычыть: «Оддай мое!» Отъ батюшка вже повычытувавъ усе, тоди ту хустку начепывъ на рогачъ и давъ дивчыни, щобъ вона такъ подала. Тоди каже: «Одчынить двери!» Одчынылы двери, воно увійшло и крычыть: «Подай мое!» Дивчына дае хустку на рогачи—не бере: «Рукамы брала, рукамы й надинь на мене!» Тоди дивчына накынула йому хустку на голову, а воно йийи за руку—якъ загуло, такъ не знать, де й дилося. А дивчыны й по сей день не бачылы.

— Де жъ вона дилася?

— Соби забрало.

Харьковск. губ. М. Н. Гринченко. 1883.

———

172. Макъ держыть мерця въ труни.

— Оце Амосъ умеръ, такъ я боюсь и за ворôтьмы сыдіѣть.

— Чого?

— Вуонъ було якъ іѣде, такъ стане на мосточку та й погомоныть изо мною. Такъ я й боюсе теперъ, що побачу його тамъ.

— А хыба вы чулы, щобъ мертви ходылы?

— Хто-й-зна, кажуть, шо ходять. Отъ у насъ у слободіѣ якъ умерла одна баба, такъ хыба не ходыла додому у ступи товкты?—Колы не віѣрыте, такъ попытайте оту діѣвчыну Параску, шо ходыть до мене, то йійи баба.

— Ну, роскажить же, якъ вона ходыла?

— Значыть, якъ поховалы йійи, такъ перву нуочъ бабы надъ колывомъ сыдіѣлы. Тожъ уже въ насъ такъ шо старыйи бабы надъ колывомъ сыдять. Отъ воны чують—товче шось у хлеви въ ступи. Ну, бабы не побоялысе: узялы свіѣтло и пишлы въ хліѣвъ, одчынылы двери, подывылысе—ничого нема. Увойшлы въ хату—впъять товче. И на другу нуочъ товче. Воны тоди, значыть сынъ та невіѣстка, выняли товкачъ изъ ступы до дванадцяты день. Йимъ такъ сказалы, шо вона до дванадцяты день ходытыме. Тоди якъ вийшло дванадцять день, воны однеслы товкачъ у ступу, и впъять вона товче. Такъ, кажуть, шо прывозылы воны батюшку тыхенько рано-рано на гробкы, щобъ заклынавъ, такъ тоды вже й не стала ходыть. Ще жъ и макомъ за нею сіѣялы, та й то ходыла.

— Якъ же макомъ сіялы и на що?

— То вона, бачыте, шось знала, ну просто, кажуть, шо вона віѣдьма була. Такъ уже йійи якъ ховалы, такъ невіѣстка завъязала маку-выдуты у вузлыкъ и въ домовыну положыла и мойой матци дала маку тожъ выдуты,

щобъ за домовыною сіѣяла. Такъ моя матка прыходыть та й каже:

— Ну вже Васылыха шось знала, недурно мени далы за домовыною макъ сіѣяты.

— На що жъ макъ сіють?

— Ото жъ вона якъ устане шобъ иты, такъ йой треба макъ поличыть и той, шо въ дымовыни, и той, шо по дорозіѣ. Покы поличыть, то вже й не вспіе дойты. А ця така була, шо й поличыть, и прыйде.

С. Жеведь М. Н. Гринченко.—См. въ этой книгѣ въ отдѣлѣ II № 34, X.

---

173. Мертва жыве на земли.

Була у однійи жинкы тилькы одна дытына и та умерла. Такъ молыла маты Бога, щобъ хочъ у сни побачыть свою доньку. Иде вона на диды, колы идуть йійи покійни батько, матиръ и зъ йимы и йійи дочка. Ухопыла жинка свою дытыну та скоришъ додому. И такъ прожыла зъ ею ажъ цилый рикъ, никуды не пускала видъ себе свою дочку. Прыйшлы зновъ диды.—«Ну, каже дочка,—пишлы наши—пиду й я!» И де й дилась.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Марьяны Новиковой М. С. Чудновская.

---

174. Закладъ.

— А я мертвыхъ не боюся.

— Бо дурна! Грихъ мертвыхъ не боятыся.

— Чого тамъ грихъ? Я бъ наче й на гробкы вночи сама пишла.

— Пишла бъ, такъ уже вдруге не ходыла бъ.

Стара баба:

— Ни, якъ такъ питы, такъ воно ничого, а якъ закладатыся, такъ грихъ, и то вже не мынеться. Одынъ

парубокъ закладався, що, каже, пиду на гробкы въ глупу пивничъ. Хлопци кажуть:

— Не пидешъ!

А винъ:

— Пиду. Отъ давайте объ закладъ, що пиду!

— Ну, а почому жъ мы взнаемо, що ты тамъ бувъ? Ты жъ насъ одурышъ.

— Идить слидкомъ за мною, то й побачыте.

— Ни, мы не пидемо: якъ за тобою поженеться, такъ тоди й намъ не мынеться.

— Ну,—каже,—такъ я оцю хустку гвиздкомъ до хреста прыбъю.

Ну, добре, узявъ винъ молотокъ и гвиздокъ и пишовъ. Пишовъ, а ти дожыдають. Ждать-пождать—нема; ждать-пождать—нема. И до свиту нема. Якъ розвыднылось,—ти хлопци на гробкы, ажъ винъ коло хреста мертвый лежыть, и хустка до хреста прыбыта. Сталы його пидниматы—щось не пускае. Воны полякалыся, а тоди роздывылыся, ажъ винъ изъ хусткою чумарку свою до хреста прыбывъ.

— Отъ бидный! То жъ винъ мабуть подумавъ, що його мертвякъ держыть та й умеръ съ переляку.

— Дурни вы! А черезъ шо жъ винъ чумарку гвиздкомъ прыбывъ? Ото жъ його й накарало, щобъ не закладався.

Славяносербскій у. Екатеринославск. губ. М. Н. Гринченко.

Два варіанта этого разсказа, записанные неизвѣсто кѣмъ въ Черниговскомъ уѣздѣ были помѣщены въ № 27 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1852 г. (стр. 286 и 287). Такъ какъ это изданіе представляетъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, то перепечатываемъ ихъ оттуда.

1. Да тее Бухъ его знае, чи можно (иты въ закладъ) *), чи нѣ, а все таки тее кажуть, що Божому

---

*) Записыватель говоритъ, что по понятію поселянъ закладываться или держать пари—ужасный грѣхъ, или, какъ они выражаются, грѣхъ *непрощенны*; что закладъ выдуманъ самымъ старшимъ чортомъ; что въ закладъ идти все равно что лишить себя жизни или умереть *нагло*.

чоловѣку нѣякъ нельзя. Аже жъ бачте, якъ старые люде кажуть: борони Боже ити въ закладъ. У насъ колись було таке диво, пане... Ось послухайте, коли хочете.— Колись муой покойный дѣдъ, нехай царствуе, перомъ ему земля... Аже жъ ты знаешъ его, Майсѣй?—А якъ же таки я не знаю? Лаврѣнъ Криволапенко, що живъ колись на концѣ кле Чепелихи вѣдьмы? Ге, ге, знаемо усѣ!--Декъ от-той же дѣдъ намъ колись росказувавъ, що екъ бувъ вуонъ парабкомъ ище, такъ, бачте, збирались на масляну недѣлю гулять, наняли уже, бачте, того музыку, напилисе усѣ гарѣлки, да й ну гулять; а деле вже, екъ понапивались добре, декъ одинъ паробокъ и каже:

— А нуте лишень, братцѣ, хто пуойде въ закладъ со мною: нехай хто трейки оббежить кругомъ старого шпиталя, где, кажуть, щось такее усе гуде, неначе собака, да ще, обѣгши кругомъ, нехай и палочку устыркне у землю супротивъ того угла, гдѣ образы Божіѣ колись стояли; тому, хто сее такечки изробить, кварта горѣлки.

Отъ одинъ обобрався, каже, такій знатны, хибѣтливы хлопецъ, да й пошовъ бѣгать. Три разы оббѣгъ, да й ставъ палочку устыркать у землю супротивъ того Божого угла, гдѣ образы стояли; нагнувсе, да якась и прыстыркнувъ тею палочкою полу одъ своѣ свиты; прыстыркнувъ да й седить тамечка; ждали, ждали—немае паробка.—Що це тее за знакъ,—кажуть,—пуойдемъ, подивымось. Пришли, ажъ седить; гукать—не чуе; коли пришли, ажъ вуонъ мертвы. Тутечка усѣ полякались да оттудова утекомъ. На другій день наѣхавъ судъ: зняли паробка того зъ землѣ, вертѣли довго, глядѣли, питали, каже, у насъ; мы кажемо: Не знаемо нѣчого, хто его знае. Декъ уже стали усѣ у селѣ казать, що оце все одъ зáкладу, що вже оце чортъ икъ сабѣ его взявъ да на юомъ теперечка ѣздить, бо вуонъ себе заложивъ

ему.—Оттакее то, вашіѣ высокіѣ благородіѣ, лыхо одъ сего закладу.

2. Що це, пане, за причта, що тутечка за диковина? Отъ то диковина, що колись, кажуть, десь тутечка кле мо́гилокъ, у нашуомъ, бачте, таки й селѣ, стояла церква Божа и звониця кле тоѣ церкви була, теперъ уже и мѣста того не знать; дакъ кажуть, що оттакечка на каляды позбирались хлопцѣ и дѣвки гулять, да вже, сказано, не безъ горѣлки гуляють; гуляли от-то вани до самоѣ пуовночи; нуочь була хоть око выколь, така вельми темна, а хурто́вина така зняласе, що й свѣту Божого не видно, мете й несе.

— От-то, братцѣ, кажуть, яка знялась хуртовина и нуочь темная екая; от-теперечка екъ бы хто бувъ добры молодецъ да одваживсе пробѣгти до церкви, да послухавъ, що тамечка теперъ спѣвають мертьяка.

А одинъ такъ зарезъ и каже:

— А що жъ, що минѣ за тее буде?

— А то жъ и побѣгъ бы?—кажуть ему.

— А що жъ, пойду; ще, коли хочте, каже, полѣзу на зво́ницу да зниму серце зъ звона и сюды ще й принесу.

— А нужъ, ну,—кажуть ему,—отъ же бо не зробишъ сего.

— Отъ же зроблю, давайте хто у закладъ.

Тутечка одинъ подбѣгъ и заложився объ повкварты; а паробокъ за двери. Тутечка давай зъ его усѣ смѣятця:

— Нехай,—кажуть,—добре пробѣгаетця да якую небудь вѣдьму поносыть на плечахъ!

Ажъ, коли сее кажуть, вуонъ уже и стукае у двери:

— Очинѣть, каже, хлопцѣ!

Вани очинили, диветця, ажъ у его у рукахъ справдѣ серце одъ звона. Уже тутечка, якъ не були пъяны, а такечка одъ сего усѣ и помлѣли; страхомъ такечки и ошибло усѣхъ: одинъ за другого ховаютця, и самъ тей паробокъ, що закладався да знявъ зъ звона серце, такій прибѣгъ бѣлы, екъ полотно; ничого нѣкому не говорить, стоѣть кле порога, да ажъ увесь труситця; дѣвки усѣ полякались, ховаютця; а деле вже одинъ якось одумавсе да й каже:

— Що це, братцѣ, мы робимо,—аже жъ намъ бѣда за сее буде; нехай скорѣй несе да повѣсить; а то нѣчимъ буде й до церкви Божоѣ позвонить.

А тей уже, що знявъ, и каже:

— Нѣ, братцѣ, уже самъ не понесу, боюсь, щось уже за мною бѣлее гналось, да все крычало: а на що, каже, ты знявъ, на яку потребу, яке твое дѣло, на що, каже, заложивъ свою душу?

От-тутечка ще й буольшъ усѣ полякались, а дале и кажуть:

— Понесѣмо, братцѣ, усѣ: воно, може, побоѣтця, якъ насъ буде богато.

Взяли тее серце, понесли, причепили зновъ, якъ воно було, да й вернулись, щобъ, бачте, провести дѣвокъ додому, коли туольки що въ хату, ажъ екъ схватитця вѣтеръ, да засвище щось такее у вокна, да зареве, декъ ажъ стены у хатѣ затрѣщали; а деле викно ододрало да й каже, кинувши серце одъ звона на стуолъ:

— Оце табѣ серце; коли самъ изнявъ, дакъ самъ иди и повѣсь!

От-тутечка усѣ якъ мертвы постали; а тей, бѣдняга, кажуть, узявъ серце да й пошовъ на звоницу, щобъ причепить, бо вже, бачъ, робить тутечка нѣчого, коли велено. Пошовъ да оттудова й не вернувсе. Серце на завтре було причѣплено такечки, якъ воно й буле, не-

наче, казавъ паламаръ, нѣхто нѣколи его й не знимавъ, да паробка не знайшли: хто его знае, де вуонъ дѣвсе. Уже нескоро матцѣ покуйнаго присnивсе сонъ, неначе гледить вона, «ажъ сынъ, каже, муой знимае нащось серце зъ звона, коли бѣлее щось, вано неначе й чаловѣкъ, такъ забѣгло ему ззаду, ухватило посерединѣ да зъ ѣмъ у землю й пошло».—Отъ якъ закладъ сей робить, пане, и що вже тутечка чалавѣку супротивъ Божаѣ силы ити!...

VI.

О людяхъ съ чудесною силою
(вѣдьмы, ворожки, волшебники и пр.).

175. Видьмы вчаться видьмыты.

I.

Якъ повыбывала Устя Гордіенчыха ногы, падаючы зъ воза, то йій пораялы прывезты зъ Смилы костоправа (а костоправъ той славывся на всю округу). Отъ и прывезлы його у Иржавець. Зробывъ винъ, що знавъ тимъ ногамъ Устынымъ и попрохавъ одвезты його назадъ. Запряглы коня, и сама Устя налагодылась йихаты зъ нымъ. Це було дуже рано, удосвита. Йидучы черезъ иржавську греблю, дидъ штовхнувъ ликтемъ Устю и показавъ рукою на берегъ. На березі стоялы дви жинкы, а коло йихъ несчысленна сыла усякого гаду.

— Ото бачышъ тыхъ жинокъ,—то дви видьмы доучуються видьмыты, а ту гыбиль гаду, що коло йихъ, бачышъ,—безъ того гаду навчытысь видьмыты не можна.

Устя съ переляку заплющыла очи и мерщій погнала коняку. Усю дорогу вона боялась балакаты съ костоправомъ, навить глянуты на його не насмилялась.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

176. Въ науци у знахаркы.

Давно колысь, ще за панщыны, у насъ такы въ Иржавци та жыла моейи бабы баба—Рыхвенка. Багацько де чого волошебного знала вона, а тымъ и ославылась навкругы, якъ найкраща знахарка й шептуха; люде до нейи такъ и рнулы, такъ и рнулы за всякымы порадамы. О, вона була дуже знахоровыта людына!—усимъ помагала, а кого, то й навчала де чого. Одного разу прыйшла до Рыхвенкы моейи такы бабы свекруха—Хвеся та й прохае:

— Навчить мене, бабусьо, хочъ де-въ-чимъ знахоруваты!

— Добре, моя дытыно, навчу,—вже кого-кого, а тебе навчу—я стара людына, день мени вику, та воно й не потрибне вже мени,—хочешъ, я видьмуваты навчу тебе?

— То й навчить,—одказала Хвеся,—а за се я вамъ дурно не схочу, щось та перекыну.

Отъ баба Рыхвенка й каже:

— Пиды жъ ты спершу на базарь та купы нового горшка, намитку и съ пивъ моташкы заполочи,—тилькы жъ гляды, не торгуйся ажъ ни трошкы, щобъ не заправылы, те й давай. Якъ все це вже здобудешъ, тоди й прыходь до мене, та тилькы на ничъ.

Хвеся все такъ зробыла, якъ велила Рыхвенка и одного вечора прыйшла зъ покупкамы до нейи. Рыхвенка поралась коло вечери и звелила Хвеси посыдиты покы що. Незабаромъ Рыхвенка упоралась. Насыпала вечерять, повечерялы уси, и дидъ—старойи такы чоловикъ—полизъ соби на пичъ, а воны, обыдви, взялысь мыскы та ложкы мыты. Якъ почула Рыхвенка, що старый вже хрипъ, вона штовхнула Хвесю та й каже:

— Ходимо, моя дытыно зо мною! Якъ разъ гарна по-

ра настала, теперъ нигде вже й никого немае на шляху, безпечно буде йты,—ходимо на гробкы!

Выйшлы на двиръ, а на двори хочъ въ око влипы, такъ темно. Идуть воны по пидъ тынню, а Рыхвенка й каже:

— Гляды жъ, щобъ за однымъ духомъ набрала писку въ горщокъ на гробкахъ, бо якъ не наберешъ за однымъ духомъ, то дило не вгорыть.

Прыйшлы ото воны на гробкы. Хвесю такъ страхомъ обгорнуло, що якъ набирала того писку въ горщокъ, и нигъ не чула пидъ собою, такъ іи трусыло—навить согришыла килка разивъ. Якъ вже нагребла писку, тоди Рыхвенка звелила Хвеси, щобъ вона обвынула той горщокъ намиткою и объязала по пидъ винцямы намитку заполоччу. Зъ гробкивъ пишлы воны прямо до рички—на Пылявську греблю, що була ще колысь за пана Янька зъ невелычкымъ млынкомъ. Надійшовшы до самойи рички, Рыхвенка й каже:

— Хвесю, я хочу все свое знахирство здаты на тебе, бо я вже совсимъ нездуженна до сього, а ты людына ще молода и кремезна.

— Навищо воно мени здалось!—ажъ крыкнула Хвеся,—мени тилькы хотилось знаты, якъ заговорюваты панивъ, та де яки шепты одъ пошестивъ... всього мени не треба знаты, цуръ йому, пекъ!...

А Рыхвенка и каже йій:

— То було бъ же такъ и казаты, що не хочешъ, а теперъ вже ничого не поможеться, мусышъ те робыть, що скажу: розъязуй горщыкъ та скыдай намитку зъ його й накынь йійи соби на плечи!

— Ой, матинко, не хочу, я цього, нехай йому ледащо!—крыкнула Хвеся и кынула намитку, заполочъ та горщыкъ зъ пискомъ додолу, на писокъ. Якъ упало все те дыво коло рички, то вода такъ и зашумила, и заклекотила у ричци, мовъ у лотокахъ, або де инде.

Хвеся стояла сама не своя и трусылась съ переляку, якъ одъ пропасныци.

— Ну, про мене, якъ не хочешъ, то й такъ буде,— якось сердыто промовыла Рыхвенка:—визьмы жъ писку зъ горшка, та, прынамне, сыпны разивъ два у воду!

Хвеся съ переляку не знала, що й робыты—вона то въ той, то въ другый бикъ нибы порывалась бигты, дали нахылылась до того горшка, достала писку, та— порось, порось! нымъ у воду. Якъ глянула жъ вона на берегъ, а тамъ—ажъ кышыть, ажъ шыпыть увесь берегъ гадомъ... та ще й якымъ гадомъ—якъ полоззямъ! Юртуеться той гадъ, лазыть одно на одного й до Хвеси наблыжаеться... Якъ закрычыть вона, якъ заверещыть на все горло, та звидтиль мерщій—хода до дому... Съ того часу цилый мисяць вона не вставала съ постели, ажъ занедужала съ переляку. До Рыхвенкы не тилькы сама бильшъ николы не ходыла, а й другымъ заказувала не ходыты и не вчытысь усякыхъ хымородивъ.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

---

177. Одъ видьомъ.

1. Щобъ видьмы не ходылы до коровъ, треба нарвать на Ивана Купала коноплель и поховаты у хливи. Тымы коноплямы выганяты коровъ у пастушъ и якъ женуть, видьмы будуть пидходыты и просыть оддать коноплі.

Ще годыться у сей день нарвать кропывы и поставыть круга виконъ.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Ивана Мосича М. С. Чудновская.

2. Якъ видьма видбере молоко, то добре пидкурюваты корову зиллемъ священымъ на Ивана, робыты па-

ру зъ цыганськыхъ жужливъ або зъ назбираного зъ дорогы каминня.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

---

178. Якъ побачыты видьму.

1. Щобы видьму бачыты, треба засидаты на ню у велыкый четверъ, або ще липше на Юря, бо тогды найбильше видьмы шастаються.

2. Якъ трафыться полино, що мае у соби сукъ, то якъ той сукъ выпаде, треба подывытыся черезъ дирку, то тогди абы яка видьма, то мусыть показатыся.

№№ 1 и 2—Восточна Гадычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

3. Якъ хто умре на заговины на маслену, то выберы у трыскахъ изъ труны таку трисочку, щобъ була дирочка одъ сучка, и якъ подывышся у тую дирочку—побачышъ усихъ видьомъ.

4. Наличы трейчи по девъять голокъ, положъ на сковороду, налый молокомъ и уставъ у пичъ. Якъ такъ зробышъ, видьма прыбижыть до тебе у хату.

5. На Велыкдень, якъ обійдуть на утрени круга церквы и станутъ уходыты у церкву, треба де небудь недалеко стать и дывыться, колы хочешъ побачыть видьомъ. Воны будуть уходыть позаду усихъ, и кожна буде циловаты у замокъ.

№ № 3 и 4 (с. Выбли Черниг. у.) № 5 (Рыльскій у. Курск. г.) записала М. С. Чудновская.

179. Чымъ видьма являеться.

I. Видьма людыною.

А. Разъ одынъ чоловикъ пошовъ гулять, ажъ бачыть, щось попередъ його иде вродли чоловика, дакъ винъ ставъ його наганять, а далей каже:« Чоловиче, подожды мене»! А воно мовчыть, дакъ винъ тоди бигомъ за нымъ, а воно навпроты його да давай його давыть, а чоловикъ не могъ промовыть слова, а далей давай чытать молытвы, дакъ воно и пошло одъ його, и винъ николы того уже не бачывъ. Се видьма.

С. Выбли Черниг. у Записалъ ученикъ нар. школы Иванъ Новикъ.

Б. Одного разу чоловикъ ишовъ изъ гульни; да тилькы що дойшовъ до Павла, ажъ щось у хворточку иде, глядь—видьма, да за йимъ, а винъ не вельмы испужався, да давай ламать колокъ зъ плетня, а вона и иде до його, дакъ винъ на ейи замахнувся колкомъ; а видьма все такы на його лизе, тоди чоловикъ куды выдно и утикъ.

Записалъ ученикъ Выбельской школы Иванъ Новикъ.

II. Видьма овечкою.

Чотыри годы уже пройшло, якъ бачывъ я сюю нечысть. Гулялы мы весилля якъ разъ на святу недилю. Проты четвертого дня святойи мы упъятьохъ, пъяненьки правда, такъ якъ опивночы ишлы по домамъ изъ весильного дому. Колы дывымось, бижыть по улыци проты насъ чорна овечка; мы за нею; колы изъ овечкы зробывся чоловикъ; мы й за нымъ; винъ тоди якъ чкурне, тилько його й бачылы,—хто його зна, де винъ и дився. По моему то буда видьма.

Отъ рабочаго Платона Бартоша (неграмотнаго) въ с. Свѣтильномъ Остерскаго у. Черниг. губ. И. Е. Коновалъ 1899.

III. Видьма щенямъ, сорокою.

У насъ у Кулыковци у одного чоловика, звыняйте, отелылась коровка, ну чоловикъ и жинка седять ждуть, щобъ узять телятко у хату. Колы дывляться, де не возьмысь щеня, та туды жъ до коровы. Воны и байдуже, думалы, що мо сусидське. Забралы телятко и коровку погналы у хату—и щенятко слидомъ. Уходять у хату, колы уже изъ щеняты та зробылась сорока. Поймавъ чоловикъ ту сороку и выйнявъ йій ножемъ око; колы передъ йимъ уже жыдовка Юдыха, и кровъ бижыть изъ ока. И давай тоди жыдовка кланяться чоловику та просыть, щобъ винъ никому не казавъ. «На, каже, тоби пятьорку, та здилай мылость не росказуй»! Узявъ той чоловикъ пятьорку, а на завтра и росказавъ людямъ, якъ було дило: «Оде, каже, у мене пятьорка и Юдыхыне око: бережиться йіи, бо вона видьма. Одговарувалась, одговарувалась Юдыха: «Се я, каже, сама себе шпырхнула у око, розбиравшы курку», а дали одъ сорому и зовсимъ убралась изъ села.

С. Куликовка Черниг. у. отъ М. Ревкиной М. С. Чудновская.

IV. Видьма собакою.

Одынъ чоловіѣкъ ишовъ, а сучка йому на плечи скуокнула и лапы поклала. Вуонъ узявъ за лапы и несе и такъ лехко, шо и не пудсовуе. Нюосъ, нюосъ, а тоды вона выковзнулась, скуочыла за плуотъ ще й зареготалась. А моейи хреснойи маткы батько, такъ той у хату внюосъ и хотіѣвъ лапы поодрубовать, такъ вона зробылась жуонкою. Ще й яка жуонка—кума його. Стала просытьсе, такъ вуонъ и пустывъ. Такъ у його не можна выковзнуться, бо серга золота у вуси.

— Значыть у кого серга у вуси, у того не выковзнеться?

— Ніѣ, не то шо серга, а въ кого золото е: хочъ

серга, хочъ перстинь золотый або гроши, такъ у того й не выковзнетьсе.

С. Жевель Черниговск. у М. Н. Гринченко.

Варіантъ разсказа о явленіи вѣдьмы собакою, записанный П. Косменко въ м. Понорницѣ Кролевец. у. Черниг. г. находится въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1854 г., № 17, стр. 113—114. Приводимъ его оттуда, какъ изъ изданія сдѣлавшагося библіографической рѣдкостью.

Нѣ добродію, що не гомонѣть, а нечиста сыла пахождае таки помежъ народу! Отъ, недалека кажучи и теперъ ище живъ чалавѣкъ,—нехай йому легка згадаецце!—на *Пиваравци...**) якъ бу його? Дай, Боже, дураку паметь!... Салабай!... Ишовъ, каже, разъ позненька адъ Шендрика, да вже звіѣсна, якъ идуть адтуля,—геть-геть пудъ чаркою, колы оттамъ, у Грицаевой юлочци, вадкуль не вазьмись сучка йому на плечи... «Э!—каже,—знаемъ, що се таке! пастой же бѣсова ведюга, я тебе адучу народъ лекать!»—взявъ за лапы да й несе,—думка: дома распитаемось! Звѣсна, въ суцци вагата не велыка, а то, каже, неначе сто пудовъ... «Дарма жъ, буду несты,—дума Салабай: нехай и шлунки забалять, дарма, а данесу!» Такъ то въунъ думавъ, да не такъ вышло. Бѣсова вѣдюга постерегла, що въунъ йійи несе не на размову, да давай, каже, и сюды, и туды... «Э! нѣ, дудки, не въ такіе руки попалась, щобъ выкрутыцця!»—да маторнѣй дадому. Що жъ вы думаете? пересадыла, каже, морду черезъ плечи да й лызь езыкомъ по щеци, шо ажъ въ очахъ позеленило. «Дарма,—каже,—донесу»! А вана його вдруге... втрейте... Салабай и свиту не вбачивъ да зъ усихъ чатырохъ шибиряхъ объ землю. «Бъулшъ ничого,—каже и не знаю...». Люде на завтре гналы череду, дакъ пуднелы його, а шкуры на щеци наче й не було,—и теперъ ще шрамъ видны!

---

*) Часть мѣстечка.

— Расказуйте, добродію,—выдумавъ! Хай бы се выдумавъ одынъ Салабай, а то жъ скыльки народу все одно да одно расказують. Злучаетце зъ нашимъ братомъ, що иногди и лышню выпьешъ, и пудъ плотомъ заночуешъ, а все жъ такы бува шкура на пыци цѣла.

— Вано такъ, вистымо, злучай злучаю розь, да про сихъ проклятыхъ віѣдямъ знае й старе, й мале, и куды не пайды—все те жъ гомонять, що воны апавночи то въ клубки, то въ свиней, то въ сучокъ перекидаютце та коровъ доеть. Ярчукъувъ даветь або людей лекають, або ще й иншіе капосты робеть. Нѣ таки добродію, нѣчого, е воны, проклетущійи, на свѣти. То що вы іще мало на свѣти живете,—поживете болшъ дакъ може—въ добры часъ поговарить, а въ лихи помовчать,—и вамъ злучитце пабачить йихъ нечистыхъ.

V. Видьма сытомъ, праныкомъ, котомъ.

Видьма чымъ хоче, тымъ прокынеся: сытомъ, праныкомъ або котомъ.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

VI. Видьма полотномъ.

Вы сміетесь, шо мы вирымъ у видьмы, та у инше, а що жъ бы воно було таке ось хоть се. Иду я разъ у обходъ, дывлюсь—середъ вулыци роскынуто красне полотно. Се, думаю, не къ добру. Узявъ я та палкою и одкынувъ полотно, пройшовъ и дывлюсь. Ничъ була выдна, мисяшна. Дывлюсь, нема коло мене никого иніякого полотна нема. Такъ якъ бы се не видьма—де жъ бы воно дилось? И я не пъяный бувъ, щобъ, скажете, мени замыгало у очу.

С. Выбли Черн. у. Отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

VII. Видьма стиною.

Икъ разъ у опивночъ, колы саме ходять видьмы, одынъ паробокъ вертався изъ вечерныць. Тилькы що

винъ повернувъ у вузеньку вулочку, що по надъ болотомъ, колы передъ йимъ била, блыскуча стина и загородыла собою дорогу.

Постоявъ паробокъ килькы тамъ уже, а тоди якъ розженеться, да у стину; такъ вона и розийшлась на два бокы, а парабокъ, мовъ полотно, прыбигъ додому.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Васылысы Шульгиной М. С. Чудновская.

180. Черезъ видьму убывъ чоловика.

Ишлы два чоловикы изъ шынку, колы жъ откуля не возьмысь — видьма, та й скочыла на плечи одному чоловику. Другый, побачывшы сее, хопывъ ломаку, та й давай йийи быть. А люде жъ, бачте, кажуть, що видьму такъ прямо нельзя быть, а то не попадешъ, а треба, щобъ попасты, быть йийи тинь. А той чоловикъ та сього не знавъ: бъе, та й бъе видьму, не знае того, що винъ не йийи попадае, а чоловика, та такъ и убывъ бидолагу.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Емел. Лукаша М. С. Чудновская.

181. Видьмы на Велыкдень.

— Може въ городи й нема вiѣдюомъ, ну, а въ насъ есть. Оце на Велыкдень на всюнуошнiй якъ идуть круга церквы, — якъ уже до Хрыста дочытаютьсе, та тоди й идуть — такъ душъ коло двадцяты мужыкуовъ батюшку бережуть, шобъ воны за рызы не тягалы.

-- Хто?

— Та вiѣдьмы жъ.

— На що жъ воны тягають?

— Значыть такъ йимъ треба.

— А вы бачылы?

— Вже жъ бачыла. Такъ идуть люде круга церквы, а коло батюшкы мужыкы й парубкы. Парубкамъ особлыво цикаво віѣдюомъ одштовхувать та быты. Такъ оце воны ліѣзуть, щобъ такы лапнуть за рызы, а парубкы якъ потурять изъ схуодцовъ та бъють! А всіѣ люде дывлються, кого бъють. А вже впосли лаютьсе бабы:—Ты сяка-така, тоби толькы попа за рызы тегаты!—И ще воны вспіѣшаютьсе, шобъ поперідъ попа за клямку въ церкви лапнутьсе. Двери жъ зачынени, якъ круга церквы пойдуть, а якъ пудходять уже до дверей, такъ воны й бижать, щобъ попа попередыты, ну, йихъ мужыкы та парубкы й потурять одъ дверей. Знаете, яка штука разъ була: ота баба, шо я казала, шо якъ умерла та прыходыла въ ступи товкты, такъ, значыть, вона ліѣзе, шобъ потягты попа за рызы, а сусіѣда одштовхнувъ йіѣ та й каже: «Шо се, всіѣ будемо попа за рызы тегать»? Ну, вона мовчыть. Отъ повходылы въ церкву, поставалы. И та баба стала коло того сусіѣды. А въ його коло верхнихъ штануовъ було два кгудзыкы та такъ кріѣпко вшыти. Постоялы, а вона йому й каже: «Хведоре, а шо це, всіѣ будемо штаны пудтягать?» Вуонъ глянувъ, ажъ штаны опалы. А якъ же кріѣпко булы кгудзыкы вшыти. Такъ вуонъ тоди каже: «Теперъ уже не буду йихъ чіѣпаты,—хай йимъ усячына».

Ну, теперъ уже не такъ сталы, якъ одну добре повчылы. Ліѣзе та й ліѣзе, такъ йіѣ якъ штурхонулы изъ сходцуовъ, а тоди ще й набылы добре та й положылы у хатіѣ, у сторожціѣ. А тоди просли службы сказалы сынови йіѣ вже:

— Запрежы коня та заберы матку, а то вона впала та забыласе дуже.

Не хочуть уже, значыть, йому казаты, що вона віѣдьма, та такъ и кажуть. Такъ не менчъ якъ недіѣль сіѣмъ не вылазыла съ постели просли того.

— А батюшка знае, що його бережуть одъ видьомъ?

— Звіѣсно знае.

— А може жъ и не знае?

— Ніѣ, знае. У насъ у хатіѣ чоловіѣкъ одынъ, Мыкола Семенцовъ, казавъ, що батюшка йому колысь казавъ: «Спасыби вамъ, господа, шо бережете мене, а то булы бъ звалылы мене бабы».

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1899 г.

182. Видьма на процессійи.

Якъ зъ процессіею обходять церкву, то видьма николы не може тры разы обійты, якъ други обходять, лышъ прыпреся до паркана та й чекае, ажъ обійдуть.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

183. Видьма вночи видьмуе.

Не зналы дивчата, що баба Палажка видьма, та й пошлы до йийи на досвиткы. Прялы тамъ воны, шылы до пивночи и збиралыся уже ложыться спать, щобъ ще и вранци устать на роботу. Не успилы воны полягаты, колы уси четверо дверей зразу одчынылысь, мовъ бы йихъ одчыныла нечыста сыла. Баба стояла середъ хаты. Перелякани дивчата глянулы на нейи, ажъ изъ ейи сама спала одежа и баба страшка зъ роспатланымы косамы, зъ страшенно скрывленымъ выдомъ, зъ пиною на губахъ, хопыла рубель и качалку и давай бигать по хати. Дивчата зъ переляку не зналы, що робыть; екъ бы не мій батько, котрый ту ничъ бувъ обходчыкомъ, то воны бъ мо тамъ и повмиралы. Батько, побачывшы сее у викно, гукнувъ дивчатъ и прывивъ ихъ до насъ ночувать безъ платкивъ и безъ юпокъ, бо зъ переляку воны и одежи одцуралысь.

С. Выбли Черниг. у. Отъ П. Муцкаго М. С. Чудновская.

184. Видьмыне молоко.

Выслужывъ москаль двадцать пъять рокивъ, колысь же бачъ служылы двадцать пъять годъ, и ишовъ додому. На ничъ зайшовъ винъ до однiейи бабы. Тилькы у опивночъ вернулась баба додому. Москаль не спавъ и бачыть, якъ почала вона блевать, такъ молоко зъ йийи и лизе у тазъ, а у послиднiй разъ якъ блюнула, то ажъ загорилось. На завтра и подае вона москалю тее молоко.

— Ни,—каже москаль,—не хочу.

— Не хочешъ, каже, а поглянь, килкы молока, нема, каже, тiейи коровы, щобъ я не подоила.

— Ну,—росказувавъ потимъ москаль,—и родывсь, и хрестывсь—не бачывъ такойи видьмы.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Петра Муцкаго М. С. Чудновская.

---

185. Видьма продае масло.

Оця баба, що у осень умерла, кажуть була видьма: дойила чужыхъ коровъ.

Понесла вона разъ на базарь масло прóдать, а панъ и затрымавъ йийи съ тымъ масломъ.

— Що се,—каже,—ты за масло таке продаешъ?—та за його та у полыцiю.

А баба скоришъ мижъ люде и утекла.

Несе панъ тее масло у горшку, а воно, кажуть люде, такъ изъ горшка и летыть, скано видьма: изъ чого вона його не робыла! Не знаю уже, чы донисъ панъ його скилькы небудь, чы мо такъ усе и повыскакувало.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Анастасiи Шульгиной М. С. Чудновская.

186. Будякове масло.

О, есть люде та ще й не абы яки знаючи. А отъ хоча бъ и се. Одынъ панъ та найнявъ поденныхъ робитныць на свойихъ харчахъ. Отъ, вырядывъ винъ йихъ на поле, давъ йимъ хлиба, а до хлиба хоча бъ що небудь,— хоча бъ цыбулыну, гирочокъ, чы то солы дрибокъ, або що. Отъ якъ прыйшла обидня пора, посидалы уси у кружокъ та й давляться тымъ черствымъ однымъ хлибомъ. Йидять соби мовчкы, а одна зъ жинокъ и каже: «Ну, та й скупа жъ наша пани, ажъ ничогисинько до хлиба не дала; симъ коривъ на обори мае, здаеться, не зубожила бъ, колы бъ маслычка хочъ трохы дала». Друга молодыця, почувшы се, пидвелась и пишла соби геть на бикъ одъ гурту; пидийшла вона до будяка, що цвивъ било, та й почала за верхню квиточку його к рутыть Такъ крутыть, такъ крутыть, а дали пустыла ту квиточку, нагнулась и взяла съ пидъ будяка здоровенну грудку масла. Прынесла те масло до гурту та й каже: «Йижте на здоровъя»! Взялыся уси лусомъ до того масла и ажъ онъ якъ поналуплювалысь, тилькы воду попываютъ та дякують тій молодыци за масло. Увечери робитныкы позиходылысь у двиръ до пана, а пани и хвалыться йимъ, що бильшъ двохъ годынъ удень колотыла масло й хоча бъ ознаку бачыла, що воно злиплюеться у сметану—не ка́жы, що сыроватку бовтала. Позырнула та жинка на всихъ молодыць, пидморгнула йимъ, а воны йій та й мовчять соби—догадалысь, де дилось те масло, що пани цилый день войтузылась зъ нымъ. Онъ бачыте, яки люде трапляються! Отъ же росказуй теперешнимъ молодымъ жевжыкамъ про се, то воны ще й не поймуть виры, на кглузы пидиймуть.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко.

187. Завитка и видьма.

Пишлы люде жаты, колы у жыти завитка. Полякалысь воны, бо завиткы роблять на смерть, або на яку небудь пакость. Кынувсь чоловикъ по батюшку. Прышовъ попъ и тилькы шо хотивъ вырвать завитку, колы летыть видьма на крылахъ и давай просыты, шобъ попъ не чытавъ молытвы и не чипавъ завиткы; «Я, каже, вамъ бочку молока прынесу». А потимъ хватыла борону, та що вона йийи попотягала, та попопросыла, та тилькы йийи не послухалы.

С. Выбли Черниг у. Отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская.

---

188. Видьмамъ треба попилъ съ купалового огню.

Якъ дивкы й хлопци поросходылысь одъ купала, товарышъ мій и каже: «Вернимось до купала, та будемъ бачыть, якъ видьмы попрыбигають за попиломъ». Вернулысь. Пождалы коло купала, що уже стало затухать. Товарышъ мій держыть у руци лозынку. Колы бижыть видьма, та тилькы шо хотила хватыть попилу, а винъ йийи лозынкою, такъ вона и одскочыла. Тоди друга прыбигла, хотила хватыть попилу, товарышъ и йийи лозынкою. А третя бигла, та ажъ пина зъ рота, та що вона попоскакала круга купала, щобъ ухватыть попилу, а товарышъ усе лозынкою, лозынкою, ну и не допустывъ ни одну.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Маркела Непомнящаго. М. С. Чудновская.

---

189. Видьмамъ треба сыру зъ вареныка, що на заговины варють.

I.

Одного году молотывъ я въ чужомъ сели. Заговлялы на пистъ. Хто, пытаю, хлопци, хоче побачыть видьму, оставте у роти сыру. Посміялысь, а я усе такы сыру за губою оставывъ. Полеглы спаты. И сныться мени, що якась жинка просыть оддать йій сыръ. Прокынувсь я—нема ничого; заснувъ зновъ, и зновъ мени сныться сее саме, а потимъ и утрейте. Давай я тоди будыть хлопцивъ: уставайте, кажу, бо видьма одыма у мене сыръ. Уже и на зору почало займаться, повставалы мы. Вынявъ я зъ рота сыръ и завъязавъ у поесъ. У обида дывлюсь—бижыть дядьковъ сынъ Антонъ: «Иды, каже, скоришъ додому—жинка зовсимъ умирае». Що воно думаю таке, мо се такъ видьма зробыла? Вынявъ я сыръ изъ пояса, щобъ ще бильшъ не дратувать видьму, засунувъ у щиль и побигъ додому. Черезъ килькы день я зновъ вернувся до хазяйина, кынувся сыру, а його и слидъ простывъ: видьма украла, щобъ я на Воскресеніе йихъ усихъ не побачывъ.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Ефима Іовенка М. С. Чудновская.

II.

Якъ липлють вареныкы на заговины, такъ треба першый якось намитыты, а якъ зварыться, то высушыты його и увесь пистъ носыты въ пояси.

На Велыкдень, идучы до утрени, положы його за щоку. То видьма пидійде, торкне за плече и прохатыме: «Дай мени вареныкъ!» А йій треба сказаты: «Дай неминяный рубъ!» Вона довго не даватыме, а тоди такы дасть рубъ той за вареныкъ. И того рубля вже чоловикови

на ввесь викъ стане, абы тилькы не купуваты одразу на ввесь. Треба такъ, шобъ хочъ копійку здачи зъ його взяты, то й вернеться упъять. А якъ не взяты здачи, то вже не вернеться.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко. 1883.

---

190. Видьма краде нехрещену дытыну.

Якъ бы на двиръ кынувъ нерозвязане помело, то прыйде видьма и выдуе зъ його видьмину, а потому кобы де лышъ захопыла нехрещену дытыну, то заразъ пидминяе. Тому докы дытына нехрещена, мусыть свичка горить въ хати.

Восточна Галычына. Болехивъ коло Стрыя. Записала Н. Кобрынська.

---

191. Видьма выплюовуе часточку.

На першому тыжни велыкого посту у суботу кількы чоловикъ у церкви бачылы, якъ одна жинка и хлопець, запрычастывшысь, выплюнулы зъ рота прычасте, и часточкы св. Тила зробылысь пчилкамы и пиднялысь угору.— Я чувъ, що такъ роблять охотныкы, щобъ на охоти була йимъ удача, а жинка зробыла се выдно тому, що була видьма.

С. Выбли Черниговск. у. Отъ Маркела Непомнящаго М. С. Чудновская.

---

192. Видьма здіймае зиркы зъ неба.

Якъ була я у Мошнахъ въ манастыри, то ось яке дыво росказувала мени квиткивська молодыця про тыхъ видьомъ. У нашимъ,—кае,—сели, у Квиткахъ такы, та жыве одна жинка, що здійняла зъ неба зорю тымъ пив-

миткомъ, що не скыдався зъ мотовыла уси велыкодни святкы. На нейи такы подейкувалы уси селяне,—кае, що вона була, не при хати згадуючы, видюга добра.

Отъ вона,—кае,—здійняла його на Хомыну недилю, увечери, та такъ якъ опивночи выйшла на двиръ, —а зори, якъ ти золоти цяшечкы блыщать на неби,—махнула тымъ пивмиткомъ и збыла одну зирочку. Узяла ту зирочку, поклала йийи у новый горщокъ, накрыла покрышкою, однесла у погрибъ и поставыла на масли, а сама пишла на роботу. Удень йийи та сусидыны диты гралысь соби у пижмурокъ (певно ховалысь и у погреби), та й знялы съ того горщыка покрышку. Колы се,—кае,—якъ заблыщыть усюды, якъ засяе, то не кажы, що пожежа, хай Богъ бороныть, де трапылась! Зирочка вылетила зъ горшка, пиднялась геть надъ оселямы и полетила на небо. Есть гаспыдськи волошебныци, що й зирочкы за нымы не вдержяться—тымъ то йихъ и поменчало теперъ на неби. Що хочте кажить, а теперъ йихъ далеко менче на неби стало, нижъ колысь було, якъ я ще зазнаю!

Каневскій у. Записалъ В. Ф. Степаненко.

---

193. Видьма боиться йирчука.

— Ну, нехай уже й немае віѣдьомъ, нехай то такъ бабы одна до однойи ходять коруовы дойиты, а все жъ за йимы не можна собакы йирчука вдержаты. Отъ уже такъ добре знаю, що муой братъ у хатіѣ йирчука державъ, шобъ не задавыла віѣдьма. Міѣсяцуовъ тры державъ, и такый уже гарный, здоруовый собачка ставъ. Тоды вже куды жъ його держать, якъ уже йому міѣсяцуовъ тры,—выпустывъ, а вона, проклята, йому куосткы й потрощыла. Якъ бы маленькый, такъ задавыла бъ, а то чысто куосткы въ суставахъ потрощыла. А оце въ осень

якъ я додому ходыла, такъ росказувалы на вечорныцяхъ, шо тамъ до одного чоловіѣка прыйшла пуодъ повіѣть така въ кожусіѣ и косы роспатланы, та й заходылась йирчука давыть и задавыла. А невіѣстка угледила та й впознала ту бабу та на зоввыцю:—Ходіѣмъ!—А вона така небоязька. Побіѣглы воны городамы и прыбіѣглы швыдчей за ту бабу. Колы вона йде у кожусіѣ, роспатлана. Увойшла у хату, а воны у вокно дывлютьсе. А вона кожухъ искынула и давай косы пудбирать пудъ чепокъ. Такъ воны дома росказалы, та й просють, шобъ никому не росказувалы, шобъ не сердылась вона, значыть. Такъ хыба жъ Иванъ, парубокъ йихъ, утерпивъ?—Побачывъ йийи да й каже: «А ты, стара сучко, на що мого собаку задавыла»? Такъ мовчыть.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко. 1900.

194. Видьмы возылы видьмака.

Жывъ соби такый чоловикъ, що знавъ усихъ видьомъ и казавъ про йихъ людемъ. Узлылысь видьмы на сього чоловика, прышлы разъ до його уночи, а вонъ да спавъ на возi, и вывезлы його на ростанькы. А чоловикъ сей бувъ видьмакъ и зробывъ такъ, що видьмы не можутъ одыты одъ воза. Простоялы воны тамъ цилу ничъ, уже и на зору стало займаться,—бабы погналы до череды, а воны усе стоять коло воза. Тоди уже якъ уси люде побачылы видьомъ, чоловикъ пустывъ йихъ додому и сказавъ, шобъ воны не дойилы чужыхъ коривъ.

С. Выбли Черниговск. у. Отъ Якова Вишневецкаго М. С. Чудновская.

195. Дядько Хведоръ знахарь.

I.

Ну, дядько Хведоръ, чы винъ видьмакъ, чы колдунъ, чы хто його знае: що захоче, то и зробыть. Чы скотына захворіе—поклычуть його, винъ подывыться, та щось пошепче—и пройде; чы зубы заговорыть—до вику не будутъ болить. А що зупыныть млынъ, або коней, такъ йому якъ разъ плюнуть. И що воно таке за чоловикъ, и чого винъ тилькы не може зробыть!.. Оце недавно йихавъ якыйсь паничъ на ласапеди. Дойихавъ до кузни, а тутъ и дядько Хведоръ стоявъ, та й каже: «Оце якъ летыть!» Такъ заразъ паничъ и гепъ зъ ласапеда; сивъ, та й зновъ гепнувся и такъ килькы разъ: якъ сяде, такъ и злетыть. А дядько стойить и усьмихаеться.
—Се ты, дядьку,—каже паничь,—выдно зъ мене пошутывъ?

— А ну жъ сядьте, каже, якъ вы на сій машыни йиздыте?

Тоди паничъ сивъ и уже бильшъ не падавъ, а такъ и побигъ, тилькы дзенькае, щобъ диты утекалы зъ дорогы.

Такъ онъ якый дядько Хведоръ! Винъ мабуть бы и чугунку, що коло Муравейки, зупынывъ. (Записано отъ школяровъ).

II.

Ни, такы не кажить, а Хведоръ багато де чого знае: онъ и млыны, и машыны ти, що на двохъ колесцахъ йиздять, зупыняе, а разъ и намъ було, що прышлось стать середъ дорогы, чого й що. Се було якъ Хведоръ оддававъ небогу у Ковчынъ, и йихало насъ шиснадцять пидводъ зъ подаркамы. Хведоръ йихавъ позаду и крычавъ намъ, щобъ мы зъ чоловикомъ пидождалы, а мы не послухалы и пойихалы.

— Ну, погуляйте-жъ—каже винъ,—не пидождалы— усе равно заразъ остановытесь.

Колы жъ икъ разъ якъ сказавъ, такъ намъ и случылось. Йидемъ мы по ровній дорози, колы зразу визъ нашъ якъ пидскочыть, мовъ бы хто його пиднявъ, колесо спало, и мы попадалы.

— А що,—каже Хведоръ, здоганяючы насъ,—я казавъ: погуляйте мене, а то усе равно остановытесь, вы не хотилы—отъ и сталы. (Отъ Насти Шульгиной).

III.

Йихалы мы зъ поля. Дойизжаемъ до млыновъ.

— А що,—каже дядько Хведоръ,—хочете щобъ сей млынъ замоловъ на другый быкъ?

— А нужъ, ну,—кажемъ,—зробить.

Дядько ничого и не робывъ, а тилькы глянувъ на млынъ, и винъ замоловъ на другый быкъ. (Отъ Орины Непомнящей).

IV.

Чыстылы мы одного году болото и землю возылы на ныву. Дойизжаемъ до мосту, що пидъ селомъ, колы йиде дядько Хведоръ, глянувъ на наши кони, такъ воны й сталы. Былы, мы былы, та ничого не врадымо—не рушать кони зъ миста, хочъ ты що хочъ, наче що пидъ колеса пидложено.

— Возьмить,—каже дядько,—розпряжить, та переведить коней черезъ дугу.

Мы такъ и зробылы: перевелы черезъ дугу, запряглы, и тоди кони повезлы не весьма важкый возъ зъ землею на мостъ. (Записано отъ Клима Новика).

V.

Узявъ я ружже та й иду, колы стрекаю дядька Хведора.

— Се ты, каже, за утками.

— Эге, кажу, пиду чы не вбъю чого.

Идемъ умисти.

— А ну,—каже,—покажъ ружже.

Я здуру й давъ: нате, кажу, подывиться.

Подержавъ винъ и оддавъ, а самъ звернувъ у пасику. Иду я, колы летыть циле стадо утокъ, я выстрелывъ—не попавъ, зновъ выстрелывъ и зновъ не попавъ. И такъ икразъ цилый день: птыци багато бачывъ, а що выстрелю—не попаду. И такъ уси кажуть: якъ тилькы дасы дядьку Хведору подержать ружжа, ну и не жды добра,—зроду не убъешъ. Та що про птыцю—колы повисыть картузъ, або держать руку на десять ступеней, и не попадешъ! (Записано отъ К. Новика).

VI.

Дуже добре було у насъ ружже: багато наши охотныкы побывалы йимъ усякойи дычи. Прыходыть разъ до насъ одынъ чоловикъ. Балакалы про те, про се, а дали винъ и каже:

— Продайте—каже,—мени ружже.

— Э, ни,—каже старый,—ружжа я свого не продамъ.

— Ну, не продасте, такъ стриляйте йимъ сами,—одказавъ той чоловикъ, Хведоръ, и пишовъ зъ хаты.

Такъ ружжа и не продалы, та тилькы воно перестало убывать птыцю. Оце було стриляють, стриляють, пиръе такъ и сыплеться зъ птыци, а сама летыть далей и ни однюсенькойи и не убылы съ того часу, покы не одвезлы ружже у городъ до майстра, и винъ не розобравъ його, та не повставлявъ усе нове. (Записано отъ Александры Базилевичъ).

VII.

Йихалы мы разъ ловыть рыбу ситкою. На улыци стрекаемъ дядька Хведора, того, що серчавъ на насъ за ружже.

— Не йидте, каже винъ, бо усе равно ничого не піймаете.

Мы не послухалысь, пойихалы, думалы, а мо що небудь такы піймаемъ. Та ни, уже якъ дядько сей скаже, такъ тому и буть.

Багато разивъ мы закыдалы ситку и ни однієйи рыбкы не бачылы: скрутыться ситка такъ, наче йійи рукамы хто крутывъ, та такъ и вытягнемъ ни съ чымъ. (Записано отъ Александры Базилевичъ).

VIII.

Пишла я у гай по грыбы, прохожу мымо пасикы, та якось то и не сказала дядьку Хведору, що сыдивъ коло будкы,—здрастуйте. Походыла трохы по гаяхъ, ничого не набрала и бижу додому, бо дома диты сами. Та що зо мною таке сталось?—Не траплю до села, та й годи: похожу, похожу, та й зновъ неначе хто мене назадъ поверне. А гай же нашъ и невелычкый и икразъ пидъ селомъ. Ось и церкву на гори выдно, и село, а ніякъ не дойду. Водыло такъ мене, водыло и прывело до пасикы.

— Здрастуйте,—кажу теперъ уже,—дядьку!

— Здрастуй,—каже,—ну сядь же,—каже,—молодыце, оддышъ, мо ты утомылась.

Я такъ трошкы посыдила, и тоди уже неначе очи мени одкрылысь, и пишла прямо додому. (Записано отъ Леусовой).

Въ с. Выбляхъ Черниговск. у. записала М. С. Чудновская.

---

196. Видьмакъ занапастывъ чоловика.

Одынъ чоловикъ косывъ съ половыны сино, та й перекосывъ. Росердывся той чоловикъ на сього, що перекосывъ и помывся йому оддячыть. А той чоловикъ Ш., та бувъ колдунъ: чы дасть було кому що выпыты, або хочъ и понюхать, то и загыне чоловикъ. Отъ и ставъ Евхымъ, той що перекосывъ його травы, бережыться Ш.

и до його не ходывъ, и ничого зъ його рукъ не бравъ, и боявся и стрекаться зъ видьмакомъ. Такъ скилькы и пройшло. А дали сей видьмакъ не утерпивъ и прыходыть до Евхыма у хату, глянувъ йому у очи и выйшовъ. Такъ той чоловикъ заразъ занедужавъ. Побиглы до Ш. просыты, щобъ помигъ, а винъ и каже:

— Ни, уже пизно, не поможеться, не треба було перекошувать, се усе коса вынна.

И не помигъ. Такъ бидный Евхымъ на четвертый день и Богу душу оддавъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Насти Шульгиной М. С. Чудновская.

197. Свекоръ ворожбытъ.

Гулялы мы на весилли. Стала я уже збираться додому, а свекоръ пъяный и каже: «Подай воды»! Ну, думаю, балы, наберешъ и самъ, та й пишла зъ хаты. Було не дуже темно и дорогу добре знаю, та ніякъ не найду додому. Що пройду трохы, то у таку грязь улизу, що насылу выберусь. Хожу, хожу, та й зновъ вернусь на те мисто. Ходыла я такъ, ходыла и прыйшла зновъ на весильный двиръ. «Подай же,—каже свекоръ,—воды». Я подала.—«Ну теперъ же—каже,—иды та знай, що у тебе е батько и що його треба слухать».—Я выйшла и теперъ уже не бачыла тіейи й грязи и не блудыла, а такъ прямо й прыйшла додому. Такъ отъ якый мій свекоръ.

Записала отъ М. Новиковой, въ Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская.

198. Якъ знахарь добувавъ горилку.

Бувъ у насъ на сели такый чоловикъ, що було якъ захоче горилкы, такъ и иде до хазяйина: дай, та й дай,

каже. А служывъ винъ за старшого рыбалку у жыда. Ну, жыдъ першъ дававъ, а то уже ставъ одказувать. Отъ рыбалка тоди якъ свысне: такъ жыдивська хата и наповныться усякымъ гадомъ. Тоди жыдъ уже й самъ просыть пыть горилку, та скоришъ выгоныть зъ хаты сюю капость. И такъ дидъ рыбалка частенько ззывавъ вуживъ, жабъ, ящерокъ и усякыхъ тамъ гадовъ, абы угостыться горилкою.

Записала отъ Мотри Товстолѣсъ въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

---

199. Якъ коняча шкура полизла у шынкъ.

Шынкаръ та хотивъ, щобъ одынъ заможній хазяйинъ роспывся. Отъ винъ попрохавъ наймычку того чоловика выстрыгты у хазяйина косъ и прынесты йому—шынкару. Дивка помилась, и разъ було уже зовсимъ намирылась,—ни, сумно. «Не на добро, выдно, шынкару треба косы. А що, якъ я зъ ціейи шкуры та выстрыжу килькы волосынъ? шынкаръ не вгадае». Скочыла вона на лаву, а на жертци высила коняча шкура; выстрыгла дивка трохы волосынъ и однесла шынкару. Того жъ дня у обидъ дывляться, ажъ коняча шкура сама тыхенько злазыть изъ жерткы на лаву, а тоди на доливку и полизла зъ хаты до шынку. Оттакъ бы було и тому чоловику, якъ бы дивка выстрыгла у його косъ.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выбляхъ Чернигов. у.
М. С. Чудновская.

---

200. Гончаръ видьмакъ.

Йихавъ гончаръ и обладнавсь на лузи ночувать. Прыйизжають туды и ночлижныкы.

— Давайте,—каже одынъ,—выпросымъ у гончара горшка, а не дасть—напугаемъ.

— Дядюшка, дайте намъ горшка!—просыть хлопець.

Гончаръ не давъ.

— Ну,—каже—колы не даете, то убирайтесь видселя!— и давай усякъ гончара лаеть. Мовчыть гончаръ, слухае, якъ його лае хлопець, а потимъ запрегъ коня и одийихавъ одъ того миста. Тилькы що гончаръ одйихавъ, у хлопця голова узяла, та й повернулась назадъ. Пойихалы скоришъ ночлижныкы у село, сказалы матци того хлопця. Здогнала маты гончара, та давай кланяться, просыть за сына.

— Иды,—сказавъ гончаръ жинци,—голова буде на мисти, дай тилькы йому выспаться, скилькы схоче, та учы сына, бо винъ погано робыть, що чепае людей.

Вернулась маты, положыла сына спать. А якъ винъ уставъ, голова зновъ стала на мисто.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ П. Муцкаго М. С. Чудновская.

---

201. Лытвынъ поробывъ, що москаль летивъ.

Колысь, бувъ я ще тоди малымъ, може було мени рокивъ зъ пъять,—зибралыся мы вси коло хаты: мій батько, дидъ ще бувъ жывый, та сусиды посидалы на прысьби, балакають соби про се та те. Уже вечерило. Се було весною. Колы мій батько почавъ прыдывляться та й пытае:

— Що се таке, наче якась птаха пролетила?

Тоди вже й я бачу, що летыть якась велыка птаха—наче журавель. Мій дидъ якъ схопыться, та за колесо (у насъ на двори лежало старе, поламане колесо). Винъ узявъ те колесо, поклавъ середъ двора та ломакою обчеркнувъ кругъ. Тая птаха спускаеться на те колесо

нычже, нычже, та промовляе: «Пыть, пыть!» Колы дывимось, ажъ то не птаха, а москаль. Учорнивъ якъ земля. Побигъ я въ сины та прынисъ у глечыку воды. Винъ напывся, тоди заговорывъ. Тутъ його, конешне, люде обступылы, почалы роспытувать. А винъ моему диду въ ногы кланяеться:—Колы бъ вы мене заразъ, диду, не порятувалы, то я бъ пропавъ: розбывся бъ на смерть або объ дерево головою, або въ ричку бъ упавъ.

— Хто жъ це тоби такъ зробывъ?—пытае дидъ.

Отъ винъ и почавъ росказувать:

— Прыйшовъ я у шынокъ; пью соби горилку, закусую. Колы увійшовъ лытвынъ:—Почастуй—каже—мене, въ мене грошей нема.

А я повернувся до його, та кажу: «Оце ще всихъ буду частувать»!—Не давъ йому ни грошей, ни горилкы.

Тый лытвынъ зкоса зырнувъ на мене та тилькы промовывъ: «Будешъ же ты мене знаты!» И пишовъ зъ шынку. Тилькы що я за поригъ, колы чую, мене вгору тягне: якъ почавъ махать рукамы, якъ почавъ, та й полетивъ. Летивъ я, летивъ ажъ зъ Черниговськойи губерни. Якъ побачывъ, що вже черезъ Днипръ лечу, то дуже злякався: сылы у мене вже немае, у горли засохло. Отъ, отъ упаду. Ставъ я Бога прохать, щобъ не давъ умерти наглою смертю. И якъ я теперъ,—каже,—додому дойду?

Тутъ його люде обступылы и почалы йому давать грошы: хто копійку, хто дви—хто скилькы мигъ. Переночувавъ у насъ тый москаль та й пишовъ додому.

Записала Одарка Романова отъ крестьянина деревни Мышеловки Кіевской губ. Ивана Дидусенко.

202. Лытвынъ одъ чаривъ вызволяе.

Жылы колысь у Нижыни заможни люде, була въ йихъ одна дочка. Отъ, и посватавъ йийи одынъ пару-

бокъ. Вона не знала, що въ його була друга, що мала двохъ дитей. Хотивъ винъ такъ повинчаться, щобъ перша не знала; але йій хтось сказавъ. Вона прыбигла до церквы и стояла коло дверей, щобъ побачыть, якъ молоди вже будуть выходыть. Якъ тилькы молоди выйшлы зъ церквы, а вона й обсыпала молоду якымсь зиллямъ. Заразъ почула молода, що зъ нею щось койиться непевне, та й каже до молодого: «Куды це я прыйихала?» Якъ тилькы пидійшлы до хаты, а йихъ вже стричають зъ дижою та свичкамы його батько й маты. Хотилы йихъ благословыты, а вона й закрычала: —Що се вы рукы зъ дижою здыймаете?—Та якъ побигла, та й зновъ крычыть:—Рятуйте! Чы се пожаръ? Чы се весилля, що такъ людей багато, мовъ батько вмеръ.

А молодый ходыть та руки ламае. А його перша стойить зъ дитьмы та плаче, на дитей дывлячысь. Якъ побачыла вона таке горе, що скойилось зъ молодою, то йій вже й жалко йійи стало, та вже не може йій запомогты: вернула бъ назадъ, та не можна. Потимъ вона иде зъ дитьмы, та й говоре:—Ходимъ, диткы! Наробыла лыха ваша дурна маты. Може и вамъ такъ колысь буде!

А того молодого батько й маты стари думалы, що невистка зъ добройи семйи, то й йимъ добре буде, бо дивка була хороша, а отъ що скойилось. Сумують. Тая невистка вже жыве въ йихъ хати, бо воны бачуть, що сынъ дуже вбываеться, то воны йійи державы, хочъ вона ничого вже не тямыла. Жыла вона отакъ у йихъ годъ. Иноди заховаеться та плаче, а то квитокъ поначиплюе на голову, а то лежыть и не поворухнеться: не може ничого въ рукы взять.

Намучылыся зъ нею и чоловикъ, та й маты зъ батькомъ отакъ ажъ до самойи Покровы, а на Покрову у насъ бувае ярмарокъ. Позйизжалыся люде то зъ тымъ, то зъ сымъ. Йихавъ лытвынъ зъ горшкамы, та на гребли обламався якъ разъ проты того двора, де жыла тая нещасна хора молодыця. Лытвынъ увійшовъ у тую хату и просыть:

— Дядечку, голубчыку, поможить мени—обламався.

Хазяйинъ клыче його въ хату.

— Идить, дядьку, въ хату, а я вамъ ось скыну зъ горы.

Якъ тилькы лытвынъ зайшовъ у хату, поздоровкався, та й пытае:

— Шо се у васъ хора, чы що?

А свекруха й говорыть:

— Голубчыку, оце цилый годъ мы отакъ зъ молодыцею мучымся.

Лытвынъ тоди каже:

— Розкрыйте йийи, я подывлюсь, яка вона.

Свекруха одкрыла рядно и держыть молодыцю по пидъ рукы, бо вона не може вже й седить.

— Ой, дочко, якъ же тебе дуже обсыпалы!—каже той лытвынъ, та й каже свекруси:

— То вона якъ стала на поригъ, а тая жинка йий сыпнула пидъ ногы, то вона якъ уступыла, та й збожевилыла.

Свекруха вже бачыть, шо чоловикъ щось знае. Якъ почалы його просыть батько и маты:

— Дядьку, змылуйтеся, бо молодыця пропадае.

Якъ тилькы лытвынъ помолывся Богу, та щось пошептавъ надъ молодыцею, вона стала роздывляться, та й пытае:

— Титко, чого се я у васъ? Служу, чы що? Хыба мене маты наняла?

Тилькы вона це прыказала, и йийи чоловикъ увійшовъ у хату, та й каже до жинкы:

— Се я тоби прянычка купывъ. На, ззижъ!

А йий такъ стыдно стало, що винъ пры матери дае йий пряныкъ, бо вона жъ не знае, що вона вже його жинка. Каже:

— Не хочу. Мени стыдно. Онъ твоя маты стойить та дывыться.

А йий чоловикъ каже:

— Дакъ що жъ, що маты дывыться? Вона твоя й моя.

Тоди свекруха почала плакать та обнимать йийи, та каже:

— Ты жъ теперъ и моя дытына, бо ты повинчалася зъ мойимъ Иваномъ.

Тоди лытвынъ каже:

— Слухай, Иване, колы ты на вулыци стринешъ свою першую, то бережыся, иды дали, бо якъ вона тебе обсыпле, то вже и я ничого не вдію.

Зъ того часу тая молодыця одужала.

Дакъ отъ що може скоятысь, якъ двохъ жинокъ маты.

С. Филевка Нѣжинск. у. Записала отъ Василисы Наконечной Одарка Романова.

---

203. Якъ лытвынъ дивчыну покаравъ.

Гулялы на вулыци дивчата, парубкы у насъ на сели. Вже сталы росходыться по хатахъ. Уси дивкы жылы на одній вулыци, а одна дивчына, Мылашка, жыла дали—на шляху. Дойшла вона до свого двора, стала та й дывыться на панськый садокъ; а тамъ лытвынъ ночувавъ зъ горшкамы биля садка.

Вона пидкралася тыхенько до того лытвына, що спавъ, та думае матери вгодыть: узяла два велыкыхъ горшка въ одну руку и въ другу, та думае: Отъ гарно въ ныхъ буде плаття золыть.

Та й пишла зъ тымы горшкамы до двора.

До двора не дойшла, та й вернулась до лытвына, та такъ усе й ходыть: одъ двора та до лытвына. Ось и сонце почало сходыть. Женуть жинкы череду, та й побачылы, що ходыть Мылашка зъ горшкамы та й кажуть:

— Чого се ты, Мылашко, ходышъ зъ горшкамы по шляху? Отъ ходня напала!

Та регочуть зъ нейи, а вона вже й очей не пид-

нимае вгору, та плаче—бо соромъ. А лытвынъ то конямъ овса пидсыпле, то сина пидгорне. И не зырне на нейи. Прыходыть тая дивчына до лытвына, та йому въ ногы кланяеться:

— Дядечку, голубчыку, простить и одпустить мене! Покы жыва—не буду ничого чужого брать.

А лытвынъ смiеться, та говоре:

— Ну що жъ, нагулялася? Тоди каже: —Ноставъ горшкы на землю, та бильшъ николы не беры.

Колы вона пишла додому, то вже й не знае, якъ йiй у хату увiйты. Уси жъ бачылы. Се жъ соромъ. Тоди вона якъ занедужала, дакъ ажъ тры тыждни лежала. Отъ що наробылы горшкы.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки села Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василисы Наконечной.

---

204. Лытвынъ просывъ воды.

Колысь наши дивчата ишлы въ поле жыто жать та неслы зъ собою глекъ зъ водою. На дорози йиде лытвынъ зъ горшкамы.

— Дивчата, дайте мени воды!

А воны кажуть:

— Може намъ самымъ буде мало, бо до села далеко, а воды блызько нема.

Не далы йому воды. Лытвынъ пойихавъ, ничого имъ не сказавъ. Колы воны зыркъ! Ажъ зъ глечыка не вода, а пина такъ и льеться на землю. И глечыкъ порожнiй. Дакъ отъ яки мудри лытвыны.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василисы Наконечной.

---

205. Вовкулакъ переводють черезъ хомутъ.

Гулялы одни люде весилле. Отъ батько молодойи чымсь то не вгодывъ боярыну.—«Ну, постой же колы такъ, каже боярынъ, я жъ тоби угожу!»—Та узявъ хомута и перевивъ черезъ його молодыхъ, и сталы молодыйи вовкамы и повтекалы у гай. Довго воны такъ бигалы вовкамы по гаяхъ и поляхъ, а якъ захочуть було йисты, то бижать до хлопцивъ ночлижныкивъ. Ночлижныкы зналы, що се за вовкы и годувалы йихъ хлибомъ.

Батько усихъ людей просывъ, щобъ чы не поймае хто тыхъ вовкивъ, то щобъ перевелы йихъ черезъ хомутъ. Отъ одынъ чоловикъ и поймавъ одного и зробывъ, якъ йому казалы, и стала зъ того вовка молодыця, невистка уже значыть того чоловика, а другый вовкъ—сынъ—утикъ и по сей часъ ще не поймався и бигае вовкомъ.

Такъ онъ еки е погани люде, и якъ воны багато роблять зла.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Параски Попрунной. Записала М. С. Чудновская.

---

206. Панъ вовкулакою робыть.

Кажуть, що и мижъ панамы е вовкулакы. Бувъ и у насъ у сели одынъ такый панъ. Моловъ винъ одному чоловику муку, та й узявъ багато за помолъ. Мужыкъ не змовчавъ пану: вылаевъ його за сее усякъ.—Ну, постой же,—каже панъ,—будешъ ты знаты, якъ мене лаеты!—Везе панъ муку, а мужыкъ седыть на мишкахъ и бачыть, що у його на тили росте шерсть. Якъ обросъ мужыкъ шерстю, панъ пхнувъ його зъ воза, и мужыкъ побигъ вовкомъ. И бигавъ винъ такъ ажъ симъ рокивъ. Вовкы не любылы сього вовка-чоловика, покы винъ ставъ йисты зъ нымы дохлыхъ коней, а тоди прыняли його до себе.

Забигъ разъ сей вовкъ у село и заховався на селныкъ у сино. Почулы собакы вовка и чуть було не розирвалы. Выскочывъ винъ изъ селныка, та у степъ, добигъ до хлива и захотилось йому вытягты овечку. Ставъ вовкъ перелазыть черезъ плитинь, а тутъ у двори та жывъ вовкулака: побачывъ винъ вовка и угадавъ, що се не справжній вовкъ, а що се такъ йому зроблено, и каже:

— Ну, лизь, лизь, бисивъ сыну!

Перелизъ вовкъ черезъ плетинь, а вовкулака и хватывъ його за хвостъ и знявъ зъ його шкуру. И ставъ тоди зъ вовка зновъ чоловикъ.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская отъ Марьяны Новиковой.

VII.

О кладахъ.

207. Скарбъ парубкомъ.

Передъ самымъ Великымъ празныкомъ, якъ уси люде пишлы до церквы, уходыть у хату до однієйи бабы, що осталась сама дома, хтось, вродъ бы паробка. Увійшовъ и просыть пойисты. — «Чого жъ я тоби дамъ»? пытае баба. — «Та чого хочешъ», — каже, — «того й дай». — Баба догадалась, що се не справжній чоловикъ, а чы не скарбъ выйшовъ паробкомъ, бо якый же чоловикъ пиде у сю пору просыть йисты. Хопыла баба кочергу, та того паробка мизы плечи. И посыпалысь зъ його гроши. Баба згребла йихъ у мишокъ и стала багачча за всихъ на сели.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Курильца въ 1898 г.

208. Скарбъ у скрыни.

Увечери хлопець йихавъ на ночлигъ и побачывъ, мовъ свичечка горыть. Хлопець чувъ, що свичечка горыть на тимъ мисти, де зарыто скарбъ и пудйихавъ блыжче. Бачыть, стойить скрыня, повна грошей. Набравъ винъ червонцивъ и прывизъ до маткы.

— Иды жъ, — каже маты, — та ще набери, сынку, хоть сю торбочку.

Пойихавъ хлопець удруге, а потимъ и утрейте. И якъ набиравъ утрейте, то йому прышлось улизты у скрыню, щобъ набраты бильшъ грошей, а скры-

ня и провалысь у землю съ хлопцемъ. Не скоро вже сяя скрыня вышла биля Ерусалыма, и маты знайшла свого сына.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Демьяна Конопки, въ 1898 г.

209. Пожаливъ табаку и утерявъ скарбъ.

Ишовъ одынъ чоловикъ съ пасикы. Доходыть до плавли и бачыть, стойить у лози скрыня, и въ скрыни брязчать гроши. «Дай, чоловиче, понюхать»!—каже голосъ изъ скрыни.—Нема,—каже чоловикъ. А у його и бувъ тютюнъ, та винъ пожаливъ и не давъ.

—Ну,—каже писля сього голосъ,—лежала я зарыта сто рокивъ, пролежу ще сто,—и тутъ же на очахъ у того чоловика загуркотила и провалылась. Почухавъ тоди чоловикъ потылыцю, та ничого робыть—пожаливъ тютюну и утерявъ скрыню грошей.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Курильца, въ 1898 г.

210. Скарбъ—Мазепына карета.

I.

Полаялысь мы одного разу зъ батькомъ; отъ я, щобъ у насъ ще до чого не дійшло, пишовъ зъ хаты. Було недалеко видъ опивночи. Иду я, куды очи гледять, а потимъ и думаю: пиду я на те поле, де, кажуть стари люде, зарыта Мазепына золота карета. Иду соби, колы щось блыснуло, я блыжче—блыщыть, неначе свичка стойить на одномъ мисти и горыть. И страхъ мене ошанувъ, и радисно мени стало, бо я чувъ, що на тимъ мисти, де зарыто скарбъ, безпреминно буде горыты свичка. Прогнавъ я свій страхъ, пидійшовъ блыжче и, розперезавшысь, кынувъ поесъ на землю. Свичка заразъ

потухла, а земля такъ страшко загуркотила, неначе килькы скрынь провалылось скризь землю. Поесъ я кынувъ на те, що треба було що небудь кынуть, и якойи довжыны буде те, що кынешъ, на такій глыбыни треба буде шукать и скарба. На симъ мисти буде безпреминно якъ не Мазепына карета, то велычезна скрыня червинцивъ. Якъ пройде зима, я выкопаю тей скарбъ и зажыву тоди паномъ.

М. С. Чудновская отъ Петра Карноуха, въ с. Выбляхъ Черниговск. у. въ 1898.

II.

Е у насъ за селомъ гора, на ній ничого не росте, бо вона дуже писчана, и затимъ вона зветься Лысою горою. Дуже сумно робыться, якъ проходышъ мымо йийи; такъ тебе страхъ и ошане, якъ зійдешъ на гору, а найпаче на те мисто, де, кажуть, закопана золота Мазепына карета. Тутъ пидъ землею щось гуркотыть, та ажъ наче земля колышеться, и вовка тутъ разъ удень бачылы, а затымъ и не найдеться такого смильчака, шобъ пишовъ одкопувать карету. А, кажуть, шо на Велыкдень на тимъ мисти горыть свичка, и якъ бы хто небудь писля всеношнойи прыйшовъ сюды зъ запаленою ще у церкви свичкою и потушывшы йийи, ставъ копать на тимъ мисти, де горыть свичка, то безпреминно одкопавъ бы золоту Мазепыну карету повну грошей.

Записала М. С. Чудновская отъ Митр. Шульги въ с. Выбляхъ Черниг. у.

III.

Десь, кажуть, надъ Десною зарыта золота Мазепына карета, повна грошей, и черезъ каждыйи тры рокы выходыть вона наверхъ, робыться конемъ и бигае по надъ Десною.

Прыходылось разъ бабамъ нашымъ того коня бачыть, та тилькы не прыдумалы воны, що зъ нымъ робыть. Пошлы

бабы по смородыну у плавли, бачеть, ажъ по надъ Десною бигае конь, та такый блыскучый та повный, выдно, що не простый конь; отто и була тая карета зъ грошыма, треба тилькы було махнуть по йомъ лозынкою, и конь бы россыпався грошыма. Мо бы мужчына, винъ бы такъ и зробывъ а то звисно бабы—не прыдумалы. Росказалы бабы про коня, вернувшысь додому, и пошлы зновъ люде на те мисто, та тилькы коня уже не бачылы, а на тимъ мисти найшлы скилькы мидныхъ грошей.

Записалъ Митр. Шульга въ с. Выбляхъ Черниг. у. Сообщила М. С. Чудновская.

---

211. Злякався скарбу.

Чоловикъ ишовъ на всюношну. Дывыться: у городи на земли горять свичкы, и мижъ свичками стойить скрынька. Ставъ чоловикъ и дывыться, а у самого ажъ шапка росте на голови. А потимъ якъ забряжчать гроши, наче йихъ хто пересыпавъ. Здумавъ чоловикъ, що треба, кажуть, що небудь розослать, а гроши туды и скотяться. Выйнявъ винъ зъ кышени платокъ и хотивъ було уже розстылать, тилькы тутъ його такый ошанувъ страхъ, що винъ и платокъ кынувъ та скоришъ додому.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Павла Курильца. 1898 г.

---

212. Скарбъ зныкае одъ хреста.

Ишовъ чоловикъ изъ страстей у велыкый четверъ, дывыться—за селомъ горыть свичка. Винъ подывывсь на ту свичку и пишовъ додому. А дома була така бидность, що Господы! Жинка плаче, що ничого нема къ празныку, нема и рушныка на божныкъ, будуть иконы рады празныка безъ рушныка. Выйшовъ чоловикъ у сины, узявъ заступъ и пишовъ на те мисто, де винъ

бачывъ свичку. Ставъ копать и выкопавъ дви скрыни грошей. Поперетаскувавъ йихъ додому и оддае одну скрыню жинци, а другу оставляе соби. Зрадувалась жинка и заразъ же побигла до сусидкы купляты рушныкивъ. Прынесла рушныкы, та до скрыни, щобъ выймать гроши. Колы жъ—бовъ у дзвинъ! Вона перехрестылась, а скрыни де й дилысь: передъ ею лежалы дви гныли колоды.

М. С. Чудновская отъ Ив. Муцкаго въ с. Выбляхъ Черниг. у. въ 1898 г.

---

213. Скарбъ коровою.

Иде разъ чоловикъ, ажъ передъ йимъ корова. Видкуля, думае, ся корова? Дуже йому стало сумно, що корова передъ йимъ мовъ изъ земли выросла. А мо,-подумавъ винъ,—се мени Богъ гроши посылае? Та другомъ по корови. Якъ посыплються жъ гроши, якъ заторохтять, а коровы уже не стало. Набравъ чоловикъ грошей, прынисъ додому, захововавъ у скрыню, а скрыню прыкувавъ цепомъ, бо се таки гроши, що якъ не въ пору зачепыть йихъ, то воны такъ, якъ явылысь, такъ и скрыються, и слида не останеться.

М. С. Чудновская въ с. Павловкѣ отъ Луки Пимончука въ 1898.

Скарбы являются различными животными, какъ то видно изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго г. М. Исаенко въ м. Батуринѣ и взятаго нами изъ «Черниговскихъ губ. Вѣдомостей» 1860 г., № 38, стр. 273—274.

На коропской дорогѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Батурина, въ лѣсу, гдѣ сходятся три дороги: изъ Коропа, изъ Батурина и изъ хуторовъ, еще въ 1860 г. лежалъ стволъ вѣковаго дуба. Это такъ называемый *хрещатый дубъ*. О немъ сохранилось слѣдующее преданіе:

Давно се було—ище за Мазепу... Якъ ишлы кудысь по сій дорози шведы, дакъ коло хрещатого дуба воны легчылысь. Багацько, значыть, понабиралы воны дорогою

у насъ всякойи худобы—и грошей, и всього; дакъ ото якъ ишлы воны на войну, дакъ куды вже йимъ було нестысь изъ тіею худобою. Отъ воны взялы да й закопалы пидъ оцимъ дубомъ грошы свойи, да на дуби положылы й знакъ—вырубалы хрестъ. «Якъ вернеться зъ насъ хто жывымъ сюды, того й грошы будуть», сказалы воны да й пойшлы, куды треба було. Якъ вырубалы на дуби хрестъ, дакъ дубъ той и почавъ зваться хрещатымъ, и хоть тепера тилькы колода одъ того дуба зосталась, а все такы хрещатый да й хрещатый дубъ.

— Що жъ, грошы тійи никому не показувалысь?

— Де вже не показувалысь, що показувалысь! Чымало е такыхъ людей, котри росказують, що йимъ частенько такы доводылось у пизнюю пору бачыть билого коня коло хрещатого дуба. Якъ идемо було, кажуть, дакъ кинь той усе ирже, да такъ страшно тупотыть. Я именно знаю, що парубокъ изъ с. Обмачева не разъ бачывъ сього коня. Да тилькы то гирки грошы, що бильшъ конемъ являються; тихъ грошей треба цураться—нехай йимъ абы що! Якъ бы ище ведмедемъ воны являлысь, або вовкомъ, або свичкою, дакъ можна було бъ добуть тихъ грошей. А билымъ конемъ грошы являються тилькы на лыхо людямъ. Тымъ то грошы ти лежять, и нихто йихъ не бере; да й будуть воны лежать, панычेньку, покы свитъ стоятыме, бо хто захоче на свою пагубу орудувать проты билого коня?...

— Чого жъ грошы сійи билымъ конемъ являються, а не ведмедемъ, або вовкомъ, або свичкою?

— Недобри люде, значыть, поклалы йихъ тамъ...

Другія лица, на вопросъ записывателя, отчего дубъ называется *хрещатымъ*, не сообщали никакой легенды, а говорили, что онъ росъ крестообразно, почему и получилъ свое названіе. Впрочемъ деревья чѣмъ нибудь отличныя, вообще возбуждають среди народа мысль о кладахъ подъ ними, какъ то видно изъ одного изъ нижепомѣщаемыхъ разсказовъ, записанныхъ тѣмъ-же г. Исаенко въ Черниговскомъ уѣздѣ отъ погоныча Трохыма (напечатано было

тамъ же, въ № 51, стр. 363). Разсказъ былъ сообщенъ, когда записыватель проѣзжалъ Бубликовымъ хуторомъ (между Трисвятскимъ и Черниговомъ).

— Дурныйи ти люде, що не хочуть шукать тутъ грошей!

— Да тутъ, може, нема нiякыхъ грошей,—замѣтилъ записыватель,—и ты, значыть, дурно тилькы сердышся на людей.

— Ни вже, панычу, вы що хочте, а я чувъ одъ батька да матери, що тутъ е багацько грошей, а стари люде завсегда правду кажуть.

— Що жъ тоби казалы батько да маты?

— Не росказавъ бы я зроду вамъ, якъ бы дидъ мiй самъ у вочевыдячкы не бачывъ того, що казавъ мойму батьку, а батько мени.

1. Отутечкы десь у Бублыковому хутори рисъ давно колысь дубъ, похожый на выла и звався винъ *выловатый дубъ*; мижъ людьмы ходыла чутка, що коло того дуба булы закопани гроши; отъ хтось и выбравсь такый, що захотивъ одкопать йихъ. Позиходылысь люде да й дывляться; одни кажуть, що будуть гроши, а други— ни, кажуть, що се бабськи выдумкы. Дидъ мiй казавъ, що винъ зроду не вирывъ, щобъ у землю закопувалы гроши, да отъ же прыйшлось такы повирыть. Копалы, копалы, уже здорову ямку выкопалы, колы заступы почалы стукотить объ щось—мовъ зализне; прочыстылы землю, ажъ тамъ казанокъ здоровенный, а въ казанку булы гроши. Коло казанка закопано було багацько всякого оружыя, а бильшъ усього закопано тамъ було вылокъ, изробленныхъ навхрестъ изъ сокыркамы. Хто вже його знае, що то воно таке було, да тилькы такъ росказувавъ мойму батьку дидъ мiй.

— А чы не знаешъ, хто положывъ тамъ гроши да оружые?

— Да вы жъ, мабуть, пысьменни, дакъ у кныгахъ може есть що небудь напысано.

— Хыба жъ мало кныжокъ есть? Усихъ не можно перечытать.

— Эге! Отъ вамъ и кныгы! Я хоть и непысьменный, да знаю, що якъ воювавъ колысь братъ на брата у Чернигови, дакъ одынъ братъ узявъ да й позакопувавъ свій скарбъ отутечкы. «Якъ буду жывъ,—каже винъ,—дакъ визьму назадъ, а якъ не буду жывъ, дакъ добри люде визьмуть!» Отъ бачте, хоть нескоро, а найшлысь такы ти люде, що одкопалы той скарбъ.

2. — А се вже не скажу вамъ, колы воно було, чы давно, чы недавно, тилькы й се батько мій одъ дида чувъ. Люде почулы, що у одному мисти, у Бублыковому хутори, лежать закопани гроши. Отъ воны заразъ до знахора да й просять його: «Иды, будь ласкавъ, подывысь, чы нема тамъ грошей». Знахуръ той узявъ заразъ якуюсь палочку и пійшовъ. Прыйшовшы до того миста, де думалы, що булы гроши, знахуръ палочкою постукавъ да й каже: «Есть!»—Тутъ почалы заразъ копать; копалы, копалы да й годи сказалы—повтомлювалысь такъ, що тилькы питъ зъ йихъ капотивъ. Отъ одынъ и крыкнувъ: «А нехай його прахъ обантажыть, щобъ мы копалы оцю дурныцю!»—Не вспивъ винъ сказать сього, якъ пидъ землею: гууууу!—такъ и загуло. Воны полякалысь да тилькы мовчять, да давай зновъ копать. Копалы, копалы, колы прыходыть знахуръ.—«Ище не выкопалы?»—пытае винъ тыхъ людей, що копалы.—«Да ще!»—Знахуръ зновъ постукавъ палочкою да й каже до людей:—«Гмъ! Чы не сказалы вы чого»?—А одынъ чоловикъ и каже:—«Ни, не сказалы; я тилькы сказавъ, що нехай його прахъ обантажыть, щобъ мы копалы оцю дурныцю!»—«Эге! було бъ же тоби не казать сього, бо скарбъ пійшовъ на дно!»—сказавъ знахуръ. Значыть ничого не треба казать про скарбъ такого, щобъ винъ не росердывсь.

3. — Вы, панычу, кажете, що немае у сихъ мисцяхъ скарбныць; отъ же не дуже давно люде знайшлы булы коло Борысоглибовкы *) гроши, не знаю, чы буде тому литъ сорокъ. Колы хочете знать, дакъ се отъ якъ було. Сыдилы у одному острози невольныкы; чымало тамъ було йихъ,—одни таки булы, що въ Сибиръ йихъ скоро одыслалы, а други ждалы скоройи воли соби. Отъ одынъ и каже: «Що жъ, братця, мени вже не буть на воли, я чувъ, що мене въ Сибиръ,—дакъ я вамъ укажу кладъ у одному мисци. Хто скорійше выйде видциля, той знайде та й подякуе мени и на часточку дасть за мене гришного. Коло Борысоглибовкы есть лисъ, а въ тому лиси есть дуже старый дубъ; управо одъ дуба и треба копать. Знайдете врубъ деревъяный, такый якъ коло колодязивъ; прокопавшы дальшъ, найдете собаку, а скоро писля собакы и барыло зъ гришмы». Не знаю вже черезъ скилькы днивъ выпустылы двохъ чоловикивъ изъ острогу. Воны прытьмомъ у Борысоглибовськый лисъ да й знайшлы того дуба, що казавъ йимъ невольныкъ. Якъ смеркло, воны й давай копать. Чы довго копалы, чы ни, тилькы знаходять врубъ; прокопавшы дальшъ, найшлы кисткы собачи, а дали й барыло зъ чыстымы червинцямы. Якъ одкопалы воны гроши, дакъ заразъ навтикача, и незвисно стало, де воны й дилысь. Може бъ нихто й не знавъ бы, що воны найшлы гроши, дакъ на другый день пойихалы люде у лисъ по дрова и знайшлы ту ямку, де булы гроши, ище й мисто було знать те, де стояло барыло, и червинець тамъ одынъ валявсь.

---

*) Село Черниговск. у.

214. Шкарбъ и панська мода.

Одынъ чоловикъ побачывъ разъ, шо въ лиси свичечка горыть. Ну, винъ и догадався, шо то шкарбъ выходыть. А воно, бачъ, такъ. Якъ хто закопуе шкарбъ, такъ заклына його на скилкы тамъ годъ у земли лежаты: чы на пъятдесятъ, чы на сто, чы на скилкы хто схоче. Отъ якъ выйдуть уже ти годы, тоди й почне свичечка на тому мисци гориты. И ото вже чые щастя та хто вміе узяты, той його й возьме. Такъ той чоловикъ думае: оце мени Богъ щастя посылае,—выкопаю шкарбъ та забагатію. Заходывся копаты и выкопавъ казанокъ повнисинькый грошей, а зверху г.... лежыть. И напысано: «хто мое г... ззисть, той и мойи гроши пожыве». Ну, чоловикъ уже знае, шо то значыть такъ ти гроши заклято. А вже якъ не зробышъ того, на шо гроши заклято, то все одно йихъ не пожывешъ. Ну,—думае,—шо жъ—треба йисты. Узявъ винъ його, загорнувъ, прынисъ додому, высушывъ у печи и зимъявъ. То оце якъ сидають обидаты, то винъ возьме та нымъ борщъ и прытрусе. То жинка:

— Чогось у насъ, чоловиче, борщъ воня!

А винъ:

— Та йижъ уже. Чого тамъ винъ воня?

Та такъ усе й трусе въ страву, ажъ покы усе ззилы. А тоди вже прызнався жинци: шо,—каже,—я гроши знайшовъ. А жинка въ його була така соби, трохы дурненька. Та такъ уже пышаеться тымы гришмы, шо теперъ я,—каже,—за всихъ у слободи багачча, такъ теперъ уже мени не йде по простому вбираться. Отъ йиде чоловикъ у базарь, а вона йому й наказуе:

— Гляды жъ, чоловиче, купы мени таке вбрання, шобъ и въ попади и въ дячыхы такого не було, бо теперъ я за йихъ багачча. Шобъ таке модне, якъ у городянськыхъ барынивъ.

Отъ тикы чоловикъ пойихавъ, а вона вже його й выгляда, такъ того вбрання моднього хочеться. Ну, вже надъ вечиръ прыйиздыть чоловикъ, а вона до його:

— А шо, прывизъ?

— Та прывизъ,—каже,—отамъ на вози.

А самъ до худобы мерщій кынувся. А жинка до воза: сюды туды—немае ніякого вбрання. А винъ йій на спидныцю, чы шо, набравъ та й укынувъ у мишокъ. Отъ бачыть вона: немае ніякого вбрання, тилкы шкура воляча лежыть на вози—такъ завсимъ зъ головою й зъ рогамы. Вона за ту шкуру. «Оце жъ, каже, значыть теперъ барыни въ такому ходють». А тутъ до вечирни заблаговистылы. Вона шкуру на себе та до церквы. Якъ увійшла, такъ люде полякалысь, шо таке страшне увійшло, та оступаються одъ його. А вона йде та:

— Росступиться люде: я багата, я рогата, я й шкарбъ знайшла, и до церквы прыйшла.

Отъ стала вона саме проты царськыхъ дверей, а пипъ якъ углядивъ йійи, такъ и соби злякався, думавъ, шо нечыстый, а дали якъ роздывывся, шо то вона, такъ узявъ та й выгнавъ йійи съ церквы. Такъ уже було зъ нейи смиху!...

Харьковская губ.

VIII.

215. Каянова жъунка.

Ото, якъ убывъ Каянъ Явеля, дакъ съ таго время пашовъ юнъ жить адынъ соби; яго жъунка знала всяка зилле, що варожкы мають, акръумъ того, ще якъ нъучь було настане, дакъ вана дайныцю въузьме да и йде удовиныхъ коръувъ *) даить. Тъулькы якъ було даить пачне малоко, дакъ у малаци и кровъ доиться,—се бъ то Богъ каравъ йихъ за Явелеву смерть. Жъунка Каянова пасли того пачне зиллемъ одварожувать ту кровъ изъ малока да и одварожить було.

Разъ пашла вана даить каръувъ, и тъульки що сила до каровы, ажъ богъ *Валосько* и йде.

— А що ты робышъ?—каже юнъ ій.

— А те раблю, що стань да стъуй!—Каянова жъунка йому каже:

Валосько пасли того якъ ставъ, дакъ и зъ миста не зойшовъ, наче вкопаны стоявъ, не мавъ зайты изъ мисця дали. После йій каже:

— Ну, рабы жъ свое... Кали робышъ!..

— Ну, иды жъ и ты соби, кали ыдешъ да не пытайся бъульше!

Валосько, не сказавшы пасли ничого, и пашовъ соби дали.

---

*) Авелевой жены. *Прим. записывателя.*

Съ таго часу сталы у насъ видьмы, видьмаки, перевертни и вавкулаки, що па дворамъ ходять да птыцю и скотыну давлють.

Сѣверная часть Козелецкаго у. Черниговской губ. Ал. Шишацкій-Илличъ (Изъ № 40 «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей» 1853 г., стр. 388).

216. Громныци.

Сьогодни у насъ празныкъ громныци: ничого не робымо. Не знаю, есть ли у васъ такъ *по пысьменному:* какъ пошелъ Іисусъ Христосъ въ адъ *чого то вже—не знаю, звистно, я темна людына*—не разумѣю; такъ то ужъ надо было, такъ ему Богъ-Отецъ далъ: *звисно*, Господня воля и сила, *що здумае, те й діе.* Вотъ какъ пошелъ Спаситель въ адъ, то всѣ мертвецы и пооживали. Ихъ было тамъ мною; увидѣвши Спасителя, они стали радоваться; *а ще бильше стало радощи, якъ уси мертвякы знакомци побачылыся.* Тутъ они и цѣловались, и обнимались, и плакали, и танцовали; да какъ обнялися *взновъ*, то Господь видитъ, что никакъ нельзя ихъ развести, да и послалъ *зъ неба гримъ и блыскавыцю*; вотъ какъ *грякнувъ* громъ,—такъ они испугались и разнялись. Такъ у насъ сегодня *за тымъ* и праздникъ».

— Развѣ въ этотъ день былъ такой случай?—спросилъ я.

«*Эге жъ, у сей же: на другый писля дарнойи недили*».

Записалъ священникъ Ѳедоръ Боровскій. С. Крупичполь Борзенскаго у. (Изъ № 46 «Черниг. Губ. Вѣдомостей» 1852 г., стр. 514).

217. Чоловикъ у Бога.

Живъ соби одынъ чоловикъ Пылыпъ. И такый винъ бувъ праведный, що Богъ, разъ ходячы по земли,

зайшовъ до його, пожывъ скилько тамъ часу и побратався зъ нымъ. Одходячы додому, Богъ и каже:

— Ну, оце мы побраталысь, а ты й не бувъ у мене, —прыбувай колы въ гости!

А чоловикъ йому:

— Та якъ же я до Тебе втраплю?

— Я,—каже Богъ,—прышлю до тебе билого коня, дакъ винъ уже самъ тебе довезе.

Колы справди: прыбигае до його билый кинь. Сивъ винъ на того коня й пойихавъ. Йиде та й йиде, ажъ ось чоловикъ немовъ помижъ стинамы бъеться: розженеться та вдарыться объ одну стину, одскочыть та въ другу, а тоди зновъ у ту. Заглединъ Пылыпа й гука:

— Пылыпъ, Божый чоловикъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго я маю такъ мордуватысь?

Йиде той дали, дывыться, ажъ увъ озери чоловикъ стойить по шыю въ води и крычыть:

— Ой, проби, дайте пыть! Ой, пыткы жъ мени, пыткы!

Побачывъ Пылыпа й гука:

— Пылыпъ, Божый чоловикъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго мени таку муку терпиты?

Йиде винъ дали, колы сыдыть чоловикъ, а передъ нымъ два корци, и винъ усе зъ одного корця та въ другый воду пересыпа. Заглединъ Пылыпа й крычыть:

— Пылыпъ, Божый чоловикъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, прымовся тамъ къ мени, чы довго я буду тутъ нудытысь?

Прыйиздыть Пылыпъ до Бога, погостювавъ тамъ и, якъ прыйшла пора одйиздыть йому додому, винъ и пыта:

— Ну, а скажы, Боже, чого то надъ шляхомъ одынъ чоловикъ объ стины бъеться, а другый стойить у води та нiякъ не напъеться, а третiй водою перелываеться?

середа и пъятныця, а чоловикъ одъ страху зализъ пудъ пичъ. Увійшлы воны и давай жалиться: середа каже, що «Мене колють», а пъятныця—що «Мене замазують и засыпають кострыцею». Поговорылы, а потимъ угадалы, що у хати е чоловикъ, вытяглы його зъ пидъ печи, звязалы рукы и кажуть:—«Скажы людемъ, щобъ у пъятныцю не мазалы и не прялы, а у середу, щобъ не шылы».

С. Выбли Черниг. у. отъ Ивана Мосича М. С. Чудновская.

222. Середа штовхнула.

Каже чоловикъ жинци:—«Жинко, я хочу сала!»

— Що се ты, чоловиче, здуривъ? Сьогодни жъ середа.

— Середа уже спать легла,—каже чоловикъ.

А уже бувъ вечоръ. Узявъ винъ кусманъ сала, упльовъ та й полизъ спать. Тилькы що чоловикъ звьовъ очи, а середа його якъ штовхоне съ полу,—такъ винъ и полетивъ сторчака.

— Оце тоби,—каже чоловичеськымъ голосомъ,—середа спать легла.

— Що се, чоловиче, зъ тобою?—пытае жинка.

— Та се,—каже,—мене середа штовхнула. Теперъ уже николы не буду у середу йисты сала и дитямъ закажу.

С. Выбли Черниг. у. отъ Ѳедора Билана, М. С. Чудновская.

---

223. Про Ярусалымъ.

Оце зароблятыму гроши. Якъ зароблю рубливъ двисти, такъ пиду у Ярусалымъ. Тамъ, кажуть, дужей гарно. Одынъ парубокъ ходывъ. Туды йшовъ такъ такый пры здоровъю бувъ, а видтиля якъ прыйшовъ, такъ и родытели не пизналы—такый худый та насылу ходе. Його пытають: «Чого жъ ты такый худый ставъ»? А

винъ каже: «Колы жъ мени такъ було, що оце день ничого не йимъ, або й два дни не йимъ та все дывлюся—такъ тамъ гарно». Вы знаете, тамъ Божа Маты жыве. Гора така тамъ у Ярусалыми—Ахвонська,—такъ вона на тій гори жыве. Тилькы, звисно, я йийи не побачу, бо туды женського полку не пускають. Уже одынъ панъ такъ такъ изробывъ У його не було дитей, а винъ прынявъ соби дивчынку чужу за дочку. Отъ винъ убравъ йийи такъ якъ хлопця и пишовъ зъ нею на ту гору. Такъ не зійшла. Ишла, ишла, а тоди й покотылася зъ горы. Такъ якъ упала на камень та взялася рукамы, такъ на камени й знать пальци. Такъ тоди и вгадалы, шо то не хлопець, а дивчына, бо то йий грихъ було туды йты. Одынъ чоловикъ, забула тилькы зъ якойи слободы, пославъ туды по телеграми багато грошей, щобъ йому патретъ изъ жывойи Матери Божойи прыслалы; такъ и прыслалы окону таку, зъ Нейи зъ жывойи патреть изнялы. Теперь та окона въ церкви стойить.

У Божойи Матери, тамъ, де вона жыве, немае ни дня, ни ночи, а все однаково, такъ, наче дуже нахмарыло. И вона не йисть ничого, а Святымъ Духомъ воспытаеться.

Кажуть, шо дуже дорого дойихать у Ярусалымъ, бо тамъ перевозять човномъ, и той човенъ уже не нашого царя, а чужого. Такъ чужый царь дуже дорого бере за те, що перевезе.

Тамъ у Ярусалыми, чы на Ахвонській гори, цього вже не знаю де саме, такъ кажуть немае серебра, саме золоте все та костяне: и хрестыкы, и оконкы.

Черниговск. у. М. Н. Гринченко въ 1900 году, отъ дивчины.

224. Хлопець, монахы и скарбъ.

На болоти Трубайли бувъ здоровый островъ, а на тому острови стоявъ здоровый стовпъ, а на тому стовпу

стояла чоловическька статуя. И на тому стовпу було написано: «Хто вцилыть статуйи въ голову, той грошей багато найде». Кажны день собыралось багато людей до того стовпа и вциляли його въ голову, нихто тульки не вцилывъ. Колы прыходыть молоде хлопъя, прочытало и подумало, якъ гроши найты. А дали начало копать землю у тому мисци, де у схидъ сонця падала тинь одъ головы статуйи. Потимъ копало на тому мисци, де тинь була на пивдень и копало на захидъ сонця и тамъ выкопало чугунну скрыню грошей. Стало тее хлопъя пудnимать скрыню, такъ не пудыме. Воно пошло у Мыхайловській монастырь и объявыло гумену, що отамъ на острови найшовъ сундукъ зъ грошыма и самъ не пудниму. Гуменъ пославъ двохъ манахивъ исъ тымъ хлопцемъ.

Прыйихалы воны на той островъ до стовпа, забралы сундукъ изъ грошыма, посидалы на човенъ и пойихалы. И йидучы манахы позавыдувалы на тійи гроши, нарадылысь скынуть хлопця изъ човна и обманыть гумена, що тамъ грошей нема. Тоди взялы, прывъязалы каминь до шыйи хлопцю и пустылы його у воду, а самы пойихалы, на березі заховалы гроши и прыйшлы до гумена и кажуть, що «Хлопець той обманщыкъ, прывивъ на островъ и тоди заховався, и мы шукалы, шукалы—не найшлы ни хлопця, ни грошей, такъ и вернулысь».

А той хлопець оставсл невредымъ и черезъ несколько времъя оказався у тому самому манастыри пудъ престоломъ и ставъ тамъ стогнать. А клюшныкъ прышовъ у манастырь да почувъ и сказавъ гумену. Гуменъ прышовъ и побачывъ пудъ престоломъ того жъ самого хлопця, которы объявлявъ, що найшовъ гроши, и вытягъ його клюшныкъ изъ гуменомъ съ пудъ престола, одвязалы камень одъ шыйи и сталы його пытать, що йому случылось. То вунъ росказавъ усе, що йому було зъ манахамы. Тоди гуменъ прызвавъ тыхъ манахивъ и ставъ йихъ пытать, якы це хлопець. И манахы сталы

прощенія просыть у гумена. Но гуменъ прыдавъ йихъ къ суду, то судъ йихъ осудывъ туды, де Макаръ и телятъ не пасе.

Записалъ крестьянинъ с. Русанова Гоголевской волости Остерскаго у. Елисей Юрченко. Сообщилъ И. Е. Коновалъ въ 1899 г.

225. Де бильше празникивъ.

I.

Зазмагався жыдъ исъ чоловикомъ, у кого буильше празныкуивъ и поришылы, щобъ жоденъ, щытаючы свойи празныкы, вырывавъ у другого зъ бороды волосыну. Ну, добре. Кому жъ почынать? Жыдъ ну на себе горнуть:

— Мы зъ народъ бозы, то й празныкы головниси,— мени поцынать!

— Ну, нехай вже твуій чортъ старшы,—дядько каже,— почынай!

Отъ жыдъ почавъ: «Ну, слухай, Омельку! Адъ нового году,—Рошъ ходешъ шватъ.» —Та й сипъ волосыну у Омелька.—«Хамиша Ассаръ б' шватъ.»—Зновъ—сипъ!

— Та що ты, свыняче ухо? Казавъ, у васъ головнійши празныкы, а теперъ що ты выдумуешъ: то сватъ и се сватъ, та й будешъ усю ридню тягать!

— Ай, ай, Амельку! падазды—будуть и главны!

— Ну, гоны!

— Рошъ Ходешъ Адаръ.—Сипъ волосыну!—Другый день Рошъ Ходешъ Адаръ.—Зновъ—сипъ!—Гаманове Ухе. Ну, теперъ, Амельку, якъ жнай—самъ зе ты цуесъ: Гаманове Ухе! знацыть треба не за волосыну, а за ухо и тебе.

Бачыть дядько, що жыдъ хытруе, та вже потатурывся.—«Скубы вже!»—каже. Отакъ жыдъ ище иноди хытрывъ, але жъ мало нарвавъ волосься: штукъ мо зъ пив-сотни й вырвавъ. Добре.

— Ну теперъ вже буду я,—дядько каже.—И я почну не зъ нового року, а зъ самого головного празныка: зъ Хрыстового Риздва. Ну! Первый день святъ.—Сипъ волосыну!—На другый день Соборъ пресвятойи Богородыци й священномученыка Юхыма.—Сипъ!—Трети день: святого апостола й первомученыка Степана.—Сипъ волосыну!—Четвертый день—Святыхъ мученыкъ дву тму въ Ныкодымійи сожженныхъ. Ну, теперъ выбачай, жыде: щытать волосся буде забарно.—Та хипъ його за бороду й выскубъ чысто.

Той крычыть: «Пусты, Амельку! усимъ и васимъ и насимъ расказу, сцо у васъ бильсе празныкуивъ!»

— Э, ни! хочъ десяту часть выслухай! Пъятый день—святыхъ младенецъ чотырнадцяты тысячъ, Хрыста рады избіенныхъ одъ Ирода въ Вифлееми Іудейськимъ!—та й хапъ жыда вже за песыкы!..

И отъ, якъ бачыте: небагато пощытавшы празныкуивъ, жыда оскубъ мовъ горобця простисенько той Омелько.

М. Мринъ Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

II.

Змагалыся чоловикъ изъ жыдомъ, у кого буильше празныкуивъ и поришылы, щобъ каждый, щытаючы свойи празныкы, вырывавъ у другого по волосыни зъ бороды. Отъ жыдъ уже й радіе:—«А ну зъ я поцну сцытать свойихъ».—Чоловикъ згодывсь. Жыдъ заразъ: «Семенъ»!—та й смыкъ волосыну. «Куцкы»! та й смыкъ!.. Перещытавъ отакъ жыдъ свойи празныкы и радый-радый, що нарвавъ зъ десятокъ волосынъ. А чоловикъ усе крипывсь, хыба тоди скрываться, якъ той смыкне зо зла волосыну, дали й пыта: «Ну, вже, Хаинъ»? А той: «Узе, а сцо ты будешъ сцытать, колы у васъ мало цого празнують, а и у велыки празныкы йидуть колы не въ поле, то до миста?»—«Ну, то литомъ звисно такъ, а отъ я тоби перещытаю хочъ

зимни.»—Та й почына:—«Риздво!»—та й сипъ волосыну! Жыдъ такъ и затрусывся. «Водохрыще!»..—«Ой, цы далеко сце до весны?»..—«Та ни, чекай: ось ще тры сяти»,—та й сипъ тры волосыны,—такъ и звывся жыдъ, та: «Ой, вей! Грыцьку! нехай твойихъ бильсъ, пусты мене!» А той: «Та слухай: е въ насъ ще сорокъ сятыхъ,»—та хуипъ його за всю бороду, бо выщытувать уже николы, а про те, щобъ знавъ жыдюга, що якъ любышъ йиздыты, то любы й возыты.

М. Верківка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей, 1899. Варіантъ у Аѳанасьева, II, 419.

---

226. Чы Велыкдень велыкый день?

Одна баба чуе, що люде Воскресенне зовуть Велыкоднемъ. Отъ вона одного разу и хотила спробовать, чы правда сьому, бо звисно,—чого люде не наговорють. На Велыкдень пишла вона у погрибъ, щобъ нихто не бачывъ и взяла зъ собою почынкивъ тры. «А ну жъ, думае баба, чы попряду?» Сыдила до самого вечора, та напряла усього тилко одынъ почынокъ. Тоди вона й каже зъ серцемъ: «Ну и не брехлыви жъ люде? Отъ тоби й велыкый день! День, якъ уси дни, адже стилько и напряла, якъ завсегды. А черезъ отой капосный почынокъ просыдила у погреби, наче за яку вину. Я бъ стилько и въ пылыпивськый день напряла!» Оттака то була розумна!

Ю. Н. Долинская въ с. Выбляхъ Черниг. у.

---

227. Непысьменный пипъ.

Було це въ старовыну. Бувъ у однимъ сели пипъ и не вмивъ винъ ни чытаты, ни пысаты. Прослужывъ

винъ службу, и треба було йому казать проповидь. Выйшовъ зъ овтара и каже:

— Чы знаете, братци, що я вамъ буду казать?

— Ни,—кажуть люде,—не знаемъ.

— Ну, якъ не знаете, то я не буду й казать, идить додому.

У другу недилю зновъ пытае винъ:

— Чы знаете, що я буду вамъ казать?

— Знаемо,—одвитылы люде.

— Ну,—каже винъ,—якъ знаете, то ничого вамъ казаты, идить соби додому.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Муцкаго.

Такіе-же разсказы напечатаны у Рудченка (II, № 5) и Афанасьева (II, 434).

228. Дви проповиди.

I. Проповидь украйинця:

Братіе! Йихъ благородіе, панъ комысарь, лежять. А чого жъ воны лежять? Бо воны вмерлы. А чого жъ воны вмерлы? Бо естественно чоловикови родытыся, естественно и вмерты. Аминь.

II. Проповидь билоруса:

Братіе! Памьоръ... памьоръ... и ляжиць... А вы, дурни, цаво стайице? Бяриць и нясиць... Аминь.

Неизвѣстно кѣмъ записано.

229. Помылывсь.

Йихавъ архырей черезъ поронъ, а у ту пору по Десни ишлы плыты. Старшый плытовщыкъ крычавъ на свойихъ товарышивъ:—«Прычалюй»!—та крычавъ такъ здорово, що на симъ верстъ було чутно. Почувъ архырей у свойий карети та й каже:

— Прыведить мени того чоловика, що въ його такый голосъ.

Прывелы плытовщыка до архырея, и винъ зробывъ його дякомъ.

Служывъ разъ той дякъ службу, и треба було йому казать: «Много лита,» а винъ помылывсь та якъ крыкне на всю церкву: «Прычалюй»! Такъ його заразъ розстрыглы и прогналы.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Муцкаго.

---

230. Жарына.

Кажуть люде,—встаровыну не дуже було густо людей пысьменныхъ, а найпаче попивъ. Знаходылысь цили села, де попа и дяка зроду-вику не бувало, и люде не вмилы молыться, не бачылы, якъ треба поклоны класты або хреститься, а що попа возыты у решети,—воны про се и не чулы николы.

Такъ було соби одно село, де люде не памъяталы, чы бувъ тамъ колы пипъ. Ото прыслано туды попа и дяка. Збигся народъ звидуси дывытыся, наче той рашевець росташовався зъ гарнымъ крамомъ, або цыгане прывелы ведмедя, де зроду-вику його не бувало.

— Чы такый винъ, якъ и мы?—пытае, хто не бачывъ.

— Точнисинько,—одказуе такый, хто все знае и все бачывъ,—тилькы коса ззаду телипаеться.

— Що жъ вона скындячкамы гарно перечеплена, якъ у дивчатъ? Чы пидъ очипкомъ схована?

— Ни, вона росчесана.

— А у дяка велыка коса?

— Ни, не дуже.

Багато де чого казавъ народъ. Оселывся пипъ.

— Теперъ,—каже,—треба одибраты хату пидъ церковъ, покы збудуемо церковъ.

Одибралы. Зибралысь мыряне вчытысь молыться.

— Глядить же,—каже пипъ,—вы мусыте робыты, якъ я робытыму: отакъ хреститься, отакъ поклоны бийте!

— Такъ, такъ,—загудилы уси и почалы поклоны быты.

Пиднисъ дякъ попови кадыло. Почавъ винъ ходыты по хати и кадыты, а мыряне хрыстються и поклоны гатять. Тилькы якось на лыхо жарына съ кадыла упала попови за халяву. Винъ дума: «Ничого вона не вдіе кризь онучу». А дали тупъ-тупъ ногою, се бъ то загасыты йийи дума. А мыряне и соби—тупъ-тупъ ногою! Жарына не вгасае и дужче прыпика. Пипъ тилькы дрыгъ-дрыгъ ногою! А мыряне уси соби дрыгъ-дрыгъ!.. Якъ прыпекло попову онучу да якъ зашкварчыть попова нижка,—тоди винъ сивъ мыттю доли, давай стягаты чобитъ.

— Анаѳемо!—каже, да й кынувъ його у кутокъ.

А мыряне соби посидалы на землю, роззуваються да й шпурляють чоботы у той кутокъ, де попивъ лежыть. Пипъ баче, що бида—закыдають його чобитъ такъ, що и ворожка не пизна,—мерщій схопывся, за чобитъ да драла зъ церквы, а мыряне соби за чоботы да наздогинъ зъ церквы.

Така, кажуть, була колысь служба.

Записалъ Пидводный.

Такіе же разсказы напечатаны въ «Этн. Збрн». (I, V, VI, и 28. V).

---

231. Хытрый бляхаръ.

Було це пидъ церквою, якъ разъ на самисиньки проводы. Поодправлявъ пипъ панахыды, сивъ за стилъ

и почалы трапезуваты. Навкругы попа посидалы сами найбагаччи мужыкы а мижъ ными якось прымостывся й бляхаръ. Йидять воны усяку страву, ажъ за ухамы лящыть та все горилкою частуються; пипъ надто налягае на мъясыво-курятынку, сотае соби. А бляхаръ хоча бъ крыльце зъ курятыны,—сыдыть и въ ротъ не бере. Помитывъ се пипъ та й пытае його:

— А чому ты курятыны не йисы?

Бляхаръ подывывся на курятыну та й каже:

— А тымъ, батюшко, що кожна хазяйка, якъ посылае дочку піймaты пивня на таке дило, то й прыказуе: «Гляды жъ, дочко, ловы того пивня, що зъ билымъ гребинемъ, бо винъ все одно не сьогодни—завтра здохне: краще я дорижу його та спечу, а пипъ иззисть, ще й пальчыкы пооблызуе!»

Почувшы се, пипъ скрывывся та й выкынувъ зъ рота те, що й зумравъ... Зъ того часу пипъ ажъ николы не йивъ мъяса, що носять на таке дило парахвіяне.

Каневскій у. Кіевской губ. В. Ф. Степаненко.

---

232. Незвычайна хазяйка.

А.

Прыйшовъ пипъ до однієи хаты зъ молытвою. Хазяйина дома не було, а хазяйка каже сынови:

— Скажы, що дома нема!

Та й заховалась на пичъ

Увиходыть пипъ:

— Де маты?

— Нема дома,—каже хлопець,—пишлы на село.

Пипъ глянувъ по хати,—ажъ выдно съ печы ногы. То винъ:

— Скажы жъ матери щобъ удруге, якъ пиде на село, то й ногы съ собою забирала!

Харьковск. губ. Б. Д. Гринченко.

Б.

Прыйшовъ пипъ зъ дыякономъ, а жинка одъ йихъ заховалася на горыще, а сынови звелила сказаты, що нема йийи дома. Пытае пипъ:

— Де маты?

— Нема дома,—каже сынъ.

А дыяконъ глянувъ по синяхъ, ажъ спидныця зъ горыща звысла—не вспила жинка далеко заховатыся. То винъ:

— Дакъ скажы жъ матери, щобъ удруге не чыпляла спидныцю надъ дверыма!

Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

233. Страшный судъ.

Це було дило саме якъ разъ въ майи мисяци, ще й передъ зеленымы святкамы. Мени казавъ одынъ чоловикъ, що въ цимъ году буде кинець жызносты, а якъ инакше сказать—страшный судъ. И росказуе, що выйихавъ той же чоловикъ якъ разъ за саме село и дыв ыться, що це вже мабуть и винъ, той самый страшный судъ, бо вже й земля уся зайнялась тамъ на Выржавци и уже зайнялась по самисиньку яконовiю, оту, що йийи всяке пошты знае зъ нашого краю. Я тоди, не бувшы лыхо, та назадъ у село та до росправы. Якъ и вамъ же звисно, що якъ зробыться яке де небудь дило, то треба дать знать въ самый передъ куды жъ, якъ не до росправы? То якъ я вернувся до росправы и не заставъ тамъ ни соцького, ни десяцького, а тилкы бувъ тамъ одынъ сторожъ, то я йому росказавъ усе це лыхо и

пойихавъ я зъ своею жинкою Марусею, щобъ тикать куды небудь у друге мисце, або що. Ище й другымъ тамъ сказавъ, щобъ тикалы тоже. То одни тикалы, а ти поторопилы та кажуть, що якъ уже це буде страшный судъ, то куды вже намъ тикать, одначе вся земля згорыть, то все жъ такы мы не втечемо.

Колы йиде якыйсь чоловикъ, якъ по нашому найшвыдче сказать,—осаула зъ берлозивськойи яконовійи та загадуе малымъ дитямъ жукивъ ловыть на бурякахъ, а мы йому:

— Ты сякый-такый и въ останній день загадуешъ! Дывысь, онъ на Выржавци земля уже горыть, а винъ намъ каже жукивъ ловыть!

— Що вы, поторопилы, чы що це зъ вамы случылось? Дурни вы! То на ковтьобахъ жукы палють, а въ Выржавци туманъ схопывся зъ ричкы. Схамениться лышень!

Тоди наши люде, почувшы це, повертались звидтиля, куды бувъ хто втикъ та до шынку, та давай пыть горилку та радуватъся, шо ще такы трохы пожывемъ.

Каневскій у. Разсказъ сторожа копіеватской управы Грыцька Бульбы.
Сообщилъ В. Ф. Степаненко.

IX.

О явленіяхъ жизни семейной и общественной.

234. Вирна дружына.

Одынъ молодый чоловикъ та дуже добре жывъ изъ своею жинкою. Було, чумакуючы, йиздыть по дорогахъ, а думка витае коло вирнойи дружыны у ридній оседи. Додому повертаеться якъ у рай, а доведеться знову кыдаты домивку,—важкый сумъ огортае душу. Отъ разъ, рушаючы въ далеку дорогу, винъ и каже жинци:

— Дружыно моя, чы ты справди вирна мени, чы може, якъ довго нема мене, то й у грихъ ускочышъ?

А вона йому: «Отъ уже,—каже,—я швыдче на тебе надіюсь, що ты, ходячы по свитахъ, не выбудешъ такъ.»

Слово по слову, а дали й заложылысь: «Ну, якъ такъ,—каже жинка,—надинемо на розстанни по новій сорочци, и хто чесно прожыве,—ходытыме у билій сорочци, хочъ ни разу й не скыдатыме, ажъ покы побачымось; а хто согрешыть, на тому буде чорна сорочка, и пратте не поможе.»

— Добре!

Такъ и зробылы.

Отъ, якъ верталысь уже чумакы додому, трапылось йимъ ночуваты на постоялому двори у дуже багатого купця. Булы тамъ напыткы и найидкы усяки, а чумакы, звычайно, грошовыти люде, пъють та закусюють. За ве-

черею, на пидпытку вже, сталы дывуватысь тому чоловикови, що одколы, кажуть, ходымо у дорози, винъ ни разу не переминявъ сорочкы, а сама чыстійша сорочка въ його. Прыставъ до йихъ и хазяйинъ: що да якъ? Ну, той чоловикъ и прызнався: «Це,—каже,—мы заложылысь изъ жинкою: хто зъ насъ чесно прожыве, той зъ дружыною стринеться у билій сорочци, а хто проступыться, на тому одразу стане чорна сорочка.»

Купець той якъ зарегочеться и просто въ вичи зве дурнемъ: «Чы такы жъ,—каже,—жинкамъ можна виры няты? Да абы трапывсь добрый молодець,—зроду не встойить.» А чумакъ той свое: «Ручусь, якъ за себе.» Отъ купець тоди: «Та хочешъ, я самъ зведу?»

— Зведы!

— А що дасы?

— Та заберешъ уси мойи волы й возы.

А шисть паръ воливъ!

— Добре.

— А якъ же выйде твоя брехня, тоди що?

— Пропало усе мое господарство.

Ото сталы у закладъ, напысалы у бумагу, и вси пидпысалысь. Роспытався купець, у якому сели и де саме жыве чумакъ та й пойихавъ.

Прыйиздыть до того двора и просыть у молодыци, чы не можна коней погодуваты да й самому одпочыты. Молодыця, звычайно, пустыла. Просыть винъ самоварь нагриты. Пъе чай и хазяйци дае та ще й рому пидсыпае. Дочаювалысь, що треба вже й йихаты. Просыться купець на ничъ. И все лыпне, та й лыпне до тыейи молодыци; попервахъ оддаликъ заходывъ, а дали вже й добре прыставъ. И надававъ ажъ тысячу рубливъ, абы тилько дило було. Бачыть молодыця, що не перелывкы, а сама жъ одна душею въ хати. Отъ вона й каже: «Ну, добре,—чы такъ, то й такъ! Тилько мени треба на двиръ выйты.»

Выскочыла молодыця зъ хаты та боржій до сусидкы. А биля йийи жыла одна убога вдова.—«Отакъ и такъ,—каже,—вызволы и мене одъ напасты, и соби тысячу заробышъ: тоби Богъ простыть!» Росказала тій сусидци, якъ треба поводытысь. Та й зохотылась.

Отъ купець оддавъ тысячу та тоди за косу тилько чыркъ ножыцямы: «Це,—каже,—хай мени за тысячу.»

Выйшла удова, а хазяйка тоди въ хату. Уранци купець пойихавъ радый та веселый, що выгравъ закладъ. Постричався зъ чумакамы: «Мойи,—каже,—волы!»

Показуе косу. Чоловикъ той и охоловъ. «Ну, та вже жъ,—каже,—побачымо!»

Идуть чумакы, а за нымы и купець повернувъ. Пидйихалы до двору. Молодыця выскочыла, ворота одчыня. А купець и гукае: «Да не одчыняй,—каже,—бо це все мое.»

— Чого жъ воно твое?

— А ты забула, якъ я ночувавъ у тебе?.. У насъ исъ твойимъ чоловикомъ бувъ закладъ.

— Я тебе овсимъ не знаю,—каже молодыця.

Купець тоди: «А це що?»—показуе косу.

Молодыця очипокъ изъ головы: «Ни,—каже,—у мене, хвалыты Бога, коса цила.»

В. Т. Андріевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ крестьянина Евдодима Гавриленка, 27 лѣтъ, въ 1898 г.

---

235. Хытра жинка.

— Жинко, а де гроши подила?

— Та де жъ?.. Копу на силь... копу за силь... за копу солы купыла... а копу пропыла...

Чоловикъ росердывся та вдарывъ йийи.

— Бачъ, ударывъ у губу, перебывъ рахубу, до й щытай самъ!

С. Евминка Остерск. у. Черниг. г. Г. С. Неводовскій.

236. Линыва жинка не пряде.

Була соби одна така жинка и не любыла вона прясты. Каже йій, було, чоловикъ щобъ вона пряла, а жинка одказуе: «Ще напряду.»—«Та пряды бо, сяка-така!»—«А килькы ще,—пытае жинка,—недиль до празныка?»—«Десять.»—«Ну, ще десятку напряду!»

— Чомъ бо ты не прядешъ, пряды! — зновъ черезъ килькы недиль каже чоловикъ.—«А килькы ще осталось до празныка?»—«Та уже тилькы симъ недиль.»— каже чоловикъ.—«О, ще у семуху напряду!»

Проходять и симъ недиль, а жинка и не береться за куделю. «Хай,—каже,—у велыку суботу—велыкый день буде, тоди напряду.» Диждалы воны и велыкойи суботы, зложыла жинка у чугуны льонъ та конопли и давай парыть. А у йихъ та була сучка-кудла.—«Сыды жъ,—каже жинка на чоловика,—та дывысь, щобъ кудла не вскочыла у сины, а то мойи полотна покудляться.» Сыдыть чоловикъ на порози, махае рукамы. Стала жинка выймать чугуны зъ печи, а кудла такъ и выляе хвостомъ, якъ бы ускочыть у сины. А жинка тыхенько маныть кудлу, та ще й хлибъ показуе. Кудла, побачывшы хлибъ, перескочыла черезъ плече чоловикови та у сины. А жинка тоди якъ закрычыть на чоловика та заголосыть: —«А що жъ ты мени, такый-сякый, наробывъ? Покудлатылысь, пропалы мойи полотна!» Та давай вытаскувать зъ чугунивъ льонъ та конопли, годи й билыты.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Гликеріи Новиковой М. С. Чудновская.

---

237. Ленывa жинка чоловика на смерть убирае.

Була соби жинка, та така ленывa, мовъ бы це й я, нелюбыла вона прясты. «Чому ты,—каже чоловикъ—не

прядешъ, у що ты мене уберешъ, якъ я умру?»—«О,—каже жинка,—уберу, ще й якъ.» Прыкынувся чоловикъ мертвымъ и лежыть. Найшла жинка неретку, надила на чоловика, бо ничого бильше не було надить, прыпала до чоловика и голосыть: «Чоловиче мій, та куды жъ ты убираешся?»—По рыбу,—промовывъ чоловикъ. Положылы чоловика у домовыну. Зновъ жинка стала голосыть: «Чоловиче, та куды жъ ты убираешся.»—По рыбу.—«Ой, мамочко,—крыкнула тоди жинка,—винъ не умеръ, винъ гомоныть.»—Ни, се тоби, моя донько, такъ удаеться, що ты його любыла.—Прынеслы чоловика уже до могылокъ. Голосыть жинка, прыказуючы: «Куды жъ се ты, чоловиче, убираешся?»—По рыбу!—скрыкнувъ чоловикъ, та й уставъ зъ домовыны и давай быть жинку по потылыци: «Оце тоби,—каже,—не ленысь, та пряды, щобъ не убирать чоловика у неретку.»

Записала отъ Лукеріи Новиковой М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниг. у.

---

238. Жинка безъ десятойи клепкы.

Купывъ разъ жыдъ у однієйи жинкы яйця и каже: «Ты погуляй, а я однесу яйця додому и прынесу тоби гроши.»—«Добре,—каже жинка,—тилькы якъ же мы одынъ одного угадаемъ?»—«И справди,—каже жыдъ,—хыба знаешъ що? ты надинь мое палто, а я твій кожухъ.»—А на жинци бувъ добрый кожухъ. Передяглася жинка у жыдивське палто и жде. Ждала, ждала, та безъ кожуха и додому вернулась.—«А кожухъ де?»—пытае чоловикъ. Вона росказала, якъ було дило.—«Нема у тебе,—каже чоловикъ,—десятойи клепкы!»—Та не ставъ бильшъ и балакаты.

Побачыла разъ жинка бондара и просыть, щобъ винъ зробывъ йій десяту клепку. Заглянувъ бондаръ,

що у синяхъ высыть велыке сало, та й каже: «Се дорого буде стойить: отъ якъ оддасы отее сало, то зроблю». Согласылася жинка, и бондарь выстругавъ йій клепку, зробывъ обручыкъ и надивъ на голову.

Записалъ отъ Андр. Чечни Петръ Курилецъ, въ Черниг. у.
Сообщила М. С. Чудновская.

239. Якъ жинку ярмалокъ налякавъ.

Докоряе жуинка чоловикови, що усе самъ йиздыть и до миста, и въ ярмалокъ, и такы добылась того, що чоловикъ згодывся взять и ейи на ярмалокъ. Отъ прыйихалы, чоловикъ выпрягъ волуивъ, посадывъ жуинку воза стерегты, а самъ пишовъ нибы за диломъ; але жъ надумавъ вуинъ инше дило: знайшовъ полыцейського, купывъ йому восьмуху, чы дви и попросывъ, щобъ той провчывъ жуинку, якъ на ярмалокъ йиздыть. Згодывсь полыцейськы, прыйшовъ до жуинкы та й гримнувъ: «Чого ты пріѣхала?»—А та веселенько: «На ярмалокъ!»—Ахъ ты сякая-такая! Я жъ тотъ ярмалокъ, такъ ты на меня будешъ ѣздить?» та й почавъ ейи пугою перищыты. Повчывъ добре й зныкъ. Ажъ надходе чоловикъ, а жуинка й пыта знышка: «Не бачывъ ты ярмалку?»—«Ни, не бачывъ. А що хыба?»—«Та тутъ якъ здыбавъ мене, то трохы шкуры не опоровъ, ледви пидъ возомъ сховалась, та ще й наказувавъ, що вернеться вдруге. Запрягай, чоловиче, нумъ тикать мерщій,—краще самъ выйидешъ». Чоловикъ уже й зоставляе: «Побудьмо ще, поорудуемъ де що.» Та куды тоби—тикать,—хай його мыръ не знае, того ярмалку! Втеклы. Жуинка вже не чепляеться до чоловика. Прожылы злагодно вже тыждень, а жинци все на думци ярмалокъ. Пишла вона у недилю до церквы; туилько шо въ бабынець увишла, ажъ уздрила москаля въ церкви, та нав-

тикы. Прыбигае додому, задыхавшысь. Чоловикъ до нейи: «Чого се рано зъ церквы?»—«Ой, не пытай же ты мене! Ярмалокъ у церкви.»

М. Верківка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

---

240. Жоноча пошесть.

— Боже муій, що його робыть? жуинка недужа.

— Осе! Що жъ тамъ таке?

— Та чорты його батька знае, що воно й за пошесть: лежыть безъ просыпу, а йисть безъ пощады.

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.

---

241. Чы можна жинкамъ правду казаты.

Одынъ чоловикъ та хотивъ вывирыты, чы можно жинкамъ правду казаты. Отъ винъ пишовъ у комору, лигъ та й лежыть, наче хворый, а жинка й пытае його:

— Чого ты, чоловиче, лежышъ?

А чоловикъ и каже:

— Въ мене таке, шо не можно казать, а то ты скажешъ кому небудь.

— Та ни, не скажу.

— Э, ни, скажешъ.

— Та ни бо, не скажу!

Довго винъ не хотивъ казать, а тоди й каже:

— Та тилкы жъ никому не кажы! У мене вылетила зъ рота гава.

Отъ жинка пишла по воду та й стрила свою куму, а кума й пытае:

— А шо, полекшало твоему чоловикови?

— Э, де тамъ полекшало. У його,—тилкы кумочко никому не кажы,—у його дви гави зъ рота вылетило.

Кума сказала, шо никому не скаже. Колы йде друга баба. Отъ та кума й каже:

— А знаете, у того чоловика (якъ тамъ уже його) тры гавы зъ рота вылетило. Та тилкы жъ никому, бабусичко, не кажить.

А та й сказала своiй племинныци, да й ще прыбавыла, а та ще комусь, такъ выйшло вже дванадцять гавъ. Отъ уже вси на сели дизналысь, думають, шо жъ це воно таке? Зибралась громада и клычуть його:

— Шо це,—кажуть,—у тебе таке?

А винъ йимъ усе й росказавъ, якъ воно було:

— Це я,—каже,—хотивъ вывирыть, чы можно жинкамъ правду казать,—ажъ бачъ, якъ йимъ можно правду казать.

Записала Н. Г. въ Черниговск. у. въ 1898 г.

---

242. Батькова правда.

Вы пытаете, добродiю, звидкы беруться оци пословыци? Такъ стари люде прыкладують. Колысь покiйный мiй татко було намъ каже: «Слухайте, диткы, що вамъ кажуть стари люде, прымичайте та такъ и робить!» Та оце, бувало, й роскаже яку небудь казку. Отъ колы хочете, я й вамъ роскажу де яку казку покiйныка татка. Се жъ ото бувъ чоловикъ, а въ його бувъ однымъ однымъ сынокъ. Отъ винъ, умираючы, й каже; «Гляды жъ, сынку, съ панамы не кумайсь, зъ жыдамы не братайсь, жинци правды не кажы, чужойи дытыны за дытыну не ймiй, собаци виры не доймай.» Вмеръ старый, сынъ почавъ господарюваты. Панъ його такъ жалiе й прыкащыкомъ настановывъ, а дали и въ кумы до себе взявъ. Не послухавъ винъ батька та й пишовъ до пана въ кумы. Що жъ?—панъ його ще бильшъ зачавъ жалиты. Отъ винъ и думае: неправду казавъ покiйныкъ,—

бачъ, якъ мени добре, що я панськый кумъ. А въ його не було дитей, отъ винъ и взявъ соби челядныка за сына. Потимъ того йиде панъ у повкъ та й каже: «На жъ тоби, куме, мого сокола та гляды жъ, доглядай його гарненько!» Пойихавъ панъ. Отъ винъ и миркуе: давай, каже, извидаю батькову правду. Та взявъ того сокола, що йому уручывъ панъ, заховавъ, а пыленятко*) заризавъ, опатравъ, прынисъ жинци та й каже: «На жъ тоби, жинко, звары оцього сокола, та колы бъ ты никóму, никому не казала, бо якъ дочуе панъ—буде намъ лыхо.» —«Ни, чоловиче, чы можна, щобъ я кому сказала?» Та й пишовъ кудысь по господарству. А жинка за те пыленятко та до кумы. Прыбигла та й просыть горщыка: «Кумочко, голубочко, дай, будласко, горщыка!»—«На що тоби?»—«Та нельга казать, кумочко!»—«Якъ тоби не грихъ, кумо? Я жъ до тебе така вирна, а ты мени не хочешъ сказаты.»—Вона й розказала. Кума сказала матци, матка невистци; пишла чутка по всьому селу: прыкащыкъ заризавъ панського сокола. Почувъ и панъ, одпросывсь та й прыйихавъ додому. Заразъ по кума: «Де, сякый-такый (годи вже й кумомъ), де сокилъ?» —Що жъ, паночку, вынуватъ: заризавъ та ззивъ.—Не прызнаеться, думавъ, що панъ помылуе, ажъ де тоби: якъ закрычыть на його! Крычавъ, крычавъ, а дали лакеямъ и каже: «Визьмить його, повисьте!» Отъ винъ и каже панови: «Дозвольте, паночку, хочъ въ останній разъ Богу помолыться, зъ людьмы роспростыться!» Дозволывъ. Прыходыть додому, надивъ билый кожухъ та й згадавъ, шо ще жыдъ не вернувъ грошей позыченыхъ. Питы жъ, думае, до жыда, отъ и взнаю його правду. Та тилькы що показався зъ синей,—де взявся собака,

*) Пыленятко—се бъ то курча, бо курчатъ склыкають: пыль, пыль, пыль!

та на груды, та давай його шарпаты, такъ полу й одчахнувъ! Бачъ, якъ батькова правда збуваеться! Прыходыть до жыда. Жыдъ ни блызько: «Я,—каже,—въ тебе не бравъ грошей.» Зъ симъ и пишовъ видъ жыда. Прыйшовъ додому, вынисъ зъ коморы гроши та й каже жинци й небожови: «Нуте дилыты гроши!» Взявъ та й роскладуе на чотыри купкы. А було тилькы трое: винъ, жинка й небожъ. Отъ небожъ дывывсь, дывывсь, а дали й пытае: «Кому жъ оце, господарю, четверта купка?» —Се,—одвитуе,—тому, хто мене вишатыме.—«Э, такъ якъ мать чужому тебе вишать, то лучче давай я тебе повишу.» Отъ тоди винъ узявъ, зсыпавъ зновъ гроши въ мишокъ и каже: »Ну, теперь звидавъ усю батькову правду!» Пишовъ туды, де єховавъ сокола, взявъ його й прыходыть у панськый двиръ. Сокилъ якъ свысне, панъ и почувъ та до лакейивъ: «Эй, идить, поглядить, неначе сокилъ свыснувъ.» Выбиглы, подывылысь—ничо́го не чуть. «Нема, пане, ничого, се, мо, вамъ такъ здалось.»—А може й справди здалось,—каже панъ.—Та тилькы шо се промовывъ, а сокилъ зновъ якъ свысне! Панъ ажъ здригнувсь та й побигъ самъ дывыться. Выбигъ, глядыть: кумъ його сыдыть на рундуци и держыть сокола. Панъ до кума: «Де ты, кумочку, його піймавъ?»—А що жъ,—каже,—пане, оце я извидувавъ батькивську правду...—Та й оповидавъ йому все, якъ було. Отъ тоди панъ заплакавъ та й каже: «Ну, спасыби жъ тоби, куме, що ты й мене навчывъ слухаты батькивського слова. Робытыму жъ и я теперъ, якъ мени веливъ покійный мій батько.»

Черниговск. губ. Записалъ А. А. Тищинскій.
Изъ Черниг. Губ. Вѣд. 1859.

243. Удова

У Жеведи Чернигивського повиту такый звычай, що якъ добрый чоловикъ везе повзъ удову дрова чы тамъ килкы, то й укыне йій у двиръ дровъ, чы килокъ якый.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко.

---

244. Недогадлыва дочка.

Маты йде до церквы, а дочци загадуе хлибъ мисыты. Дочка пытае:

— А довго жъ його мисыты?

Маты каже:

— Мисытымешъ, ажъ покы съ стрихы почне капаты.

Отъ маты пишла, а дочка взяла мисыты. Мисыла, мисыла, тоди выйшла, поглядила—не капае ще съ стрихы. Вона зновъ помисыла трохы, выходе—не капае съ стрихы, лапнула рукою, ажъ ище й не мокра стриха. И такъ вона скилкы разивъ выходыла дывытыся—ни, не капае. Уже вона, бидна, такъ утомылася, трохы не плаче: питъ очи залывае, а съ стрихы все не капае. Прыходе маты съ церквы, а дочка все мисе. Вона каже:

— А чого це ты й доси мисышъ?

— Та колы жъ и доси съ стрихы не капае.

А маты тоди сміеться:

— Та вже—каже,—въ тебе съ стрихы не то капае, а бижыть.

Тоди вже дочка догадалася, про що маты казала.

Харьковская губ. Записала М. Н. Гринченко.

---

245. Якъ сыны мырылы батькивъ.

Живъ соби колысь такъ соби дидъ да баба. Було у йихъ два сыны: Федотъ и Ягоръ. Отъ разъ ставъ дидъ бабу быть. Хлопци саме за роботою булы: Федотъ рукавыци пльуивъ, а Ягоръ вовну скубъ. Отъ дидъ бабу лупцуе, а вона крычыть. Ягору стало жалько матери,—вуинъ кынувсь обороныть, але жъ самъ не подужае батька, шобъ матиръ обороныты. Отъ вуинъ гукать на помочъ Федота: «Федотъ, иды поможы, а то я самъ не подужаю!»—Федотъ и каже йому:—«Ото знаешъ що, Ягоре? мы браты родни, а воны черты зводни,—такъ нехай трохы побъються,—тоди воны самы розидуться,—те вправо, те вливо, шобъ увъ обохъ болило.»

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей. отъ Мыколы Крошки.

246. Батькивъ прокльонъ. *)

Дле себе Матвѣй погано робыть: воно, може, не мое дѣло, да и нехай уже выбачае, я такы ему де чого багато нагомонѣвъ. Выдьте, яка пришта, добродію: Матвѣй выправлявъ сына кудысь то та такымы словамы выпроводывъ, що нехай уже воны на сухый лисъ идуть; воно, правду кажучы, и хлопья въ його ледаче, да й Матвѣй не добре робыть. Клесты дѣтей батьковы не

*) Разсказъ этотъ записанъ не слово-въ слово изъ устъ разсказчика, а съ памяти; кромѣ того, г. Косменко, сообщившій этотъ разсказъ, при записываніи его не слѣдовалъ произношенію разсказчикомъ каждой буквы. Такъ, вездѣ, гдѣ буква **о** выговаривалась разсказчикомъ какъ **уо** или **уы**, онъ поставилъ **о** и проч.

Примѣчаніе ред. Ч. Г. В.

слидъ, праклюонъ радителявъ не йде часомъ на сухій лѣсъ, а падае на голову да на лыхо дѣтямъ ледачымъ.

— То вже люде пропащіе, не прыведы Господы и бачыть йихъ. Отъ якъ бы вашій мылосты въ угоду, я бъ расказавъ одынъ такый злучай, що за моейи памяты ще бувъ. Вы може бувалы на Котрелюовщинѣ*); тамъ и доси е слыве зовсимъ завалена пашенна яма,—не въ приметку вамъ? Було тамъ, кажуть, багато де чого, а теперъ и помыну нема, тольки та ямка, наче въ ей и дна немае... Жывъ колысь оттамъ на Деркачовци**) чалавѣкъ—Сергѣемъ звалы его; добры бувъ чалавѣкъ, царства ему небесне!.. и заможненьки таки геть бувъ! Усякого добра було въ його доволи: и кони, и скотынка, и птыци всякойи, а хлиба светого, — вже й казать нѣчого! Бувало, чи неурожай, чи грядъ, або сарана поле выбье,—у кого ничого, а у Сергѣя засѣки повны: самъ ѣвъ мяхкый хлѣбъ, да и людямъ въ притузи помогавъ. Не велыка була въ його семъя: жонка да трое сыновъ. Да що за семъя була!.. Сергѣиха работяща була на все село, а сыны тожъ паробѣчкы булы—глянуть любо: до дѣла трудящи, до батька й матери слухмяные, до чужихъ людей звычайные. Ну, сказать—усимъ Богъ благословивъ Сергѣя. Диветце було люде, да дивуютце, що Сергѣй живе, якъ у Бога за дверми: и добра въ його всякого доволи, и семъя на радасть...

Пожалуйте жъ. Живъ Сергѣй якъ пошлы Боже и всякому такъ житы, а вмеръ—не приведы Господы и нехрыста такъ умыраты. Чы согрѣшивъ чымъ самъ Сергѣй передъ Богамъ, чы на покуту батькавскихъ грѣховъ, чы такъ Божа света воля, — тольки дворъ Сергѣя зразу

*) Урочище въ м. Понорницѣ.

**) Часть мѣстечка.

неначе заморочило що. Отто спершу умерла жонка; не обтеръ ище слюозъ Сергѣй и сынъ болшій Богу душу отдавъ. Пожурывсь Сергѣй, пожурывсь, да якъ довлѣе доброму чоловѣкови и переставъ. Минувъ годъ, Сергѣй забравсь середулшого женыть. Засваталы дѣвку, прибралысь къ весѣллю,—а гу! занедужавъ середулшый, да й тей накывавъ петамы. Близько пудайшло горе тогди до Сергѣявого серця—зажурывсь сердека! Отто, то люде добрые, то панотець покойный батюшка сякъ такъ отхаялы Сергѣя. На все, кажуть, Божа сила, Божа й воля, а журба грѣхъ тяжкый! Въ тебе, кажуть, сынъ ще е, дасть Богъ оженышъ, дождеся внукавъ, буде кому на старости и догледаты и хлѣбомъ кормиты, а умрешъ—е за що, да й буде кому поминаты. Чы послухавъ Сергѣй, чы не послухавъ, тольки вже живъ, якъ те пудрублене дерево,—живе та сохне. Ему було добры люде й кажуть: «Эй Сергѣй, бойся Бога! журбою ничого не вернышъ, а тольки Бога прогнѣвышъ».—«Да нѣ, каже, я не журусь, я свойихъ пакойниковъ завсимъ и забувъ уже».

Сергѣй казавъ правду; сохъ да чахъ вонъ не одъ того,—батькове серце чуло соби горе! Останній сынъ Сергѣявъ бувъ уже геть паробѣчка; годовъ черезъ три, або чотыри, Сергѣй оженывъ його. Якъ уже воны тамъ жилы, Богъ йихъ светы зна; тольки не въ дыковижу стало бачыть и сльозы на очахъ Сергѣя. Прошло може такъ... гадовъ петнадцеть,—Сергѣя Богъ и внученятами благословивъ; хлопята уже геть пудрослы—тольки щожъ? не въ дядьковъ удалысь. Бувало йимъ тольки и дѣла, щобъ у людей городыну псавать, або камѣнье швыргать, або людей цкавать собаками; сталы люде недобре гомонѣть про Сергѣявого сына. Воно вѣстымо, якъ дѣты капостны, то батька виноватъ, чому не учить; а якъ батька не научае дѣтей людей поважаты да Бога боятысь, та закону Его, то и самъ вонъ не-

добрый чалавѣкъ. Колы жъ такъ и вышло. Пронеслась чутка, що старого Сергѣя сынъ не симанае*) зовсимъ, да такъ грымае на батька, що въ старого часомъ и косточки трусетсе. Дале, вже и сусѣдамъ чутно стало, що сынокъ такими словами вымовля на батька, що доброму чоловѣкови и на челядныка сказаты соромъ. Дивуютсе, було, люде, що съ Сергѣявого сына таки ледачи чалавѣкъ зробывся; да, бувало, зустринуть старого: «Чомъ ты, кажуть, Сергѣю, началникамъ на сына не пожалысся? – вонъ тебе обиждае крѣпко.»—«И вже,— каже,—началникамъ на сына жалытьця!.. да й за вищо?.. Вонъ у мене слава Богу и работящый, и слухмяный, а що часомъ и бувае, такъ то такъ, ничого,—мы свойи»— Да одвернетьця да полою и втирае красные очы. Пробувалы иншіе и до сына пудступать, за що таки вонъ батька такъ на старости обиждае, що вонъ же не ледащыця, не пъяныця, худобчыну забравъ для його хоть куды,—и се, и те,—дакъ усе ничого; у сына каяття не бачылы!..

Отто настало лѣтечко свете. Сергѣй занедужавъ. Воно вже и поживъ таки слава Богу, а тутъ поховать жонку, да двохъ сыновъ, да ще на старости лыхо одъ дѣтей терпѣть—не приведы Господы никому, хоть кого въ обложже положить. Лѣтомъ, вѣстимо, нашъ братъ слыве все времъе у поли; отъ, було, поѣде у поле и Сергѣявъ сынъ. Да тольки якъ вонъ зъ двора, жонка не то, щобъ догледыть недужого батька, и соби вслѣдъ за очами. Воно такъ: якъ чалавѣкъ ледачый, отъ жонки и давно добра не ожидай. А Сергѣй лежить та часомъ не ѣвши, не пивши и день проводыть. Даждалы жнивовъ—Сергѣй завсимъ охлявъ. Поѣде було уся семъя на поле, опричъ дѣтей, бо тыхъ, якъ свѣтъ—и у хати нема; а щобъ було кому старого догледыть, до сього и дѣла нема никому. Лежыть сердешный дѣдъ: чы воды бъ напывся, чы другого чого,—самъ не встане, а подать

*) Не уважаетъ.

нѣкому; сльозъ бы напывся, да и сльозы на старасть повысыхалы. А дѣты понабѣгають, накрычать, назичать, порасчыняють двери,—да й булы такіе. Понаходеть куры, свинье, попереворочують усе у хати, а старому встать совсѣмъ не въ моготу. Прыйиде сынъ съ поле и за все виноватъ батька. Бачъ, якъ бы його не було, вонъ бы двери позамыкавъ. Терпить дѣдъ...

Отто разъ уранци забравсь молодый Курдюбенко у поле, надѣвъ шоломокъ, запалывъ люльку, да якась то и на батька зглянувсь. «Що въ тебе, каже, болыть, тату?»—Батька на все забувъ, да рады-рады, що сынъ хоть обазвавсь до його; забравъ, яки булы сылы, пуднявъ голову да й каже: «Ничого, мой сыну, ничого! Пудойди, будь ласкавъ, сыночку, блыжче до мене, я тоби скажу де що.»—«Що тамъ таке? Кажи да скорѣй, минѣ нѣколы.»—«Послухай, сыну, може я тоби въ останній разъ казатыму, мини вже не довго житы»...—«Да вже бъ пора тобѣ честь знать, тату, що люде дакъ умирають, а на тебе десь и смерти нема. А вже надоѣвъ!»—«Що жъ робыть, сыну: на се Божа воля; тольки минѣ здаетця, що и я уже не довго житему. Увесь вѣкъ свой, сыну, проживъ я, про васъ думавши. Ты знаешъ, сыну, шо мини отъ свого батька ничого не досталась, а теперъ, благодареные Богу, усячина водитця; а черезъ що? я и куска не доѣдавъ, я и Петровской ночи не досыпавъ, щобъ тольки вы, мойи дѣты, горя не зналы. Богъ забравъ твойихъ братовъ, теперъ що е, все твое, сыну, якъ будишъ добры.

— Э!—одвичa сынокъ,—се велыка казка, я и безъ тебе знаю, що мое,—чы нема чого луччого, а то мини нѣколы.

— Нѣ, послухай, сыну, се останній разъ...

— Да кажы жъ, кажы! Може де гроши закопавъ, дакъ кажы, а то чартвить чого я базикать не буду.

Батько здыхнувъ; хто його зна, що то вже вонъ хотивъ сказать! а деле трохы згодомъ и каже: «За все, сыну, що я придбавъ для тебе, нехай хто небудь побуде сьогодни дома, хоть Стеха твоя: четвертый день у мене расынкы не було въ роти. Мой сыночку, мой голубчыку, не дай менѣ умерты голодною смертыю».

— А що, бачъ!—грымнувъ сынъ,—дывѣтце, люде добры (а женци на дверяхъ слухалы), що батько зовсѣмъ передъ смертью обезглуздѣвъ. Хиба жъ тоби нѣчого ѣсты? а колы я не велю, га? А щобъ ты справди зъ голоду опухъ!

Завернувсь да й до дверей. Де тійи сльозы, де й силы набралысь у нещасного Сергѣя: пуднявсь на полу, обернувсь до образовъ, да плаче, плаче,—а деле пуднявъ руки вгору да й каже:

— «Щобъ же ты, мой сыночку, самъ опухъ зъ голоду!»—Сказавъ да й повалывсь на полъ... Колы до його, а въ його вже й души нема.

Пожалуйте жъ. То сякъ, то такъ заховалы Сергѣя. Курдюбенка ставъ самъ у дворѣ хозяйинъ—и хозяйнуе. Звезлы по гумнамъ хлѣбецъ светенькій добрые люде, сталы молотыть—не отстае й Курдюбенка. Насадывъ вонъ першу овину, а самъ видно прилигъ, овина загорѣлась и къ свѣту ни гумна не осталось и ни снопа хлѣба. Беда ще не велыка, катъ його не взявъ, грошенята булы,—накупывъ хлѣба. Весною зробывсь падежъ на скотъ. Кого Богъ зовсимъ помылувавъ, у кого не багато зачепыло, а у Курдюбенка неначе метлою вымело—ни коня, ни вола. Видыма Богъ паказавъ чалавѣку свой гнѣвъ за грѣхъ его. А Курдюбенка, де въ Бога просыть,—ставъ за галстукъ закидать. Пришлось орать—нѣчимъ, купыть—слыве нѣ защо,—нивки по боку! Пройшовъ годыкъ, другій—дворъ старого Курдюбы завсимъ не тей ставъ: те поломане, друге повалене, неначе и хозяйина въ двори немае. Скотынка яка прикуп-

лена, одъ недогледу державатця не стала, — хозяйства, еке було, пошло до-горы ногамы. Вонъ день-у-день пъяный, а на його глядя и жонка; що день, то у йихъ сварка да лайка: вонъ знелюбывъ жонку, а жонка його; а дѣти обойихъ йихъ поважать не сталы. Вонъ, що можна, продае, то дле горемыки,*) то щобъ хазяйства, бачъ, пудправыть, а жонка собѣ що зря въ шынокъ несе. Було то ище четвера коненятъ; на другій годъ одного, аделе и другого зверюкы задавилы, а съ тыми двома поѣхавъ разъ середулшій сынъ у лѣсъ на нош-лѣги, — сына гадюка укусыла — сынъ обдувсь; дождавши осени и старшаго у некруты аддалы. Оббывсь Курдюбенко завсимъ; грошей нема, хлѣба нема, худобчина спыла, нема й помочи. Здаетпя, бачывшы таку кару, мерщій бы до Бога со слезами, — дакъ нѣ, десь нечистый завсимъ завладѣвъ его душею. Курдюбенко ставъ горше пить. Було въ його семъйи ще двѣ дѣвки да хлопъя невелычке, да и тыхъ, за батькавъ упоръ, не милувавъ Богъ. Пошло якась у заморозки хлопъя ковзаться на болото, провалилось на копанци — да тамъ и Богу душу отдало. Люде, знавши грѣхъ Курдюбенкавъ и бачивши його житье и кару Божу надъ нымъ — одцуралысь. Бувало, и дѣты малые, — иде Курдюбенко по селу: «Курдюбенко, Курдюбенко!» — да текають, неначе одъ манейи екойи.

Пожалуйте жъ. Прошло ще може годовъ тры або чотыри, — Курдюбенко зовсимъ охлявъ. Ото такъ... Передъ Михайлою (8 ноября) пошовъ вонъ у Покошичи до знахара; того й не знала проклета душа, що люде вже не поможуть. Колы ждать день, другый — нема; жонка у Покошичи. Пытае людей, кажуть, — бачылы, надвечоръ зъ Покошичъ ишовъ того й дня, якого по-

---

*) Горилкы. *Прим. записыв.*

шовъ и изъ дому. Туды, сюды—нема. Шукать по лѣсу да по колодезямъ,—думка—вонъ смерть соби заподіявъ. Прошло дньовъ шѣсть, або й лучше—нема. Оть, у чолавѣчка, тамъ же таки на Деркачовци, парося забѣгло. Жонка сямъ-тамъ шукать—нема; пошла на Котрельовщину, чы не забѣгло туды часомъ. Иде—ямка нашенна; чи не впало, думка, сюды. Прилегла, дивитце—лежить щось, тольки не порося. Вона въ село. Забрались люде, пришлы, розгледылы—чалавѣкъ; вытеглы,—ажъ Курдюбенко. Да страшенны таки! Обдувсь, якъ колода, колѣна и руки погрызены, морда въ кровѣ. Выкопалы тамъ ямку да на ростанькахъ и зарылы, якъ собаку, просты Господы!

Може то, ишовшы съ Покошичъ, хотивъ навпростець додому пройты, а йшовъ то вже видно смеркомъ да й пудъ хмелькомъ може, да якось то и найшовъ на ямку. А вже якъ упавъ, дакъ хоть крычи, не крычи—село далеченько, нехто не почуе. А вылѣзты зъ тыейи ямки, якъ вона тоди була, не тольки Курдюбенку, да и здаровому чалавѣку—самому не вылезти. Жонка посля його зовсимъ роспянствувалась, да гадовъ черезъ два и вона пропала. А дѣвки—яки тамъ остались злыдни—збулы да й пошлы у Данщину; объ йихъ большъ и слуху не було.

Оттакъ то, добродію, перевелось усе кодло и вся худоба Курдюбы. Недаромъ кажуть, що зъ батьковымъ да зъ материнымъ благословенымъ ни въ огнѣ не сгоришь, ни въ водѣ не втонешь, а одъ праклъону йихъ утонишь и въ ложци. Добрые и жылы добре, а ледачымъ и на землѣ пекло було. Нехай йихъ уже тамъ Богъ судыть да милуе!

М. Понорница Кролевецкаго у. Черниговской губ.

П. Косменко въ 1854 г.

247. Сила клятвы.

Выбачайте вже, добродію, якъ ноди що не такъ,—насъ батьки грамати не вчилы... Жилы колысь на Пиваравци*) два чалавѣчки, адынъ нехай царствуе, а другого нехай Буогъ судыть да милуе—Колѣнько да Сухопалъ. Хазяйины булы на всю губу: усячина въ обохъ водылась и хлѣбець светый, и скотынка, да й грошенята щитать умѣлы. Да се не дыво—дыво те, що жилы воны соби якъ браты раднюсеньки; бувало чи въ дарогу, чи въ ряду**) еку, чи такъ куды—усе укупи. Не стане було чого у адного—други мае, бѣдкуицце чого одынъ—и другому не весело. Жилы то воны да поживалы, да добро наживалы—и Буогъ йимъ намагавъ, и люде паважалы.

Пожалуйте жъ!.. У Колѣньки умерла жуонка,—сердека трохи приупавъ. Зосталось трое дѣтворы, старшаму восьми, чи що, гадокъ бувъ; съ такою дѣтворою безъ бабы жить—мука, да Сергѣй не думавъ женыцця—дѣтей крипко жалувавъ. И па хазяйству безъ бабы пашло не те, такъ що люде разъ-по-разу гомонѣлы ему пра женитьбу, а вуонъ, було, одно адвича: «Друга жуонка не минѣ не буде жуонка, не дѣтямъ майимъ матюрь; хазяйство чи пудправить, чи нѣ, а дѣти—прапащи.»

Принявъ до себе бабу екусь стареньку, щобъ дѣтей доглeдала, а самъ ѣздывъ па дарогахъ да копѣйчину звалакававъ. Разъ ѣхавъ видкулясь, у пуостъ, чи що, да й провалывсь десь на рѣцци, люде адретавалы—да не надовга; ставъ кашлеть да сохнуть, да недѣль у сѣмъ, чи що, и Богу душу аддавъ.

---

*) Часть мѣстечка.

**) Подрядъ. *Примѣч. запис.*

Паприходять було сусѣде адвѣдать недужого Сергѣя, дакъ у його туолькы и мовы, що пра дѣтей. Сусѣде, звѣсна, и се, и те, щобъ, бачъ, вуонъ не вельми бѣдкувавсь, а вуонъ було адно адвича: «Я бъ, може, и адуживъ, да якъ гляну на дѣтей да згадаю, що въ йихъ родни нема, матери нема, а може й батька скора не буде,—дакъ у мене нема й души. Дѣтвора мала, абчество апекуна назначить, а апекуны звисно якъ арудують сируоцькаю худобаю; вернуть усе на сваю-ручь не на сируоцьку. Сирата мовчить, а хочь и заплаче, дакъ люде не вельми то доглелаютця на сируоцькіе сльозы. Худобы дарма̀ бъ, да хто йихъ до пуття доведе?!. Не радъ бы й думать объ сюмъ, да не можна, а ціѣ думки, мовъ та гадюка, коло серця ссуть кровь да швыдче гонеть въ домовину».—А иноди стане перебирать сусѣдство, кого бъ йому ублагать,—якъ ноди умре вуонъ, — апекуномъ надъ сваими дѣтьми; скаже, було, аднаго, другого—все не такъ.

— Гнѣвишь Бога, Сергѣй,—загомонятъ було люде,—якъ уже що судыть табѣ Буогъ умерты,—тваѣ дѣты не будуть сиратами: а Сухопалъ Астапъ, хиба жъ вы не браты, хиба жъ вуонъ не любить тваихъ дѣтей, якъ руодныхъ.

— Да мы таки правды трохы родычи,—адвича Сергѣй, пакивае галавою, вздыхне да й замовчить.

Що не гаманить добродію, а батькове серце вещуе лыхо сваихъ дѣтей!

За недѣлю такъ, чи що, до смерти поприходылы до Сергѣя сусѣде, пришовъ и Сухопалъ. Гомонѣлы про се да про те, а деле Сергѣй и каже Сухопалу: «А що, Остапъ, здаетце минѣ вже не вставать?»—«Буогъ зъ тобою, Сергѣй, слухай людей да молысь Богу, ты ще одужаишъ»,—сказавъ Остапъ да й заплакавъ.

— Нѣ вже,—каже,—не адужать минѣ,—да на се Божа воля; не страшно минѣ було бъ умирать,—да дѣты!

Довга я думавъ про йихъ, довго думавъ и про тебе, Остапъ, да здавсь на Бога, чи довга, чи коротка минѣ жить, дакъ послухай Астапъ, що я тобѣ казатиму. Вѣкъ мы зъ тобою жилы, якъ браты роднюсенькіе, вѣкъ я табѣ зла не зрабывъ, злого не сказавъ, злого не мыслывъ; спасыбу и табѣ, нечого и одъ тебе не чувъ я и не бачывъ лихого. Семъи наши наче одна семя була, не чужіе моюй душѣ булы твaѣ дѣты, любивъ и ты моихъ. Дѣты маи скора сиратами будуть, братику Астапъ, будь йимъ батькомъ, не попусты йихъ зробиця людямъ на осужденые, сабѣ на погибель. Доведешь до пуття сиратъ—добре дѣла зробышъ, Астапъ, а за добре дѣла Буогъ и тваимъ дѣтямъ пашле щасте и табѣ всяке благополучіе.

— Якъ уже що судыть табѣ Буогъ, Сергѣй, умерты, —дѣты тваѣ не будуть сыратами. Жилы мы братамы, братамы и люде насъ величалы не дарамъ, Сергѣй! Буогъ бачыть маю душу. Екою дарогаю Буогъ паможе минѣ сваихъ дѣтей до пуття розуму довесты, тыею и тваѣ пуойдуть; якъ батько руодный буду кахать и растыть йихъ. Буогъ мене накаже, колы скрывлю душею.

— Постой, Остапъ, не бажись,—промовля Сергѣй йихъ худобчыны.—Довесты чужихъ дѣтей до пуття, да не знѣвичить,—трудне дѣла, не тей свѣтъ наставъ. *Чуже добро якъ голодному страва*—не втерпышъ! Знаю я—чалавѣкъ ты добрый, найчеснѣйшій. у тебе и свого—всяка всячина, сируоцкого не захочишь; да й те сказать, не въ абѣду табѣ, Остапъ, що е на свѣтѣ багато людей, катры добры за тымъ, що нема злучаю ледачыми зробыцця; а прыдецця до чого—ледачій у насъ завсегда за плечима, —и доброго спокусыть. Падумай, Астапъ, да якъ не тее...—не берысь. Нехай йимъ буде батькомъ тей, що на неби, а до пуття доведуть добрые люде. Тяжко минѣ буде лежать въ домовынѣ, якъ дѣты мои будуть

ледащо, а ты близько до пекла; жаль минѣ дѣтей, да жаль и тебе, Астапъ.

— Да Буогъ зъ тобою,—одвича Астапъ:—що це гомонышь ты? Не казала жъ бы мене лыха годына, якъ бы не я, а чужіе люде доглядилы дѣтей твоихъ! не набывъ бы мене груомъ святы, якъ бы думавъ я дбать изъ музольовойи твaѣ худобчины не дѣтямъ тваимъ, а сабѣ? Сергѣю!.. Сергѣю!..

— Братику муой Астапъ, я и самъ думаю, що воно такъ, да сердце щимить,—чого? светы його знають!

— Колы жъ на те пышло,—каже Астапъ,—щобъ тебе заспокоить, я ось якъ скажу. Слухай, Сергѣй, слухайте и вы, добри люде!—Ставъ навколешкахъ предъ абразами да й каже:—Колы я буду желать зла дѣтямъ твоимъ, щобъ те зло на моихъ дѣтяхъ акашилось; калы я изъ йихъ добра буду собѣ що дбать, щобъ моя худоба прахомъ пошла; колы я не буду доводыть йихъ до пуття-разуму, якъ батько руодный, щобъ я самъ пошовъ по свѣту безъ добра, безъ пуття, людямъ на осужденые, сабѣ на пагибель.

— Аминь!—промоливъ Сергѣй.

На дворѣ кажуть, неначе що зареготало,—люде перехрестылысь. Страшно, кажуть, усѣмъ чогось стало. Отто трохы згодомъ Сергѣй пудзвавъ дѣтей да й каже:

— Дѣты мойи, нема въ васъ матки, и батька скора не буде, я скоро умру. Не плачте, дѣты, нещастлывые вы, да е не свѣтѣ и адъ васъ нещаслывѣйши. Буогъ васъ не аставить. Будете молицця Богу, въ церкву ходыть, старыхъ людей поважать, не обиждать некого,— Богъ дасть вамъ щасте и люде не обѣдеть васъ. Дядько Астапъ, якъ умру я, буде вашимъ батькомъ; слухайте його, якъ бы мене слухалы; не послухаете його, все руовно, що мене не послухаете, а хто батька не слухае, таму Буогъ талану ни въ чуомъ не дасть. Пудийдѣть же, дѣты, блызше, я васъ перехрещу.

Дѣты пудышлы. Старшій таки плаче, а меншаму й байдуже, йому и не памки, що батько въ останній разъ гомонить зъ йими. Перехрестывъ, заплакавъ.

— Теперъ — каже, — хочь не радосно, люде добры, умирать мнѣ, да и не тяжка вельми. Буогъ да ты, Астапъ мая надежда.

Люде разышлысь, а Сергѣй пославъ за батюшкою, а днювъ черезъ два, чи що, Сергѣю вичну память заспивалы.

Пожалуйте жъ!.. Астапъ забравъ Сергѣявыхъ дѣтей до себе, а въ Сергѣявъ двуоръ сусѣда пустывъ.— «Дома,—каже,—и глядѣть за йими лучше, да й расходу меншъ. Дасть Буогъ, выросте буолшій—ажеию да и на батьковскій курень».

Живуть да растуть въ Астапа Сергѣявы дѣты. Минувъ годъ. У Астапа було дома двое дѣтей, старшій, слыве, однагуодки съ старшимъ Сергѣявымъ, и полюбились и подружились дѣты, а Астапъ и за чужими догледа якъ батько руодный. Усе йшло любо да гарна и сиротамъ на добро, и Астапу на спасеные; да то лиха годына, що чалавѣкъ дума такъ, а лукавый верне по своему. У годъ, чи що, середулшій Сергѣявъ занедужавъ вуоспаю и вмеръ. Божа воля! Старшаму було гадковъ дванадцеть, чи що, а меньшому другій годокъ,— сихъ Буогъ милувавъ. Прайшло ще такъ годъ чи й лучче, сталы люде замѣчать, що Астапъ не тей ставъ: ходыть да сумуе, неначе батька въ домовину положивъ; и кунпанныйи всякайи цуравсь.

— Бѣдалага Астапъ зажурывсь!—кажуть було люде, гледя на його.—Да й не дыва! тутъ и свае хозяйство, и дѣты, а тутъ и чужіе. Треба жъ подумать, якъ усьому парядокъ дать да и дѣтей до разуму довесты. *Узявсь за ужъ не кажи недужъ.* Заклявсь предъ Богамъ — не загубить же души.

А Астапъ живе да думае, думае да сохне, ажъ зъ тѣла зпавъ.

На трейтій, чи що, годъ меньшій сынъ Сергѣявъ вмеръ да такъ чудна, що всѣмъ памараки забыло. Дытя було здорове да не съ того, не съ сього й душею наложило. Думалы, рядылы, да якъ згадають, якъ Астапъ заклынавсь предъ Сергѣемъ, да якъ плакавъ надъ дытямъ зъ жуонкаю, дакъ и думкамъ конець: така вже, видно, Божа воля,—на туомъ и палажилы. Астанній сынъ Сергѣевъ и геть уже ставъ парабѣчка, и Астапавъ тожъ. Хлопята булы—глянуть любо: работящіе, слухмяные, звычайные, а що лучче всього, жили помежъ собою якъ роднюсенькіе. Астапу вже на хозяйству и геть помочь, а Астапъ все сумуе да думае; думавъ, думавъ да й выдумавъ, бодай нехрысту такъ не выдумувать.

— Десь я безталанный чалавѣкъ, жуонка, на свѣтѣ,— загомонѣвъ разъ Астапъ: бъюсь якъ рыба объ люодъ, а все проку мала. Подывссе на людей—усього багата, усюды спуорна, а у насъ? Туольки що хлѣбъ ведецця.

— Буогъ зъ тобою, Астапъ,—адвича жуонка:—ще у насъ благодареные Богу! не маемъ багатства да й нужды не маемо. Пагледы кругомъ, скуолькы беднѣйшихъ адъ нась, а не гнѣвѣть Бога. А намъ буде чымъ вѣку дожить, а вмремо—и дѣтямъ буде що зоставить.

— Воно такъ, да все бъ знаешъ... тее, у пакуойнаго Сергѣя негде нема родычавъ, апрочъ насъ?

— Нема негде, вже бъ чутно було. Вуонъ здалеку вадкулясь забрывъ до насъ; спершу, якъ и самъ знаишъ, челядникамъ служивъ, а дале то женывсь на моюй двоюроднуой сестрѣ—всього бачывъ, а Буогъ памуогъ— и ражжилысь. А на що табѣ?

— Да такъ... не нащо!

— Охъ-охъ-охъ, Астапъ, беда намъ съ сими дѣтьми Сергѣявыми. Середуольшій вмеръ—Божа воля, а за меншого—грѣхъ намъ!

— За що жъ намъ грѣхъ? Хиба я йому не казавъ?

— Нехай уже насъ Буогъ прощае! що ты, що казавъ? не було бъ сього, якъ бы я була дома. На те дытя, воно бачыть медъ, а що въ меду—йому й горенька мало. Треба вже сього гледѣть да до розуму довесты.

Астапъ подывивсь на жуонку, подывивсь да й замовчавъ; думка то: въ бабы не одны косы, а и езыкъ довгій.

Дождали лѣтечка светого. Астапъ то сюды, то туды па дарогахъ ѣздить, а дома жуонка съ паробками хозяйствуе.

Отъ разъ Астапъ и каже: «Я жъ завтре до города паѣду, тамъ ярмалка,—чи не стану куды пудъ хуру, а вы тутъ хозайствуйте. Ты, Демидъ, сими трама днями будешь ѣздить на нашлѣги, а ты, муой сыну,—тыми. Да гледы, Демидъ, не ѣзды у купи зъ хлопцями,—воны й тебе навчеть у людей городыну красты; ѣзды у Заглыбочче*) да сваейи клуни. Тамъ и паша добра, и адъ негади е де заховацце; да гледѣть, щобъ усе такъ було роблена, якъ я кажу.

— Буде зроблена!—адвеча Демидъ.—Я неколи не аслухавсь, дядьку, бо знаю, що ты не на лыха мене учишъ.

Погомонѣлы, повечералы; хто спать—а Демидъ Сергѣявъ на нашлѣги паѣхавъ. Астапъ цѣлюсеньку нуочъ и очей не зводывъ: то лучыну запалыть да люльки пакурыть, то по двару паходыть—а все такы не спыцце.— «Да ляжъ да засны!—обзаветься жуонка:—табѣ жъ завтре ѣхать рано»—Астапъ ляже, да якъ жуонка засне,—вуонъ зновъ за свое. Давъ Буогъ свѣтъ, Астапъ паснѣдавъ да й у дарогу...

Пожалуйте жъ! Уранци прiѣхавъ зъ начлѣгавъ Демидъ, бувъ екись празныкъ. Демидъ упоравъ скотъ

---

*) Урочище въ лѣсу.

да й до церквы. Вышлы зъ церквы, пасѣлы абѣдать.

— Нѣ, тюотко,—каже Демидъ,—щось минѣ ѣсты не хочецце, ляжу я да полежу, чогось мене тре да мне— наче паганка.

Тюотка йому и дарныка съ светою вадою, и се, и те—нѣ, не памагаицце Демиду. Дождалы вечера. Сердека хоть и нездужавъ, да не забувъ дядькавого наказу: злѣзъ зъ печи да й ну лаштавацце на нашлѣги.

— Що ще ты, Демидъ,—абазвалась тюотка,—нездужаишъ да ще й на нашлѣги! Злѣзь на черѣнь да грѣйся—паѣде Степанъ.

— Да нѣ,—каже,—я не те, щобъ уже вельми нездужавъ,—паѣду. Дядька казавъ, щобъ я сими трама днями ѣздывъ. Ще сердицце буде.

— За що жъ тутъ сердицце?—Буогъ зъ табою, Демидъ, хиба мы не люде? Дядько сказавъ, щобъ кожный зъ васъ знавъ свае дѣла, да щобъ укупи зъ хлопцями не ѣздылы, щобъ лыха не набрацце; а чи ты папереду паѣдешъ, чи Степанъ-то все руовна.

То сякъ, то такъ угомонылы хлопця: на нашлѣги паѣхавъ Степанъ, сынъ Астаповъ.

— Дай,—каже,—мамо, минѣ Демидову шапку, здаеться, ночи ядрены, въ шалашку буде холадна.

Маты вынесла шапку. Степанъ на кони да й до Заглыбуочча... Бѣдне хлопъя!

Астапъ выѣхавъ рано; доѣхавъ до лѣсу, звернувъ зъ дароги у гущину, распруогъ коненя, да й самъ прилюгъ. Здаецце пять верстъ праѣхавши, рана бъ папасувать, да у Астапа думки не таки... Лежыть—чи вѣтеръ повѣе, чи птыця пралетыть, Астапъ схватыцце, озираецце сюды-туды, неначе зладюга тей коло коморы. Не ѣсть, не пъе да ночи дажидае. Даждавсь акаянный и ночи. Привезавъ крѣпенько шевлягу до воза, а самъ и пашовъ лѣсамъ навпрастець. Иде, иде да стане гледить то назадъ, то напередъ: ззаду клетьба, шо давъ предъ

Богамъ, а спереду лукавый маныть. Пастаить, падумае да зновъ далше. Видно разъ пуддавшысь нечистому, трудна вырвацце адъ його. Тей, звѣсна, свае шепче: «Иды, Астапъ, труда не багата, а худоба твая: первымъ хазяйиномъ заживешъ. Люде и цѣлый вѣкъ грешать, а живуть, да ще якъ живуть, а табѣ двуойчи загрешить и Буогъ велѣвъ; вѣкъ довгій—на старасти адмолыссе.» Астапъ иде. Ишовъ, ишовъ да й пришовъ до своейи клуни.—Кругомъ клуни кони ходеть,—вуонъ ближше; коло клуни лежить хтось. Ставъ Астапъ, трусыцце,— не живы, не мертвы. А куцый не мовчить: «Отъ табѣ и надумавсь! Рабы скарѣй, другого разу такого не выберешь. Все руовна адвечать, хоть за дѣла, хоть за намѣреные, дакъ колы адвечать, дакъ знать за що. Да й колы тей адвѣтъ? А худоба велыке дѣла!» Астапъ вынєвъ зъ пудъ палы косу, пудышовъ. Видна, що парабакъ лежить; намацявъ—Демидова шапка; Астапъ нагнувсь, придавывъ, голова адлетѣла,—хлопъя й не пикнуло. Проклета душа, самъ прасля расказувавъ, що нечого буольшъ не знае; туольки, каже,по лѣсу наче зареготало щось.—Адумавсь то, а дале за ноги да за голову да й потегнувъ до Бабруовникавого ставка; дотегнувъ—шубовсть! Думка то—и концы въ воду, а до канця ще далека! Вернувсь до воза, запрюгъ каня да й паѣхавъ на ярмалакъ. Лучче зъ круга-свѣта бъ йому зъѣхать!..

Пожалуйте жъ! На завтре—абѣдъ, нема Степана. «Може кони загубывъ,—дума матка:—шукае.» И вечеръ—нема. Бѣднуой матци и ѣда на умъ не йде. Прайшла нуочъ,—матка, не спавши,—у Заглыбуочче. Прибѣгла до клуни—кони ходеть, переличыла—усѣ; вона гукать. Колы дывицце кровъ; вона далше—шапка Демидова, вона въ плачъ да въ голасъ... Може то матци серце всю правду росказала. Прибѣгла въ село, назвала людей, пашлы у Заглыбочче. Сталы итты па кривавому следу да й пришлы до ставка. То тымъ, то симъ

сталы шукать да й вытеглы спершу тѣла, а дале й голову бѣдного Степана. Привезлы въ село... Плачъ, голасъ-таки, що Боже твоя воля! Хавать? Якъ же його хавать? Може то й тоди хавать такихъ не можна було зразу. Колы на завтре прасля сього ѣде Астапъ у новуой свитци. Жуонка якъ глянула, якъ заголосыть: «Батечку муой! сыночекъ нашъ...»

Астапъ скорѣй у хату; дывицце—Демидъ плаче, а на столѣ мертвый. Якъ закричыть: «Дакъ се Степанъ бувъ на нашлѣгахъ? Боже муой!»

Упавъ, дакъ думалы, що зъ його и духъ вонъ. Да нѣ, катюзи кара треба,—ачнувсь. Сталы питать, дакъ вуонъ и расказавъ усю правду. Далше—звѣсна: веровку на руки да й у тюрму. У тюрмѣ вуонъ расказавъ, що й меншаго атруйивъ мишакомъ, замешавши зъ медомъ, буцимъ то дле мухъ.

Взялы у тюрму и жуонку, хоть та не въ чуомъ, сердека, не выновата. Жуонка черезъ чатыри недѣли, чи що, тамъ и вмерла. А проклетого Астапа черезъ годъ атшмаровавъ катъ да й повелы по свѣту безъ добра, безъ пуття. Бувъ сынъ у його женатый да дома ще одно хлопъя. Женатый тей усе закладавъ да продававъ, щобъ батька якъ адзволыть грошами, а прасля бачыть, що и худоба прапала, и батька тежъ, да й люде кругомъ тюкають да ненавидеть,—забравъ, яки остелысь злыдни, да й пашовъ зъ малымъ братамъ и семьею у Данщину; абъ юомъ и слуху не було. Все пашло прахомъ. Демидъ добрымъ бувъ хазяйиномъ, да дѣтей йому Буогъ не давъ, такъ и вмеръ...

Тяжко, кажуть, плакавъ Астапъ, седячи у тюрмѣ, —що иноди и турменныкамъ жалко його було, —нащо вже турменныки! да якъ не плачъ, не наплачишъ такого ставка, якъ тей, що сына бувъ захававъ! Довга у насъ гомонѣлы пра сей злучай, да туольки жалю не було, а все було одно чуешъ: *катюзи чо заслузи!..*

М. Понорница Кролевецкаго у. Черниг. губ. П. К.

248. Гарно, якъ батько вмирае.

Умеръ батько. Симъя вбога була, то часомъ и голодни диты булы. А то, звисно, помыналы, то и напеклы, и наварылы всього. Хлопъя мале найилося та:

— Боже мій! якъ гарно, якъ батько вмирае! Якъ бы часто!..

С. Исакова Славяносербск. у Екатериносл. г. Записалъ Б. Д. Гринченко.

---

249. Одурена дивчына.

Була соби маты и дочка, малы воны и худобу, та нихто дочку не сватавъ, бо уси зналы, яка вона дурна. Выйшла вона одного разу на вулыцю та й жаліеться сусидкамъ, що нихто йійи не сватае. Пидслухавъ сее одынъ паробокъ та й каже: «Пидешъ за мене? буду сватать».—«Пиду,—каже,—хочъ и маты не схоче, пиду сама». Зрадылысь воны утекты видъ маткы уночи. Пидйихавъ винъ, дивка тыхенько повыносыла одежу, подушкы, повыкачувалы скрыни; сама убралась у сьвитну одежу, посидалы и пойихалы. Возывъ винъ йійи по селу, возывъ и прывизъ до йійи хаты.—«Ну, иды жъ,—каже,—у хату, а я самъ позношу». Увійшла вона у хату: —«Добры вечоръ!» та й сила. «Оце,—каже,—чысто якъ у насъ: и лавы такъ, и пичъ».—«А куды жъ ты зайшла, хиба не въ свою хату?»—озываеться маты зъ печи.—«Отто: и говорка чысто якъ у мойи маткы.»—«Да що ты, дурна, верзешъ? чы тоби уже зовсимъ паморокы забыло?»—«Оце яки бо вы: ще мене не знаете, да уже й лаете».—«Якъ не знаю? давно тебе, дурну, знаю».—«Де жъ знаете? Я ще уперше до васъ прыйихала: я жъ за вашого сына замижъ пишла; винъ тамъ скрыни зносыть.»

—«А ты й скрыни пооддавала?»—каже маты да зъ печи, да засвитыла свитло.—«Оце, якъ вы схожи на мою матку, чысто якъ маты.»—А маты уже й не слухае, що верзе йийи дурна дочка: хапыла свитло, та у комору. Колы лышечко: нема ничогисенько. Попобыла тоди маты свою дочку, щобъ не ходыла замужъ, та й осталась безъ худобы.

С. Выбли Черниг. у. Отъ Степана Паляныци записала
М. С. Чудновская.

250. Брехлывый староста.

Одному хлопцеви заманулось свататься. Отъ винъ и побигъ старостивъ шукать. Шукавъ, шукавъ,—нихто не хоче, бо всяке знае, що винъ бувъ ледащо, лежень, а кому хить проклъону на свою душу ухватыть? Хтось зъ селянъ и порадывъ йому питы до Петра Свердла. А Петро Свердилъ та бувъ такый торохтунъ та брехунъ, що хочъ кому бакы забъе, заговорыть и свого достукаеться. Пишовъ той парубокъ до Петра и ставъ прохаты у старосты до себе. Довго той одмагавсь одъ цього дила, але жъ парубокъ и зъ хаты не хотивъ выходыть, сльотою дило навъязавсь до його. Дали махнувъ Петро рукою и сказавъ: «Добре, пиду, тилькы не въ свое село, бо тутъ насъ обохъ знають... Иды, збирайсь, а я ось удягнусь, зайду до тебе, та й гайда.»

Прыйшлы ото воны въ одне село, напыталы гарну й заможненьку дивчыну и пишлы до хаты. Дило пишло на ладъ,—стари наче бъ то на згоди сталы, та й дивка не одъ тыхъ грошей. Слово-по-слову и сталы дивчыныни стари роспытувать старостивъ про молодого: «А скажить же, свату, по правди, чы вміе жъ вашъ молодый косыть, або що?»—«Вже чы вміе винъ косыть або молотыть,— не скажу, бо николы не бачывъ, але жать, то вже

йому подай. А въ насъ такъ, якъ жнець добрый, то вскризь про його ходить чутка, якъ про гарного робитныка.»

Одгулялы весилля, молодый ще сякъ такъ повертався по двору. Якъ пидийшлы жнывa, якъ залигъ винъ у хати, то хоча бъ куды—одно слово, лежыть соби на полу якъ бирвиняка, а про жныва ни думкы, ни гадкы... Жинка сама спотыкаеться у поли. У осены, якось на ярмарку та зустривсь сватъ (молодойи вже батько) зъ тымъ гаспыдськымъ старостою; поздоровкавсь зъ нымъ, та й каже: «А ты жъ казавъ, собача виро, що твій молодый добрый жнець! А винъ, ба,—лежыть однымъ лыцемъ та й годи!»—«Та я жъ и казавъ такъ,—одмовывъ староста: вже чы вміе косыть, або молотыть—не знаю, а лежать, то йому подай! Адже такъ я казавъ?»—«Та такъ,»—одмовывъ сватъ.—«Отъ же винъ и лежыть уси жныва, и я не выненъ, що вы не розибралы дила, А вы то думалы, що винъ добрый жнець? Хе!»—И пишовъ соби геть.

Каневскій у. Записалъ В. Ф. Степаненко.

251. Якъ невистка маныла свыней.

Оддавала маты дочку у чуже село и наказувала слухать свекруху и ничого не робыть не спытавшысь. Отто уже свекруха и посылае невистку поманыты свыней.—«А якъ же, мамо, у васъ манять?»—«Та якъ же тамъ манять?—каже свекруха:—якъ у васъ, такъ и у насъ.»—Выйшла невистка на вулыцю, та й давай крычать: «Якъ у васъ, такъ й у насъ, якъ у васъ, такъ й у насъ!»

С. Выбли Черниг. у. Записала отъ Марьяны Новиковой
М. С. Чудновская.

252. Якъ невистка навчылася свекруху шануваты.

У одного чоловика та було дви матери—його ридна и жинчына, це бъ то свахы соби. Жинци стала на завади свекруха, и вона, вкупи зъ своею матинкою, на нейи грымалы, йилы. А дали не выдержала такы, начепылась до чоловика: «Веды свою матиръ зъ двору, куды хочешъ и дивай йийи, де знаешъ.» Довго обороняв̌ чоловикъ свою матиръ, огрызався, а дали посадывъ йийи на саночкы та й повизъ на перехресный шляхъ. Пидославъ на снигу соломкы, вкрывъ матиръ кожухомъ драненькымъ, а самъ пійшовъ до господы. Сыдыть ото вона, бидолашна, трусыться, колы се йиде якыйсь панъ. Глянувъ на бабу та й пытае: «Морозъ бабусьо?»—Морозъ, паночку, Боже його помножъ!—И пройихавъ соби панъ, а морозъ и зменывсь трохы. Сыдыть вона зновъ, трусыться, та такъ и всю ничъ просыдила. Ранкомъ йиде прозъ нейи другый панъ; побачывъ йийи, та й пытае: «Морозъ, бабусю?»—Морозъ, паночку, Боже його помножъ!—Пройихавъ и цей панъ, не сказавшы бильшъ ничого, а морозъ ще менчый ставъ. Третього дня йиле прозъ нейи третій панъ; прыпынывъ коней, злизъ зъ санокъ, пидійшовъ до бабы та й пытае:—«Морозъ, бабусю?»—Морозъ, паночку, Боже його помножъ!—одмовыла. Скынувъ панъ зъ себе панське дороге хутро, закутавъ бабу въ його, давъ булкы и пойихавъ соби дали. Нагрилась баба пидъ тымъ хутромъ, попойила и сыдыть соби та Богу молыться за того щедрого пана. Отъ невистка и каже чоловикови: «Пиды, лышъ, та визьмы свою матиръ, годи йий тамъ байдыкуваты» (вона думала, що свекруха вже замерзла). Прыходыть сынъ, а маты сыдыть соби пидъ хутромъ, зигнувшысь, та Богу молыться.—Чы вы ще тутъ жыви, мамо?—запытавъ сынъ.

—«Жыва, сыну, хвалыты Господа мылосердного,—свитъ не безъ добрыхъ людей, загынуты не дадуть.»—«А це жъ що за хутро?» спытавъ сынъ. И маты росказала сынови, якъ було. Посадывъ винъ тоди матиръ на саночкы и повизъ до господы. Побачыла жинка, що свекруха жыва, ще й хутро панське десь добула, йійи ще бильше зло взяло, якъ оса та чиплялась за кожне слово до свекрухы; а сваха ажъ сычыть, таки завыдкы взялы. Дали надумалась дочка, щобъ и свою матиръ вывезты на перехресный шляхъ, чы не добуде й соби вона такого хутра.—«Чоловиче, беры й мою матиръ та веды тудыжъ, де й твоя була,—моя прывезе щося ще дорожчого,» сказала чоловикови жинка. Взявъ ото чоловикъ тещу и повизъ на те саме мисце. Пидославъ пидъ нейи соломкы, вкутавъ кожухомъ и пійшовъ соби до господы. Сыдыть стара, цокоче зубамы (або то хочъ пенькамы вже) мовъ у млыни каминня наковують, а морозъ ажъ скалкамы сыпле. Колы се, черезъ якый тамъ часъ йиде панъ прозъ нейи й пытае:—«Морозъ, бабусю?»—Морозъ, паночку, щобъ винъ пропавъ, проклятый!» И пойихавъ панъ дали. Сыдыть баба, тремтыть, одъ лютосты ажъ мыныться, а морозъ ще гиршый прыскрыпавъ. Другого дня йиде другый панъ, та наблыжывшысь до бабы й пытае:—«Морозъ, бабусю?»—Морозъ, паночку, щобъ його бырса взяла, щобъ винъ на лысого голови, непевный, ростриснувся!» Помынувъ панъ бабу и пойихавъ дальше. Сыдыть баба чуть жыва та тепла,—рукы йій покандзюбыло, коло носа вискрякы высять замерзнути, изигнулась у тры погыбели. Третього дня йиде зновъ якыйсь панъ, пидйихавъ блызенько, та й пытае:—«Морозъ, бабусю?».—Ой, морозъ, морозъ, паночку,—щобъ його бенеря такъ была, проклятого, якъ винъ опе мене! И навищо його Богъ на свитъ, клятого, пославъ!—насылу вымовляючы просычала баба. И пойихавъ панъ дальше, а морозъ ще кращый прыскрыпавъ. Не выдер-

жала баба, на сухаръ окостылила оттакъ сыдя на соломци, навикы задубла. Не дочекалась жинка й вечора третього дня,—гономъ погнала чоловика, щобъ мерщій визъ йийи матиръ, та зъ нею й добутокъ. Пійшовъ чоловикъ на те мисце, де посадывъ тещу. Колы до нейи, ажъ вона якъ кистка змерзлась. Прывизъ ото винъ йийи до дому, а жинка на поригъ та й пытае: «А що, чоловиче?»—«Онъ що, подывысь...» показуючы пальцемъ на матиръ, одповидае чоловикъ.

Кынулась вона до матери, ажъ та нежыва. Тоди вона въ плачъ, та до свекрухы: «Простить мени, матинко, що мы надъ вамы знущалыся,—се кара Господня за нашу неповагу до васъ—будьте жъ мени матинкою ридненькою!»

Поховалы тещу по закону, и зъ того часу навчылася невистка шануваты свекруху.

Записалъ въ с. Полствинѣ отъ Устыма Баланенка В. Ф. Степаненко.

253. Якъ навчено линыву невистку робыты.

То булы соби пара людей и малы однымъ одну дытыну—дочку. Люде заможни, а дытына вдалась гарна та утишна; воны давай йийи пестыть. Воны пестять, а дытына росте; выросло, не научывшысь ніякойи роботы, опричъ танцювать. Колы прыйшлось уже й до людей, такъ воны, порадывшысь, бачять, що самы вынувати, та й кажуть женыхови:

— Мы свою дытыну надилымо всимъ добромъ, тилко щобъ вона въ тебе ничого не робыла, бо вона ничого не вміе.

Ото поткнувсь одынъ, поткнувсь другый, але на таки варункы не согласылысь, а дали батько, побачыв-

шысь зъ прыятелемъ, може тамъ пры чарци, або що та й розговорылысь:

— А що,—каже,—товарышу, у тебе дочка—вже пора замижъ, а въ мене сынъ женыхъ—чы не будемъ сватамы?

— Чому?—каже.—Тилко умова така, шобъ моейи дочкы не заставлять до роботы, бо вона ничого не вміе.

— А якъ навчыться?—пытае женыхивъ батько.

— Добре,—каже батько дивчынъ,—тилко зъ тымъ, шобъ ейи не нуждыть, бо вона буде на мене цлакать.

А той подумавшы та й каже:

— Добре, давай руку—нехай Богъ помога!

— Але,—уклымляе батько дивчынъ,—не нуждыть!

— Та вже жъ, слово дане,—будь по сьому!

— Ну, прысылай старостивъ!

Посваталысь, одгулялы весилля, може й тыждень перезва йиздыла одъ одного до другого—гуляють та гуляють, сказано, люды заможни, а нарешти вже й годи. Рано вставшы батько порядкуе: одного сына туды, другого туды, третього тожъ, невистокъ тожъ, дочокъ тожъ,—роспорядывъ усихъ, соби роботу знайшовъ, стара маты також щось взяла робыть, дочка стала варыть обидать, друга також до якойись роботы взялась, а молода невистка сыдыть—нихто йій ничого, и вона никому ничого. Колы пора була вже обидать, сходяться вси, сидають за стилъ,—батько пытае кожного, хто що зробывъ? Всякый за себе одвича, а одна дочка мовчыть. Батько до нейи:

— А ты, доню?

— Я, тату, ничого не робыла,—одвича.

— Ну, то вже жъ ты знаешъ порядокъ,—батько каже.

Вона одійшла одъ столу, сила на лавци коло мысныка (то бъ то коло порога) та й сыдыть; а молодойи невисткы не пытаеться нихто, вона сидае, обидае.

Пообидавшы, зновъ до роботы. На вечерю сходються, знову тымъ же порядкомъ батько роспытуе. На сей разъ уже друга дочка ничого не робыла,—остаеться безъ вечери. Молода невистка прыдывляеться и прыслухаеться (звычайно, якъ нова людына въ семйи), а дали й пытае потыхесеньну якойись ятровкы, чы зовыци:

— Якъ се воно, серце, у васъ діеться—чы воно все такъ буде?

— Такъ,—каже,—сестрыце.

— А чомъ же мене за роботу не пытають?

— Бо ты,—каже,—серце, у нась ище гостя.

Ну, мынувъ ище день, може й другый, уже й маты зоставалась безъ обиду, чы тамъ безъ вечери,—молода невистка дывыться на все тее (не зна, що то въ йихъ намова), а дали, вставшы рано, пытае матери:

— Що бъ я, мамо серце, робыла?

— Визьмы, доню,—каже маты,—вінычокъ та повымитай хату та сины.

Взяла молода, повымитала. Геть, геть сходються до обиду. Батько роспытуе кожного, а вона бачыть, шо йийи не пытае та й сама обзываеться:

— А я, таточку, хату та сины повымитала.

— А, моя дытыно кохана!—каже батько,—я тебе й не пытаю. Я знаю, шо ты доброго роду, розумного батька й матери, ты часу не змарнуешъ, тымъ я тебе й не пытаю.

По обиди вси до роботы, молода зновъ пытае матери, що робыть,—маты посылае воды прынесты видерцямы. Прынесла вона. Передъ вечерею батько прыласкавъ, поцилувавъ у голову. На другый день то жъ щось зробыла, на третій тожъ, а дали помалу - помалу—уже й обидать наварыть, а дали за прыводомъ уже й хлиба напече. (Сказано, чоловика любыть, а симъя вся голубыть йийи та добрымъ прыкладомъ учыть до праци).

Ото вже якось у тиждень, чы въ дви недили маты ридна каже до батька:

— Пишовъ бы ты, старый, та навидавсь до дытыны. Я щось недомогаю, а тоби й байдуже: виддалы дытыну въ чужый двиръ, Богъ знае, якъ то воно тамъ прывыкае.

Старый каже:

— Може й справди.

Убравшысь, потягъ помаленьку (а було то на другимъ сели). Прыходыть батько, застае, шо дочка варыть обидать сама. Звычайно, зрадила йому, прывитала, попросыла сидаты, а сама знову до роботы. Батько пытае:

— А що тоби, доню, чы добре діеться?

— Добре, таточку.

— А шо жъ ты вже вміешъ варыты обидаты?

— Умію, таточку. Та у насъ таке, таточку,—додае дочка,—шо хто не робыть, то той и не йисть.

— Ну, дытыно моя, у всякого хазяйина свій порядокъ,—одвичае батько,—то ты, може, моя доню, й голодомъ мерла, покы то прывчылась до роботы?

— Ни, тату, не нагално вчять, такъ усе помаленьку.

— Ну, добре, моя дытыно.

Свекоръ бачывъ, якъ прыйшовъ сватъ, але перечасувавъ: нехай трошкы зъ дочкою побалака,—а дали и йде до хаты. Сватъ выглянувъ у виконце, побачывъ свата та взявъ на лави свыточку, шо хлопци задрипалы та вже высохла, та й вымынае грязь сыдячы. Увиходыть хазяйинъ, прывиталысь по братській, посидалы—гисть знову за свытку та все такы вымынае та струшуе, а хазяйинъ:

— Шо то вы, свату, робыте? Покыньте!

— Эге, свату, добре кажете, та колы жъ я сьогодня ще не обидавъ.

— А такъ, такъ, свату, се въ мене давній порядокъ и, хвалыты Бога, мени добре зъ нымъ.

— Авже жъ, свату, у всякого хазяйина свій порядокъ, а такъ якъ винъ добрый, то на що жъ я мавъ бы його псувать?

Нема що й говорыть, шо дочка, роблячы свое дило, прыслухалася до розмовы.

Записалъ В. Г. Шевченко въ Кіевской губ. въ 1862. г.

---

254. Хлибъ.

Одынъ чоловикъ нисъ хлибъ. Стало йому важко, винъ и покынувъ його у лиси, чы що. Пройшовъ верстовъ зъ двадцять, захотивъ йисты, а купыты ниде, а мо й ни за що. А дали вернувся, забравъ хлибъ та й каже: «Важко тебе було несты, а безъ тебе ще важче: не я тебе несу, а ты мене несешъ.»

В. В. Полуботкова въ Нѣжинѣ Черн. губ. отъ номерного въ Монастырской гостиницѣ.

255. Якъ селянынъ піймавъ вовка.

До одного чоловика зализъ у кошару вовкъ и подавывъ усихъ овець. Накупывъ той чоловикъ другыхъ овець и зробывъ для йихъ нову мицну кошару таку, щобъ вовкъ бильшъ не втысся въ нейи. Отъ прыйшовъ вовкъ уночи, обійшовъ кошару навкругы, обнюхавъ—ниде йому влизты. Скочывъ винъ на покривлю, продеръ кулыкы и плыгнувъ до овець. Собакы счутылы и пиднялы таку гавкотняву, що вси у хати посхвачувалысь. Выйшовъ чоловикъ и прямо до кошары, бо туды собакы вйидалы. Прыслухавсь—овечкы тупотять и сопуть; винъ до хвырткы—хвыртка зачынена. Зазырнувъ черезъ хвыртку въ кошару, ажъ тамъ сыдыть сироманець - вовкъ и очыма, мовъ зорямы, свитыть. И почавъ

винъ сусидъ гвалтуваты: «Степане, Васылю, Карпе, йдить вовка быты въ мойий кошари!» Позбигалысь сусиды у двиръ, а хазяйинъ и каже: «Ты, Васылю, беры довбню, ты, Карпе, сокыру, а вы, хлопци, берить дрючкы; я жъ одчыню хвиртку и буду на йий стояты, а ты, Петре, лизь на кошару та будешъ його у дирку дрючкомъ пужаты; якъ тилькы винъ бигтыме на мене въ хвиртку, то я його макогономъ и лулусну. Ну, теперъ же не зивайте, почынайте!»

Потапъ погнавъ вовка, а винъ, зъ переляку, якъ пугне у хвиртку, та прямисинько хазяйинови мижъ ногы. Заплуталась, заборсалась вовча голова въ матни чоловика, и ни той одъ того, ни той одъ того. И потысъ вовкъ чоловика на соби прямисинько вгородамы на гору. Але жъ вовкъ бувъ навикы переляканый—бида зъ йимъ зробылася, такъ винъ и пропавъ! Не згирше жъ дисталось и тому чоловикови, що йихавъ на йому—насылу жывого та теплого здійнялы його зъ вовка. Оттакъ то у насъ ловлять вовкивъ!

Записалъ въ с. Мартыновкѣ отъ Губенка въ 1895 г. В. Ф. Степаненко.

---

256. Чоловикъ заваленый у глыныщи.

У сели Старому читавъ я кныжку на базари «Батько та дочка». Людей багато зибралось було кругомъ мене и слухалы уси зъ велыкою охотою. Кажуть: «Це кныжка гарна и не дорога».

— А дуже гарна! — одынъ обизвавсь чоловикъ. — Це кныжка така, якъ росказувавъ мени одынъ чоловикъ у ярмалку у городи Переяслави на постоялному двори. Чы було це давно, за це вже винъ не зна; у якому сели—винъ не памъятуе. Одынъ чоловикъ пишовъ на заробиткы у Херсонщыну и пробувъ тамъ шисть рокивъ. Догодыло бидолаци працюватысь на чужій роботи. Пишовъ винъ додому, щобъ ха-

зяйнуваты дома та оженытысь. Увъ осены збудовавъ соби хатыну, а писля Роздва оженывся. Оженывшысь, ставъ думать, що робыть йому треба, щобъ прожыть йому на свити, щобъ мать кусокъ хлиба. И задумавъ винъ робыть горшкы. Купывъ соби конячку и давай возыть глыну на горшкы. Глына була у тій сторони глыбоко, такъ шо треба було выкопать глыбоку яму, шобъ достать глыны такойи, котра годылась бы на горшкы. Одынъ разъ пойихавъ винъ по глыну, а жинка осталась дома. Прыйихавъ винъ до того миста, де копають глыну, и давай копать пудходну яму, шобъ можна було выносыть глыну корзыною. Выкопавъ винъ дуже довгу яму и давай выносыть глыну корзыною. Накыдавъ глыны съ пивъ воза, сивъ оддыхать, закурывъ люльку и полизъ опъять у яму. И тутъ случылось нещастя бидолаци, завалылася яма и його завернуло землею, ну тилькы такъ, шо йому можна було тамъ ворочаться. Яму завернула земля тилькы искрэю. Жинка його ждала, ждала додому—немае чоловика—и думае соби: «Пойду, бо може въ шынку засивъ та сыдыть, а коняка стойить та мухы годуе; а пиду, лышень, зажену додому, чого винъ тамъ сыдыть?» Пишла до шынку—немае. «Де жъ це винъ е, шо нема коло шынку? А пойду лышень до глыныща, чы не зострину його?» Пишла. Иты було треба верстовъ дви. Не дойшла вона изъ гоны, бачыть—стойить визъ, и коняка пасеться биля воза, а чоловика не выдно. Вона соби и думае, шо чоловикъ полизъ у яму по глыну и не спишыть соби дуже скоро йты. Пидходыть до ямы и бачыть—яму выровняло землею: завалылась яма. Вона въ плачъ та голосъ: «Ой, Боже мій! шо мени робыты?» Крычыть, скилкы сылы мае, та никому ратоваты. Попрыбигалы люды. Що його робыть? «Питы до попа, шо винъ скаже,»—обизвався одынъ чоловикъ.

Пишлы и сказалы попу, шо яка прыгода трапылась чоловикови. Пипъ говорыть людямъ: «Шо жъ тутъ

робыть будемъ? Идить и скажить паламару—нехай подзвоныть по покойныку, а я пообидаю та оддышу трохы та й выйду одправыты похоронъ по покойныку. Гарный чоловикъ бувъ,—царство небесне йому!» сказавъ батюшка.

Писля обидъ батюшка выйшовъ одправыть похоронъ. Одправывъ, запечатавъ, якъ треба и пойихавъ додому. Люде, котри булы тамъ, пишлы помынать.

А той чоловикъ пидъ землею жывый и давай копаться на верхъ. Вырывсь на верхъ, узявъ заступъ на плечи и пишовъ додому. Прыходыть до своейи хаты, заглянувъ у викно, бачыть—горыть свичка на столи, и въ хати сыдять чотыри бабы. Винъ до дверей—двери засунени. Винъ давай у двери стукать, шобъ одчынылы. Бабы почулы, шо стукае щось. Одна пишла одчынять. Выйшла у сины и пытае; «Хто тамъ таки,—свойи чы чужи?

А чоловикъ обизвався:—«Свойи! Чого вы бойитесь одчынять? Одчыняйте!»

Баба якъ почувшы цее, чуть не упала въ синяхъ,—давай крычать:—«Ратуйте! мертвякъ прыйшовъ! Шо будемъ робыты?»

А тутъ якъ на ту пеню нема и одного чоловика. Жонкы давай крычать:—«Ратуйте, хто въ Бога вирує!»

А чоловикъ пидъ дверыма обзываеться:—«Та одчыняйте! Чого вы бойитесь, дурныйи? Я не мертвякъ и не бувъ мертвякомъ. Я жывы бувъ пидъ землею и чувъ, якъ правывъ батюшка похоронъ, якъ плакалы по мени. Мени все було чутно, що робылось на верси, и я крычавъ скилкы сылы въ мене було, а вы мабуть ничого й не чулы,—голосылы по мени та бильшъ и ничого. Такъ я тоди годи крычать, а давай, думаю соби, рытымусь, чы не поможе Богъ мени выбраться съ пидъ землы на свитъ Божый. Давай копаться... И вырывсь,—колы ничъ на двори, и мени показалось пидъ землею, шо я тамъ

бувъ днивъ два, а воно мабуть я пробувъ тамъ одынъ день тылькы. Одчыняйте скорій, бабы, бо я йисты хочу! Не бійтесь ничого: я якы бувъ, такы и е.»

— Ни,—бабы кажуть,—мы тебе не впустымъ—молысь Богу!

Давай чоловикъ чытать «Оченашъ», «Вирую во едыного Бога», «Богородыце диво, радуйся...» А жонкы все такы бояться упускать у хату чоловика и думають, що це йимъ прывыденіе, що це изъ йихъ сміеться сатана. А деле и одчынылы двери, та самы прожогомъ на двиръ побиглы та до сусида пидъ окно и давай крычать: «Рятуйте! Мертвякъ прыйшовъ и повыгонывъ насъ изъ хаты!»

Сусидъ каже:—«А ходимъ подывымось на його, шо винъ робыть тамъ?»

Попрыходылы до хаты и заглядають у викна. А мертвякъ сыдыть соби за столомъ та вечерае:—«Идить,— каже,—дурныйи, чого вы бойитесь? Я не мертвы, а я жывы.»

А люде все такы боялысь уходыть у хату. А деле кажуть:—«А ходимъ лышень: насъ же гуртъ, а винъ одынъ—чого намъ його бояться?»

Повходылы люде у хату и давай роспытувать чоловика, якъ винъ вылизъ изъ пидъ земли, и якъ воно выйшло, шо його не задушыла земля. Чоловикъ роскававъ усе, якъ було, и уси дывовалысь цьому чуду, шо зроду не було такойи прыгоды у йихній сторони никому.

Въ с. Старомъ Переяславскаго у. Полтавск. губ. записалъ козакъ м. Барышполя того же уѣзда Н. Д. Бѣлоконь въ 1899 г.

257. Ликы линывому.

Повивъ чоловикъ свойихъ волуивъ до ликаря, щобъ запомуигъ видъ линощивъ, а той узявъ та й помазавъ пидъ хвостамы шпыкгынаромъ. Якъ дременулы жъ тоди волы, що й не збижыть чоловикъ за нымы. Пустывъ, вернувся та й просыть ликаря, щобъ и йому помазавъ ззаду, може чы не нажене волуивъ. Помазавъ ликаръ, а чоловикъ якъ пустывся, то й волуивъ догнавъ и дома зразу ставъ та й крычыть жуинци: «Упусты волуивъ у хливъ, а я ще побигаю.»

М. Веркіевка, Нѣжинскаго уѣзда. Отъ М. Крошки записалъ Е. Н. Гаврилей.

---

258. Выпытавъ.

Прыйшовъ хлопець позычать сокыры до сусида. Той каже: «Я бъ тоби й давъ, такъ ты жъ дрова усе до колодкы рубаешъ.»

— Э ни, дядьку, не турбуйтесь! Отъ йій Богу я все до земли рубаю, а то вамъ хтось набрехавъ.

— Ага, ну сього жъ туилькы мени й треба було, щобъ узнать, якъ ты зъ струментомъ обходышся. Пойды ты вонъ, не дамъ!

М. Веркіевка, Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

---

259. Якъ чоловикъ гостей прыймавъ.

Зазвавъ чоловикъ гостей и ставъ поштувать гомуинкою и пляшку зъ горилкою въ руки взявъ, та туилько такъ забалакався, що самъ выпъе й жуинку почастуе та зновъ гомоныть. Выпъе й почастуе жуин-

ку та й за росказни. И такъ до кинця. А тоди вже наче схаменувся та й просыться: «Не прогнивайтесь, люде добри: на се просылы!»

М. Верківевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.

260. Добри люде.

— А въ тебе е собакы?

— Ни! Мене и такъ люде оббрешуть.

Прилуцкій у. Полтавск. губ. Записалъ В. П. Горленко.

261. Убогый за столомъ у попа.

Було се въ одному сели, може такому якъ отъ наше, а може й ни, цього вже не скажу. Одынъ убогый чоловикъ та й прыйшовъ до дукы позычыты жыта на посивъ.—«Не можна, чоловиче,—каже дука,—бо тоби треба позычаты на вишне оддання.»—А й чому бъ то я не виддамъ!—запытавъ убогый.—Чому? Тымъ, що ты убогый и ничымъ тоби буде виддаты.—Убогый помовчавъ трохы та й каже: «Хиба убогому и на свити не жыты? Э, ни, це ще на двое баба ворожыла,—хто зна, мо ще убогый зъ бильшымъ почотомъ и повагою сыдитыме за столомъ у будли кого, нижъ багатый?!»—Такъ же, такъ—не ты бъ казавъ, не я бъ слухавъ,—одмовывъ дука.—Та я бъ у яку хату не зайшовъ, мене и за стилъ посадовылы бъ и чого треба позычылы бъ.—«Якъ тебе посадять, то мене й подавно посадять,»—скозувавсь убогый. Дука самъ соби не вирывъ—якъ можна, щобъ такый дрантогузъ та бувъ у людей въ бильшимъ почоти, нижъ винъ. Довго воны отакъ скозувалысь, а дали и побылы въ закладъ на пару воливъ: колы, зна-

чщя, убогого прыймуть де краще, то дука повыненъ даты убогому пару воливъ, колы жъ багатого, то вбогый повыненъ зъ жинкою цилый рикъ робыты багатому на пару воливъ. Заклалысь ото воны, та й волы дука оддавъ за рукы.

— Ну, куды жъ пидемо?—запытавъ убогый.

— Ходимо до попа,—насмишкувато промовывъ дука.

Пишлы. Отъ увійшовъ дука въ пекарню до попа, вклонывся нызенько та й прохае, щобъ позычывъ йому сорокъ пудивъ вивса.—Добре,—каже пипъ,—ось я вдягнусь та заразъ и одважу, тилькы жъ щобъ ты мени за сю хватыкгу выоравъ десятыну пидъ ярыну!—Добре, батюшко,—одмовывъ багатый. Трохы перегодя пидходыть пипъ до убогого та й пыта: «А тоби чого треба?» Убогый пидійшовъ до його, нахылывсь до вуха та й каже: «Та я, бачыте, выкопавъ учора въ лиси бочонокъ золота та оце й маю прохаты васъ, батюшко, посвятыты йихъ.» Пипъ одразу повеселивъ на облыччи, та до дукы: «Ты выйды, тымъ часомъ, у сины, бо я маю де-що зъ Семеномъ побалакаты.» Выйшовъ дука у сины, а пипъ зновъ до Семена: «Ну, то якъ же ты, Семене, той бочонокъ думаешъ посвятыты?»—Та хочу, щобъ вы прыйихалы до мене у господу, та тамъ уже й тее... зручнишъ буде.—Ни, Семене, у мене буде зручнише; знаешъ, якъ йиздыты та возыться зъ усыма прычандаламы,—а людське око знаешъ прозоре... лучче вже у мене, чы такъ, Семене?»

— Ну, хай уже буде такъ, вамъ краще про се знаты. Такъ пиду жъ оце я за золотомъ, та й Боже благословы!

— Э, ни, Семене, чекай но,—добре дило добромъ треба и пошануваты,—сидай лышъ блыжче до столу!

Сивъ Семенъ кинець столу, а пипъ коло його. Мыттю попадя внесла мыску свижойи рыбы, поставыла на стилъ карахвынку горилкы и готовлються трапезуваты. Семенъ поглядае на все це та тилькы облызуеться и вусомъ

пидморгуе. Чарку за чаркою налыва пипъ соби та Семенови, попадя те жъ килько разивъ прыгублювала чарку; пъють соби та закусують, ажъ по за вушыма лящыть; але жъ Семенъ пъе та розуму не пропывае: якъ оце пидносыть пипъ йому чарку, то винъ пидийме ййи угору, цокаеться зъ попомъ, ажъ винця трищять и здоровкаеться голосно, щобъ чувъ и дука у синяхъ. А дука стойить пидъ дверыма у синяхъ, все те чуе и въ щилыну бачыть та ажъ миныться одъ зла. Останню чарку пидняли воны, выпылы та въ кинци ще й поцилувалысь. —Такъ тутъ же, га?—«Эге жъ, тутъ, батюшко.»—Писля закускы пидвився Семенъ и выйшовъ зъ за столу, подякувавъ Богу та й каже: «Такъ вы жъ тутъ тее... покы я прынесу.»—Гараздъ,—одмовывъ пипъ,—тилькы жъ швыдчій, а я пошлю за сторожемъ, щобъ готовывъ усе.»

Повагомъ переступывъ убогый черезъ поригъ и пишовъ соби вулыцею,—тилькы жъ не за золотомъ, а за воламы дукы. Взявъ винъ волы ти за налыгачъ, хвосьнувъ батогомъ та й каже: «Гей, волы, цабе кгезанъ,—вже тебе не побачыть твій дука - пузань; гей, сири, цабе мурый—хай зна, якъ убогый жартуе.» Прывивъ волы до оборы, нагодувавъ, напойивъ, а на ранокъ и на ныву зъ нымы гайнувъ. Пипъ довго ще ждавъ Семена зъ золотомъ, та ніякъ не диждався, кажуть, що й теперъ ще жде.

Каневскій уѣздъ. Записалъ В. Ф. Степаненко.

262. Якъ кума куму не послухала.

Жне кума жыто, а друга ййи кума иде вже до дому. Оть, та, що жне й каже:

— Кумочко, голубочко, поможы мени жаты!

А та йій й каже:

— Э, кумо, разъ, що жыбиръ колеться, а друге те, що николы.

А та каже:

— Ну, прыйдешъ же ты до мене зимою мукы просыть, такъ я жъ тоби не дамъ.

А та кума, що жала, та була багата, а та, що йшла,—бидна.

Отъ зимою прыходыть вона до своейи багатойи кумы, та й каже:

— Дай мени, кумочко, хочъ кившыкъ мукы, а то диты кваши просять, а въ мене мукы нема!

Отъ, та кума тоди засунула руку у полубочокъ, та й каже:

— Охъ, кумочко, жыбиръ якъ колеться, билше николы не полизу у полубочокъ!

Та й не дала йій мукы.

С. Жеведь Черниговск. у. Записала Н. Г.

263. Лакей и наймытъ не одно.

— А вамъ же подобаеться зять?

— Та винъ ничого: и зъ себе гарный, и розумный. Такъ ніякойи ганьбы йому дать не можно. Отъ тильки одно одгоныть трохы, що лакеемъ бувъ. Такъ наче й проты людей трохы соромъ, що за такого оддалы, що въ лакеяхъ бувъ. Отъ я вамъ роскажу, яка вже штука була. Прыйихала на весилля сваха зъ Подгорного, вона сестру нашу за свого сына взяла. Ну, спершу то й ничого, а якъ выпыла трохы такъ и каже матци нашій:

— Отъ пани - свахо, вашъ новый зять усымъ гарный, та лакей. И на шо такы вы Орыну за лакея оддалы? Така дивчына гарна, що ажъ жалко.

А матка каже:

— Винъ же, пани свахо, вже не лакей, а дома жыве. Та й Орына моя.—хыба вона не служыла? И вона служыла та кожному вгождала. Отъ йихъ и пара.

А вона, сваха, матци одказуе:

— Ни, пани свахо, то не однаково. А я своейи дочкы за лакея не оддала бъ и сына въ лакейи не оддала бъ. Я хочъ и вдова, а сына въ лакейи не оддамъ.

Бачыте, яки люде!

С. Коты Черниговск. у. М. Н Гринченко въ 1900.

264. Злодій.

Казавъ злодій, впіймавшыся, вкравшы волы: «Покуыль кони водывъ—такъ и Богъ годывъ, а якъ почавъ волы—наче чорты ввелы!»

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

265. Про воровство.

Въ одномъ селѣ, которѣ называлось Плутовкою, у томъ селѣ жили два чоловѣки: одинъ вельми богатый, а тей бувъ умерены, ни багаты, ни бѣдны; и ободва чоловѣкы сіе занималисе пасѣками—було по тималу пчолъ. И ены звалисе кумами. Вотъ разъ у недѣлю вечеромъ бѣднѣйшый кумъ и говорить своему куму:

— Знаешъ що, кумъ? (А пасѣки неделеко були одна одъ другойи) я сегодни на ночъ думаю ѣхать въ торгъ, то будласково позирни тамъ ночью на мойихъ пчелъ.

Етый заможны чоловѣкъ и каже: «Добре, ѣдь ты у торгъ, я буду гледѣть и твойимы пчеламы».

Такъ сей кумъ и поѣхавъ на ночъ у торгъ смѣло, знае, що у его сторожъ надѣжный. Вотъ якъ тольки йонъ віѣхавъ изъ села, вотъ сей тады кумъ позвавъ

своихъ сыновъ и каже: «Знаете що, хлопцы, поѣдте въ пасѣку, а то намъ треба гледѣть и за кумовою пасѣкою».

Такъ ены часовъ у десеть вечера поѣхали въ пасѣку. Пріѣхали ены въ пасѣку. Вотъ батько и каже: «Поѣдте въ кумову пасѣку, видеремъ его пчолы».

Хлопцы кажуть: «Ходете,—его нема дома, то будемо смѣло драть пчолы».

Пошли ены въ кумову пасѣку и стали драть пчолы. Въ сюю ночь вельмы позно шукавъ одинъ чоловѣкъ изъ того села коровы и побачивъ, що въ пасѣцы у того чоловѣка, що не було его дома, свѣтица. Вотъ енъ самъ собѣ и каже: «Се, видно, злодѣи крадуть пчолы». И ставъ на пузи повзты блыжей икъ пасѣцы и подповзъ икъ самымъ ловжамъ, що була загорожена пасѣка, и розгледѣвъ, хто таки дравъ пчолы. Се дравъ пчолы кумъ того хозяина, що поѣхавъ у торгъ. Вотъ надрали двѣ дѣжки меду и ище осталисе одные пчолы недраные, да вже некуды и драть. Вотъ стары погледѣвъ на послѣдніе пчолы да каже:—«Идѣть, хлопцы, возьмите ночвы у своей пасѣцы».

Хлопцы поставлели дѣжкы подъ ловжъ, де одну дѣжку уладили поставить акурать туды, де седѣвъ той чоловѣкъ, що шукавъ коровы, а сами пошли у свою пасѣку. Вотъ сей тоды, що седѣвъ подъ ловжомъ, подповзъ тихенько подъ дѣжку, узявъ соби меду и начавъ ѣсти. Хлопцы принесли ночвы. Ены выдралы и послѣдніе пчолы. Тоды зложили все на возъ и стали ѣхать домовъ. Вотъ сей тоды чоловѣкъ, що седѣвъ подъ ловжомъ, самъ соби и каже: Подожди, надо приглядѣца, куды ены повезуть сей медъ, де его будуть ховать. Ены поѣхали объѣжжать шлеховую дорогу полемъ, а сей чоловѣкъ, що подгледѣвъ ихъ, пошовъ скорѣй до ихъ двора и жде ихъ тамъ, закуль ены будуть ѣхать изъ медомъ. Ажъ ось ены ѣдуть прямо въ дворъ, а

енъ тоды тихенько прытуливсе къ замету. Вотъ ены въѣхали въ дворъ. Вотъ стары тоды и каже своимъ хлопцамъ: «Де жъ намъ теперъ ховать сей медъ?»

А хлопцы и кажуть:—«Знаешъ, тато, де мы его сховаемъ?»

А стары каже:—«А де?»

— А давайте поставымъ сіе дѣжки у свой имшень.

А стары каже:—«Нѣ, бувае за сымъ медомъ де и нашъ заберуть. Луччей давайте мы его сховаемъ во куды. Ото у насъ лежить у дворѣ куча гною, то давайте мы его подъ гной сховаемъ.»

И ены весма скоро роскидали сюю кучу гною и поставлели медъ въ дѣжкахъ и опять закрыли гноемъ и пошли спать. И мужикъ, що подстерогъ ихъ, пошовъ домой.

На завтре пріѣзжае сей чоловѣкъ изъ торгу и весма рано поѣхавъ у пасѣку довѣдаца своего хозяйства. Пріѣхавъ у пасѣку, ажъ подраные всѣ пчолы. Енъ тоды поплакавъ, да и нѣчего дѣлать. Пріѣхавъ домой и пошовъ до кума питать, ти не бачивъ енъ, хто подравъ пчолы. Приходить до кума и каже:

— Ну, що ты, кумъ, не бачивъ, хто подравъ пчолы?

Вотъ енъ и каже:

— Нѣ, не бачивъ. Я два разы ходивъ за ночъ въ твою пасѣку, да никого не бачивъ.

Такъ енъ пожуривсе, пожуривсе, да и нѣчого робить. Вотъ пройшло не весма багато времъя. Разъ у недѣлю собралисе въ шинкъ тые ободва кумы и другихъ багато людей и тей чоловѣкъ бувъ, що бачивъ, хто подравъ пчолы. Вотъ чоловѣкъ и каже:

— Давай-но, кумъ, выпъемъ по чарцѣ горѣльки, годи минѣ журица по пчолахъ.

И сказавъ:

— А ну ка, Хайко, подай-но сюда повкварту горѣльки.

Хайкою звали шинкарку. Шинкарка сейчасъ подала ему повкварту. Енъ випивъ самъ впередъ и потомъ поднесъ своему куму, тому, що покравъ у его медъ. И потомъ и ище кое кому ставъ подносить по чарцѣ, каже:

— Выпивайте, хлопцы, да поминайте мои пчолы, що въ мене уже нема ни годныхъ пчолъ.

А тему, що бачивъ, хто подравъ пчолы, и не поднесъ чарки горѣльки, и за тымъ не поднесъ ему чарки що енъ бувъ вельми бѣдный чоловѣкъ. Вотъ тей бѣднякъ и каже:—«Що, що ты подносишъ имъ по чаркѣ? Хибы ены тобѣ скажуть, хто подравъ твои пчолы? Ты жъ поднеси минѣ чарку горѣльки, дакъ я тобѣ скажу, хто подравъ твои пчолы.»

Вотъ енъ тоды поднесъ ему чарку горѣльки, потомъ и другу, и трейтю. А тей, що подравъ пчолы и каже:—«Таки невдобны, щобъ ище знавъ, хто подравъ пчолы у мого кума. Не поднось, кумъ, и чарки сему обормошу.»

А еты бѣднякъ и каже:—«Гледи, щобъ ты не потерявъ своихъ новыхъ чоботъ, хоть и богаты. Де моя бѣдность дороже твого багаства.»

Тоды бѣднякъ и каже.—«Берите старосту и свидителей да ходить колатить меду. Я васъ сейчасъ зоведу до того чоловѣка, що подравъ медъ.»

Вотъ сей тоды крестьянъ, що у его подрано медъ, позвавъ старосту и другихъ тимало людей и пошли.

— Идѣть за мною!—каже бѣднякъ и енъ повевъ ихъ прямо икъ тому багачу, що подравъ пчолы у своего кума. Приходють у дворъ, бѣднякъ каже:—«Розкидайте сюю кучу навозу!»

Староста тоды каже:—«Тетерукъ ты! Щобъ такую хорошую вещъ енъ у таке мѣсто ховавъ.»

Бѣднякъ каже:—«Даромъ соби, що я тетерукъ. Я вамъ кажу: откидайте гной!»

Ены изъ насмѣшкою стали откидать въ сторону. Откидали гной, ажъ подъ гноемъ оказавсе медъ. Дакъ тому багачу такъ стыдно стало, що ему трудно було перенести. Тоды багачъ спомнивъ то, що ему у шинкѣ казавъ бѣднякъ да и каже:—«Правда твоя, що твоя бѣдность дороже мого багаства».

Староста сейчасъ донесъ уряднику и его сейчасъ призвали къ суду и придали его съ сынами по шесть мѣсяцевъ въ острогъ.

Записалъ Яковъ Бондаренко, кр. с. Деревины Городницкаго у.
Сообщилъ В. Т. Андріевскій.

---

266. Пысарь.

Налаявъ батько курку: «Щобъ ты здохла»! А сыну-пысару се дуже не сподобалось. Отъ винъ и навчае батька: «И на што такое неприличное говорить? Ругай, старый, такъ: «Штобъ тебя писаръ искушалъ!»—А батько змитывъ що до чого й каже: «Добре, сыну, и давно бъ повчылы—мы жъ люде темни». Другого разу лизе въ шкоду котеня, а батько на його: «А дзусь! щобъ тебе пысаръ искушавъ!» Пысаръ чуе та: «Отъ тьомной народъ! Съ нымъ и умной человѣкъ нечого не подѣлаеть!»

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.

---

267. Судди.

Судди—що мырови, що сильськи—
Неначе одынци
И не розлычышъ ихъ ніякъ:
Неначе одна маты ихъ родыла.
Страшни показуються воны мени.
Якъ бувъ я у того судди мыровoго,

Ще за Опанаса Крывого,
Дакъ у того судди мырового,
Якъ у Бога святого.
Нихто ни на кого не скаже ты,
А все вы, да вы.
А якъ бувъ я у тыхъ суддивъ сильськихъ,
У тыхъ пъяныць семенськыхъ,—
Я удывлявсь изъ ихъ диливъ.
Воны судъ тоди начынають,
Якъ изъ шынку прычвалають.
Выноватъ Киндратъ,
Дакъ и винъ сыдыть изъ суддямы пидъ рядъ.
Да якъ шурхне руку въ карманъ,
На суддивъ моргнувшы:—
Судди не змагавшысь,
За шапкы побравшысь,
У головы не спросывшысь,—
Въ шынку опынывшысь.
Оглядився старшына—
Суддивъ въ волосты нема,
Да и каже своему десятчыку:
«Бижы, Грыцько, суддивъ зажены,
Та тилькы самъ тамъ не сыды,—
Вже обидняя годына,
А воны дила ніякого не зробылы.»
Идуть судди, тыняються
Та объ тыны обпираються.
Прыйшовъ суддя у волость
Да карандашомъ по черныльныци и стука,
А другы сыдыть та слуха.
А жалобщыкъ изъ шанькою
За плечыма до суддивъ каже:
«Докиль мени, господа судди, стоять
Та слыну ковтать,—
Пора мое дило розибрать».

А суддя йому каже:
«Да ты не базикай,
Або ты осквернывъ чоловика.
Хоть винъ тебе, бачъ, и бывъ,
То значыть слидувало.
Тоби треба передъ нымъ покорытся
Та нызько въ ногы вклоныться.
Ты бачъ: винъ хазяйинъ,
А ты ледащо»! (У совищательній судди говорять).
А хочъ бы винъ и святы,
А якъ карманъ у його пусты,
То велять штряховать
И въ холодну сажать.
Уже трети пивни спивалы,
А суддивъ жинкы додому ждалы.
Прыйшовъ суддя додому
Та й сивъ на лави.
Жинка излазыть изъ печи
Та чоловикови и каже:
«Де ты, сякый-такый сыну, тягавсь?
Мабуть за городамы у лопухахъ,
Бо вся голова у коровъякахъ.»
— «Та цыть, жинко!
Мы такъ цихъ диливъ насобиралы,
Що до самойи пивночи розбиралы,
А я дила толковавъ та розбиравъ,
Покы мени якыйсь чортъ репъяхивъ у шапку наклавъ.»

С. Олександровка Остерск. у. Отъ Семена Музуля записалъ Н. Д. Бѣлоконь.

---

268. Хытрый чоловикъ.

Занявъ панъ у чоловика волы, а мужыкъ уже не знае, якъ йихъ вызволыты та йде прозъ паньски викна та й каже:

— Колы панъ съ панивъ, то виддасть волы, а колы панъ зъ мужыкивъ, то ни, не виддасть.

То панъ почувъ та й виддавъ.

Черниговъ. 1898. Б. Д. Гринченко.

---

269. Добре роскazавъ.

Росказувавъ панъ наймыту щось такее дуже довго, а той усе не второпа. Панъ тоди озлывся та—ляпаса, щобъ понимавъ хамло-неотеса.

А той каже: «Теперъ росчовпавъ. Такъ бы й давно росказувалы бъ булы толкомъ, по панськы.»

С. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

270. Скупый панъ.

Посылае панъ кухаря на базарь, та й наказуе, щобъ не трынькавъ дурно грошей: «Иди жъ,—каже,—та купы чого, щобъ и дешево й багато було, а то ты мене зовсимъ зведешъ.»

Пишовъ кухаръ та й купывъ нечыщеныхъ хлякивъ. Прынисъ, а панъ уже й напустывся: «Ты зновъ у снагу мене загнавъ!—Чого ты тамъ накупывъ? Кажы!» Не вытерпивъ уже кухаръ, кынувъ хлякы та й каже: «Та зъ середыны пойисы, а хлякы продасы, то ще й барышъ буде.»

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.

---

271. Допытався.

Вйизжае становый въ село Воронивци власнисть князя Гоген-Льоге-Шилингс-Фюрстъ, стричае мужыка и хоче довидатысь видъ нього, чые се село.

— Якъ вашъ панъ называеться?
— Лыбонь що Голи ногы сирый хвистъ.

Записалъ В. В. Боржковскій.

---

272. Черезъ чай сварка.

Повезлы до миста трое сусидъ дрова продавать. Въ дорози було межъ йимы злагодно и на торзи вкупи продалы одному пану дрова. Булы воны люде прости, недорого взялы й за дрова, такъ що ажъ панъ зазвавъ погритысь коло чаю, а воны та зроду про чай хыба що однымъ ухомъ чулы, не то щобъ пылы. Отъ воны одмагалысь довго на вси бокы, боялысь, щобъ и гроши не охрыплы за чай, та панъ йихъ впевнывъ, що за те ничого, й насылу згодылысь. Отъ панъ догадався, що люде зовсимъ прости й глузуе надъ нымы: одному давъ зъ сахаромъ чаю, другому безъ ничого, а третьому зъ силлю. Выпылы, якъ кому прыйшлось, та вже якъ спытавъ панъ, чы ще налывать, пиднялась межъ нымы кутавасія: первы каже:—«Ще», а другы:—«Якъ хочте», а трети и рукамы, й ногамы одгрибаеться. Выйихалы зъ двору, то первы й почына шкылювать, чому воны не хотилы чаю, а другы каже, що винъ же ничого й що зъ лыхомъ можна було й ще пыть, а трети зовсимъ йихъ дурнямы назвавъ та й каже: «И давъ же дидько помыйныци панськойи напытысь,—щобъ йимъ одъ паскы такъ у роти! Скуилько пылы оковыту, та не було ніякойи змажкы межъ намы, а то бачъ що, шобъ тыхъ панивъ кровъ пыла!»

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.

---

273. Хто скуилько чаю пье.

Панъ чай пъе, покиль чай е.
Жыдъ пъе, покиль сахарь е.
А чоловикъ—покиль воды хопыть.

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.

274. Похвалывъ.

Пошывъ охвыцеръ соби нового мундира, одягнувся въ його та й вертыться въ хати передъ дзеркаломъ, любуеться собою, мовъ Катря въ постолахъ, а дали захотилось йому, щобъ ще хто й збоку похвалывъ його. Отъ и пытае свого денщыка: «А что, слышъ ты, на кого я теперъ похожъ?»—А той дума, якъ бы його догодыты начальству? Та й каже: «Вы похожи, ваше благородіе, на лева, ваше благородіе!» Охвыцеру те сподобалось, винь пытае: «А гдѣ жъ ты лева видѣлъ»?—А той йому: «На туій картыни, ваше благородіе, що Исусъ Хрыстосъ йиде въ Ерусалымъ, ваше благородіе, сыдючы на, леви, ваше благородіе!»

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

275. Одмова по щыросты.

Прыслалы денщыка охвыцеру, а винъ бувъ дуже злый та заразъ же: «Почему это тебя, такую гадость, ко мнѣ прислали? Развѣ тамъ не было лучшихъ»? А денщыкъ йому й видмовля по щыросты: «Добрыхъ, ваше благородіе, и послалы добрымъ, а мене до васъ, и я никакъ нѣтъ, не выноватъ, точно такъ, ваше благородіе!»

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

276. Москали укралы гуску.

А то значыть укралы москали въ бабы ґуску, та де йийи сховать? А тутъ йимъ уже выходыть,—такъ воны йийи й сховалы въ барабанъ, у отой велыкый. Гуска жъ тамъ крычыть, а вуонъ у барабанъ бъе, а воно не такъ якъ треба выходе. А охвыцеръ пытае:

— Чого це въ тебе барабанъ не такъ выбывае?

— Одсыріѣвъ, ваше высокее благородіе.

А баба вже огледила, шо гускы немае и наздоганяе москалюовъ и каже охвыцерови:

— Ваше высокее благородіе! Москали въ мене гуску вкралы. Звелить, щобъ оддалы.

А охвыцеръ пытае:

— Ребъята, вы вкралы гуску?

А воны одвичають:

— Никакъ нѣтъ, не кралы, ваше высокее благородіе!

Винъ тоди на бабу насыпався:

— Чого ты на мойихъ маскалюовъ опорокъ зводышъ? Иды соби геть!

Отъ та баба пишла, а охвыцеръ пытае:

— Ребъята, вкралы гуску?

— Вкралы, ваше высокее благородіе!

— А де жъ вона?

— Въ барабани сыдыть, ваше высокее благородіе!

Та й иззіѣлы гуску. Отъ яки москали!

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко отъ дивчины. 1900.

---

277. Москали вкралы корову.

Разъ москали вкралы коруову у мужыка и заріѣзалы йийи та ще не вспишылыся зварыты, ажъ тутъ идуть трусыты въ казармахъ. Отъ воны—шо робыты? Швыдче коруову на стуолъ, накрылы одіяломъ, а одынъ москаль

сыдыть и савтырь чытае. Отъ, увиходють туды трусыты, ажъ покуойныкъ у хати. А ундеръ охвыцеръ и пытае въ того салдата:

— Хто это вмеръ?

Такъ наче вуонъ и не знае. А той каже:

— Рыковъ умеръ.

— А, жалко! Харошій бувъ чалавѣкъ!

Це вже той ундеръ-охвыцеръ каже.

Отъ ти бачуть, шо коруовы нема, а покуойныкъ лежыть, перехрестылысь та й пишлы соби. А ундеръ-охвыцеръ каже:

— Ну, ребъята, теперъ уже пора Рыкова съ стола прыймать.

Та й иззіѣлы москали коруову. Та сміються, шо мужыкуовъ одурылы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н Гринченко отъ дивчины. 1900.

---

278. Москали крадуть масло.

Прыйшовъ москаль на базари до бабы, а та баба багато масла продавала. Отъ вуонъ и каже:

— Подпоясай мене, бабушка, на всю масленицу!

Отъ баба стала його пидперизувать, а другый москаль, його товарышъ, за масло та й утьокъ. Отъ йимъ и стало масла на всю масляну.

С. Жеведь Черниг. у. Н. Г. отъ дивчины въ 1898.

---

279. Козакы вкралы коецъ зъ гусьмы.

Переходылы козакы черезъ одно село, йшлы воны на турецьку війну. Прыйшлы въ село; заразъ йихъ порозводылы на ничлигъ по хатахъ; далы скилькоро и жыдови шынкарови. Знае добре жыдокъ, що трудно, щобъ безъ крадижкы обійшлось, а тутъ ще на биду на

пидсини у нього коець зъ годованымы на пейсахъ гусьмы. Потерпае винъ за коець, але думае: не вкрадуть же воны койця, якъ ляжу спаты на него? Лигъ. Спыть. А козакы тыхенько вночи znялы жыда зъ койця, поклалы на землю, а самы за коець та й маршъ далы.

Ажъ черезъ якыйсь часъ чуе жыдъ, що взялы Плевну и що коло тойи Плевны поралысь и знайоми йому козакы. Отъ винъ хытае головою и каже:

— А лыхо мами йихъ! Що йимъ було Плевну браты, колы воны зъ-пидъ мене коець зъ гусьмы взялы!

Записалъ В. В. Боржковскій.

280. Два звощыкы.

У Кыеви, кажуть, коло вокзалу постоянно багато звощыкивъ, (якъ прыйизжають пасажыры зъ пойиздомъ. Разъ такъ трапылось, що помижъ булы звощыкы—нашъ чоловикъ и кацапъ, дожыдаючысь того пойизду. Пойиздъ прыйихавъ; згодомъ сталы выходыты пасажыры, а за йимы носыльщыкы пруть клункы. Пасажыривъ на цей разъ було небагато, и передни звощыкы йихъ скоро и позабиралы. Оставсяодынъ. Кацапъ жывенько до його пидйихавъ и ставъ торговатысь и за пъятакомъ остановка—пасажыръ не хоче сядыться. Нашъ, бачывшы те, соби тежъ пидбигъ, та жыво пъятака и скынувъ. Пасажыръ и сивъ до нашого. Кацапъ згожувався вже и за ту цину, що й нашъ сказавъ, але пасажыръ не захотивъ пересидать. Кацапъ росердывся на нашого чоловика та й каже:

— Богъ породылъ осла, а чортъ хохла!

А нашъ йому:

— Дурный тебе пипъ хрестывъ и тебе навчывъ! Хыба жъ такъ, якъ ты казавъ? Може отакъ: Чортъ породывъ цапа, а цапъ—кацапа.

Записалъ въ с. Лавахъ Сосн. у. 1896 г. В. П. Кошовый.

281. Хохлу не давай объясняться.

Разъ одынъ панъ прыйихавъ у село. Винъ служывъ по штатськый, мабуть у губерніи. Отъ винъ позвавъ старосту и ше де кого, мабуть и пысара. Перегледивъ уси кныжкы, да такъ скоро, що я не вспивъ добре розгледиты, якый винъ. А потимъ якъ почавъ на йихъ гриматы за несправности по служби, декъ тилькы держысь! Воны почалы объяснятысь, особлыво пысаръ, и зовсимъ выплутались. Панъ усе слухавъ, слухавъ, а дали не втерпивъ, та й крыкнувъ: «Буде!—Хохлу не давай объясняться, а бый його прямо въ морду, декъ може забъешъ йому якъ небудь паморокы, а то якъ дасы йому объяснятысь, дасы йому молоть, декъ винъ вымелеться. Отъ кацапъ декъ друге дило: йому якъ можна бильше давай молоть, декъ винъ самъ умелеться.»

Записалъ въ с. Лавахъ Сосницк. у. въ 1896 г. В. П. Кошовый.

---

282. Не зрозумилы.

Бижыть лытвынъ встричъ нашому чоловику та й пытае:

— Нѣ найшовъ, мавъ, дядзька, кайстеръ, а въ кайсцри вицоропень и ляпошка, сѣмъямъ примазана, а пасвистайломъ завъязана?

— Ни,—каже нашъ,—такого не бачывъ. Я й найшовъ, такъ же шаньку, а въ шаньци заець и паляныця, а завъязано пугою.

— Ну, ето, мавъ, нѣ майо.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

283. Лытвыны помынають дидуивъ.

Бувъ нашъ у лытвынуивъ, зайшовъ винъ у одну хату, а тамъ дидуивъ помынають, и напомыналысь такъ, що вси въ покотъ лежалы, а въ хати—хочъ сокыру вишай. Нашъ спытавъ: «Що це у васъ таке?»—«Дзидуивъ паминали.»—«Скуилько жъ разивъ на рикъ помынають у васъ дидуивъ?»—«Юнъ у насъ одинъ етотъ праздникъ.»—«Ну, добре жъ, що одынъ,—якъ бы вамъ симъ разъ помынать, якъ у насъ, то вы бъ и небо закоптылы!»

М. Веркіевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.

---

284. Цыганъ у манастыри.

Цыгану разъ трапылось буты въ манастыри. Бувъ винъ тамъ якъ разъ на масляну. Чы бувъ винъ у церкви, чы ни, а у трапезу пишовъ обидать. Сивъ,— колы жъ подають борщъ зъ свижою рыбою. «Смашный борщъ, думае цыганъ, наче николы такого й не йивъ. Шкода, що моя стара такого не вміе варыты!» Дали подають жарену на масли рыбу. «Якъ йивъ я, миркуе, йийи на оліи, декъ думавъ, що вже кращойи нема.» Потимъ якъ подалы вареныкы,—оттоди вже винъ порався, наче въ останне найидався.—«Э, думае, добре тутъ жыты, добры якы обиды,—тилькы чого се поросятыны нема, та й сало бъ не вадыло.» Спытавъ у послушныка: «Чого це нема поросятыны?» Послушныкъ йому одповивъ, що въ манастыри николи не бувае поросятыны. Цыганъ ставъ жалкувать, що жывуть у манастыри безъ такого добра, якъ поросятына. «Пидожду до вечери,—якъ и вечера така добра буде, якъ обидъ, то може й не буде скушно безъ сала та поросятыны.» На вечеру булы блынци. Цыганъ якъ зйивъ йихъ штукъ десять, а мо й бильшъ, не

жалкувавъ вже и по поросятыни. Такъ цыганъ жывъ днивъ зо тры.

— Гарно, братъ, у васъ годують, каже вже винъ послушныку,—шкода, що мени треба на ярмалокъ.

Побувшы на ярмалку, изновъ цыганъ прыйшовъ у манастыръ. А тоди вже наступывъ першый тыждень посту. Утрапывъ якъ разъ на обидъ. Дывыться, колы вже наче не таке на обиди. «Що за нечыста маты», каже самъ соби цыганъ: «борщъ якыйсь, що наче й дома не йивъ. Изроду я не люблю оцихъ поганыхъ грыбивъ.» Нигде цыгану дитысь,—голодъ не титка, треба йисты. Попойивъ борщу, жде ище якойи небудь потравы; колы жъ дывыться, уси повставалы,—треба и йому голодному вставаты, бо тымъ борщемъ винъ не найився. Не вытерпивъ цыганъ, попытавъ у старого манаха: «Чого се такъ: якъ бувъ я тутъ днивъ изъ шисть назадъ, декъ тоди що йилы, а теперъ декъ не знать що?»—«Кайся передъ Богомъ та молысь Йому, щобъ простывъ тоби грихы. Що це ты вygадавъ? Люде теперъ Богу моляться, говіють, а ты задумавъ скоромне йисты. Ты жъ такы хрещеный! Чы, може, вашъ братъ цыганъ бувае и нехрещеный?»—Мабуть хрещеный, одповидае цыганъ, тилькы мене пипъ якъ и хрестывъ, декъ не таке харамаркало, якъ ты.—Та й пишовъ. Пройшовшы геть одъ манастыря, цыганъ побачывъ, що биля села чоловикъ на верьовци веде собаку. Поривнявшысь зъ тымъ чоловикомъ, цыганъ и спытавъ: «Куды це ты, братъ, собаку ведешъ?»—Веду до вербы вишаты, ледащо гусей давыть, а якъ гавкать, декъ и на смихъ не гавкне.—«Нащо тоби, чоловиче, задаваты соби клопоту та праци, веды краще въ манастырь, декъ винъ тамъ и самъ здохне.»

Записалъ В. П. Кошевый въ с. Лавахъ, Сосницк. у. въ 1896 г.

---

285. Цыганъ зъ того свиту.

Несуть люде ховаты мертвого та й плачуть. Зостриваеться цыганъ:

— Чого вы плачете? Чы вы подурилы?

— Покійныка несемо.

— А хлиба жъ йому положылы?

— Ни.

– Ну, болячкы жъ винъ тамъ голодный улежыть. Я самъ бувъ на тому свити та кулыдку хлиба ззивъ, а билшъ не було, такъ я й прыйшовъ назадъ.

Черниг. у. Записалъ Б. Д. Гринченко.

---

286. Обое кращи.

Прыйшовъ разъ цыганъ до пана. Коло пана саме стояла поросятына и сало. Панъ снидавъ. Цыганъ пыльно подывывсь на пана та й пытае: «Пане, а мени можна йисты те, що ты йисы?»—«Можна,—тилько те, що тоби краще, те й можна йисты,—якъ сало краще, декъ—сало, а якъ поросятына, декъ—поросятыну.»

— Обое кращи,—одповидавъ цыганъ.

Записалъ въ с. Лавахъ Сосницк. у. въ 1896 г. В. П. Кощевый.

---

287. Поповна за цыганомъ.

Въ Мигилевськой губерни колись не вельми давно живъ попъ въ селѣ Юрковичахъ. Енъ чоловѣкъ бувъ вельми богаты, вевъ самъ себе въ чесности, и въ сего попа була дочка одна, такая красавица, ласкова ле всѣхъ людей. И батько вельми жалѣвъ, куплявъ ей хорошіе уборы и содержавъ ей въ барскомъ состояніи. И въ сего попа були лошади вельми добрые. Вотъ цыганчукъ по-

чув̆ъ, що попъ продае коня, поѣхавъ къ попу куплять того коня. Пріѣхавъ у дворъ къ попу, а попъ саме въ темъ времъи бувъ на дворѣ. Цыганъ и каже: «Драстуйте, батюшко! Я чувъ, що вы продаете коня».

Попъ каже: «Да, я продаю коня. Що, ты купишъ у мене коня?»

Цыганъ каже: «Куплю. Покажѣть минѣ коня, я поглежу.»

Попъ загадавъ свойму челяднику вивести того коня, що енъ назначивъ его продать. Челядникъ скоро вивѣвъ коня изъ хлѣва. Цыганъ поглядѣвъ на коня, поводивъ его по двору и стали торговать за цѣну. Ажъ вотъ вишла и попова дочка изъ комнатъ туды, де цыганъ ис̆ъ попомъ торговались за коня. Цыганъ хоть погано бувъ напрянутъ, да тоже парень акуратны, красивы. Вотъ попова дочка не вгадала, що се бувъ цыганъ, да тихенько и питае у челядника: «Що се таке за чоловѣкъ такъ плохо одѣтъ»? А челядникъ бувъ тоже парень шутливы и каже:—«А се екись паничъ купляе въ батюшки коня».

Баришне каже челяднику:—«Невже енъ таки бѣдны, що надѣвсе такъ плохо?»

А челядникъ каже:—«Нѣ, с̆е енъ такъ, що у дорогу убиравсе кудась, дакъ затымъ и напренувсе такъ бѣдно. Я его бачивъ разъ въ городи, дакъ енъ видно богаты».

Вотъ баришне сама соби подумала: если енъ багаты, то я бъ за его и замужъ пошла.—А цыгану тоже понаровиласе попова дочка, тоже подумавъ: вотъ екъ бы ена за мене замужъ пошла!

Такъ цыганъ съ попомъ не сышлись на цѣну та цыганъ пошовъ со двора до своихъ коней. А челядникъ поповъ пошовъ воротъ зачинять въ слѣдъ за цыганомъ да й каже: «Бачъ, еки ты цыганъ, що на тебе и баришне позавидувала».

Цыганъ каже: «Дакъ якъ ена на мене позавидувала?»

— А казала, екъ бы ты багаты, то ена бъ пошла бъ за тебе замужъ.

Такъ цыганъ тоды засмѣявсе да поѣхавъ домой въ свое шатры. Прiѣхавъ въ шатры, вотъ батько и питае:

— А що, -ка,—мой сынъ Сидоръ, не купивъ ты въ попа коня?

— Коня не купивъ, а невѣстку тоби багату нагляд: въ

— Де ты наглядѣвъ? Може наглядѣвъ де въ Юрковичахъ мужички въ постолехъ?

Сидоръ каже: «Э, екъ бы то мужичку, а то попову дочку».

Стары цыганъ каже:—«Э, екъ бы я за тебе взявъ попову дочку, то и мы бъ забагатѣли».

Сидоръ каже: «Поѣдемъ исъ своими шатрами да попросимось у Юрковичахъ постоять у мужиковъ».

Такъ стары каже: «Поѣдьмо».

Собралисе ѣхать въ Юрковичи на житте. Прiѣхали въ Юрковичи, выпросились тамъ у мужика недалеко одъ попа стоять изъ своими шатрами. Вотъ цыганчукъ и думае: попробую попитать де нибудь у поповой дочки, ти ена не пошла бъ за мене замужъ. Потомъ самъ собѣ каже: якъ же я буду знать, де ее побачить? Потомъ каже собѣ мовчки: пойду я къ челяднику и роспитаю, куды ена ходить въ проходку. Пошовъ разъ увечери питать икъ челяднику, куды баришне ходить въ проходку. Приходить до двора къ попу, ажъ поповъ челядникъ саме зачинявъ ворота: попъ съ попадею поѣхали къ попу въ другее село на гулянне. Вотъ цыганъ такъ що уже бувъ немного знакомы съ челядникомъ, поздрастувались; вотъ цыганъ и питае у челядника: «Кудась ты ѣздивъ, що вороты зачиняешъ?»

Челядникъ отвѣчавъ: «Се жъ я своихъ поповъ выправивъ на гулянне къ попу».

Вотъ цыганчукъ прибравсе хороше, пытае въ челядника: «А баришне дома?»

Челядникъ каже: «Дома».

— Ну, дакъ можно минѣ ити съ тобою погулять икъ вамъ?

Челядникъ каже: «Можно».

Цыганчукъ изъ челядникомъ пойшли въ поповы кухни и тамъ розговорують вдвохъ. Вотъ почула баришне, бѣжить скоро въ кухню посмотрѣть, хто розговоривавъ съ челядникомъ. Ввишла въ кухню, поглядѣла, ажъ у кухни бувъ тей паничъ, що коня прiѣжжавъ куплять.

Сказала: «Здрастуйте!»

И цыганъ отвѣтивъ тоже саме и ей исъ почотностю. Цыганъ питае у баришне: «Де твой батько?»

Баришне отвѣчала:—«Батька мого нѣту дома».

— Ахъ, я хотѣвъ его побачить.

Баришне питае:—«На что онъ вамъ?»

— Де хочу коня купить у васъ.

Баришне опять понаровивсе цыганчукъ.

Ена каже:—«То можете обождать,—проходьте далей въ комлаты».

А цыгану се и надо. Цыганъ пройшовъ далей въ комлаты хорошо убраные, а челядникъ оставсе на кухнѣ. Цыганъ изъ баришнею довго гомонѣли то про все, а потомъ цыганъ начавъ баришню сватать. Вотъ баришне каже: «Якъ же минѣ за тебе ити замужъ? Я баришне, а ты цыганъ».—Потому, що ена уже угадала, що се бувъ цыганъ.

Цыганъ каже: «Ты баришне да за цыгана замужъ пойдешъ, и я буду тоды паномъ».

Баришне довго думала: що на се цыгану сказать? Потомъ и каже: «Де, се правда. Мой батька багаты, а дѣтей у его нема больше, тольки я, то мы заступимо на се богаство, то и будуть насъ люди звать панами».

Баришне подобѣщала ити за Сидора замужъ да

сказала: «Придешъ мене сватать, коли мой батько буде дома».

Сидоръ попросивъ хороше баришни, щобъ ена и тоды не отказувалась, екъ приде сватать ее сватами. Отправивсе цыганъ домовъ на свои шатры. Пришовъ домой и росказавъ усе свойму батьку. Такъ стары цыганъ израдѣвъ и на другій день собрались цыгане исъ сватами сватать попову дочку. Взяли съ собою горѣльки и другихъ дорогихъ наливокъ, приходеть вечеромъ къ попу въ комлату, кладуть пирогъ на столъ и ставлеють горилку на столъ. Попъ не знавъ, на що цыганы принесли горѣлку де пирогъ, питае у ихъ:: «Ну, чего вы до мене пришли, цыгане?»

Цыганы съ насмѣшкою отговоривали: «Пришли, батюшка, до васъ коней мѣнять»

Батюшка каже: «Нѣ, я коньми не мѣняю. Вотъ за гроши купите, екъ хочете».

Потомъ цыганы начали заносить ему и про сваты, до попъ за се на ихъ такъ росердывсе и ставъ ихъ выганять изъ комлатъ. Ажъ идеть и баришне въ тую комлату, де були цыганскіе сваты, да й заговорила до цыганей: «Почемъ, папенька, знаете, ти пойду за цыгана, ти може и нѣ?»

Батюшка каже. «Хоть ты и согласна ити, да тебе не оддамъ за цыгана».

Барышне каже: «Не оддаси, то я и сама пойду».

Тоды батюшка пуще росердывсе на цыганей, призвавъ своего челядника и вдвохъ выгнали цыгановъ изъ комлатъ. Пошли цыгане въ свои шатры ни съ чѣмъ. А баришне тоды батьку своему сказала такъ: «Я теперъ не могу жить на свѣтѣ безъ его».

Попъ и каже своей дочкѣ: «Якъ тебѣ за его ити замужъ, за цыгана?»

Ена каже: «Я баришне, а енъ цыганъ, а екъ пойду за его замужъ, то енъ тоды буде панъ».

Попъ думавъ-думавъ, что съ нею дѣлать? Но такъ якъ ена въ его одна дочка и енъ ее жалѣвъ, захотѣвъ угодить ей и сказавъ: «Дѣлай, дочко, якъ хочешъ,—иди и за цыгана замужъ».

Черезъ нѣсколько времъя наказуеть баришне цыгану, щобъ енъ приходивъ ее сватать. Цыгане порадились между собою и пошли опять сватать баришню. Приходеть цыгане къ попу сватать баришни, то попъ хоть и ненавидѣвъ ихъ, да уже не споривъ.

Вотъ такъ попъ оддавъ свою дочку за цыгана и одгуляли веселле. Перевезли цыгане баришню въ свои шатри и навезли много разного багаства. Баришнѣ сперва показалось жить у цыганей весма худо, потому що у цыганей не було пищи такое, якъ ена ѣла у батька у свого. И сперва цыгане не посылали поповой дочки на селы просить хлѣба и обманывать людей. Живеть барине въ цыганскихъ шатрахъ и само съ себе удивляетьсе: «Якъ се могло случитьсе, що я пошла за цыгана и живу въ цыганскихъ шатрахъ? Нема минѣ такихъ привелегій, якъ у батька були, ни саду нема, ни земли своей, некуда и въ проходку ходить.» Разъ барине надумалась: «Пойду я до батька погулять по его садахъ». И пошла.

Приходить барине къ батьку въ цыганскомъ убрани. Попъ якъ зирнувъ на свою дочку, ажъ ена убралась по цыганскому, такъ тоды не придумавъ, что ей сказать, такъ ему жалко здѣлалось. Потомъ якъ нибудь попъ самъ соби розсовѣтувавъ и не ставъ журица по свое дочцѣ. Вотъ и розговорыласе баришне съ своею маткою кой про що, дакъ попадя и питае у своей дочки: «Якъ тобѣ, моя донько, жить показалось у цыганей?»

А ена отвѣчала: «Весма плохо, матушко».

Дакъ попадя тоды каже своей дочцѣ: «Э, моя донько, се ще тольки цвѣтъ, а ягоды будуть. Се ены лѣ тебе исперва трохи луччей обходяца, а вось нехай поживешъ ище, то табѣ ище и похуже».

Погуляла барине у свого батька и пошла опять въ цыганскіе шатры. Приходить въ шатры. Старые цыганки поприходили изъ селъ, принесли всего: и хлѣба, и муки у вузлахъ, и бульбы, и другихъ разныхъ овощей. Вотъ молодой цыганчукъ и поповой дочки мужъ и каже на баришню,—звали ее Мотра:—«Погледи ко, Мотры, екого добра принесли наши цыганки изъ села. Щобъ и ты вже ишла изъ цыганками на селы просить хлѣба и разно обманывать людей, ворожить на карты и разно дурить людей».

Мотра и каже свойму чоловѣку: «Якъ минѣ просить, що я буду соромеца людей, потому що мене люде знають, що я попова дочка?»

Вотъ цыганчукъ подумавъ, що ена и въ самомъ дѣлѣ не пойде на селы обманывать людей. Разъ каже свойму батьку, старому цыгану: «Знаешъ що, тато, поѣдемъ мы далеко изъ сего мѣста жить».

Старый цыганъ питае: «Чого намъ ѣхать оттюля? Намъ же и тутъ добре жить».

— Да жить то добре, да моя жена соромеца ити на селы просить хлѣба и обманывать, потому що ее уси люди знають, що ена попова дочка.

— Добре, мой сынъ, поѣхать то намъ можно въ другую сторону жить, да такъ, щобъ не знала твоя жена, коли будемъ собираца ѣхать, а ена буде искучать по своихъ родныхъ.

Вотъ дождали цыгане Покровы и стали собираца ѣхать въ другую сторону жить. Мотра и питае въ свого чоловѣка: «Куда се вы собираетесь ѣхать?»

А цыганчукъ и каже своей жонцы: «Се мы поѣдемъ на ярмалку».

Собралисе цыгане совсимъ исъ усею своею худобою и сѣла баришне на цыганскіе возы и поѣхали кудась далѣ жить. Пріѣхали цыгане на мѣсто, де думали жить. Вотъ дождали недѣли, и цыганки собираютца ити

на селы обманювать людей, а поповска дочка ничего и не думае объ томъ, щобъ ей ити на селы съ цыганками. Цыганчукъ и каже своей жонцы: «Ну, а ты, Мотре, чого будешъ седѣть на шатрахъ?»

Такъ барине подумае-подумае: якъ минѣ просить? Да потомъ надумаласе: пойду и я изъ цыганками; видно вже такъ: залетѣвши въ вороны, то треба и кричать по воронечи. И пошла Мотра вмѣстѣ съ старыми цыганками на села просить хлѣба и обманывать людей по цыганскому. Вотъ пришли ены въ село. Ихъ було три цыганки съ поповою дочкою. Вотъ поладилисе помежду собою такъ: старая цыганка сама по одномъ боку, а попова дочка да ище одна—по другому боку села. Вотъ уже приходица Мотри ити въ хату просить чого нибудь да ще тольки въ первы разъ. Дакъ ей такъ було стыдно, що ена ажъ заплакала. Вотъ войшли ены въ первую хату къ людямъ. Вотъ цыганка и умѣе уже якъ що говорить. Сейчасъ и каже: «Добридень, людечки вамъ, ти живи вы ще?»

А люди отвѣчають: «Здоровъ! А живы ще, будьте вы неладны, бисовы цыгане! Хыба се мы васъ не бачили сегодни? Вашихъ братчиковъ уже перебуло въ насъ душъ десеть».

Цыганка каже: «Дарма, мои дорогенькіе, нехай вамъ Богъ дае щасте и въ поли, и въ доми».

Старая баба седечи на печи екъ закричить: «Пойды икъ бѣсу, пранцовата цыганка, се видно тая, що у насъ ножъ украла».

Цыганка каже: «Цыть, подожди, бабка! Не кричи, я тобѣ поворожу, ти ты ще будешъ довго жить на свѣти».

Баба ще хуже росердилась на цыганку, а попова дочка и стоить соби лѣ печи, ни слова не говорить, бо ей стало жалко и стыдно. Вотъ молода молодица одрѣзала хлѣба по куску, дала цыганцѣ одинъ кусокъ,

а други дае поповой дочцѣ. Вотъ Мотра бере хлѣбъ и слезы у ей на вочахъ стоять. Цыганка ще стала просить бульбы:—«Дай, моя молодочка, хоть бульбинко мойму Сидорку на булдочку».—У ее бувъ малы хлопчикъ Сидоръ.

Молодица каже: «Иды ты къ бѣсу, дуросвѣтка ты!»

Цыганка каже: «Нѣ, моя донечко, я не дуросвѣтка. Ось давай я тобѣ поворожу про все, кину на карты».

Молодица каже: «Да пойди ты прочъ, невдобна ты, щобъ угадала про все. Може й ты такъ угадаешъ, якъ минѣ одна ворожила колись, ище якъ я була у дѣвкахъ?»

Цыганка питае:—«А якъ тобѣ ворожила у дѣвкахъ?»

— А минѣ казала колись цыганка, що екъ пойду я замужъ, то буду щаслива и багата, ажъ отъ ека багата, що въ свѣты день и напренуть нечего.

Цыганка каже: «Нѣ, моя дорогенька, я все по правди скажу, я дурить не хочу добрыхъ людей».

Молодица дала цыганцы бульбы трохи, ена ей поворожила кой про що и пошли. Цыганка подякувала: «Спасибо тоби, моя доненько!»

Пошли исъ хаты, вышли на дворъ, вотъ цыганка и каже поповой дочцѣ: «Ты жъ чого не просишъ? Се хиба я и за тебе буду просить? Пора и тобѣ забуваться на поповскіе втѣхи,—проси вже ты, екъ увойдемъ въ другую хату.»

Увишли цыганки и въ другу хату. Цыганка опять поздравила людей по свойму обичаю, а попова дочка опять ничого не каже. Цыганка начала просить: «Подарѣть насъ, мои любенькіе и щасливенькіе!»

Хазяйка встала съ лавки и дала имъ по куску хлѣба. Цыганка ище просить: «И соли дай, моя щасливенька, и сала кусочокъ на затовочку ле борщика.»

Хазяйка и каже: «Идить, негодни, исъ хаты! Ще тоби и сала хочеца, гуляючи. Мы и дѣло работаемъ, да и то сала николи и въ вочи не бачимъ.»

Цыганки пошли далѣй, обходили село и идуть домой. Пришли въ шатры и начали вытрушувать изъ кайстеръ, що хто выпросивъ. У старои цыганки то сало, то бульба, усе ена напросила, и въ другой цыганки, у малой, тоже самое—всего напросила. Вотъ цыганчукъ, поповой дочки чоловѣкъ, и каже своей жонки: «А нужъ ко, вытрушуй и ты свою кайстру! Чого ты зажуриласе?»

Мотра вытрусила свою кайстру, ажъ у сее цыганки Мотры кромѣ хлѣба не було ничого въ кайстры: ни сала и ни бульбы—ничого ничогенечко, кромѣ хлѣба. Вотъ цыганчукъ тоды и каже: «Се жъ мы съ тобою съ голоду пропадемъ, екъ ты будешъ такъ приносить изъ села».

На другой день рано чуть свѣтъ цыганки встають и собираюца опять ити на села обдурувать людей, а попова дочка еще спала и ничого не думала про се. Вотъ цыганчукъ екъ закричить на ее: «Вставай ты, колодка! Уже онъ свекруха и етровка собираюца ити на селы, а ты все спишъ!»

Мотры нечего дѣлать, встала и пошла съ цыганками не вмываючись, не втыраючись на селы. Походили ены на селахъ и ввечери опять приходять на шатры. Цыганки изновъ вытрушують свои кайстры и опять принесли всего тимало, а попова дочка, кромѣ хлѣба, опять не принесла нечего. Вотъ цыганчукъ уже и росердывсе на свою жонку, потому що вже и батько на его сердица, що его жонка ничего не приносить, кромѣ хлѣба.

Вотъ полегли цыгане спать. Вотъ всѣ цыгане спять и цыганки, и дѣти спять, а поповска дочка исъ своимъ мужемъ не спять. Ена все цыганчука перезывала, щобъ ѣхать жить вдвоихъ къ ее батьку попу. Но цыганчукъ хоть молодый бувъ чоловѣкъ, а хитры. Подумае: екъ поѣду я съ Мотрою къ тестю на житте, то и менѣ буде такъ

худо жить съ попами, екъ моей жонкѣ съ цыганами. А цыганчукъ ее тоже вучить, якъ просить що нибудь у людей.

И весьма довго поповска дочка бичоваласе съ цыганами по шатрахъ, а дали разъ ена надумаласе: подожди, я напишу свойму батьку писмо, щобъ пріѣхавъ коли нибудь по мене. Разъ ена ходила по селу съ цыганками, вотъ ена зайшла къ жидамъ, купила бумаги, чорнила и написала писмо свойму батьку, щобъ енъ пріѣхавъ по ее. Вотъ черезъ нѣсколько дней получивъ попъ письмо и прочитавъ его и росказавъ матушцѣ, що въ письмѣ було написано, то имъ обоимъ такъ жалко стало свое дочки, що ажъ заплакали. Вотъ попъ черезъ нѣсколько времъе пославъ свого челядника де ще одного чоловѣка на пары конехъ ѣхать по его дочку. Вотъ сіе посланы поѣхали въ неизвѣсное мѣсто по попову дочку. Кое какъ допитались ены про те село, де стояли цыгане. Остановилисе ены въ селѣ, думають, якъ бы подать писмо поповой дочцѣ, а потомъ попросили того хазяина, що стояли въ его на кватери; сказали хазяину: «Передайте пожалуста оте писмо поповни, що за цыганомъ замужемъ, де такъ, щобъ и цыгане не бачили».

Вотъ хазяинъ тей взявъ писмо и понесъ на цыганськіе шатры. Приходить на шатры, ажъ Мотры нема на шатрахъ. Вотъ такъ розговорує съ цыганами про все, а про писмо имъ не каже. Ажъ отъ черезъ нѣсколько времъе приходить и попова дочка. Вотъ тей чоловѣкъ передавъ писмо поповой дочцѣ и пошовъ обратно додому. Поповна думае: якъ же бъ минѣ прочитать писмо, щобъ нихто не побачивъ. На другое утро старѣйшіе цыганки стали супъ варить, то що, а молодую цыганку, поповску дочку, послали по воду. Вотъ ена пошла по воду и прочитала писмо, ажъ у писмѣ було написано, щобъ ена собираласе ѣхать додому. Вотъ попова дочка начала собираца додому и думае: якъ же минѣ пойти отъ цыганей, щобъ ены не

побачили? Вотъ на трейтій день по полученію писма ище вельмы рано, всѣ цыгане спали, напренула цыганка, попова дочка, еку луччу одержу и взела свое кой еке добро и пошла въ те село, де були извожчики. Приходить попова дочка въ село, допиталась, де були извожчики. Вотъ поповъ челядникъ. Запрегли скоро пару лошадей, поскладались все, що було въ поповой дочкѣ и поѣхали додому.

Вотъ пріѣхала попова дочка на свою родину въ поповскіе комлаты. Батько ее такъ срадувавсе, що ажъ заплакавъ.

Вотъ повставали цыгане, начали супъ варить; вотъ стара цыганка екъ закричить на попову дочку, ей баца, що ена ще спить: «Пора тобѣ вставать! Се ты видно забуваешсе, що ты на цыганскихъ шатрахъ. Тобѣ видно баца, що ты въ поповскихъ комлатахъ. Уставай де иди по воду!»

Ажъ ее уже давно нема въ шатрѣ. Разглядѣлисе цыгане, ажъ поповской дочки нема. Вотъ ены тоды скидались шукать. Пошукали близь шатра, ажъ ее нема. Старый цыганъ и каже: «Не шукайте ее, ена вже видно утопиласе».

Записалъ Яковъ Бондаренко, крестьянинъ с. Деревины Городницкаго у. Сообщилъ В. Т. Андріевскій.

---

288. Жыдъ-выхрестъ.

У одного выхреста жыда родывся сынъ. Пойихавъ винъ до попа, щобъ охрестыты. За це пипъ просе карбованця.

— Якъ такы мозна, батюска, карбованця?.. Азде зъ якъ вы Моску хрестылы, то взялы карбованця; сцо тому зъ десять годъ, а цей вдесятеро менцый, то за його десять копійокъ.

X.

Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

289. Богданъ та Юрій Хмильныцьки.

— Се Хмильныцького гора *), на йій и замокъ його бувъ.

— Що жъ то за Хмильныцькый?

— А хто його знае: князь, чы панъ якыйсь. Винъ церкву у Суботови поставывъ, а сынъ його верхъ избывъ; пишовъ на батька да зъ нашойи горы и почавъ палыть. Бувъ бы чысто усю побывъ; такъ уже старшый бачыть, що лыхо, та зъ йимъ и погодывся.

Г. Чигиринъ Кіевск. губ. Записалъ М. Александровичъ. Изъ брошюры М. Александровича: «Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно» (Черниговъ, 1860).

---

290. Б. Хмильныцькый та король.

— Ніякыхъ гайдамакивъ я не зазнаю. Булы, кажуть, колысь, та давно. Отъ москали, такъ тійи жыда зариззалы и корову укралы да за горою и облупылы, а жыдивка ледви утикла.

---

*) Чигиринъ расположенъ на мысѣ, образуемомъ Тясминою и болотами; предѣломъ его съ сухого пути служитъ Чигиринская гора. На ней прежде стоялъ замокъ и, командуя городомъ и окрестною мѣстностью, дѣлалъ Чигиринъ сильно укрѣпленнымъ пунктомъ. Объ этой горѣ идетъ рѣчь въ настоящемъ разсказѣ. *Объясненія записывателя.*

Я не сталъ разспрашивать, зачѣмъ москали сдѣлали такую глупость, и навелъ розговоръ на прежнюю тему.

— Ни, сього ничого не знаю,—отвѣчалъ онъ,—а кажуть, що якъ була война, то якыйсь Хмильныцькый збунтовавсь и довго шкоду робывъ, одначе не втикъ; (де вже втикты!) Отъ и прывелы його до короля; винъ навколяшкы и впавъ, а король и каже:

— Ой, Хмилю, Хмилю! Высо́ко ты выв ся, а ныззько стелесся!—Та й помылувавъ його.

Съ того часу Хмильныцькый покаявся, вже годи турбоватысь, осадывъ село коло Чыгрына, церкву збудовавъ да тамъ и вмеръ. Бачывъ я людей съ Чыгрына, такъ кажуть, що й доси выдно те мисце, де його замокъ бувъ, а церква цила стойить.

Г. Каневъ Кіевской губ. Записалъ М. Александровичъ. Оттуда-же.

291. Про Хмильныцькыхъ. Про Мамая.

Старшый Хмильныцькый зъ ляхамы бывся и вельмы багато грошей у церкви (отъ у сій) поховавъ; а сынъ його не въ батька бувъ, ополячывсь, побусурманывсь да и прыйшовъ пидъ Суботово да зъ горы Валкы збывъ вежу, що на церкви була, одначе грошей не досягъ. За те винъ и доси сновыгае по гаяхъ да байракахъ, гадюка ссе його серце.

— Хыба то все одно, що пополячытысь, що побусурманытысь?

— Воно не одно, та, бачте, ляхы тоди укупи зъ татарамы воювалы. А се вже чы не писля Хмильныцького було, якъ прыйихавъ у Суботово Мамай зъ запорозцямы и ляхамъ багато шкоды наробывъ. Тутъ у лиси неподалечку е дубъ невысокый да рясный, Мамаемъ зветься. Кажуть, що буцимъ то Мамай на йому казанъ вишавъ, да якъ задзвоныть, то його хлопци и бижать. А инши

кажуть, що черезъ те, що и Мамай бувъ нызькый, та дужый, якъ той· дубъ.

С. Суботово Чигиринск. у. Кіевской губ. Записалъ М. Александровичъ отъ крестьянина, владѣвшаго въ то время усадьбой Хмельницкаго. Оттуда-же.

292. Орда въ Ведмедивци.

— Якъ я родывсь, то вже той замокъ *) бувъ, тилко вали булы товщи. Колысь прыйшла Орда, спалыла мисто, а люде позбигалысь у замокъ. Довго думалы татары, якъ бы добуть його; піймалы якогось ляха,—забувъ уже якъ винъ прозывався,—и обищалы йому грошей, щобъ винъ одчынывъ хвиртку, що була надъ ставомъ **). Винъ и одчынывъ, воны вночы и влизлы. А тамъ у замку була попадя. Вона якъ почула, що татарва у замку, то вхопыла шаблю и була бъ не пустыла татаръ, да нихто йій пидмогы не давъ; вона втомылась, такъ йіи и зарубалы.

С. Медвѣдовка Кіевской губ. М. Александровичъ отъ старика лѣтъ семидесяти. Оттуда-же.

293. Про Палія.

Йо, знавъ я колысь хорошу писню про Семена Палія,—да забувся, усе позабувавъ... Колысь було стари люде и спиваютъ, и росказують про козацьке лыцарство, а теперъ и не почуешъ,—хыба часомъ, да дуже ридко. Десь воно такъ за панамы, що боронылы перше, чы що?

---

*) Замокъ этотъ—пространство окопанное рвомъ и обнесенное полисадомъ при въѣздѣ въ с. Медвѣдовку. Въ 1858 г. онъ былъ еще почти въ цѣлости. *Объясненіе записывателя.*

**) Задней стороной замокъ прилегаетъ къ пруду. *То-же.*

Отто и про Палія то колысь то я чувъ, казалы одъ чого то пишло, що його прозвано Паліемъ.

Ось слухайте лышень, я роскажу, що ще памъятаю, а то забувсь багацько.

Якъ завивсь винъ зъ Мазепою, то це вже посли, а першъ слухайте.

Разъ зъ рушныцею бувъ Семенъ на полюванни. Колы гляне,—ажъ на берези рички, на скели, чортъ грается. Семенъ пидийшовъ до його блыжче, а той и почны зъ Семена крывытыся та дратуватыся. Отъ Семенъ нацилывъ на його да й стрелывъ,—зъ нечыстого тилькы полумъя блыснуло, а винъ самъ такъ и розлывся по скели смолою. Одъ того часу й почалы уже Семена зваты Паліемъ,—бо чорта, бачъ, спалывъ.

— Ну, а чого жъ винъ зъ Мазепою завився?

— Про тее у насъ писню спивалы, дакъ забувся писню, а такъ роскажу.

Отто, вважаете, воювавъ Палій, воювавъ, а дали гуляты почавъ; до воювання винъ добрый бувъ, да й коло чаркы маху булс не дасть. Дакъ уже такъ загулявъ, такъ загулявъ, що килькы у його було срибла-злота, такъ усе тее збувъ, гуляючы да частуючы мыръ хрещеный. А дали й до того дийшло, шо гуляты ни-защо. Що тутъ робыты? Заставляе винъ у жыда Мошка свою сыву кобылу. А що то за сыва тая кобыла була,— кохавъ винъ йийи надъ усе.

Довидавсл Мазепа, що Семенъ не мечемъ, а чаркою побрязкуе, ажъ зрадивъ, бо никого не боявся винъ, якъ того Семена Палія. Отъ Мазепа й забунтовавъ тоди проты царыци.

— Проты якойи царыци?

— Да вже жъ не проты якойи, якъ проты Катерыны. Шле тоди царыця висько на Мазепу. А винъ висько побывае, генераливъ у полонъ забирае. Шо тутъ робыты? А Потьомка йий и каже:

— Не вправытыся намъ зъ Мазепою—хыба Палій подоливъ бы його, а мы—ни.

Шле царыця за Паліемъ на Украйину. Шукалы його, шукалы, насылу найшлы у корчми пъяного. Выслухавъ винъ, чого хтять одъ його, шобъ то до царыци у Петербургъ йихавъ. Отто сивъ винъ изъ тымы посланцямы да й пойихавъ.

Прыйиздыть до царыци, а вона йому каже:

— Таке й таке дило. Поможы, голубчыку!

А сама такъ уже йому кланяеться.

— Ну, гараздъ, каже, дайте жъ мени коня доброго, бо у мене й коня нема уже.

Прыводять йому коня. Винъ выйшовъ, глянувъ на коня—кинь задрижавъ; узявъ коня за грыву,—кинь замертво упавъ.

Звелила царыця, шобъ прывелы коня що есть найкращый зъ усихъ коней самойи царыци. Прыводять. А кинь то тамъ такый, що й не сказаты: ведуть його штыри чоловикы, а винъ ирже да выбрыкуе. Пидійшовъ Палій до того коня, а винъ и уши опустывъ,—стойить якъ укопаный. Поклавъ винъ йому руку на грыву, а кинь такъ и упавъ на вси штыри ногы.

— Ни на чимъ йихаты,—каже Палій,—а пишкы не йду.

— Охъ, голубчыку!—якъ заголосыть царыця,—що воля твоя—усе тоби дамъ, пивъ царства тоби оддилю,—утыхомыръ тилькы мени того клятого Мазепу.

— Ну, гараздъ,—каже,—нехай же идуть до жыда Мошка да выкуплять у його мою сыву кобылу.

Послала царыця до Мошка, прывелы тую сывую кобылу. А кобыла та така мизерна, що сами кисткы да шкура. Якъ сивъ же на ейи Палій, якъ стрепенеться вона, якъ заграе пидъ нымъ—такъ и понесла його по-пидъ лисамы, по-пидъ облакамы, по-пидъ хмарамы. Прылетилы воны ажъ до поля, де Мазепа стоявъ зъ виськомъ. Дождався Палій ночи, взявъ свого списа да й устромывъ

коло самого намету Мазепыного, а до спыса да ще й короговъ свою прывъязавъ. Прочынае вранци Мазепа да якъ глянувъ на корогву Паліеву, да ажъ зблидъ.

— Эхъ,—каже,—лыхо! Тутъ Палій бувъ, отсе и корогва його. Теперъ ничого не вдіешъ, бо Палій уже лыбонь пыты-гуляты переставъ.

Тоди вже то и годи воюваты, пишовъ винъ на замырення зъ царыцею.

— Ну, а Палій же що?

— Що? Що жъ йому? Мазепу смырывъ да й пойихавъ соби до Мошка, або що.

От мельника Уласа въ с. Городищахъ на Роси, верстъ 15 выше Бѣлой Церкви. Запись неизвѣстно чья.

---

294. Мазепына хрещеныця.

Стоявъ разъ коло Мазепыного дому часовый; пидходыть до його якась жинка и такъ жалослыво почала просыть, щобъ винъ давъ йій свій хрестъ.

Часовый, чы злякався, чы такъ чому, тилькы хреста йій не давъ, и та жинка черезъ кожни симъ рокивъ зновъ прыходыть на землю и усе просыть хреста. Се, кажуть, Мазепына хрещеныця.

С. Выбли Черниг. у. Записалъ М. Шульга. Сообщила М. С. Чудновская.

---

295. Гайдамакы.

Въ той часъ въ Лытви, трохы ты не въ Виленській губерніи, бувъ атаманъ кашавый—той, що державъ Сичъ Запорозьку. Вынъ ихъ,—своихъ хлопцивъ—катеромъ па Днепру зновъ у Сичъ провадывъ; ы въ той часъ зновъ вылазыть на берегъ у Мальгавахъ; ы выла-

зыть вынъ,—а у насъ диты валы паслы; ы вынъ вылизшы ызъ катера ы пытае:

— Хадить, диты, сюды! Нате вамъ па шагу!

Дакъ катри дурны—утиклы, а катори розумнишы—прыйшлы. Ы пыта вынъ, у котрого батько, у котрого матка е; а въ насъ сырота була—Гордій Саповычъ; ы говорыть на його:

— А пры кымъ ты жывешъ?

— Пры тютьци.

— А паидьмо,—каже,—за мною.

— Якъ ихать, пане, дакъ ы паиду: мыни ы тутъ худо жыть, ы тутъ ровно служу!

А кашавый атаманъ лацынныкъ бувъ,—що яго нычого ны вызьме, ны куля, ны що. Ы говорыть:

— Будешъ ты такымъ паномъ, якъ я!

Вынъ ы наахотывсь. Той часъ йому велывъ одежу дать ы зъ собою взять; а тую адежу тютци обратно атдать, ы тютци бумагу пысать, що такый узявъ ы не сподіяться яго! Ы вынъ праслужывъ тамечкы семнадцатъ гадуывъ; ы письма вывчывъ, ы лыцыны всякои вывчывъ... Идутъ катыромъ па ахоти; ы намирывся другый стрылять; а лукавый заступае,—де утва седила, тамъ на лапкы ы зопъявсь; дакъ вынъ, сыдячы на корми—Гордій Саповычъ,—що узятый выдсиль,—да й усмихнувсь...

Ы теперечкы на счотъ то уремя було у кашавого атамана тры такыхъ хлопцивъ прегарныхъ; ы кашавый атаманъ ставъ помирять, ы зыбравъ увесь свій кишъ, ы въ його тры лацынныкы було: первый бувъ *Гордій Саповычъ*, другый—*Бондаренко*, що Чорнобыль воювавъ, що ляхамы гребли гатывъ, третій бувъ *Рацьовъ*. Теперечкы вынъ кишъ ызобравъ ы говорыть:

— Ну, ребята! Хто буде въ насъ кашавый атаманъ?

Той говорыть:

— Буде Рацьовъ!

А другый:

— Бондаренко.

А кашавый атаманъ сказавъ, що буде Гордій Саповычъ, що вынъ буильше мене знае, що усмихнувся, издячы на ахоту.

Ну, теперечкы кашавымъ атаманомъ ы остановылы Гордія Саповыча. Паслужывъ вынъ саби симъ ліетъ ы тымъ часомъ не захотивъ тамъ служыть: нажывъ соби тамъ, що Богъ йому давъ, або що,—не захативъ служыть! Выйшовъ у сваю господу. У насъ тутъ е Чумакова Гряда, де тутъ вынъ жывъ ы усе... А Рацьовъ чумакъ хотивъ чумаковать; тридцять возивъ мавъ, самъ мазавъ ы въ трое сутокъ тры часы спавъ. А Бондаренко забравъ соби хлопцивъ ы пишовъ у Полщу Ляхуывъ ы жыдуывъ розбывать.

Гордій Саповычъ бувъ ахотныкъ; пашовъ за ахотою, а тымъ часомъ узято яго жуынку: Татары узялы ы зъ жинкою узялы дочку старшу ы сына меншого ы везуть: ы тутъ протывъ Ковалевого города ы Дуба, въ урочыщи Маставымъ везуть, а вона галосыть:

— Гордій Саповычъ! А ты казавъ, що ты лацынныкъ, а намъ теперъ прыйшлось прапасты зъ дитьмы.

Дакъ вынъ якъ стелывъ з-за Дуба—потому, що вынъ лацынныкъ бувъ такый—да напустывъ на ихъ шуму, москалювъ,—ы воны напужалысь, ы вси у текы пошлы; той часъ вынъ атбывъ свою жуынку и диты прывизъ дадому. Диты перелякалысь обойко и померлы. Вынъ поклавъ на ихъ дорогоцинны уряды,—одъ того, що вынъ дуже багатый бувъ. Люде ы сказалы:

— Не кладите дорогыхъ нарядивъ! Вашымъ дитямъ не буде спокою! Хтось небудь одкопае!

Вынъ палажывъ каминня, ы то каминня хто бере выдтиль пидъ поригъ на ступенькы,—семья обнедужае. Теперъ той каминь укочуть, було, хлопци у воду, а вынъ выкотычься на землю ы на тимъ мисци зновъ буде лежать. А теперъ Богъ його зна, лита перейшлы не можемъ знать симы часамы, а ще литъ за десять бачылы—

Марусы (у насъ булы такыи люды; воны пашлы на слободы у Карсунську губерныю)—тіи бралы камень: дакъ обнедужае семъя, дакъ вызьмуть ы одвезуть обратно назадъ.

Бондаренко—що йому зробыть— выйшовшы зъ нымъ втрьохъ,—набравъ хлопцивъ ы пишовъ просто до Ходкевыча, а Ходкевычъ гусары мае. А Бондаренко хадывъ на польскы, усе копався по малносты: хто до мене прыстае, на того куля не йметь, ни що такее! Усю Чернобыльщыну глумыть. Ходкевычовы гусары понасыпалы у чоботы земли ы прысяглы: на чый земли стоимо, тому будемъ Богу ы вировать!—Ы ходылы зъ Бондаренкомъ два года. На третій покумовався вынъ у Чернобыли ызъ кумомъ; той говорыть:

— Ызложиться мыни, щобъ я мавъ яго угостыть, кума!

Ы вынъ яго угостывъ; дакъ Бондаренко сказавъ:

— Хлопци! куды угодно! хто що нападе, то й ваше!

А гусары зрадылысь—нарада ихъ у те була давня—пистоли, шабли, мечы поодбиралы. Поодбиралы мечи—прокынеться вынъ, ажъ бида. Теперъ ти прыбигають—одынъ иднымъ—а ихъ повъязалы, а котори на втикы, що бачуть—не сыла: у самого кашавого атамана орудіе адыбралы. Вынъ и гаворыть:

— Куме мый, Галаганду! Збавы ты мене наглою смертю!

Ы тымъ часомъ смертю яго адынадцатъ сутокъ мучылы, а на дванадцяты одъ царыци прыйшло: що не можете такого лацынныка збавыть! Дакъ вынъ самъ соби смерти пожелавъ; пославъ у поле найты, де той прыпилокъ, що земля йде, що орють—зриже землю:

— Отимъ мыни горло одпыляйте, а то ни чымъ мене—ны секырою, ни мечемъ, не зрубыте,—тилько сынякъ зробыте, що зобъете мене крипко.

Рацьовъ чумакъ на 30 возоувъ хадывъ, самъ и возы мазавъ, ы волы пасъ, ы запрягавъ. Ы хадылы за нымъ гайдамакы: ы яго колеи знать кого Сапоновои Гуты,

де його вбыто; той закопавъ коло Мельныковыхъ Вылокъ тры возы зализа ы кожу грошей.

Бондаренко бувъ чаловикъ-лацынныкъ, а у Якыменка хороша була жуынка, дакъ вынъ гнавъ Якыменка (ще не вбымшы, буть:)

Ой пойихавъ Якыменко до млына зъ возамы;
За нымъ, за нымъ Бондаренко густымы лозамы.
Ой ы погнавъ Якыменка по зеленымъ лузи—
Стала жъ його голывонька въ пъянимъ выди й въ тузи.
—Ой одпрягай, Якыменко, сывую кобылу!
—Ой не 'дпряжу, Бондаренко, хочъ самъ тутъ загыну!—
Ой ы побигъ Якыменко да въ лисъ утекаты,
Зачепывся за колоду да ставъ помираты.
Прылетила зозуленька да стала коваты:
—«Ой Якыме, Якыменко! Може ты хочешъ йисты?»—
—Леты, леты, зозуленько, давай маткы віесты!—
Прылетила зозуленька, сила на воротахъ;
Выйшла жъ яго матусенька въ червоныхъ чоботяхъ...

С. Сорокошичи Остерск. у. (?) Черниг. г. Записалъ А. М. въ 1853 г.

---

296. Гайдамакы у Каневи.

Ото вже було дуже давно, ще мій батько бувъ хлопцемъ, якъ тіи гайдамакы прыйшлы у Каневъ, усе мисто спалылы чисто и церкву гречеську, що стояла отъ на цій гори,—ненарошне.

А то якъ було прыйдуть до якого чоловика, то й кажуть заразъ:

— Веды насъ до жыда або до пана, у якого грошей багато.

А якъ хто скаже, що не знаю, то прыставыть пиштолетъ або рушныцю та й выпалыть; багато ляхивъ и жыдивъ пропало! А якъ повыбывалы усихъ, мисто

чисто спалылы, тоди зибралы мужыкивъ та й далы имъ грошей може рубливъ съ тысячу та й кажуть:

— Поставте отутъ, де мы жыдивъ и ляхивъ побылы, крестъ!

Такъ люде и поставылы, и стоявъ той крестъ ажъ до велыкойи пожежи *). Довго тіи гайдамакы блукалы коло Канева, ажъ покы прыйшлы съ того боку гетьманци и прывезлы съ собою чотыри пушкы; тоди гайдамакы втикать, и ось тутъ, може верстовъ пъять буде, у лиси окопалысь и былысь зъ гетьманцямы и чоловика може съ чотыри вбылы, а дали въ роспорошку пишлы да по лисахъ и поховалысь.

Тіи гайдамакы таки булы характерныкы, що якъ хто въ його зъ рушныци выпалыть, то винъ тому чоловику кулю назадъ и кыне: «На тоби, може ще згодыться!» А иншый то й рушныцю заговорыть, такъ що той чоловикъ вже до вику не стрелятыме.

Булы у ныхъ сотныкы и атаманы, а надъ усимы бувъ Хмильныцькый, полковныкомъ прозывався, и довго зъ нымы гулявъ. Якъ було спытають гайдамака, хто вашъ батько, то винъ и каже:

— Хмильныцькый, — мы уси Хмильныцького козакы.

А писля той Хмильныцькый осадывъ слободу въ Херсонській губерніи на ричци Ягорлыци, и багато у його людей було.

Г. Каневъ Кіевск. губ. М. Александровичъ отъ глубокаго старика Алексѣя Гребенника. Изъ брошюры «Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно» (Черниговъ, 1860).

297. Золота грамота.

Отъ зъ чого почалась та гайдамаччына. Ляхы пановалы и дерлы народъ, а ченцямъ и промытои воды

*) Пожаръ былъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ 1818 г. *Прим. запис.*

не було. Запорозци якось и прыихалы до Мыколаевського монастыря на прощу. Ченци жъ и кажуть имъ:

— Поможить намъ, бо ляхы скоро зъ насъ и шкуру здеруть!

Запорожци жъ кажуть:

— Якъ намъ царыця Катерына дасть позволеніе, то и лядського духу въ Польщи не буде *).

Одынъ зъ ченцивъ бувъ у царыци пысаремъ и руку іи знавъ, то пидъ іи руку и пидпысавсь и показавъ запорозцямъ; воны якъ побачылы, то й почалы ляхивъ быть, а разомъ зъ имы и нашъ братъ пиднявся. Ляхивъ усихъ за суччу ричку проперлы. Одначе якъ тіи запорозци поповерталысь у Сичъ, то ляхы щє горій почалы народъ дерты:

— Вы,—кажуть,—суччи диты у гайдамакахъ булы.

С. Медвѣдовка Кіевской губ. Записалъ М. Александровичъ. Оттуда-же.

298. Понятовськый та царыця Катерына.

У велыкый пистъ прыйихавъ винъ **) у Каневъ. Царыця була тоди у Кыиви, а якъ и вона прыихала, то винъ и подарувавъ йій Польщу, вона й узяла, такъ и войны не було. А Понятовського зробыла мыныстромъ у Петенбурси; такъ винъ не схотивъ буть королемъ, а бувъ у іи мыныстромъ.

*) Западную Украину жители Херсонской губ. и теперь (запись напечатана была въ 1860 г.) называютъ Польшею. Подъ словомъ ляхи слѣдуетъ разумѣть только дворянское народонаселеніе польскихъ провинцій. *Прим. запис.*

**) Станиславъ Августъ. *Прим. запис.*

— Черезъ що жъ не схотивъ винъ буть королемъ?

— А черезъ те, що паны його не злюбылы и хотилы вбыть, такъ винъ и подаровавъ Полщу царыци.

Г. Каневъ Кіевской губ. М. Александровичъ отъ глубокаго старика Алексѣя Гребенника. Оттуда-же.

---

299. Конфедераты.

Я швець, и мій батько бувъ швець. Винъ ще бувъ парубкомъ, якъ паны збунтовалы на свого короля. До короля далеко, такъ воны тимъ часомъ почалы людей мурдовать. Пъяни понапываються та й издять, и вже де молодыця гарна, або дивка то ніякъ не вбережешъ. Разъ до дида прыйшлы уночи та й кажуть батькови:

— Де у васъ тутъ Польща?

А въ насъ одынъ ривъ Польщею прозываеться. Батько бачыть, що воны пъяни, и не схотивъ весты, такъ одынъ якъ вриже його шаблюкою по руци!—руку и розрубавъ. Мусывъ батько йты. А якъ дойшовъ до Польщи, то пидъ гору и втикъ, а воны на коняхъ, то йимъ и не можно його наздогнаты.

С. Медвѣдовка Кіевск. губ. Записалъ М. Александровичъ отъ Степана Опанасенка. Оттуда-же.

---

300. Запорожци на Кубани.

(прыказка).

Лежыть Запорожець у свойимъ курини пидъ возомъ и не може головою знесты, якъ изъ рички изъ Ковбани воды прынесты: видра не було, бакла не случылося... Пишла жинка у сыричуватыхъ постолахъ воды прынесты та й спиткнулась, пидковзнулась та й упала, та й прыйшла, та й плаче: «Лучче бъ було панщыну ро-

быты, якъ отакъ на воли жыты».—Не журыся, жоно, объ томъ, есть у мене голова Антонъ нашъ Гладкый—винъ головъ и поголыть, та усе жъ намъ козацькую славу зробыть!—

Г. Тульча въ Добруджѣ. Ѳ. Кондратовичъ отъ вдовы Маріи Михайловой.

---

301. Про смерть козака Половаго.

Изъ письма П. А. Лукашевича къ В. П. Горленку, 19 марта 1855 г., изъ м. Березани.

«Нѣкоторыя пѣсни я записалъ мимоѣздомъ, ѣдучи въ Крымъ, тоже въ 1832 году на мѣстѣ бывшей Запорожской Сѣчи въ селѣ Покровскомъ Никопольскаго уѣзда. Недалеко отъ сей слободы, принадлежащей барону Штиглицу, до моего туда пріѣзда года за два, размѣщены были для расквартированія въ Никопольскомъ уѣздѣ остатки запорожскихъ козаковъ, которые вышли во время турецкой войны изъ Турціи съ атаманомъ своимъ Гладкимъ; онъ, какъ извѣстно, переправлялъ Императора Николая Павловича чрезъ Дунай. О нихъ тогда мнѣ разсказывали слѣдующее:

Въ числѣ этихъ козаковъ былъ прежній служилый запорожскій столѣтній козакъ, по фамиліи, помнится, *Половый*; предвидя свою кончину, онъ приказалъ двумъ козакамъ вывести его въ поле и, поддерживаемый ими подъ руки, спросилъ:

— А гдѣ то мисто, гдѣ була Запорожская Сичъ съ Покровскою церковью?

Его поворотили къ тому мѣсту. Умирающій сталъ на колѣни, взглянулъ на это мѣсто, читалъ молитвы и умеръ въ такомъ положеніи».

Сообщилъ В. П. Горленко.

302. Звидкы узялась панщына.

Ото разъ давно ще, за Катерыны, зибралыся паны на сеймыкъ та й говорятъ промижъ себе:

— А зробимъ но, панове, панщыну!

— Добре, кажутъ, давай, зробимъ!

Ото кожный панъ (якъ напрыкладъ грапъ нашъ) склыкае зъ кожного села по дванайцять чоловика. Зъ того села дванайцять, зъ другого дванайцять, зъ третього дваняйцять... Ото чы въ хати, чы на двори въ пана поставылы столы, наварылы всячыны, поставылы йисты й пыты, горилкы, усього... Просытъ панъ:

— Сидайте, добри люде, йижте, пыйте, контентуйтесь!

Найилыся люде, напылыся, музыка грае—нагулялыся. Дякуютъ панови:

— Спасыби вамъ, пане вельможный, що такъ уконтентувалы насъ до схочу, спасыби!.. Чого жъ вы видъ насъ хочете?

— Ой, люде добри, хазяйи чесни! Небагато зъ васъ хочу! Тяжко мени зъ велыкымъ господарствомъ. Я й наймаю людей, и гроши плачу, та все нема ладу. Не вспиваю хлиба зибраты: осыпаеться. Якъ бы диты ваши спромоглы мене—подарувалы йиденъ день на тыждень.

— А, Боже нашъ мылосердный! Пане нашъ ласкавый! Щобъ диты наши та не послухалы пана йиденъ день на тыждень?! ну-ну!.. Даруемо вельможному панови йиденъ день на тыждень: чы то велыка мацiя?

Ото може черезъ пивроку, ба, може й скорище знову паны склыкаютъ по дванайцять чоловика зъ села, знову закладаютъ бенкетъ... Господы, чого тамъ нема? Усього, усього понаставляно: и пыты й йисты, и йисты й пыты... Веселяться люде. И зновъ просятъ паны людей, щобъ подарувалы ще йиденъ день на тыждень... Добре, най ще день. За третымъ разомъ—ще йиденъ день да-

руютъ. Такъ воны бенькетувалы, ажъ покы людямъ не лышылось и едного вильного дня. Отъ якъ выдурылы паны одъ людей вильнисть—пышутъ велыку бомагу до царыци Катерыны: Такъ и такъ,—кажутъ,—люде добреохотно згодылыся робыты на насъ шисть день на тыждень. Царыця глянула на те пысьмо—бачытъ, що люде добре-охотно згодылыся, та й прыклала свою руку. Отъ и мынулася воля.

Въ понедилокъ раненько—стукъ-стукъ у виконце:

— Добрыдень!

— Дай, Боже! а чого?

— На панщыну!—забула?

— На яку панщыну?

— А на пана робыты!

— Оце але, маю и свойи роботы доволи, а то ще на пана. Не хочу!

Ги-и! Якъ вытяглы на вулыцю, якъ почалы лупцюваты,—то й мусыла йты на панщыну. А стари батькы, що запродалы панамъ дитый свойихъ—зо страху поховалыся. Згодомъ трохы зибралыся на раду—радылы, радылы—та й напысалы й соби прошеные до царыци, що ось такъ и такъ—не хочемо пидъ панамы буты. Глянула Катерына на те пысьмо, та й видпысуе людямъ: «Що жъ, люде добри, на вищо жъ вы добре-охотно згодылыся робыты на панивъ? На що жъ вы за чарку горилкы голову свою застромылы? Теперъ ничого не вдію, руку свою прыложыла». И справди ничого не помоглося. Якъ настала панщына, то терпилы нашы прадиды, диды, батькы—та й мени, старому, довелося скоштуваты того добра. А оце й воля прыйшла, якъ у Вынныци чагунку насыпаты сталы.

Въ 1890 г. записалъ М. М. Коцюбинскій отъ 94-хъ лѣтняго нищаго Василія Вихлія, изъ с. Стадницы, Винницк. уѣзда, Подольской губ.

---

303. Кармалюкъ.

I.

Отъ що я чувъ, то и вамъ скажу про Кармалюка. Кармалюкъ, кажутъ, дуже любывъ въ лиси сыдиты. Отъ разъ иде Кармалюкъ лисомъ и мавъ переходыты черезъ дорогу; але це було въ недилю рано, и ставъ Кармалюкъ край дорогы, але дывыться ийде баба до миста. Якъ встритылась зъ нымъ, то каже йому:

— Добрыдень пане!

А Кармалюкъ видказуе:

— Дай Боже здоровля!

Та баба скоро бижытъ, але я не знаю, чы вона на ярмарокъ спишыться, чы Кармалюка бойиться.

Кармалюкъ бабы пытаеться.

— Ты не бойишся Кармалюка?

А баба йому видказуе:

— Нехай його гримъ забъе, бодай винъ не дочекавъ дитей!

Такъ дуже клене, що ажъ страхъ. Кармалюкъ каже:

— На тоби, бабо, тры гроши, и якъ будешъ у мисти, то купы мени цьвашкивъ, но не забудь, купы!

А баба каже:

— Добре, добре, куплю.

И пишла та баба своею дорогою до миста; а Кармалюкъ ще стойитъ надъ дорогою; але иде друга баба и каже Кармалюкови:

— Добрыдень!

А Кармалюкъ видказуе:

— Дай, Боже здоровля!

Пытаеться йийи Кармалюкъ:

— Ты не боишся Кармалюка?

А та баба йому каже:

— Чого його боятысь? Хыба винъ не такый самый чоловикъ хрещеный, якъ и мы? Винъ справедлывый, винъ

бидныхъ людей не обижае, винъ багатыхъ обдырае, а биднымъ виддае,—то чого жъ його боятысь?

Кармалюкъ выйнявъ зъ кышени сто карбовонцивъ и давъ ти баби въ рукы та й каже:

— Я есть самъ Кармалюкъ, йды зъ Богомъ, колы ты не бойишся Кармалюка.

И та жинка пишла до миста. А та баба, що давъ йій Кармалюкъ тры гроши на цьвашкы, пишла до миста, купыла цьвашкивъ и йде назадъ тою самою дорогою, а йійи вже давно чека Кармалюкъ. Якъ вона стрилася зъ нымъ, то Кармалюкъ йійи пытаеться:

— А що, купыла цьвашкивъ?

— Купыла.

— Давай йихъ сюды!

И баба выняла зъ за пазухы цьвашкы въ папири завенени и дала йихъ Кармалюкови. Кармалюкъ взявъ у рукы и зновъ пытаеться:

— Боишся Кармалюка?

А та баба зновъ стала його проклынаты на чимъ свитъ стойить, а нарешти каже: Боюсь.

Тоди Кармалюкъ звернувъ ту бабу и набывъ йій тыхъ самыхъ цьвашкивъ, котрыхъ вона купыла въ мисти, въ пъяты и каже:

— А то не бійся Кармалюка! Я есть самъ Кармалюкъ.

Та й пишовъ у лисъ, а жинка налякалась и лежала такъ якъ нежыва, докы йійи не взялы.

II.

Одынъ разъ гнавъ чоловикъ до миста козу продаваты. Але його здыбае Кармалюкъ и пытаеться.

— Куда ты женешъ ту козу?

— На ярмарокъ продаваты.

— Отъ на тоби сто карбованцивъ, иды, наймы музыкы и накупы йисты, и справляй у себе баль.

А чоловикъ каже:

— А якъ буде мене панъ быты?

А Кармалюмъ видказуе:

— Не бійсь, не буде быты; а якъ схоче быты, то скажешъ, що казавъ тоби баль робыты Кармалюкъ.

Той чоловикъ послухавъ Кармалюка, пишовъ до миста, наймывъ музыкы за двадцять карбованцивъ и сказавъ, щобы на вечоръ до нього прыйшлы граты. А вже ввечери панъ слухае, десь музыкы паньськи грають. Винъ сказавъ фурманови запрягты кони и йихаты, де то грають музыкы. И прыйихалы до того бидного чоловика и ставъ на подвиру,—ажъ миныться, чекае, закымъ поросходяться гости.

А тымъ часомъ якъ панъ стоявъ у того чоловика, а Кармалюкъ прыйихавъ до нього на подвира съ свойимы козакамы; козакивъ лышывъ на подвиру, а самъ пишовъ въ покойи, и якъ прыйшовъ въ покойи, то заставъ въ покояхъ тилько стару паню и каже до нейи:

— Давай грошi!

А вона не хочытъ, а кажытъ, що нема. А Кармалюкъ крыкнувъ до козакивъ, щобъ ишлы. Козакы попрыбигалы и давай пани пидошвы ризаты; паня не вытерпила и сказала, де грошi. Кармалюкъ забравъ грошi, и якъ выходывъ, то напысавъ на брами, що: «Никого, пане, не вынуй, бо то я забравъ грошi, и чоловика того не зачипай, бо якъ прыйиду, то жывый не будешъ». Кармалюкъ забравъ грошi и пойихавъ, а панъ якъ прыйихавъ, то тилько почухався та й мовчытъ, бо никому жалуватысь.

Записалъ парубокъ крестьянинъ Андрій Дулякъ въ с. Лопатинцахъ Ямпольскаго у. Подольской губ. въ 1892 г. Доставилъ М. М. Коцюбинскій.

---

304. Писня про Кармалюка.

— А я люблю оцю писню (про Кармалюка), та въ насъ йийи не спивають.

— Не вміють?

— Ни, вміють, та не можна: вона въ насъ заклята.

— Якъ то заклята? Хто йийи заклявъ?

— Батюшка. То, знаете, у насъ изъ ціею писнею така штука була. Я сама не знаю, а це вже росказували матка й сестра старша. Це не въ нашій церкви. У насъ церквы нема, а мы ходымо въ Смолынъ. Такъ це не въ Смолынській церкви було, а въ Пакульской. Тамъ, значыть, такъ стало, що якъ правыться служба, такъ воно й спивае цю писню про Кармалюгу. Батюшка служыть, а воно спивае.

— Та хто жъ спивае?

— Я не знаю... Кажуть, шо нечыстый, чы шо. Да такъ, кажуть, люде страхаються, ажъ изъ церквы выходють. Такъ батюшка объявывъ, шо буде його заклынать.

— И заклынавъ?

— А якъ же, заклынавъ. Людей насходылося—и—и багато! И моя сестра старша ходыла.

— Ну якъ же батюшка заклынавъ? Сестра чула?

— Шо тамъ вона розбере! Значыть, якось тамъ вычытувалы.

— Шо жъ, не стало спиваты?

— Одъ того дня не стало. Такъ теперъ и не спивають у насъ ціеи писни. Батюшка не звеливъ,—сказавъ, шо вона заклята.

С. Жеведь Черниговскаго уѣзда. М. Н Гринченко отъ дивчины въ 1899 г.

305. Крипакы дожыдалы воли.

Моя матка росказувала, шо якъ ище булы панськымы, то оце було орють на поли, а старець иде, то воны й бижать до дорогы та пытають старця:

— Дидусю, чы скоро воля?

А винъ каже:

— Скоро вже, диточкы, скоро.

То воны пооддають йому свойи лусточкы, а самы увесь день голодни. А якъ иде старець изъ бандурою, то те жъ попрыбигають та просять заґраты, та повиддають йому лусточкы за те, що грае, поставляють плугы, а самы якъ заходються танцюваты. Ну вже жъ якъ и попадуться, то й пудъ розкамы потанцюють добре.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко, въ 1899, отъ дивчины.

---

306. Про Т. Шевченка.

Тарасъ являеться людямъ трычи на день: рано хлопцемъ, удень чоловикомъ, а ввечери дидомъ.

Записалъ въ 1880 г. на Шевченковой могилѣ отъ селянъ Е. С. Грибинюкъ.

XI.

Преданія о мѣстностяхъ.

307. Преданіе о ручьѣ „Буковище“.

въ с. Юриновкѣ Новгородсѣверскаго у. Черниг. губ.

— Не пагнѣвуйся, Өедька Трахимовичъ, я маю папитаць, чи нѣма нашайи рѣчки Букавища у книзи? Вы людзи хоть и млады, да на чужбини пабували, нехристянъ павидали и нашимъ Юрнавцамъ то то, то сьо, бачъ, па письменному карпаяце: то чи не бачили ейо тамъ па вописи?

(Записыватель сказалъ, что рѣчка не важна, чтобъ быть извѣстной).

Няважна?

Да вы нязапамятуяце,—вана кались була—и Божачка мой, яка правялика, що и вокамъ ня скинишъ! Нѣ, вы смяетесь,—наша рѣчка йость на бумази.

— Не знаю.

— Якъ ня знаяте? Стала быть вы ня всьо въ бумази перечитали. Вы папытайця у малаго дятьоначка, и той зная, да й дякъ нашъ, Иванъ Кузьмичъ (бачъ, вонъ письмака, да ище якій ловкій),—той разъ разсказувавъ... Бачь, вонъ найшовъ у церкви—у книзи, а вы нѣ.

— Слухайтя жъ, кали не гнушаятесь! Се було,—рас-

казувавъ майму бацку бацкинъ бацка Антипъ, а бацка мини,—за Бѣлага царя Петра, за Святаго Ѳядоса, що просвятывся въ Чарнигови и праклятаго мацапуру—Мазепу, шо змянивъ Бѣлому за хлѣбъ-соль и передався Швейцамъ и аглицкимъ людямъ, — да ище тады, кали наша Юрчавка була падъ манастыремъ. Бачь, жила у Юрнавци маладыца вѣдьма ище съ хвастомъ, звали яйи Степанида, а у яйи була дачка Хадора. Вотъ такъ лѣтамъ, не скажу вамъ кали, — чи передъ Петромъ, чи передъ Спасамъ святымъ,—Хадора пашла купаться—да й утопись... вонъ тамъ—подъ вербами, супративъ шинку. Канечна, такъ було на раду написана, такъ Богу святому угодно; но якъ пачула акаянная матка, такъ и взбялянилась, будцомъ дурнапъяну абъѣлась, — кричить да вищить, галосе и кляне рѣчку; да изъ серца взяла и швирнула у яйи гарячую, якъ жаръ, сковараду, примовивъ: вотъ тябѣ.

(Тутъ старикъ остановился, снялъ съ головы еломокъ и, перекрестясь набожпо три раза, какъ бы нехотя, шепотомъ сказалъ: «Сказана, не при насъ говорено, съ нячистымъ зналась,—ей не жаль було православнаго народу». Далѣе продолжалъ уже громко):

— Тади рѣчка изъ Юрнавки перешла въ Бялицу; а сама вѣдюга, надіѣлавъ много пакасти православнаму народу, згинула безъ святаго сакрументу лютою смертію: яйи скорчило, языкъ выперло, раздуло, — и канчилась три дни, пакуда людзи не дагадались да не сняли столи, не ототкнули верха и не разбили ба̀лонокъ. Бацка расказувавъ, що вана акаянная хадила мертвая дадому и часто хлопци, якъ пасли на начлѣжкахъ каньовъ, то бачили, якъ вана галасила тамъ, идѣ утопилась яйи Хадора. Да й вашъ прадзедъ, якъ прабивавъ акаянную асиновымъ каломъ, то бачивъ, що ляжала ниць и рягатала. Такъ вѣрна Богъ наказавъ акаянную.

— Нѣтъ, — сказалъ я ему, — все, что говорятъ люди про рѣчку—это басня, ложь.

— Якъ!— какъ бы въ ужасѣ вскричалъ онъ. — Ахъ вы жъ якія! Да вы папитайтя у млада и стара, и тая вамъ скаже, що правда. Да и Тимохавъ бацка Забалотный расказувавъ, якъ пахавъ кала Деряжни, то бачивъ, шо ишла изъ Юрнавки наша рѣчка въ Бялицу дѣвкою—въ красной плахти, съ манистами, личманами и червоными стъожками на шийи, въ пригожихъ сярьожкахъ, въ панчохахъ и чорявикахъ, съ растрепанай касой и вельми плакала, выла и галасила, ажъ дуброва стогнала! Бачили хлопци, бачили дѣвчата, бачивъ пакойный Качубей, якъ вана сядѣла на цамри, шо на криници, вокала бялицы, и часала касу сваю,— а якъ вонъ кашлянувъ, такъ въ воду и згинула. Ну, и тяперь няймитьо вѣры? Да пажалуста, я вамъ вялю, пашукайця ка у церкви, у книзи; да кали найдице, тади и мяни скажице!

С. Юриновка Новгородсѣверскаго у. Черниговск. губ. Записалъ ученикъ Черниг. Духовн. Семинаріи Өедоръ Богуславскій. Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1854.

---

308. Озеро Синее.

Въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, между селомъ Каменкою и деревнею Дупликовкою, на полѣ, есть озеро «Синее». Оно окружено со всѣхъ сторонъ непроходимымъ очеретникомъ и лозою, и ведетъ къ нему только одна узенькая тропинка, проложенная, вѣроятно, для водопоя. Окрестные старожилы говорятъ, что никогда лодка самаго искуснаго пловца, достигнувъ средины этого озера, не возвращалась назадъ, и что не одинъ уже смѣлый парубокъ сдѣлался жертвой своей отваги. Под-

шучивая надъ храбростью какого нибудь хвастуна, говорятъ:—А вже жъ ты храбрый, и мы се знаемъ: може ще й Сынее переплывешъ?—Или:—Ты бъ переплывъ и Сынее!

Изъ этого озера идетъ, какъ бы нарочно вырытый ровъ, на пространствѣ около трехъ верстъ и оканчивается въ лѣсу, извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ «Желѣзница», у подошвы одного небольшого холма. О немъ разсказъ полуслѣпого старика:

— Вы може коли чули про Зелезницу? Тамъ и доси е - слыветь вже зовсимъ зравнявсь—бугоръ. Вотъ калысь ще не въ запамятныйи годы, тоды нехристи въ притузи держалы православныхъ, и люде спасалысь, де хто попавъ; а набальшъ хавалысь у лиси. И отъ въ тые крутые годы жылы два чаловика и у насъ тамъ въ лиси, що теперацки зовуть Жалезница; тады ще не звали йійи Залезницаю, а такъ сабы—пуща та й пуща. Нихто навирну не скаже, якъ йихъ звалы — хто каже Кузьма и Демянъ, а хто—инше. Да й дякъ, бачъ, гаманивъ, що не ваны, а хтось другый живъ, — бачъ вонъ па книзи все вѣдае. Ну, да се дарма... се друга казка... Тилько воны булы ридные браття; жилы въ симъ лиси, малились Богу и выкапавши зъ земли кузню на бугарку, що казавъ я, начали кавать желизо да прадавать православнымъ и симъ кармить себе. Зъ тыхъ поръ сей лисъ якъ «Зализница», такъ «Зализница»,— и теперь кали хто пытае тебе: Куда идешъ?—Въ Зализницу.—Гдѣ будемъ орать?— Въ Зализницы.— А косить?— Въ Зализницы.— Такъ отъ разъ литомъ, откуда ни паявись, чи вана гадына, чи то така звярука — хто вже яйи зна, тилько вона ни давала пропуску ни чалавику, ни бѣдной скатынцы,—такъ цѣлыкомъ всяку всячину и ковтала. Папужались бѣдны люде, никуды ни ходять, ни ѣздять—ни па грибы въ дуброву, ни па дровы, и въ хати трясутця, ажъ кожа ходаромъ ходе,—мовъ отъ лихоманки. Ска-

тына зъ голоду на загороди пухне, бо сино въ дубровы. А дали пошла ся змяюка на сихъ братьявъ, що спасались въ Зализницы. Ваны якъ забачилы, то й спужались; вбегли въ кузню, яка вона тамъ була вже въ йихъ,— та й заперли двери; а вана акаянная, подбѣгла и давай гризть йихъ. Що дѣлать въ такой притузи? Порадились та й рѣшились зкавать саху и запрегти, бо вже ничимъ помогты горю:

— А може жъ Богъ и поможе уходить ейи акаянную!—гамоне братъ брату.

— Охъ, навдаку, братику родныньки,—отзывается другы—се, кара.

— А вже жъ що буде, то буде!—промовляе старшій,—а свое будемъ дилать,—давай ковать!

Вже саха гатова, и вана двери прагризла и языкъ въ щелку прасунула. Одинъ братъ,—не скажу вже вашій милости сяго—чи старшій, чи малодшій—распекши клещи, да хвать за языкъ!.. Вана суды—туды,—никуда небораку и повырнутыся—языкъ клещами вывертають; а другы атчинывъ кватирку, выскочивъ да й запрегъ въ саху,—таку пакуту на яйи налажилы... Тады вже кой якъ ваны зправились, забриталы яйи небогу, да адынъ клещами за языкъ веде, а другый одною рукою хутка соху въ землю запырае, а другою зелизнымъ кнутомъ наяруе. Отъ вана оттуда проарала, ажъ до сіого балота,—вонъ до тыхъ поръ иде вото плавъ. Тады ще не було балота, а була невеличка лужа... Да якъ змарнила акаянная, впала са всѣхъ ногъ и давай жрать зъ сяйи лужы воду; жрала, жрала, да й тамъ лопнула: такъ згинула

Тады атъ вони довго повзъ се озеро нельга було ни пройты, ни пройихать; вода адъ сіейи погани праванялась и зробылась сыньою. Зъ тыхъ поръ се озеро и началы звать «Сынее» та й «Сынее». Патъ канецъ вода начала въ йомъ прибувать да прибувать,—такъ, що и близко нельга вже здѣлалось подайти, и стало вано та-

кее жъ пражирливе, якъ тая гадина, що втапилась въ йомъ. Отъ аткуда взялось «Сынее»,—взялась канава и лисъ назвалы «Зелезныцею».

Теперъ, паничу, не въ пагнивъ будь сказано, хоть ваша милость и знае «Зелезницу, да вже вана далеко не та, що була — и сотойи доли нема! Кались я запамятую ще тилько небо да земля,—и, Божа!—яка правялика була пуща,—теперачки зкаренилы; знавъ иде и кузня була братьявъ; бувало тамъ зъ хлопцами жужаль и зелезьяче кой яке збирайимъ, якъ пагонимъ було каньовъ пасти. Да й народъ було—чи хто занеможе, — скорей жужали одъ братьявъ да напоють чаловика въ притузи: його лыхо й праходе марно на сухи леса. Теперъ вже и сяго нема.

Новгородсѣверскій у. Черниг. губ. Записалъ ученикъ Черниг. Духовн. Семинаріи Ѳеодоръ Богуславскій.— Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1854.

---

309. Про Глуховъ.

Разсказъ старожила *).

Башта була Московська и Кыевська и крипость кругомъ. Башта Московська разобрана билшъ двадцяты годовъ, Кыевська стоить, а була проты ей на другимъ конци города, де теперъ крамни лавкы камъяни, розійшлысь, за Спасомъ: трохы блыжчъ, на тры сажени сказать, одъ произду мыжъ лавками; поставлена була та башта Московська не прямо на сей шляхъ, що въиз-

*) Разсказъ знакомитъ нѣсколько съ прежнимъ видомъ Глухова, до пожара 1784 года, и дополняетъ живыми красками очевидца оффиціальную картину этого пожара, переданную публикѣ благодаря извѣстному *почетному* любителю отечественной старины, въ 30 № Ч. Г. В. (Всеподданнѣйшія донесенія Гр. Румянцева). *Примѣчаніе редакціи «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (1852, № 32), откуда заимствованъ этотъ разсказъ».*

дять у городъ зъ того боку, а мовъ бы на яръ укрывылась и одъ еи ишовъ шляхъ такъ, якъ стоить теперъ домъ Котлярова, черезъ двиръ, а сей домъ якъ ставылы (годъ дванадцять буде вже), яму саженей въ дванадцять одкопалы, мо, погребъ якый бувъ за дедивъ. Башта була въ валу, бо и изъ сего боку йшовъ валъ наливо надъ яръ, а направо на путывльськый шляхъ, и по гори по краечку зверта въ обаполы на Кыевську башту; за валомъ шынковая продажа була: Вынокуркы жылы (такъ и прозвыще имъ було—Вынокуркы—хазяины таки), за городомъ, за валомъ, на ливо одъ Спаса. Пры Куракыну выганялы насъ, плата —звисно—була, тамъ уже якъ усимъ платылы: отъ мы валъ розривнялы... березкы въ пущу сажалы, булеварты робылы; скотъ заганялы и свиней, и на острогъ бралы, щобъ не хадылы. Було такъ годывъ чотыри, а потомъ того булеварты розвалылыся.

Нашъ увесь городъ выгоривъ назавтра Спасъ, тому вже годъ шесдесятъ; с. Билополовка, Виригень и Усовка осталысь, а городъ на гори ввесь; зъ Поганого-Ставка почало, въ городи тилько духовне правленіе осталось: лавкы, дома, церквы— все якъ не було. Кладбыська-помынальная церковъ Вознесенія не згорила. Церква Мыхаила Архангела оттутъ, де Хаменко жыве, надъ валъ, стояла; якъ пожаръ бувъ, престолъ перенеслы и колокольню перевезлы сюды у Тройци. Манастыръ Дивычій тогди жъ згоривъ, а сыльна була постройка страхъ, не одынъ десятокъ и не два престоялы стины, дакъ якъ довелось разбывать, оце годъ пъять, яму щобъ засыпать, дакъ мы не прывмилы що казать имъ, рубалы якъ камень-щырець... — Тогди вольна продажа була, — дакъ горилкы на Спаскій улыци розлылыся: Боже мій!—земля горыть... Бочкы зъ дегтемъ, де лавкы булы пудъ валомъ, дакъ ихъ зорвало на воду и на води горилы.. Одъ поганои хаткы завелося ото, баба стовпци пекла

одъ Поганого-Ставу; на городъ саме витеръ бувъ изъ Москвы...

На казенній гребли машына за Кыевською баштою стояла и два млына. По однимъ лотоку тры колеса ходылы, подсобойни булы, а не налывныи;—то вже мельныци якъ поставылы, дакъ по тры колеса булы налывныи. Іи не вырвало бъ (машины), дакъ греблю роскопалы—черныговськый Бахуровъ спустывъ воду, якъ мостъ строилы. Тутъ рыбы що було народъ попобравъ...

Государевъ дворець стоявъ, де теперъ лыпкы, де Куксынъ домъ. У ему Румянцевъ жывъ.

Ярмалкы становылысь: Троицькая, Ильинськая по Путывльскому шляху, де теперъ манежи и Салдатська Слободка,—воно часомъ и теперъ Старе-Ярмалкове зветьця, по улышньому;—а Мыхаиловъ день и Новый годъ— Васыльевская ярмалкы булы у самому городи. А теперъ уси по Кыевському трахту на Виригени.

Подымне платылы трыдцять копійокъ зъ двора.

На Билополовци поставлена камъяна церква до мене ще.

Г. Глуховъ Черниговской губ.

---

310. Преданіе о построеніи церкви св. Иліи въ Черниговѣ.

Въ Черниговѣ разсказываютъ среди мѣщанъ, что церковь св. Иліи выстроена каменьщиками, достроившими соборъ Мстислава. У нихъ былъ атаманъ Илья. Увидѣвъ, что плотники берутъ шабашки, онъ, а за нимъ и его каменщики то-же начали брать шабашки — кирпичъ, изъ котораго и выстроили церковь. Строили они ее по праздничнымъ днямъ. Сперва каменщики не хотѣли работать въ праздники, считая это грѣхомъ, но

атаманъ объяснилъ имъ, что строить церковь въ праздникъ не грѣхъ. Въ честь атамана церковь названа была Ильинскою.

Черниговъ, 1896.

311 О м. Красномъ Колядинѣ.

(Черниговской губ. Конотопскаго уѣзда *).

I.

Давно, ще якъ я бувъ маленькымъ, жывъ у мого батька старый престарый дидуганъ; винъ не злазывъ зъ печи и ходывъ зъ оселедцемъ, якъ стари люде ходылы. Такъ винъ намъ, малымъ хлопцямъ, и росказуе, було, про наше село. Казавъ ще винъ, що зазна Роменъ чыстою и бигучою ричкою, що по йому байдакы и стругы велыки ходылы **).

А теперъ чортъ-зна-що, просты мене Господы болото—не болото, а такъ щось таке. Ще я зазнаю:

*) Въ углу, образуемомъ изгибомъ р. Ромна, стоитъ на правомъ возвышенномъ берегу, прислонясь другой стороной къ вѣковѣчному лѣсу, мѣстеко Красный Колядинъ, посрединѣ мѣстечка находится неглубокій прудъ, называемый *Краснымъ ставомъ*, черезъ который проходитъ широкій ровъ соединявшійся, вѣроятно, нѣкогда съ р. Ромномъ. За новою деревянною церковью находится возвышенность изъ взгроможденныхъ одинъ на другой кургановъ,—это мѣсто называется *замкомъ*. Замокъ этотъ представляетъ видъ острова, потому что здѣсь р. Роменъ обтекаетъ его съ трехъ сторонъ, а съ четвертой находится глубокій яръ, который, очевидно, былъ прежде рукавомъ Ромна и обтекалъ этотъ островъ и съ четвертой стороны. На этомъ островѣ и теперь видны остатки вала, составлявшаго крѣпость. *Изъ описанія записывателя.*

**) Слова стараго рыбака подтверждаются тѣмъ, что недалеко отъ города Ромна нашли остатокъ кормы большого судна, кажется, барки. *Записыватель.*

якъ Роменъ дуже була гарна ричка, якъ вырвала уси гребли, ще тоди утопывся хлопець Очеретянчыхы; а теперъ весною у бридъ можна перейты. Такъ тоди по Ромну стругы ходылы. Роменъ, вы знаете, тече поузъ Соснивку; тамъ жыла пани Покорська съ сыномъ. Сынъ бувъ такый гарный паны чъ. Винъ бувъ разъ у гостяхъ у айворонського пана. Ото якъ ставъ винъ плысты на пороми додому, пиднялась велыка хвыжа, — поромъ и одирвало зъ вирьовкы. Отъ винъ бачыть, що лыхо, узявъ та й кынувсь посередъ ричкы зъ конемъ у воду зъ порома. Отъ, маты, стара Покорська, якъ почула се, дакъ такъ росердылась, що й Боже! Прокляла Роменъ! А клятва та сльозы матерынськы—звисно якы. Ото воны сталы сушыть Роменъ. Дакъ съ того часу и начала ричка пересыхаты, а теперъ зовсимъ стала болотомъ. Дакъ уже передъ самою смертю стара Покорська сказала, що тоди буде чыстою ричкою, такою, якъ була першъ, якъ хлопець семылитокъ на кони, тожъ семылитци, найде у болоти очеретынку: половынка золота, а половынка срибна, та й вырве йійи; дакъ вода и його, и коня його залле, а ричка упъять зробыться чыстою и бигучою.

II.

Ще колысь, не за нашойи памъяты, розказувавъ мени старый дидъ, що у насъ жывъ, що на цьому мисци, котре й теперъ замкомъ зветься, стоявъ велыкый замокъ, кругомъ которого стоялы высоки стины, на стинахъ було крый Боже скилькы гарматъ! Оцимъ усимъ замкомъ владивъ ляхъ Коляда. Винъ бувъ дуже багаты и дуже злы, — багато перемучывъ народу. Гайдамакы дозналысь о такыхъ неправдахъ Коляды и пидплылы у темну ничъ пидъ замокъ. Сталы збыраться на стины, колы ляхы й побачылы гайдамакивъ. Заразъ давай одбываться одъ нихъ; а наши, котри булы у замку, змо-

вылысь та й одчынылы ворота. Отъ Коляда якъ побачывъ се лыхо, дакъ заразъ насыпавъ багацько возивъ золотыхъ та срибныхъ грошей и одправывъ на село тайныкомъ, который выходывъ ажъ у село, на долыну де теперъ ставокъ. Отъ Коляда и звеливъ выкопаты тры колодязи и высыпавъ туды гроши; потимъ звеливъ розгатыты греблю, дакъ вода зъ Ромна и пишла, и затопыла всю долыну. Ти колодязи теперъ е въ ставу, тилькы ихъ неможна знайты, бо занесло муломъ.

III.

Мени старый росказувавъ, що якъ було йому, прымирно, литъ пъять, дакъ уси люде, опричъ старого батька, котрый лежавъ на печи—нездужавъ, пишлы на Велыкдень до церквы. Отъ, якъ сталы такъ якъ на Достойне дзвоныть, щось якъ загуркотило!... Мы выбиглы зъ хаты, колы наша церква сидае въ землю, тилькы мы й побачылы хрестъ святый,—церковъ зо всимъ народомъ провалылась крузъ землю. Тилькы на тому мисци, де церква стояла, инколы люде чують, що звоныть пидъ землею.

М. Красный Колядинъ Конотопск. у. Черниг. губ. Записалъ Н. Трубицкій отъ рыбака 90 лѣтъ. Изъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1858.

---

312. М. Понорница.

(Кролевецкій у. Черниг. губ.).

Давно вже ся штука була, добродію, що цце я вамъ казатему; ни дѣдъ муой, ни прадѣдъ сього не зазна. А все таки и теперъ у насъ е чималенько людей, що тее жъ расказують — видно таки тутъ не безъ правды.

Тутъ де наша таперъ Панарныця, була колысь, зволте знать. пуща, гущина да еры булы, кажуть, такіе, що безъ хреста на шійи да безъ добрайи дубыны на плечахъ и прайты було страшно. Було, кажуть, чиѣде хто, чи йде тою пущаю, некому не пруойдыцце безъ пришты: або засвыще що по лѣсу, або засмеецце, або чупырсне пудъ коней да коней злека, такъ що не адному, прасля ціѣ дароги, прыходылось сорочку надѣвать пазухою на спину. Отъ хто його зна и адкуль не вазьмись—хто каже палякъ, хто—такъ екась невѣра, збудававъ въ туой пущи хату, да й паселывсь наче въ батькавіцини. Спершу людцѣ Божи думалы, що то нечиста сила ека, а деле пригледылысь—чалавѣкъ, туольки, звѣсно, на хрещеныхъ не пахожи. Вадкуль вуонъ узявсь, чего вуонъ тутъ живъ, що вуонъ тутъ рабывъ— усѣ бажалы знать да пудступить до його не въ кого фабрости не було. Такъ прайшло гадуовъ два, чи й лучче. Негде вуонъ не бувавъ, не зъ кимъ не гомонѣвъ, живъ собѣ у лѣсѣ неначе вавчуганъ тей та й годи; зустрѣне було, кажуть, чаловѣка и насупыть пику въ въ землю; чи магайбу хто, чи що друге — вуонъ не пары зъ устъ, наче не до його. Спершу то людцѣ хрещеные и геть, кажуть, баялысь ціѣ невѣры, а якъ пригледылысь да разшалопалы, що вуонъ самъ баицце людей—давай глузовать. Именыя його нехто не знавъ, спитать нѣ у кого, а сусѣду не жить же безъ именыя— його и прозвалы — панура, за те, бачъ, що, наче та панура, пику держить у землю. Ну, панура, панура—й мала нужды. Чи астапранцяватѣло то паляку таму жить такъ, чи що друге, туольки вуонъ взявсь присля за розумъ—обчалавѣчивсь трохи, ставъ гомонѣть зъ людьми, хадыть па селахъ, а деле и кунпаныю вадыть зъ сусѣдами. Да що, кажуть, за бестыя була! усе вуонъ знавъ, про всячину гомонѣвъ до кожного ласкаве слово умѣвъ приладыть—його, кажуть, усюды и вподобалы. Скуольки

такъ прашло гадовъ—не знаю, туольки, кажуть, скора людцѣ Божи разшалопалы, що тей палякъ—вовкъ въ авечуой шкури; що вонъ хочъ и гарна про все гомоныть, да правды въ його бесма. Ходыть, було, кажуть, у жупанахъ, а плаче, що хлѣба нема да наровить, якъ бы въ кого мешочокъ барашенця выдурыть. Звесты людей на лайку да на буойку йому падай; прапыть чалавѣку астанню капѣйку—вуонъ паможе! обцыганыть кого, обдурыть—його дѣла; а якъ да чого дуойдыцце, вуонъ и правъ; зъ усього й выкрутецце, наче його негде и духу не було — звѣсна кателыцька натура! Якъ разшалопалы, що за птыця палякъ цей, дакъ то звалы Панура, а то прибавилы ще ниций за те, що лукавить усюды. Такъ и пашло: Панура-ниций, або Ниций-панура; сталы звать и старе, и мале, другого ему и именыя не було. Асвуойчилысь людцѣ съ тымъ лѣсамъ, де живъ Панура, да и сабѣ де яки бѣдалаги сталы тамъ куренѣ будавать,—зробывсь хуторець, а въ йомъ Панура слыве атаманомъ екимъ. Прасля, не скоро, кажуть, зробилось сельцо, Пануры вже и духу не було, а йде було кажуть, чы ѣде чаловѣкъ у те сельцо:

— Куды?—спытай.

— До Пануры—ници!

У насъ теперечка мѣстечко наше величають Понорница, або ще й Понорница, да тыльки жъ що въ насъ, а де я не бувъ, дакъ його усюды зовуть Панурныця.

П. К. въ Понорницѣ Кролевецк. у. Черниговск. губ.

---

313. Легенда о Поганомъ полѣ.

Колысь *), якъ ишовъ войовать шведъ на Билого нашого цара и ставъ на симъ поли да й пославъ гонцивъ

---

*) Жаль только, что записавшій эту легенду о. Трифонъ Стефановскій передаетъ ее не въ такомъ видѣ, въ какомъ она

до царя, що винъ иде до його въ гости и жде витатысь зъ йимъ на симъ поли; а до Мазепы пославъ другыхъ, щобъ и винъ, и його козацтво икъ йому присталы иты вмисти на билого царя. Дакъ не такъ зробылось. Билый царъ позвавъ його въ друге мисце да й давъ йому и Мазепи табакы такъ, що не обзыраючысь насылу попалы у Бендеры. А якъ стоявъ винъ на тимъ поли, то жывъ тогди у Плоскому отаманъ Миръунъ Билыменко, чоловикъ сукретный и письменны. Въ його була дочка Катра, да така прегарна, така хороша, що якъ краля, якъ намульована. Самъ хорунжый хотивъ йийи сватать, якъ бы лыхо йийи не спиткало. Якъ заговорыть, дакъ мовъ щебече, а заспивае, дакъ пречъ твій и соловейко!

Отъ вона разъ изъ товарышкою своею, Фесею Шевченковою, пійшла въ гай за губамы. Де не возьмысь чотыры шведы! Заразъ йихъ поймалы, и такъ якъ Катра була прехороша, то вистымо, щобъ угодыть свойму старшому, повелы йийи въ шатеръ, а Фесю хотилы одпустыть. Дакъ Катра вчепылась за нейи и каже:

— Колы мене ведете, то ведить и мою товарышку.

Воны туды и Фесю. Продержалы йихъ у шатри може изъ тыждень. А батькы да маткы сумують, плачуть и не знають, де дивались йихъ дочкы. Колы жъ воны и прыходять. Пытають йихъ, а воны, вистымо, тее лыхо зъ ляку, давай брехать да божытця, що ходылы до родычивъ у Кукшынъ*) и Хотыновку въ гости. Ну, такъ йому и буть, да ни—шыла въ мешку не втайишъ! Все наши дивчата охкають да сумують, не ходять на улыцю, до храму Божого не витають и ховаютця одъ людей,

---

разсказывалась старожиломъ, а подѣлалъ нѣкоторыя свои измѣненія для плавности разсказа, въ чемъ и самъ признается. Впрочемъ редакція усердно благодаритъ его за этотъ памятникъ народности. *Прим. редактора Ч. Г. В.*

*) Сосѣднее селеніе. *Записыватель.*

мовъ зазуля по крапыви. Дакъ де вже сховатця! Стало гласно по всьому селу, де воны булы, (а парубкы, гуляючы на улыци, взялысь сміятця да гукать:

— Передай кодолу! (?)

Другый крычыть:

— Котору?

— Катру развору!

— Кому?

— Поганцямъ шведамъ!..

А инчи писеньку спивае:

Пошовъ Миръунъ до млына,
Мироныха спать лягла,
А Катруся—люба донька—
Къ шведамъ тягы дала.
Прылетила зузуленька
Да й стала коваты,—
Затужыла Катрусенька,
Не выходыть съ хаты.
Не плачъ, не плачъ, лебедыно,
Така твоя доля:
У гай иты за губамы
Була твоя воля.
Крыкнувъ пивень опивночи,
Въ поли завыхрило,—
То шведонькы въ походъ идуть—
Катри занудыло.
Прощай, прощай, Катрусенько,
Прощай, сира утко,
Изъ-за моря далекого
Шведъ вернеться хутко.
Ударылы изъ гарматы
На пилтавскимъ поли,
Полетилы зъ плечъ головы
Въ шведовъ по неволи.
Летыть гонець зъ пидъ Пилтавы,

На-взаводы скаче,
Що вси шведы леглы лоскомъ—
И Катруся плаче.
Плачъ, Катрусю, плачъ, небого,
Такъ тоби судылось;
Щобъ не вернувсь шведъ николы—
Тоби се й не снылось.

А ще гирше сталы говорыть да сміятця Катри и Феси, бо до году обыдви зробылысь накрытками. Феся жъ свою дытыну на роду утлуныла *), а Катра на свитъ Божи пустыла. И де то вже такее лыхо сховать!

Заразъ йихъ обохъ на громаду. Воны, ничого вже робыть, прызналысь де булы, що и якъ. Громада й прысудыла:

— На обохъ жывцемъ сорочкы спалыть!

А после того кажуть:

— Ни, Феську простыть, що вона на свитъ Божій поганойи кровы не пустыла, а Катру одвесты до отця батюшкы—яку винъ наложыть покуту, такъ тому и буть.

Отъ Миръунъ слухавъ, слухавъ да й каже:

— Ни, панове громадо, не такъ, а ось якъ буде: я цъойму дытяти батько,—моя сыла, моя й воля!

Прывъйивъ Катру додому, роспытавъ хорошенько—шо, де и якъ? а после взявъ заступъ да лопату и пошовъ на те мисце, де поганого старшого стоявъ шатеръ; выкопавъ яму да изновъ вернувсь додому, забравъ Катру зъ дытыною, прывъйивъ до ямы да й каже:

— Не спомынай же мене, моя дытыно, лыхымъ словомъ... оце тоби хата!

Катря въ голосъ, до Бога рукы знимае, за ногы батька хватае, крычыть и рветця, у груды бъетця, а Миръунъ ничого того не чуе, мовъ позакладало, да въ могылу йийи прямуе. Отъ, ставъ йийи закыдать землею,

---

*) Уморила. *Запис.*

дакъ неякъ не засыпле: усе Катра пудныметься вгору. Що робыть? Звисно, чортяка заразъ йому указавъ. Винъ вырубавъ колокъ, застругавъ його, ускочывъ у яму, убывъ той колокъ посередъ ямы, звязавъ Катри ногы й рукы да й прывъязавъ до колка. Оттутъ то Катри у ями и повернутця не можно. Засыпавъ йийи жывую зъ дытыною землею. И прышовъ додому опивночи, да хотивъ лягты спать. Отъ задремавъ... Якъ схопытця бура, якъ пудныметця выхоръ—хоромы трещать, двери въ синьцяхъ и въ хати росчынылысь, гремыть, реве, блыскавыця смалыть, а пидъ викнамы усе щось неначе тужыть да голосыть. Винъ—що робыть?—давай передъ образамы страсну свичку ставыть,—свичка тухне; давай хрестытця—хрестъ не кладетця; давай молытця—слова не промовыть...

Стало свитать... Винъ боржій до отця Ивана, все йому, якъ на папири росказавъ. Отець Иванъ, выслухавшы, йому и каже:

— Погано жъ ты, пане Мdroне, зробывъ; аже жъ не такымъ гришныкамъ, а ще гиршымъ, мылосердны Богъ прощае, а ты молодій людыни, свойій дытыни, не простывъ и дви души зъ свиту стребывъ. Воны не по свойій воли такій пидпалы доли, за сее тоби мій судъ такый: симъ литъ нема прычастя, симъ годъ у храми не бувать и хвалы Божойи не слухать, а въ Воскресеные (свѣтлый праздникъ) якъ уси мыряне будуть иты на всеношну до храму, то ты боржій бижы на ту яму, де закопавъ свою дытыну, и якъ почуешъ, що вона тоби скаже: «Воистыну воскресъ!» тогди й покути твойій конець. Богъ и я тебе прощаю.

И щожъ посли сього? Нашъ Мыръунъ не выжывъ и трохъ дней: бигавъ, гукавъ, сміявся, казывся да пидъ тыномъ звалывся и Богу духъ оддавъ...

Якъ бы да теперъ хто умеръ, то бъ полежавъ руськи мисець, выглядаючы станового да дожыдаючысь ликара, а то Мыроныха заразъ до пан-отця и дяка... Прыхо-

дять, зобралысь люде на похоронъ, кладуть його въ домовыну и понеслы, спиваючы *Святый Боже*...

День ангельски тогди бувъ: не було на неби и маленькойи хмаркы. Якъ прынеслы до ямы и сталы його упускать туды, — де не возьмысь хмара, насупыло, якъ ничъ, схопылась бура, выхоръ, выкынуло Мырона зъ домовыны и закотыло не знать куды. Гледять, ажъ у домовыни лежыть той колокъ и верьовка, що винъ прывъязувавъ дочку, якъ йійи закопувавъ. Оттутъ то уси полякалысь и розбиглысь—куды хто попавъ, тилькы отець Иванъ биля маръ усе хрыстытця да чытае: Святъ, Святъ, Святъ!..

На другый день Мыроныха поклыкала де-яку родню, бо зъ чужыхъ людей усякъ боявсь туды прыступыть,— знайшлы Мырона за повверствы одъ ямы: лежыть, чубъ стрымыть дыбомъ, зубы выскалывъ, очи вытрещывъ и чорны, якъ сажа. Изновъ уси полякалысь и не знають, що тутъ робыть, а после перехрестылысь, напылысь горилкы, якъ и теперъ водытця на похоронахъ, выкопалы коло його яму, положылы на дручче и внеслы зъ домовыною у яму. Сталы закыдать, дакъ нивидь щось стогне да тужыть. Прыслухаютця, ажъ мертвець зубамы скрыгоче и нимо мовляе:

— Просты мени, моя доню, простить уси, добри люде!

Що жъ после того? Якъ наложывъ отець-батюшка покуту на симъ литъ, то симъ годъ усе у тую ничъ, въ яку Миръунъ закопавъ дочку, пуднымалась велыка бура и выхоръ, и булы такійи смильчакы изъ паробкивъ, що якъ тилькы пудныметься бура, то ходылы на ту могылу, де Катра захована да ледви видтуля до дому допихалысь. Такъ усе за нымы щось вые, плаче, тужыть, а инколы крычыть: «Просты мини, мій тату, простить уси, добри люде!» Отъ, одъ тыхъ поръ и по сей день якъ началы, дакъ и началы те поле *Поганымъ* звать.

С. Плоское Нѣжинск. у. Черниг. губ. Записалъ священникъ Трифонъ Стефановскій въ 1856.

314. Могила Деречыха.

При истокахъ р. Удая, на границѣ Борзенскаго и Прилукскаго уѣздовъ, съ востока на западъ, вдоль южнаго возвышеннаго берега рѣки, идетъ рядъ холмовъ, между которыми мѣстное населеніе выдѣляетъ «могылу Деречыху», расположенную нѣсколько въ сторонѣ, еще далѣе на югъ. Деречыха—большая могила съ двумя глубокими котловинами посрединѣ. Вокругъ нея въ разныя стороны радіусомъ расходятся распаханные, но еще замѣтные валы. Вотъ какое преданіе сохранилось объ этой могилѣ въ с. Рожновкѣ, Борзенскаго у.

«На Деречыси, кажуть, жылы колысь шведы и велыку обиду робылы нашымъ людямъ: було поймають чоловика, закынуть у льохъ та й годують канхветамы та волоськымы орихамы, ажъ покы стане такый сытый, що урижъ пучкы, то й кровъ не йде; тоди заколють якъ кабана та й йидять. Мою бабу тежъ поймалы. Пишовъ дидъ изъ бабою, молодымы ще бувшы, на Удай по опенькы. А по Удаю тоди рослы гайи та лозы здорови. Бачыть дидъ, шо шведы наскочылы, пидирвавъ михъ та й сховавсь пидъ михъ. Баба и соби туды, дакъ дидъ: «Куды ты,—каже,—заберуть и тебе, й мене». Баба тилько закрыла дида, ажъ тутъ и шведы. И взялы йийи.

Дойшла чутка до гетьмана у Батуринъ, що шведы обыжають народъ. А винъ саме затіявъ війну велыку,—дакъ війська у його зовсимъ не було. Трохы зибравъ и хотивъ иты на шведивъ. А сынъ його каже:

— Пиду я, тату, прожену шведивъ.

— Э, молодый ще ты, сынку, гетьмануваты: одурять тебе шведы.

— Ни, не одурять.

— Ну, йды!

Отъ пидходыть гетьманенко до Деречыхы. Шведы выйшлы йому на зустричъ, просять до себе на родыны.

Винъ пишовъ до йихъ у замокъ. Справди: и жинка стогне, и дытына крычыть. Сталы його частувать, та й пиднеслы такого, що винъ тамъ и сконавъ. Выйшлы тоди шведы до козакивъ та й кажуть:

— Идить, люде добри, додому почеськи, бо вже вашъ гетьманенко на .... *) лежыть.

Козакы не вирять—якъ? що? Вынеслы йимъ шведы гетьманенка. Узялы його козакы та й повезлы у Батурынъ. Заплакавъ гетьманъ, поховавъ сына. А тутъ же війська нема! Отъ винъ зробывъ млынъ, до валу прывъязавъ довбешкы, попрычиплювавъ барабаны та й повизъ той млынъ до Деречыхы. Витеръ віе, барабаны пиднялы торохняву таку, що якъ зачулы шведы, то подумалы—хто його зна й яка до йихъ сыла прыступае—злякалысь та й втеклы ажъ за Чорне море.

В. Т. Андріевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ 70-лѣтняго козака Омелька Бондаря, въ 1898 г.

---

315. Ричка Роменъ.

Жыла соби одна удова козачка зъ сыномъ. Ничого на свити вона такъ не любыла, якъ свого сына; да й берегла вона його, якъ свое око. Однакъ, якъ вона за нымъ ны гледила,—не вберегла його, и винъ утонувъ у ричци Ромни. Маты, якъ почула се, давай тужыть; усе тужыть да й тужыть. Росердывшысь на ричку, вона узяла да й забыла тее жерело, видкиль вона текла, а дали узяла да й прокляла йийи. Отъ посли сього ричка й стала тее жъ болото. Якъ не стало ричкы, дакъ люде якыйись хотилы одбыть йийи, а маты сына, того, що утонувъ, сказала тымъ людямъ, що воны пропадуть, якъ

*) Слово не разобрано.

изроблють те, що думають, бо вода вырветьця и затопыть йихъ тамъ. Одъ тыхъ поръ нихто не смивъ и подумать, щобъ одбыть жерело.

С. Голенка Конотопск. у. Черниг. губ. М. Исаенко.

316. Г. Зиньковъ.

(Полтавск. губ.).

Жывъ чоловикъ Зинець тамъ, де теперъ кузни,—одъ його й прозвалось мисто Зиньковомъ.

Запись неизвѣстно чья.

XIII.

Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія.

317. Ракова скора работа.

Колысь ище, якъ дрижжи булы таки ридeньки, якъ водычка, такъ ракъ пишовъ по дрижжи и ходывъ симъ годъ. Отъ прыйшовъ винъ додому, ставъ черезъ поригъ перелазыть, упавъ и глечыкъ зъ дрижжамы розбывъ та й каже:

— Скора работа, такъ нагла смерть.

Записала Н. Г. въ Черниговск. у.

---

318. Про хлопця, що ничого не боявся.

Булы соби чоловикъ и жинка, и бувъ у йихъ такый сынъ, що ничого не боявся. Ходыть сынъ за батькомъ та усе й просыть:

— Тату, покажы мени, що воно за страхъ!

А дякъ почувъ та й каже:

— Хай же я його злякаю.

Попросывъ винъ того хлопця звоныть на утреню, а самъ упередъ злизъ на звоныцю, одягся у билу довгу сорочку, ростопырывъ рукы и стойить.

— А що се,—пытае хлопець,—стойить?

Дякъ мовчыть. Винъ у друге:

— Кажы, що стойить, а то штовхону!

Дякъ думае, що винъ злякаеться, и зновъ мовчыть. Тоди хлопець якъ штовхоне: дякъ и покотывся зъ звоныци, и зломывъ соби ногу. А сынъ зновъ прыстае до батька:

— Покажы, та й покажы той страхъ!

— Веды його,—кажуть люде,—у гай: тамъ высыть ажъ симъ висилныкивъ,—хай винъ йихъ стереже.

Одвивъ батько сына у гай. Розложывъ хлопець огонь, та й давай тыхъ висилныкивъ грить: зниме, погріе, та й зновъ повисыть.

— Ну,—пытають люде,—спужався?

— Ни,—каже,—не спужався: воны мовчалы, а я йихъ гривъ, та й зновъ вишавъ.

— Поведы ще його,—кажуть люде,—у тей домъ, що нихто не жыве.

Одвивъ батько сына туды у кимнаты, а у тыхъ кимнатахъ, та таке страхитте! Спершъ побачывъ хлопець багато голодныхъ котивъ, и давай воны його дряпать. Узявъ хлопець и поодрубувавъ йимъ лапы. А потимъ якъ почало тамъ стукотить та кыдать каминюкы,—и чого, чого винъ тилькы тамъ не бачывъ! Лигъ винъ на мъякый услонъ, и якъ почало його носыть по комнатахъ, та стукотыть, та гуде, а винъ лежыть соби и ничого не боиться. Такъ и переночувавъ.

Якый бы ще тоби страхъ показать?—думае батько. Отъ разъ хлопець заснувъ, а батько возьмы та й лыны на його видро холоднойи воды. Сынъ якъ схопыться, та такъ испужався. И съ того разу годи вже пытать, що то за страхъ.

Записала отъ крестьянъ с. Б. Муравейки. Черниг. у.
М. С. Чудновская.

———

319. Негода.

Одынъ чоловикъ заколовъ свыню та й ставъ обризувать сало, та де товще—само соби, а тонше—само соби, а жинка и каже:

— Чоловиче, на що це ты одкладаешъ?

А чоловикъ и каже:

— Та це тонше негоди, а товще намъ.

А жинка и пыта чоловика:

— А яка то негода?

А чоловикъ и каже:

— Та, шо въ сыньому халати, то й негода.

Ото чоловикъ пойихавъ на поле, а жинка була дома и дывыться, колы йде жинка въ сыньому халати по вулыци, а вона выбигла та й каже:

— Жинко, жинко! Иды сюды, нà сало!

А жинци шо жъ одказуваться? Ото прыйихавъ чоловикъ до дому та й каже:

— Изжарь сала!

А вона й каже:

— А-ге! Я оддала негоди.

Ото чоловикъ росердывся та й каже:

— Ну, ходимъ наздоганять!

Ото воны й побиглы... (Отрывокъ).

С. Исакова, Славяносербск. у. Екатеринославской губ.
Б. Д. Гринченко.

---

320. Нужда.

Жылы соби дидъ и баба. Дидъ и каже баби: «Збирай, бабо, гроши про нужду!» Стала баба одкладувать гроши и назбирала цилый рукавець.—Зайшовъ разъ до йихъ москаль,—дида не було дома. «Чого се ты такый обидраный?—пытае у москаля баба. «Охъ, бабка, нужда,—

потому и ободраный.»—«А у насъ,—каже,—е гроши про нужду.» Унесла вона той рукавець и оддала москалю. Трохы згодомъ прыходыть дидъ, вона йому и похвалылась, що уже оддала нужди гроши. Дидъ на коня, та за москалемъ. Бачыть москаль, що бида,—ставъ коло крывойи березы и держыть йийи рукамы. «Чы не бачывъ,—пытае дидъ,—нужды?»—«А ось тилькы що пройшла; подержы березы, а я заразъ на кони дожену.» Сивъ москаль на коня, та й бувъ такый.

Записала въ д. Гусавкѣ. черниг. у. отъ Адріана Мольки
М. С. Чудновская.

---

321. Маты зрадныця.

Жылы у лиси чоловикъ и жинка. Чоловикъ занедужавъ и вмеръ. Тоди жинка заховала його. И скоро у тіейи жинкы народылось двое дитей. И лежыть та жинка и дума: «Господы! хто мыни оцыхъ дитей охрысте, якъ я не знаю ни слободы, де вона есть, ни люде сюды не заходять,—хто мени йихъ перехрысте?» Колы дываться—иде двое: Святый Петро и Богъ. Перехрестылы: Святый Петро дивчынку, а Богъ хлопчыка; Святый Петро давъ имъя дивчынци Настя и ще давъ йий гребеныкъ и дныщечко. А Богъ давъ имъя тому хлопчыкови Петро и ще давъ жупанокъ и рушныцю. И той хлопчыкъ прегарный бувъ стрилець, такый, що якъ нацилывся, такъ и вбъе. А дивчынка якъ сяде було на дныщечко, такъ и зна, де що робыться. И той Петро було якъ пиде на охоту, набъе птыци, звиру всякого и назбиравъ стилькы шкуръ, що нигде йихъ диваты у хати вже. Ото одынъ разъ йидуть чумакы по шляху, а Петро и каже чумакамъ:

— Купить у мене шкуры!

А ти чумакы й кажуть:

— Де воны у його взялысь, ти шкуры?

А Петро й каже чумакамъ:

— Ось трошкы пидождить, я заразъ прынесу вамъ шкуръ.

Ото пишовъ Петро, прынисъ багато шкуръ, що стало уси возы понавалювать, ти люде тоди пойихалы, а Петро пишовъ додому. Прыйшовъ винъ додому и каже матери:

— Мамо, дывиться, мени чумакы далы грошей за шкуры.

Ото скилькы тамъ годъ промынуло. Петро усе бывъ зайцивъ, птыць, вовкивъ, лысыць, усе, усе. Одынъ разъ Петро пишовъ на охоту, а маты осталась дома. Колы це иде чоловикъ якыйсь, прыйшовъ у хату:

— Здрастуйте!

А маты каже:

— Здрастуйте!

Отъ, той чоловикъ и каже:

— Давай сына твого стребымо, а съ тобою будемо жыты.

И вподобався той чоловикъ матери, а то бувъ змій, и пытаеться вона:

— Якъ же його стребыты?

А той чоловикъ и каже:

— Якъ прыйде винъ изъ охоты, такъ ты прыстався, наче хвора и кажы:—Сынку, якъ бы ты мени прывизъ дыкойи поросятыны, то я бъ може одужала бъ.

Отъ, прыходе сынъ, змій заразъ пидъ кровать и сыдыть, а маты и прыставылась, наче хвора; сынъ пыта:

— Чого вы, мамо, хвори?

А маты й каже:

— Та хто його зна, чого я нездужаю; якъ бы ты мени, мій сыночку, пойихавъ та прывизъ дыкойи поросятыны.

Отъ, Петро узявъ свого коныка и пойихавъ, та

просто до сестры, (а сестру тоди уже замижъ оддалы). Отъ, прыйихавъ Петро до сестры и каже:

— Послала маты мене за дыкымъ поросямъ.

А сестра й каже:

— Ой, братику! У нашойи матери есть уже другый чоловикъ, такъ хотять тебе стребыть. (А вона така, що якъ сяде на дныщечко, такъ и зна, що и де робыться). А Петро й каже:

— Ни, нема, сестрычко, никого у хати.

Тоди й каже:

— На, братику, оцього мого коня, та гляды жъ ты мени, що я тоби буду казать: не беры одного поросяты, а то свыня якъ нажене, такъ иззисть, а хапай двое; якъ двое ухапышъ, такъ якъ бигтыме свыня, такъ ты одно кынешъ, а зъ однымъ прыбижышъ.

Отъ Петро пойихавъ. Прийиздыть, колы дывыться,— лежать поросята, а свыни не було, паслася десь. Отъ Петро ухопывъ двое поросятъ и подався. А свыня якъ почула, що хтось поросятъ забравъ, давай бигты, давай бигты,—отъ отъ нажене; а Петро узявъ и кынувъ одно порося, а зъ однымъ побигъ до сестры. Прыбигае до Насти, тоди Настя оставыла те порося, а свое дала. Тоди Петро пишовъ додому. Прыходыть додому, а той змій заразъ пидъ лижко, а маты на лижко и упъять хвора. Прийиздыть до матери Петро й дае порося. Маты його спекла, попойила трошкы й каже:

— Отъ, сыну, наче я трошкы одужала; тилько якъ бы ты, мій сыночку, ще доставъ дыкого яблука, то тоди бъ я, може, и одужала зовсимъ.

Треба тоди упъять йихаты Петрови. Переночувавъ винъ дома и пойихавъ упъять до сестры. Прыйиздыть винъ до сестры и каже:

— Упъять мене послала маты, щобъ я ище прывизъ яблукъ.

А сестра и каже:

— Гляды жъ мени, браткку, тамъ птыця изъ зализными носамы, такъ ты якъ будешъ рваты яблука, такъ не рвы одного, а рвы такъ, щобъ уси осыпалысь, бо якъ не попадають воны, такъ птыця тебе нажене и заклюе.

Тоди Петро узявъ коня йийи и пойихавъ.

Прыйиздыть Петро до тійи яблуни, дывыться, колы нема птыць; винъ ухопывъ одну, та якъ трусне, такъ и осыпалысь. Птыця до тыхъ яблукъ, почала збирать, а Петро уже втикъ далеко. Прыйиздыть винъ до Насти. Настя тоди узяла ти яблука, а свойихъ дала. Тоди Петро пойихавъ до матери. Прыйиздыть, оддавъ. Маты иззила, тоди и каже:

— Отъ, сыну, якъ иззила я оци яблука, такъ наче я не хворала.

Походыла такъ маты недиль тры, тоди Петро упъять и пыта:

— Чого вы, мамо, нездужаете?

— Та хто його знае, чого я нездужаю. Мабуть уже коса за плечыма. Якъ бы ты мени, сынку, прывизъ воды сцилющойи и жывущойи. Десь за тры-девъять земель въ иншимъ царстви есть така гора, що вона на одынъ часъ росходыться, и съ тійи горы льеться вода сцилюща й жывуща, — такъ ты мени прывезы тійи воды, може бъ я одужала тоди.

Пойихавъ Петро упъять до сестры и каже:

— Ну, сестро, упъять мене маты послала, щобъ я прынисъ воды сцилющойи и жывущойи.

Тоди сестра и каже братови:

— Ну, на, братику, тоби оцього коня (а той кинь бувъ такый, що пробига у часъ 400 верстовъ) та на ище тоби, братику, оцей глечычокъ, та гляды жъ мени, не жды, покы набереться повно, а то задаве гора.

Тоди Петро пойихавъ до тійи горы.

Прыйиздыть винъ до тійи горы, гора ище не росходылась; винъ пидождавъ, покы гора розійшлась.

Тилькы гора розійшлась, винъ заразъ туды,—колы дывыться, вода сцилюща й жывуща; винъ заразъ тоди пидставывъ кубушечку, и не набигла половынка, винъ заразъ и гайда назадъ. Бижыть винъ и бижыть, а та гора завдовшкы 400 верстовъ,—отъ уже й сходыться; винъ бижыть, ажъ пылява стовпомъ иде, насылу, насылу выскочывъ; тутъ заразъ и гора изійшлась.

Прыйиздыть винъ до сестры, сестра тоди узяла ту воду соби, а своейи дала. Тоди Петро пойихавъ до матери, оддавъ воду. Маты узяла ту воду и выпыла и наче уже зовсимъ одужала. Отъ маты и змій бачуть, що ничого не зроблять, то тоди уже и не посылалы никуды.

Петро що-дня ходывъ на охоту, бывъ звиривъ, птыць,—усе чысто. И той Петро якъ надине жупанокъ той, що Богъ йому давъ, такъ такый сыльный, що дубы ирве. Ото одынъ разъ той змій каже жинци:

— Ты ще спробуй такъ: якъ прыйде винъ зъ охоты, такъ ты кажы: сыночку мій, а ну давай, я въ тебе спробую сылу.

Та й навчывъ йійи, шо робыть. Отъ прыйшовъ Петро зъ охоты, а маты й каже сынови:

— А ну, дай я, сыночку, сылу твою спробую.

Винъ давъ. Маты умотала усього у дритъ, той якъ надувся, такъ и лопнуло. Тоди маты й каже:

— А ну бо, сынку, искынь жупанокъ.

А Петро тоди й каже:

— Та ни, мамо, не треба скыдать.

А маты:

— Та скынь бо, сыночку, я спробую сылку.

Отъ винъ тоди скынувъ, маты умотала його шовкомъ,—отъ винъ якъ надувся—не перервавъ. Колы дывыться Петро, лизе съ пидъ кровати такый мацапура,—надивъ заразъ жупанокъ, а тоди каже:

— А ну, давай теперъ быться!

Тоди винъ заразъ убывъ Петра, порубавъ на шмат-

кы, прывъязавъ до коня и пустывъ. А той кинь побигъ та просто до сестры. Сестра побачыла, що братъ убытый та заразъ до його:

—Охъ, мій братику! Я жъ тоби казала тоди, що убъють, а ты мени не вирывъ.

Узяла його тоди сестра, збрызнула водою сцилющою, винъ исцилывся; збрызнула вона водою жывущою, винъ ожывъ. Тоди уставъ и каже:

— А й заснувъ я крипко!

А сестра й каже:

— Заснувъ бы ты навикы, якъ бы не я.

Тоди Петро зостався жыты въ сестры, и жывъ винъ у нейи годъ девъять. Разъ сестра й каже:

— Оце, братику, зробысь ятлыкомъ, полеты до йихъ у садокъ, — воны теперъ тамъ гуляють, такъ ты прылеты та такъ наче смырною птычкою.

Отъ винъ перекынувся птычкою и полетивъ. Прылетивъ винъ и сивъ биля йихъ, а въ йихъ була вже дытына. Отъ маты й каже:

— А ну, старенькый, піймай оту птычку дытыни.

А та птычка узяла й сила на дереви. Винъ полизъ за нею на дерево, а жинка каже:

— Та скынь бо, старый, жупанокъ, а то порвешъ.

Отъ винъ искынувъ, а птычка усе выще, а винъ за нею. Доманывъ його ажъ на самисинькый верхъ дерева ятлыкъ, а тоди пурхъ на нызъ та перевернувся та й зробывся чоловикомъ, ухватывъ жупанокъ, надивъ, а тоди каже:

— А ну, излазь сюды!

Винъ злизъ, а Петро тутъ заразъ и зарубавъ його. Тоди матиръ узявъ до сестры, и жывуть пожываютъ та добра нажывають.

Славяносербскій у. Екатериносл. губ. записалъ Б. Д. Гринченко.

Въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1858, № 21, стр. 161—162) напечатанъ слѣдующій варіантъ этой сказки, записанный С. Д. Носомъ.

Якъ бувъ соби дидъ та баба; дождалы соби дочку и сына. Умеръ батько и маты, довелося йимъ—нигде жыть. Отъ воны узялы и пишлы зъ свого дому:

— Ходимъ, сестро, на заробиткы!

Идуть та йдуть, колы стойить хата у гайи; воны тамъ сталы жыть. Жывуть та й жывуть, дакъ до тоейи сестры и парубка унадывся змій. Теперъ воны жывуть та й жывуть, хочуть брата зъ зміемъ зъ свита згубыть. Отъ:

— Якъ його,—каже змій,—зъ свита згубыть?

Сестра и каже:

— Послать його заячого молока достать, такъ його зайци зйидять.

Прыйшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала зайчыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановычъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшъ того, що по охоти!

— Дамъ тоби молока, а старшого сына на послугу.

Прынисъ те молоко, оддавъ сестри, вона взяла, на черинь высыпала та й каже:

— Не помогаеться! Иды,—каже,—лысычого молока достань!

Прыйшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала лысыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановычъ, чы по воли, чы по неволи?

— Бильшъ того, що по охоти: забажала сестра вашого покорму.

— Дамъ я тоби покорму, а старшого сына на послугу.

Винъ прыйшовъ, загнавъ ту лысыцю зъ зайцемъ у хливъ, прынисъ молоко. Вона вылыла на черинь, каже:

— Не помоглося! Пиды лучче вовчого прынесы!

Винъ прыйшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала вовчыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановычъ, требуешъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшъ того, що по охоти: забажалось сестри вашого покорму!

— Дамъ я тоби покорму, а старшого сына на послугу.

Винъ узявъ, прынисъ те молоко, вовка загнавъ у хливъ. Вылыла вона й те на черинь:

— Не помоглось! Пійды,—каже,—ведмежого достань!

Прыйшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала ведмедыха выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановычъ, требуешъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшъ того, що по охоти.

— Дамъ я тоби покорму и старшого сына на послугу.

Винъ прынисъ те молоко, оддавъ, загнавъ ведмедя въ хливъ. Вона вылыла на черинь, каже:

— Пійды, левового достань молока!

Прыйшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала левчыха выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановычъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшъ того, що по охоти: забажала сестра вашого покорму.

— Дамъ я тоби покорму, старшого сына на послугу.

Прынисъ, оддавъ йій. Вона вылыла на черинь:

— Не помоглося! Пійды,—каже,—достань млынця того, що на мори машына стойить, що самъ и мелеться, и мисыться, и самъ выкыдаеться, и въ тій машыни дванадцятеро дверей.

Винъ пишовъ зъ тымы хортамы, ускочывъ у машыну, ухватывъ млынець, оглянеться, ажъ хорты осталыся тамъ, у тій машыни.

Ото йде, а сорока билобока летыть:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твойи хорты двое дверей прогрызлы!.. Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ, уже твойи хорты четверо дверей прогрызлы! Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ, уже твойи хорты

шестеро дверей прогрызлы!.. Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твойи хорты восьмеро дверей прогрызлы!..

Летыть та й летыть сорока:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твойи хорты десятеро дверей прогрызлы!..

Изнову летыть сорока билобока:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твойи хорты одынадцяти двери прогрызлы!..

Прыйшовъ додому, прынисъ млынця. Загадала йому сестра окропы грить, ножи гострыть. Сорока билобока каже:

— Клады, Иванъ Ивановычъ, мокрець (мокрыйи дрова, щобъ не швыдко горило).

Знову каже:

— Клады, Иванъ Ивановычъ, сухыйи дрова (що хорты бижать).

Кыплять окропы, ото вже його зовсимъ ризать.

— Пождить,—каже,—пiйду на дуба свысну!

Винъ свыснувъ,—бижать хорты. Хорты попрыбигалы, излизъ изъ дуба, увiйшовъ у хату, хорты за нымъ повбигалы и полягалы пидъ лавою; отъ-отъ вже зовсимъ, вже його рубать, то й каже на хортивъ:

— Беры, левко!

Той якъ ухватывъ змiя, дакъ такъ и рознисъ його. Тыйи кынулысь, дакъ и ничого. Такъ винъ узявъ сестру, у погребъ заперъ и сказавъ йiй:

— Наплачъ бочку слизъ, тогди выпущу!

Вона плакала, плакала, да тамъ и зотрухла. Той братъ узявъ ружья да зъ тымы хортамы и пишовъ у лисъ.

322. Про хлопчика Покотыгорошка.

Жылы собѣ дѣдъ де баба, не було въ ихъ дѣтей. Ены хоть старые уже були, но скучали сами жить на свѣти. Вотъ начали ены хадить до ворожокъ, щобъ ены

посовѣтовали имъ еке нибудь средство, щобъ и у ихъ було дитя. Вотъ разъ дѣдъ и каже своей бабы:

— Хадемъ, бабо, ще куда нибудь до ворожки.

Приходять до ворожки въ другее село. Вотъ ворожка имъ и каже:

— Здѣлайте вы такъ: екъ знесе курка ейцо, то возмите его завертѣте въ тряпку и положите его въ печерку и ней лежить въ печеркѣ да тыхъ поръ, закуль родица изъ его мальчикъ Покоти-Горошко.

Вотъ дѣдъ зъ бабою заплатили ворожкѣ що слѣдувало и пошли додому. Приходять додому, живуть день, живуть други,—курка не нéсе ейца. Вотъ дѣдъ и каже своей бабы:

— Бачъ, пене бабо, екіе мы щасливые, що вотъ и курка наче знае,—не несе ейца.

Ажъ отъ посли того, екъ сходивъ дѣдъ до ворожки, пройшло десеть дней,—знесла курка имъ ейцо. Израдувалисе, завернули ейцо въ тряпку и положили его въ печерку. Ждуть дѣдъ да баба собѣ дитяти и ніякъ не дождуца.

Вотъ вишло петнадцать недѣль послѣ того, екъ положили ены ейцо въ печерку, ажъ отъ проявивсе мальчикъ Покоти-Горошко. Израдувалисе дѣдъ да баба. Вотъ живуть ены, ніякъ не налюбуюца на его. Вотъ разъ дѣдъ поѣхавъ орать на поле, а на бабу каже:

— А ты, бабо, принеси минѣ обѣдать.

Такъ поѣхавъ дѣдъ орать. Вотъ орае дѣдъ утро, а баба готовица нести обѣдать. Вотъ сынокъ ее каже:

— Понесу, мамо, и я съ тобою обѣдать.

А баба каже:

— Якъ же тобѣ, мой сынокъ, нести обѣдать, що ты совсѣмъ маленечки.

— Дарма, пене мамо, що я маленьки. Я буду съ тобою ити.

Баба каже:

— Ну, понесемъ.

Собралисе и понесли обѣдать. Несуть обѣдать, и баба ніякъ не надивуеца на свого сынка. Принесли ены дѣду обѣдать.

Вотъ хлопчикъ и каже:

— Давай, тато, я буду орать, а ты иди обѣдай.

Дѣдъ каже:

— Якъ же ты будешъ орать, що ты не достанешъ и за соху держать?

А енъ каже:

— Дарма, пене тато, що не достану за милицу, я и такъ буду орать.

Вотъ дѣдъ и каже:

— Ну, ори!

Вотъ малчикъ сѣвъ волу на роги и оре, покрикуеть на ихъ, а дѣдъ пошовъ обѣдать.

Вотъ ѣде въ те времъе дорогою панъ и чуе, що хтось ле воловъ и кричить, и волы ходять съ сохою якъ слѣдуе. Вотъ панъ и питае у дѣда:

— Хто се у тебе воре? И нема никого ле воловъ, а хтось кричить.

Дѣдъ каже:

— А се у мене есть таки малчикъ, що седить у вола на рогахъ и воре собѣ.

Вотъ пану завидно стало на такого малчика, вотъ енъ каже дѣду:

— Продай минѣ сего мальчика.

А дѣдъ и самъ радъ, що дождавъ малчика:

— Нѣтъ, баринъ, я сего малчика не продамъ, енъ минѣ самому годящи.

А малчикъ подбѣгъ къ дѣду да и каже тихенько:

— Продавай минѣ, тато, я утеку отъ пана.

Вотъ мужикъ тоды и согласивсе продать малчика Вонъ панъ давъ мужику тимало грошей за малчика, забравъ малчика и поѣхавъ домой. Вотъ привозить панъ додому малчика и каже:

— Погледи, барине, екого я малчика привезъ.

Барине погледѣла на малчика да екъ закричить:

— На що ты его привезъ, щобъ минѣ покою не дававъ?

Панъ и каже:

— Ты не гледи, що енъ маленьки, а енъ уже и орать умѣе.

Барине каже:

— Якъ же енъ воре—таки маленьки? Енъ не достане и за соху держаца.

— А енъ сяде волу на голову де воре.

Вотъ живе малчикъ у пана день, живе други, а потомъ разъ урани вставъ, подъѣвъ хорошенько да пошовъ домовъ до свого батька. Пришовъ малчикъ додому, дѣдъ израдувавсе, що малчикъ утёкъ одъ пана.

Повставали панъ исъ панею, челядки приготовили имъ обѣдать. Вотъ барине и зове малчика обѣдать, ажъ его уже и въ дому нема. Побѣдкалисе паны, да нечего дѣлать... А потомъ панъ разъ и каже своей баринѣ:

— Се нашъ малчикъ видно утёкъ до свого батька.

Барине и каже пану:

— Дакъ ты коли нибудь ѣдь, забери його опять къ собѣ.

Вотъ панъ запрогъ коней и поѣхали съ челядникомъ въ те село, де живъ малчиковъ батько. Пріѣхали къ тему дѣду, що панъ купивъ у его малчыка, ажъ малчыкъ гуляетъ по двору. Вотъ увишевъ въ дворъ панъ, а малчикъ сейчасъ побѣгъ у хату и сказавъ батьку, що пріѣхавъ панъ. Вотъ мужикъ виходивъ на встрѣчу пану. Панъ якъ стрѣвъ мужика, такъ начавъ питать у его, ти не втёкъ малчикъ къ ему. Мужикъ каже:

— Хоть и втьокъ, дакъ я тобѣ вже не дамъ малчика.

Дакъ панъ тоды и каже:

— Якъ же минѣ не даси малчика? Я жъ тобѣ гроши заплативъ за его.

Мужикъ каже:

— Заплативъ, дакъ було берегти, щобъ не втёкъ.

Ажъ отъ входить и малчикъ до пана. Дакъ панъ и питае у малчика:

— Чего малчикъ, отъ мене втьокъ?

А малчикъ каже:

— Въ тебе я не хочу жить. У тебе нечимъ орать, а я гулять не хочу.

Вотъ мужикъ и каже пану:

— Ну, забери малчика, де больше не пускай, щобъ не втёкъ.

Вотъ панъ забравъ малчика и поѣхали додому. Прывезъ малчика додому да тоды и каже:

— Ну, теперъ уже не втечешъ.

А малчикъ каже:

— Нѣ, екъ захочу, то изновъ утеку.

Панъ каже:

— Нѣ, вже будешъ въ одной комлати проживать.

— Дакъ що, що въ одной хати? Я у вокно утеку.

Вотъ панъ тоды росердывсе на мальчика да и каже:

— Я тебе зарубаю, екъ будешъ лѣзти въ вокно.

Вотъ малчикъ надумавсе: подожди, я тебе обманю опять. Вотъ разъ гулявъ малчикъ на городи и найшовъ тамъ екусь костку изъ коня и забравъ зъ собою. Принесъ додому, положивъ въ ту комлату, де начовавъ съ паномъ. Дождавсе малчикъ вечера и ввечери и каже пану:

— Вотъ я екъ захочу, то я и сю ночъ утеку.

А панъ самъ собѣ и думае: погуляй же, я тебѣ шаблею голову отсѣку. Вотъ часовъ у десеть вечера полегли панъ съ малчикомъ спать. Вотъ малчикъ собѣ не спить, не спить да думае: якъ бы утекти? Отъ а панъ ставъ тихенько съ постели, взявъ шаблю, пошовъ на дворъ и сѣвъ подъ вокномъ съ шаблею. Вотъ малчикъ уже знае, що панъ его стереже подъ вокномъ. Вотъ

малчикъ взявъ костку и ладица, якъ бы утекти. Придививсе тихенько, подъ екимъ вокномъ стоявъ панъ съ шаблею. Вотъ малчикъ взявъ костку де попередъ посунувъ ее въ окно. Вотъ пану думалосе, що се мальчикъ у вокно лѣзе, дакъ панъ тоды екъ сѣконувъ костку шаблею, дакъ и пересекъ пополамъ, де тоды и кричить:

— Барине, неси свѣтло, я уже малчика зарубавъ.

А малчикъ тоды вылѣзъ въ вокно да и пошовъ додому. Принесла барине свѣтло, розгледилисе ены, ажъ то панъ не малчика пересекъ, а костку. Малчикъ тоды живе собѣ зъ батькомъ да зъ маткою, живуть и красуюца.

Записалъ Яковъ Бондаренко, кр. с. Деревины Городницкаго у. Сообщилъ В. Т. Андріевскій.

---

323. Про багатого купця дочку.

У одного купця було трое дитей: два сыны и одна дочка; снивъ винъ оставывъ дома торговать, а дочку оддавъ учыться до одного далекого попа; а у того попа учылось багато дивчатокъ, тилько красывишойи одъ дочкы того купця не було. Учылась купцивна у того попа тры годы, вела себе чесно и розумно. Тилько той пипъ бувъ ще молодый и задумавъ прызвесты на безумъе ту купцивну, а вона на те не согласылась; пипъ дуже росердывся на нейи и напысавъ йийи батьку, що дочка його не учыться, а балуеться и робыть негарно. Гирко було сее чуты батьку, дуже винъ росердывся и прыказавъ своймъ сынамъ пойихать до дочкы и одризать йий голову, вынять изъ нейи серце и його йому, купцю, прывезты, а тило щобъ спалылы на огни и попелъ пустылы на воду. Сыны пойихалы до своейи сестры и чуть тилько уйихалы до попа у двиръ, якъ йихъ стрила сестра, зрадила здорово

такъ, що не знала, що и сказать йимъ одъ радосты. Браты тежъ порадилы побачывшы сестру, прызналысь йій, чого прыйихалы, потимъ заризалы собаку, вынялы зъ його серце и те серце повезлы до батька, а сестру оставылы жыву. Зажурылась та купцивна и пошла у лиса да горы и тамъ ходыла ажъ симъ годивъ. Ходыть соби та й ходыть, йисть кориння, а сама хороша, хороша. На сьомый годъ стричае йійи охотныкъ—купець; роспытавъ йійи и взявъ соби йійи за жинку. Пойиде було сей купець за моря за товаромъ и прыйихавшы росказуе, що бачывъ тамъ, що чувъ. По росказкамъ догадалась вона, що винъ бувае у йійи батька. Черезъ скилько то годывъ той купець заболивъ, а треба було йихать за товаромъ. Отъ винъ и пославъ свою жинку изъ кумомъ за море. У йихъ уже була и дытынка. Пойихалы воны кораблемъ. Кумъ захотивъ прызвесты на безумъе купчыху и ставъ йійи пидговарувать, тилько вона не согласылась. Кумъ росердывся и вкынувъ йійи дытынку у море, а потимъ укынувъ и йійи. Дытынка потонула, а вона выплыла на берегъ и пошла у той городъ, де жывъ йійи батько. Прышла до батька и нанялась до його. Ни батько, ни браты йійи не позналы. Годивъ черезъ тры, або чотыри прыйизжае туда до батька и йійи чоловикъ. Батько и пытае його, чого довго не бувъ? Той росказавъ свое горе, що винъ заболивъ, пославъ за товаромъ свою жинку зъ кумомъ. Дорогою дытына умерла, а жинка його зъ гора утопылась у мори. Слухае йихъ мову наймычка, бачыть, що нихто йійи не познае и говорыть тоди все те надогадъ, що зъ нею було ще змалечку и до того, якъ вона наймычкою стала. Догадався тоди старый купець, що сяя наймычка—його ридна дочка, а молодого купця жинка. Зрадилы вси, що вона жыва и здорова. Молодый купець узявъ йійи съ собою и, прыйихавшы додому, одризавъ голову тому паганючому куму.

От грамотнаго крест. Гавріила Вѣрича въ селѣ Русановѣ, Остерскаго уѣзда Черниг. губ., записалъ И. Е. Коновалъ.

———

324. Шептуха.

Була соби стара баба и така вона була вбога. Отъ пишла вона до батюшкы та й пытаеться, шо йий робыть, шо вона своейи души не прогодуе, бо сама вона не здужае робыть, а люде не дають. Отъ батюшка йий и каже:

— Ты окажысь шепетухою.

Вона й пытаеться въ його:

— А якъ же мени, батюшко, казать?

— Ты,—каже,—кажы: я баба шепетуха одъ святого духа: якъ я пры тоби, такъ и духъ у тоби, а якъ я одъ тебе, такъ и духъ изъ тебе.

Отъ та баба и оказалась шепетухою, и вси йий несуть и везуть, и стала вона багатою. Теперкы у батюшкы у горли зробывся нарывъ, винъ забувъ, шо винъ ту бабу вчывъ, та й поклыкавъ йийи до себе. Отъ вона й стала йому шептать, винъ и пытаеться:

— Якъ же ты кажешъ?

Вона каже:

— Я баба шепетуха одъ святого духа: якъ я пры тоби, такъ и духъ у тоби, а якъ я одъ тебе такъ и духъ изъ тебе.

Батюшка зареготався, нарывъ прорвався, и батюшка одужавъ.

Черниговскій уѣздъ. Записала Н. Г.

---

325. Бачылы очи, що купувалы.

Чоловикъ мавъ тилькы одну копійку; ходыть винъ по базару, выбирае, щобъ його купыть. Побачывъ хринъ. Пытае, килькы стойить. «Возьмы,—каже передерійка,—за копійку.» Узявъ, ставъ йисты—не йисться: гиркый, сльозы

йдуть. «Ни,—каже,—плачте скилькы хочете, а йижте, хочъ повылазьте: бачылы очи, що куповалы.»

Записала отъ Орины Непомнящей, въ с. Выбляхъ Черн. у. М. С. Чудновская.

---

326. Кавунъ-Рябчыкъ.

Насадывъ чоловикъ баштанъ. Добре вродылы кавуны. Бильшъ усихъ бувъ одынъ рябый кавунъ, котрого хазяйинъ дуже кохавъ и прозвавъ «рябчыкомъ». Кавуны поспилы; хазяйинъ наклавъ визъ добрыхъ кавунивъ, зверху положывъ «рябчыка» и повизъ на продажъ. Йиде соби и курыть люльку, замыслывшысь. Коло дорогы була могыла, на котрій поросла гарна травыця. Волы звернулы до могылы попастысь, и хазяйинъ тоди огледивсь, якъ воны вже зйихалы на могылу. «Цабе! цабе!» крычыть... Але вже було пизно. Визъ пійшовъ шкаребертъ, и кавуны покотылысь зъ горы на дорогу. Самъ хазяйинъ тежъ полетивъ зъ воза, але не пускае люлькы зъ зубивъ; дывыться, якъ кавуны котяться, да й каже: «А рябчыкъ усихъ попереджа».

Борзенскій у. Г. В. Дорошенко.

---

327. Смерти спужалась.

Одна жинка мала чоловика пъяныцю и усе просыла соби у Бога смерты. Якъ пryде було чоловикъ изъ шынку, та почне йийи быть та нивечыть, то вона:

— А, Господы, пошлы мени скорищъ смерть!

И почувъ сее москаль, що стоявъ у йихъ на кватери. Піймавъ винъ индыка, обскубъ пире, и якъ пъяный чоловикъ, попобывшы жинку, захрьопъ, а жинка стала прычытать: «А, Господы, пошлы мени скорищъ смерть!»— москаль упустывъ у хату индыка та й каже:

— Молодка, вотъ смерть за тобой идьотъ.

Молодыця тоди якъ кынеться, та якъ закрычыть:
— До чоловика иды, смерть, до чоловика!

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ульяны Килочицкой
М. С. Чудновская.

---

328. Скупый чоловикъ.

Одынъ чоловикъ та загубывъ у лиси кобылу. Блукае винъ по лисови, шарыть кобылы, бидкаеться й за ушыма шкребе, а нигде не знайде—мовъ кризъ землю провалылась. Отъ ставъ винъ, здійнявъ шапку, утеръ питъ та й каже:

— Господы! Якъ бы мени оце знайты кобылу, то купывъ бы на цилого пивкарбованця воскову свичку до божого дому.

Не встыгъ чоловикъ останнихъ сливъ сказаты, колы кобыла якъ заирже на ввесь лисъ. Вдарывъ винъ по кышени рукою та й каже:

— Отъ слава Богу, и полтынныкъ не пропавъ!

В. Ф. Степаненко, въ с. Полствинѣ Каневск. у.

---

329. Дрова.

— Отъ, кумочко, яки въ васъ дрова: повну пичъ наклалы и вси горять, та ще й якъ жарко. А въ мене таки пр́окляти, що однымъ-одне полинце положу, та й те не горыть.

Записала М. Н. Гринченко.

---

330. Розмова.

Два селяныны йидучы на волахъ зустрилыся въ

степу пидъ хуртовыну:

— Здоровъ будь!
— Здоровъ!
— Ты видкиля?
— Хто, я?
— Э-жъ!
— А ты видкиля?
— Хто, я?
— Э!
— Я зъ Чепеля.
— О, ба—и я видтиля.
— Хто жъ ты такый?
— Хто, я?
— Э-жъ?
— А ты хто?
— Я?
— Э!
— Я Чепеливъ сынъ.
— О, ба, а я його зять.
— Тпру! Закурымъ!

В. Ф. Степаненко, въ с. Полствинѣ Кіевской губ.

---

331. Добре, та не дуже.

— Здоровъ!
— Здоровъ!
— А що нового?
— Ничого; шага тилькы знайшовъ.
— Це добре.
— Не дуже то й добре, бо щербатый.
— Це погано.
— Не дуже то й погано; бо хоча й щербатый, а мирку гороху за його купывъ.
— Це добре.

— Не дуже то й добре, бо зъ чёрвоточыною.

— Це погано.

— Не дуже то й погано, бо хочъ зъ червоточыною, а свыню цымъ горохомъ выгодувавъ.

— Це добре.

— Не дуже то й добре, бо вовкъ свыню вкравъ.

— Це погано.

— Не дуже то й погано, бо я вовка вбывъ.

— Це добре.

— Не дуже то й добре, бо панъ шкуру виднявъ.

Г. В. Дорошенко въ Борзенскомъ у. Черниг. губ. 1897.

---

332. Чого хоче.

— На̀ шага.

— Не що.

— На̀ два.

— Не бачу.

— На̀ тры.

— У торбу пры!

333. Нисенитныця.

То жъ бувъ я колысь поганымъ хазяйиномъ и було въ мене худобы стара собака та коза та кобыла, що якъ положышъ два мишкы, до зъ горы ще й бижыть. То жъ пойихавъ я у биръ по хмызъ. Дывлюсь—велычезна купа хмызу, а зъ нейи злетивъ здоровенный ведмидь. Я туды—ажъ тамъ дванадцятеро яець. Давай я ти яйця на визъ котыть. Котывъ-котывъ, одынадцятеро скотывъ, а дванадцяте не мистыться. Я тоди йихъ уси въ шапку. Набравъ хмызу та й додому. Прыйиждждаю, ажъ моя свыня заквоктала. Я ти яйця пидъ комору, и высе-

дила мени свыня дванадцять паръ воливъ якъ соколивъ.

Треба, думаю, погоныча наймать; колы дывлюсь—у мене батько родывся, а дида ще й на свити не було. Пойихалы мы зъ батькомъ ораты. Оралы, оралы, а дели якъ нападе на волы опадь—уси до одного повыздыхалы. Що тутъ його робыть? А тутъ поля-поля,—дакъ и окомъ не скынешъ: усе те мисце, де собака качався та одъ мухъ одганявся. То жъ мени батько й рае:

— Не беры ты кобылы, а нумо мы ораты козою та собакою.

Запряглы мы козу въ соху, а собаку вперидъ. Собака лягла, а коза бойиться йты. Що тутъ робыть? Отъ батько й прыдумавъ: «Запряжемъ козу вперидъ, а позадъ, у саму соху, собаку». Запряглы та ще й шматокъ хлиба на рогы кози прывъязалы. Собака за хлибомъ, а коза на втьокы. Батько бижыть та поганяе, а я навскачъ за сохою. Тры дни бигалы якъ непрыкаяни, та такы выоралы поле. Сталы оддыхать. Дывымось—дровъ нема, та й сокыры забулысь. Малый батько якъ насыплеться на мене! Лаявъ, лаявъ та й пославъ по сокыру ажъ додому. Йиду я, йиду, прыйихавъ до ричкы: нема броду, а тутъ и перевозу не дають. А йисты хочеться и не прыведы, Господы! Дывлюсь я—верба, а въ тій верби щось пыщыть. Прыслухаюсь—ажъ то жарени курчата. Я въ дупельце, а воно манюсеньке-манюсеньке. Я туды пальцемъ—не лизе; я руку—не потовпыться. Я розигнався та й ускочывъ у дупло. Найився, назадъ треба лизты—не можна: розйився та потовщавъ, до й не вылизу вже. Що тутъ його почать? Побигъ я додому, ухопывъ сокыру, прорубавъ дупельце, вылизъ та й пойихавъ за тымъ, за чымъ батько пославъ. Вертаюсь на поле—запхнувъ сокыру за поясъ. Моя кобылка тюпъ-тюпъ, а сокырка йийи по спыни цюкъ-цюкъ! Ото прыйихалы до воды, ставъ я кобылку пойить. Пъе моя кобыла, пъе,—ніякъ не напъеться. Що воно таке? Оглянувся назадъ—ажъ у мойи кобылы заду нема: одрубала сокыра. Верта-

юсь я назадъ, дывлюсь—ажъ задъ пасеться. Облупывъ я вербу, сшывъ лыкомъ задъ исъ передомъ и пойихавъ. Йиду, йиду, колы моя кобыла стала. Я йійи пугою, я йійи пугивъямъ—не йде. Оглянувся, ажъ изъ лыка выросла верба, вчепылася въ небо, та й нема намъ съ кобылою ходу. Полизъ я обрубать щытъ. Ставъ обрубувать гилля та якъ зацижу у небо—такъ дирку й прорубавъ. Излизъ на небо:—товару тамъ, товару—и окомъ не скынешъ. Пытаю у пастуха: «Що вы зъ цымъ скотомъ робыте?» – Э,—кае,—мы його на комари та мошкы миняемъ. Бачъ, у пекло багато сьойи пакосты треба, такъ отъ и прыходыться минять.—Злизъ я та въ болото. Наловывъ цилый кившъ и хутній на небо. Наминявъ добру отару—до диркы, а вербы пидъ диркою чортмае. Моя кобылка попасалась, попасалась та й одыйшла. Я й туды, я й сюды—нема ходу. Ото лыхо! Узявъ я вола, зачепывъ рогамы за небо, узявъ я другого та прывъязавъ до хвоста першому та й пойшовъ изъ скоту верьовку плесты. Усихъ воливъ упливъ, спустывъ той канатъ зъ неба—лизу та лизу,—до кинця долизъ, а до земли ще далеко. Я хутенько до неба, канатъ одъ неба одирвавъ, а внызу на пальци повисывъ. Отъ-отъ земля! Якъ издыйметься жъ витеръ, якъ розгойдае мене зъ воламы—литаю я одъ Одесу та ажъ до Беремецького *). Обирвався та въ болото по самисиньки уши. Сыжу та горюю. А тутъ гемоньска чапля на голови кубло мостыть. Терпивъ я, терпивъ, а тутъ и терплячкы не хватае. Колы це унадывсь вовкъ чаплыны яйця йисты. Прыходыть винъ одного разу, а я за хвистъ: «Тю!» крычу. Вовкъ якъ рвонеться та й вытягъ мене зъ болота.

Прыхожу додому, ажъ тамъ гульня. Пытаю: «Що це таке?» —Э,—кажуть,—у тебе дидъ найшовся!—Роска-

---

*) Беремецьке—хуторець биля оповидачового села.

завъ я йимъ усе, що було. Дидъ якъ учувъ це, та схопыться съ колыскы та за чуба мене! «А чому ты,—каэ,—сучый сыну, не прывъязавъ кобылы?» Бый, думаю соби, бый, це жъ на те ты й дидъ! А батько й каже: «Иды жъ да гостей на хрыстыны зовы. Та щобъ бильше назбирать, до ты одну хату мыны, а въ другу не йды, одну хату мыны, а въ другу не йды». Сталы мы частуваты гостей: у безодній бочци горилкы прынеслы, у безбоки барыла розлывалы, а недовбанымъ ковшемъ обносылы.

Писля хрестынъ давай мы за хазяйство браться. На тимъ поли, що козою та собакою оралы, уродыло такого проса, що й чысла нема. Пойшовъ я одтыкать тійи копы: «Це чуже, це не наше; це чуже, це не наше». Наодтыкавъ такого, що й страхъ.

Давай мы радыться, куды його складать. У клуни? Не зложышъ. У скырты?—погные. Дакъ уже дидъ старою головою, спасыби йому, надумався: зибравъ полукопкы въ рукавець та на коменъ. И просторо та й сушка жъ не абы яка.

Багато було бъ корысты съ поля, та десь не судывъ Богъ розбагатить намъ. Унадылысь вражи мыши та й точять пашню. Надумалысь мы одъ мышей кота посадыть. Сыдыть китъ у горшкахъ та въ макитрахъ. Якась мышка—шкрябъ, шкрябъ! Китъ туды та штовхнувъ наше просо, а воно зъ комена та въ помыйныцю! Отакъ и розвіялось наше хазяйство прахомъ!

С. Евминка Остерскаго у. Г. С. Неводовскій.

---

334. Нисенитныця 2.

То жъ пойшовъ я ходыть по базару. А въ мене грошей була одна дурна копійка. Отъ выбиравъ, выбиравъ я соби товару та й купывъ кручене дурне порося. Збираю колійивъ. Колють колійи те порося—не зако-

люто,—уже зъ десятокъ голокъ поламалы. Де не взявся добрый чоловикъ—однымъ ножемъ одразу заколовъ. Бачу я: треба порося пекты. Укутавъ я його кожухамы та въ холодну нетоплену пичъ—хай, думаю, упріе; а самъ пойшовъ у церкву поблагословытысь порося йисты. Де не взявся паламаръ: «И такый ты, и сякый ты! Иды додому: твое кручене дурне порося по печи бигае!» Прыйшовъ я додому. Хочу я йисты, нигде мени систы. Посадылы мене за плечыма та далы мени пыригъ изъ очыма. Я за той пыригъ та за поригъ. Де не взялася вражажа оса, да хватыть мене за волоса да понесе на небеса. Излетивъ я на небеса—дывлюсь—стежечка. Пойшовъ я тією стежкою—дывлюсь церковця, изъ калачыка дверци, попрянычкомъ пидперта, бублычкомъ заперта. Укусывъ я бублычка, церковця одимкнулася; укусывъ я попрянычка, церковка прочынылася; укусывъ я калачыка, церковця розчынылася. Увійшовъ я у ту церковцю—стойить пипъ, якъ грецькы снипъ. Укушу я... дакъ немае ніякого прысмаку.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

335. Нисенитныця 3.

Бувъ соби та не мавъ соби, затесавъ соби тесана, та нетесана... То жъ подарувавъ мени дидъ вола. Якъ пойшовъ я тымъ воломъ ораты, та наоравъ на прыпечку на тры горшкы кваши. Та вродылы вербы, та зацвилы ракы, та поспилы уюны. Якъ полизъ я тыхъ уюнивъ трусыты: трушу та трушу та натрусывъ папушу тютюну. Повъязавъ я той тютюнъ и продавъ по тры копійкы голова въ голову. Та купывъ я руно вовны, та покройивъ заступомъ свыту, та прыставывъ изъ подушкы комиръ, дакъ выйшлы таки штаны, що й не пидоймешъ.

С. Евминка Остерск. у. Г. С. Неводовскій.

336. Нисенитныця 4.

(Видкиль взялась Смолянка, болото биля Вертійивкы).

Давно було це, колысь, якъ бувъ я ще маленькымъ, а дидъ уже парубкувавъ, батька жъ не було на свити ще. Достаткы въ насъ звисно яки: чортмало ничого. Отъ пошлы мы зъ дидомъ на Дуинъ на заробуиткы. Заробуиткы трапылысь правда, добри, заробылы стракъ куилько: якъ бы прыложывъ копійокъ тры, такъ мабуть назбиралося бъ шагуивъ цисть. Ото жъ, вештаючысь по тыхъ заробуиткахъ, розсмакувалы мы, що земля тамъ дуже добра, такъ мы и надумалысь зъ дидомъ розвесты и въ себе такойи земли. Ну, порадылысь, набралы шаньку и пошлы. Прыходымо додому, колы жъ батько саме народывся, на прыпичку сыдыть и вже порядкуе намы: пославъ у лисъ по дрова на хрестыны. Идемъ, колы жъ пидъ лопухомъ на «Ташлыку» ведмидь лежыть. Мы до його, а вуинъ на втикы, мы пидъ лопухъ, ажъ тамъ кубло, а въ кубли шестеро яець, таніякъ не выкотымо зъ кубла та вже я ледьве въ шапку забравъ. Прыходымо додому, ажъ у насъ свыня квокче, такъ мы й пидсыпалы тійи яйця пидъ свыню, такъ вона высыдила шисть волуивъ-соколуивъ,—пъять парыстыхъ, а одынъ шосты. А въ насъ уже и земли донськойи доброи розвелось чымало. Налагодылысь орать мы, прыйиздымо, ажъ лыхо тяжке! Вовкы внадылысь и выносылы всю землю, а на тимъ мисци верстовъ на двадцять гныле болото, гнояка чорна, смола неначе. Отъ дидъ объ полы: «Осе Смолянка!»

М. Веркіевка, Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

337. Прыказкы.

Доставлены: **Е. Н. Гаврилеемъ**—изъ Нѣжинскаго уѣзда, **В. П. Горленко**—изъ Прилупкаго у., **Б. Д. Гринченко**—изъ Сумскаго, Харьковскаго и Черниговскаго уѣздовъ, **М. Н. Гринченко**—изъ с. Жеведи Черниговск. у., **Т. А. Зиньковскимъ** (одна), **М. М. Коцюбинскимъ**—изъ Винницы, Лопатинецъ и Балты Подольск. губ., Оробіевки Прилуцк. у. и Рени Бессарабск. г., **Г. С. Неводовскимъ**—изъ Остерскаго у., **В. В. Полуботковою**—изъ Осняковъ Черниг. у., **В. Ф. Степаненко**—изъ Каневскаго у., **В. П. Цымбаломъ** (свои записи и **Т. Галушки**)—изъ г. Звенигородки и Звенигородскаго у., Кіевской губ. и **М. С. Чудновской**—изъ с. Выбель Черниговск. уѣзда.

1. **А** бреше!—и въ землю ны дывыться. Г. Звенигородка.

2. Абы голова—буде й борода. Нѣжинск. у.

3. Абы медъ, а мухы нализуть. Нѣжинск. у.

4. А щобъ тоби дыка коза прыснылася! Звенигородка.

5. **Безъ** прымхы (прыщты) смерты не бувае. Нѣжинск. у.

6. Безъ хлиба и куска не зйисы. Нѣжинск. у.

7. Бидному куды не кынь—то все догоры диркою. С. Лопатинцы, Под. губ. Ямп. уѣз.—Чуб., I, 232.

8. Бидность не грихъ, а неволя не смихъ. Нѣжинск. у.

9. Благодареныкы за вареныкы: борщу не йивъ, каши не бачывъ та й такъ выбачывъ. Каневск. у.

10. Блызенька солуимка лучче далекого синця. Нѣжинск. у.

11. Бодай чорты въ дядька служылы, якъ бы дядько въ мене! Нѣжинск. у.

12. Борода по колина, а дровъ не полина. Нѣжинск. у.

13. Борщъ, каша, кисиль, кваша, мамалыкга зъ молокомъ, прысыпана табакомъ. Каневск. у.

14. Будьмо, та цуръ никого не гудьмо! Каневск. у.

15. Бытому собаци не показуй палкы, бо заразъ удере. Прилуцкій у.—Номисъ, № 5800.

16. Васыль баби сестра въ первыхъ, а бабына Гапка—сама соби титка. Каневск. у.

17. Васылю! Я нароблю тоби на шыю, ще й шкурлатомъ прышыю, умрешъ, а не оддерешъ. Звенигородск. у.

18. Вашъ вуизъ—вамъ и везты. Нѣжинск. у.

19. Велыка птыця, якъ горобець. Сумск. у.

20. Весилля тры дни, а цилый викъ злыдни. Г. Винница Под. губ.

21. Весна очи краде. (Кажуть, що передъ весною якъ увійдешъ у хату, такъ поночи. Я помитыла, що це звычайно въ соняшный день кажуть). С. Жеведь Черниг. у.

22. Весною—насиння, а въ осены купуй кориння. Звенигородка. (Зъ прыводу, що черва пойила насиння).

23. Видчыняйтеся врата—чортъ несе тата. Лопатинцы, Ямп. уѣзд. Под. губ.

24. Винъ такъ жыве, якъ гуся на води. (Ни о чемъ не заботясь). Прилуцкій у.

25. Владыка! мылость твоя велыка, та чарка мала. Звенигородка.

26. Вона тоди винчатыметься, якъ собакы лынятымуть, а ложкы гулятымуть. С. Жеведь Черниг. у.

27. Въ умилого рукы не болять. Нѣжинск. у. Номисъ, №№ 6021 и 6022.

28. Выйде, ляше, на наше. Звенигородка.

29. Гарбузъ струплеваты — безъ молока пранцеваты. Нѣжинск. у.

30. Гарный, якъ свыня въ дощъ. Звенигородка.

31. Гобидайте ротато, бо завтра сьвято. Звенигородка.

32. Говоры на волы! Каневск. у.

33. Говоры та годуйся. Каневск. у.

34. Горе вашымъ, горе й нашымъ, але вашымъ все такы лучче: хочъ картопля своя. Звенигородка.

35. Горе въ роскоши можна забуть, а роскоши въ гори николы не можна. Прилуцкій у.

36. Горивонько мученыце! перешлась безъ вогонь, безъ трубы, не попадайся въ мойи зубы! Пашпортъ есть?—«Нѣтъ, нема.»—Вотъ тоби и тюрма!—Хлопъ та й выпывъ. Подольск. г. Кіев. Стар. 1892, XI, 179.

37. Горохъ по дорози качаеться,—поповъ челяднықъ высыпаеться. Выбли Черниг. у.

38. Гындыкъ думавъ та й здохъ, то й ты здохнешъ, якъ будешъ думать. Звенигородка.

39. Дай же, Боже, щобъ ваши ворогы рачкы лазылы, а вамъ очи повылазылы (здоровкаються шуткуючы). Каневск. у.

40. Дай, Боже, диты, да у дитяхъ щастя! Выбли Черниговск. у.

41. Дай, Господы: хлиба, солы, всього доволи. Звенигородск. у.

42. Дай тоби, Боже, здоровъя повенъ жывитъ (жинци). Каневск. у.

43. Дай тоби, Боже, повни груды здоровъя, щобъ никуды було й дыхаты. Каневск. у.

44. Де днювавъ, хай тамъ и ночуе (про мертвого). Осняки Черниг. у.

45. Де стари кони диваються? У бидного на шыйи чепляються. Нѣжинск. у.

46. Диду, диду, я тоби въ поле пойиду. Звенигородск. у.

47. Дило робыть—голова болыть, а за скокы обибъю й бокы. Остерск. у.

48. Добра пряха й на скипку напряде. Нѣжинск. у.

49. Добре въ дурныкахъ буты. Каневск. у.

50. Добре слово—не полова. Винница, Под. губ.

51. До зла шыроки ворота ввиты, та узьки выты. Нѣжинск. у.

52. До свого роду хочъ черезъ воду. Нѣжинск. у.

53. Достанеться и въ хвистъ, и въ грыву. Остерскій у.

54. Дрита-дрита середъ лита, прыйшла зима—хлиба нема. Сумск. у.

55. Дурни чудеса не йдуть пидъ небеса. Прилуцкій у.—Чуб., I, 279.

56. Дурный такый якъ сорока. Звенигородка.

57. Жинка до пояса—чужа. Лопатинцы, Ямпольск. у. Подольск. губ.

58. Зажурывся, що молодымъ оженывся. Звенигородка.

59. За ткачемъ хлибъ зъ плачемъ. Нѣжинск.

60. Здоровый якъ быкъ. Звенигородка.

61. Зерко до зерка, та й выйде берко. Звенигородка.—Чуб. I, 245.

62. Зъ кого сміються люде,—съ того й Богъ буде. Нѣжинск. у.

63. Иванъ-барабанъ, Семенъ-бусурменъ и Каленыкъ-вареныкъ напъялы соби куренықъ. Каневск. у.

64. И вже! мертвого личыть, або вченого вчыть. Нѣжинск. у.

65. А. Избавы, Боже, огня, меча, села Бигача, Вересоцькойи гребли и березенськойи жинкы. Выбли, Черниг. у.

Б. Щобъ ты не мынувъ окружного суда, кошеливського бога, або вересоцькойи гребли. Нѣжинск. у.— Номисъ, стр. 72 и 285, № 3674.

66. Изъ дужымъ не борысь, а зъ добрымъ не судысь. Нѣжинск. у.

67. И клипае очыма, якъ китъ на глыни. Каневс. у.

68. И соваеться, якъ Марко голоколинный. Кан. у.

69. Йивъ бы вуилъ и нежаръ, та хазяйинъ лежень. Нѣжинск. у.

70. Йижте, люде добри, годуйтесь... Якъ бы вы зналы, скилькы то стойить! Каневск. у.

71. А. Йижъ, покы ротъ свижъ, а якъ зовъяне тоди не стане. Звенигородка.

Б. Йижъ, якъ ротъ свижъ, а якъ помрешъ, то й коломъ не вобъешъ. Нѣжинск. у.—Номисъ, № 5932.— Гринченко, II, № 61.

72. Йижъ, Хома, та хлиба нема. Выбли Черниг. у.

73. Йому це робыты такъ, якъ дурному пирря драть (легко). Черниг. у.

74. Казавъ чортъ: Кузьму соби озьму,—та й доси не бере. Черниг. у.

75. Козы не товаръ, а дивкы не люде. Выбли Черниг. у.

76. Колоть-колоть да й на плотъ! (Якъ хто погано пере або купаеться). С. Жеведь Черниг. у.

77. Колы голова обляже, тоди всякъ докаже. Выбли Черниг. у.

78. Колы пыты, то не мутыты. Балта Под. губ.

79. Колысь и нашъ богъ проспыться (поталаныть и намъ). С. Жеведь Черниг. у.

80. Кому служышъ, того й слухай. Нѣжинск. у.

81. Корова въ двори, а середа въ хати. Нѣжинс. у.

82. Кумынойи свахы наймытъ. Черниг. у.

83. Курка на сидало,—жинка додому. Сумск. у.

84. Кыдай сапку, та полы грядку. Звенигородск. у.

85. Летивъ крукъ черезъ сукъ, черезъ безверхе дерево. (Скороговорка). Нѣжинск. у.

86. Лизь у пекло, тамъ буде тепло. Каневск. у.

87. Линывому що дня празныкъ. Нѣжинск. у.

88. Лучче пропыть, нижъ солы купыть. Нѣжинск. у.—Номисъ, № 11718.

89. Люде—божи собакы. Каневск. у.

90. Люде хотилы, щобъ бувъ зъ мене хазяйинъ, та не диждуть. Каневск.

91. Мовчанка не пушыть,—де положышъ—тамъ лежыть. Нѣжинск. у., и Харьковск. губ.—Номисъ, № 1117.

92. Може, кумо, вы будете дуже на горилку сылуваты (якъ просять у гости, такъ одмагаються) — я бильшъ не выпъю, якъ пъять - десять, а пъятнадцять найбильшъ. Каневск. у.

93. Мынулыся диды, мынулыся й меды. Лопатинцы, Ямп. уѣзда Под. губ.

94. Мыши пойилы лемеши. Каневск. у.

95. На днуій гради, да тры биди. Нѣжинск. у.

96. Найився, напывся—лигъ та й укрывся. Звенигородка.

97. Налетилы горобци, зговорылысь про крупци, не про крупци, та про пракрупячко. (Скороговорка).— Нѣжинск. у.

98. На очы не несы, а въ ротъ не надасы. Прилуцкій у.

99. Наче бъ и не Хома, та й миста нема. Выбли Черниг. у.

100. На що тоби гроши, якъ ты самъ хорошый Звенигородка.

101. Не бійсь крыклывого, а нышклывого. Нѣжинск. у.

102. Не бійсь, та стережысь. Звенигородка.

103. Не буде зъ швачкы багачкы, а зъ ткача багача. Лопатицы, Ямпольск. уѣзда Подольск. губ.

104. Не все й макъ,—нехай буде такъ. Черниг. у.

105. Не доведеться свыни на небо дывыться. Нѣжинск. у.—Номысъ, № 3830.

106. Не завсигды якъ на диды: по тры ложкы меду. Выбли Черниг. у.

107. Не карай, Боже, ничымъ, якъ борщъ ни съ чымъ. Выбли Черниг. у.—Чуб. I, 232.

108. Не кыдай дровъ—до печи знадобыться.—Нѣжинск. у.

109. Не лай старого, самъ старый будешъ. — Нѣжинск. у.

110. Нема дурныхъ: поженылысь. Звенигородка.

111. Нема ключа--якъ у танъ утонувъ. Жеведь, Черниг. у.—Номысъ, № 10818.

112. Не напряла пидъ дымкомъ (у зимку) та напряла пидъ танкомъ. (Багато напрядешъ, якъ лито почнеться!)

113. Не пры дитяхъ кажучы. С. Осняки Черниг. у.

114. Не родывся ще той на свытъ, щобъ себе гудывъ. Сумск. у.

115. Не родыся краснымъ, та родысящ асенъ (щаснымъ) Черниг. у.

116. Не сердься на Бога: самъ выноватъ. Нѣжин. у.

117. Не ты хлибъ носышъ, а винъ тебе носыть. Прилуцк. у. См. № 245 этой книги.

118. Не хвалы самъ себе—есть луччи тебе. Нѣжинск. у.

119. Не хвалысь, рано вставшы, а багато наробывшысь. Нѣжинск. у.

120. Не хватайся попередъ батька въ пекло лизты, бо не знайдешъ, де й систы. Каневск. у.

121. Ни гысь, ни брысь (ни на шо не способна) Выбли Черниг. у.

122. Нихто не баче й не чуе, якъ сырота плаче й горюе. Каневск. у.

123. Ну, дай же, Боже,—чуешъ, куме, и ты, небоже,—помершымъ чаркы та пляшчата, а намъ, жывымъ, горилка й дивчата (здоровкаються). Каневск. у.

124. Ну та й морозъ прыпикае! — За те мухъ та комаривъ немае. Каневск. у.

125. Обидравсь, якъ цыганъ пидъ ярмалкомъ. Нѣжинск. у.

126. Облышъ, Катре, нехай твое на завтре. Черниговск. у.

127. Одведы въ манастырь,—вона й сама кгыкгне. Каневск. у. См. № 284 этой книги.

128. Одынъ годокъ подвойила, другы потройила, а на трети зблазныла—одно. Нѣжинск. у.

129. Охота не сердыться. Нѣжинск. у.

130. Оце твоя дочка ходыла праты, бо и праникъ у загати. Каневск. у.

131. Парася, Парася, на все ты здалася—и у панстви панувать, и якъ лыхо—горювать. Выбли Черниг. у.— Номисъ, № 5733.

132. Пеня не пъе, а (имъя) пъе. (Кажуть частуючы). Остерск. у.

133. Першый хвистъ кобыли. Каневск. у.

134. Пойихавъ по сино, та й у души посило. Нѣжинск. у.

135. Покиль позычышъ грошей на нови чоботы, то въ смакъ находышся въ старыхъ. Нѣжинск. у. — Гринченко, II, № 131.

136. Покы дида, поты й хлиба: якъ бувъ дидъ, бувъ и хлибъ, була й рыба на обидъ. Каневск. у. — Номысъ, № 9137—Гринченко, II, № 129.

137. Получывъ: два билыхъ, а третій якъ снигъ. Звенигородка.—Номысъ, № 13824.

138. Пообидавшы хто не оддыше, того Богъ за гришныка пыше. Нѣжинск. у.—Номысъ, № 11293.

139. Попередъ невода рыбу ничого ловыть. Харьк. губерн.

140. А. Пора йой у Глыбовъ изъ дошкамы іѣхать. Б. Боюсь спать на дворіѣ, шобъ не пошуміѣть у Глыбовъ изъ дошкамы.—У якый Глыбовъ? —На той свіѣтъ. Бо теперъ уже холодно. С. Жеведь Черниговск. уѣзда.

141. Пошлы дурного, а за нымъ другого. Черн. у.

142. Про мене, сынку, хоть свынку абы на мене не рохкала. Остерск. у.—Номысъ, № 8926.

143. Пропало билше, нехай пропадае й менче. Звенигородка.

144. Прыходъ жыдуивськы, а росходъ попуивськы. Нѣжинск. у.

145. Пусты сусида у хату та й дай йому волю. Выбли Черниг. у.

146. Пъяны дурному братъ. Нѣжинск. у.

147. Пыво не дыво и медъ не хвала, а честь дорога. Нѣжин. у.

148. Рогожа на все згожа! (погордлыво про людыну). Черниг. у.

149. Рукавычкы дороги, то на рукахъ берегы. Нѣжинск. у.

150. Рябый прыходывъ до рябойи качаты бараболи. Каневск. у.

151. Сало скоро ростало. Нѣжинск. у.

152. Свого дида якъ бы помъявъ до обида, а посли обида та зновъ до дида. Нѣжинск. у.

153. Свуій хлибъ лучче чужого калача. Нѣжинск. у.

154. Се добре мъясце, колы й дытына його сце. Каневск. у.

155. Серпъ—робота, коса—охота, а ципъ—сухота. Звенигородка.

156. Скуилько не литай, а сидать треба. Нѣжин. у.

157. Слугы, на барыню пугы! Выбли Черниг. у.

158. Слухайте, громадо, що намъ панъ бреше. Каневск. у.

159. Слюсаривъ Гордій та ковалева Йивга булы соби Мыкыта въ первыхъ. Каневск. у.

160. Смерть та родыны такъ не ждуть добройи годыны. Нѣжинск. у.

161. Соби та мени, то не буде пени. Каневск. у.

162. Собъ, сири, бодай вы выдохлы,—черезъ васъ, чортивъ, я й паскы не йивъ. Каневск. у.

163. Соломы жминька—копійка, а сина жмачокъ—пъятачокъ. Черн. у.

164. Сонечко—золоте виконечко. Прилуцкій у.

165. Сохы та прысохы, та соломы трохы. Каневск. у.

166. Спасыби Богу, найився йій Богу, а якъ бы сивъ, до й вола бъ ззивъ. Остерск. у.

167. Спасыби за обидъ,—найився дармойидъ. А божыться йійбогу не буду, бо ще десять разъ до вечора буду. Остерск. у.

168. Спасыби твоему батьку, що тебе такого гарного зробывъ. Черниг. у.

169. Старого учыть, а крывого лечыть. Выбли Черниг. у.

170. Стары, якъ песъ, а бреше, якъ щеня. Оробіевка, Прилуцк. уѣзда Полтавской губ.—Номысъ, № 6905.

171. Стережысь, горилко-сывухо, бо буду пыты, псяухо! Каневск. у.

172. Суивкы засуивкы прыйихалы гости зъ Носуивкы. (Якъ свитае). Нѣжинск. у.

173. Сяты Гаврыло побъе й рыло (громомъ), Пантелемонъ вытопче й роменъ (грядомъ), а сяты Илля наробыть гнылля (негоддю). Нѣжинск. у.

174. Така свыта, — тилкы не такъ шыта. Звенигородка.

175. Такый ты гарный, якъ коменъ навыворотъ. Нѣжинск. у.

176. Тато маму продае, бо му хлиба не стае. Лопатинцы, Под. губ. Ямп. уѣзда.

177. Тилькы й не було, що гусыного молока. Выбли Черниг. у.—Чуб. I, 230.

178. Тоди винъ буде женытыся, якъ будуть бычкы телытыся.—Г. Рени, Измальск. уѣзда Бессараб. губ.

179. Тоди маты дурненька, якъ диткы маленьки. Остерскій у.—Номысъ, № 9190.

180. Тоди соромъ загубыла, якъ ще безъ плахты ходыла.—С. Жеведь Черниговск. у.

181. Тоди це буде, якъ у поли ракъ свысне.— Черн. у.

182. Треба кебить и на печи седить. Нѣжин. у. — Номысъ, №№ 6580 и 6581.

183. Трудно, трудно Грыцькомъ звать,—та й Грыцько—гу! Выбли Черниг. у.

184. Туркы летять якъ цуркы, а наши безъ голивъ стоять.

185. Ты жъ мени, я жъ тоби,ты жъ пропъешъ, на жъ тоби. Остерск. у.

186. Ты хочешъ упасты и не забытысь. Канев. у.

187. Ты хочешъ, щобъ чортъ та Богу молывся. Каневск. у.

188. Тыше: кабанъ пыше, а свыня дыктуе. Звенигородка.

189. У безодню дижку воды не настачышъ. Нѣжинск. у.

190. У Бога всього по многу. Прилуцкій у.

191. У Божу путь, де горилку пъють. Выбли Черниг. у.

192. У дiѣжку гребйонка впала (воды мало, кухоль объ дно черкаеться). С. Жеведь Черниг. у.

193. Укравъ та й побiѣгъ, зогнувшысь. С. Жеведь Черниг. у.

194. У лиси не безъ звира, въ болоти не безъ чорта. Прилуцкій у.

195. У осень и горобець мъясо. Нѣжинск. у.

196. У понедилокъ родылась, у вивторокъ хрестылась, у середу злывкы, у четвергъ допывкы, у пъятныцю грихъ прясты, а въ суботу помыть да поместы и гребенюовъ у хату не несты. Нѣжинск. у.

197. Усе, усе наше, тилькы грихы не наши. Каневс. у.

198. Устряешъ не мижъ свойи лыка. Харьк. г.

199. Хай йому заморочыть! (Лаяно злодiя). Черниг. у.

200. Хай йому очи грають, а зубы танцюють. Звенигородка.

201. Хлиборобъ полемъ жыве. Нѣжинск. у.

202. Хоть мене родычи й не зовуть, такъ я знаю, де жывуть. Нѣжинск. у.

203. Хоть нывку покынь, хоть свынку вбый. Нѣжинск. у.

204. Хочъ дурный, та хытрый. Звенигородка.

205. Хочъ крупнiѣй, абы додому хутнiѣй. (Якъ хапаються поденныци полоты). С. Жеведь Черниг. у.

206. Хочъ маты моя, абы не я. Нѣжинск. у.

207. А. Хочъ не дойижно, такъ долижно. Сумск. у. Б. Хочъ не вбижно та влижно. Остерск. у. — Номисъ, № 10387.

208. Хочъ поганый, такъ багатый. Каневск. у.

209. Хто бреше, тому лехше, а хто ны йме виры, тому въ голови диры. Звенигородка.—Гринченко, I, № 234.

210. Хто знае й той умирае. Нѣжинск. у.

211. Хто потрудыться, —той натрубыться. Сумск. у.— Номысъ, № 7198.

212. Хто пытае, той не блуде. Харьк. губ.

213. Хто рано встае, тому Богъ дае, а хто пуизно ходыть, той самъ соби шкодыть. Нѣжинск. у.

214. Хто рано пидводыться, за тымъ и дило водыться. Каневск. у.

215. Худъ обидъ, колы хлиба нитъ. Нѣжинск. у.

216. Хура не ходе здура. Нѣжинск. у.

217. Хыба свыня ззисть гарбузъ, покы не вкача въ болото? Звенигородск. у.—Номысъ, № 12270.

218. Царь на сльозы не вдаря. (Що некруты хочъ якъ плачуть, а йихъ у салдаты такы беруть). С. Жеведь Черниг. у.

219. Цыганови забожытысь, що батогомъ ляснуть. Каневск. у.

220. Чого ты такъ пейсы попустыла, наче багатырка?—А чого жъ багатыркы пейсы попускають?—Та йимъ

за багатствомъ и росчесатыся николы). С. Жеведь Черниг. у.

221. Чортъ його беры: пропалы вивци, пропалы й кони (а не помырюсь, позываючысь). Звенигородка.

222. Чый ты? — Гапчынъ. — А Гапка чыя?—Жинка моя. Каневск. у.

223. Чы прынеслы (горилкы), чы не прынеслы, а васъ вже чорты й знеслы. Каневск. у.

224. Чытае такъ, якъ бобомъ сыпле (гарно). Жеведь Черн. у.

225. **Ш**ыстомъ-кыстомъ, да не велыкымъ пыстомъ. (Говорится, когда человѣкъ горячится или требуетъ не имѣя права).

226. Щаслывому по грыбы ходыть, а нещасному на печи сыдить. Нѣжинск. у.—Гринченко, I, № 247.

227. **Щ**о вбъешъ, те и вйидешъ. (Что заставишь, только то и сдѣлаетъ). Звенигородка.

228. Що въ поли выростае, все дома знадобыться. Нѣжинск. у.

229. Що иконка, то й молытовка. Звенигородка.

230. Що майстеръ—то мошенныкъ, що пысарь—то пъяныця. Нѣжинск. у. Чуб. I, 266.—Ном., № 10411.

231. **Я**къ бере цыганъ сино, каже: я сокыру насталю; якъ набравъ—ножа зроблю; а якъ за ворота вже пиде—и цього зъ його буде. Каневск. у.

232. Якъ будешъ йисты булкы, то нападуть думкы. Звенигородка.

233. Якъ бы вси люде жылы, то бъ свитъ затьмылы. Лопатинцы, Ямпольск. у. Под. губ.

234. Якъ голоденъ, то йивъ-бы, а найився, то спавъ бы. Звенигородка.

235. Якъ гужа ворвать, тоди за хуру гроши побрать. Нѣжинск. у.

236. Якъ корыться постолу, лучче просыть чобота. Нѣжинск. у.—Номысъ, № 1041.

237. Якъ любовъ та совитъ, такъ и у пистъ мясойидъ. Выбли Черниг. у.

238. Якъ не дасть Богъ смерты, то не визьмуть черты. Звенигородка.

239. Якъ пасе (дывыться)—якъ китъ на сало. Звенигородск. у.

240. Якъ пиде кому зранку, то й до вечора.- Сумской у.

241. Якъ пойидешъ навпростець, то николы дома не будешъ. Прилуцкій у.

242. Якъ посылать до мыскы—такъ страму набираеться, а якъ до рота ведеться, то радисть прыбавляеться. Прилуцкій у.

243. Якъ схоче, то й на гору выйде, а якъ не схоче, то й зъ горы не зійде. Звенигородка.

244. Якъ удавнытьсе, то ще й піѣсня буде (якъ довго побуде, то стане писнею). Жеведь Черниг. у.

245. Якъ щытать корову по вдою, то молока не йисты. Каневскій у.

Загадки.

Доставлены: **Е. Н. Гаврилеемъ** (Нѣжинск. у.), **Г. С. Неводовскимъ** (Остерск у.), **В. Ф. Степаненкомъ** (Каневск. у.) и **М. С Чудновской** (с. Выбли Черниг. у.).

1. **Верства**. Самъ не бачыть, не чуе, а всимъ дорогу вказуе.—Нѣжинск. у.

2. **Видро**. Деревъяне, подвязане деревомъ—Нѣж. у.

3. **Вилъ**. Народыться—на дудку грае, выросте—поля

копае, а вмре—прочыщае,—Канев. у. Номисъ, № 109.—Гринч. II., 310, № 1.—Семент., 336.

4. **Выла**. Внызу рогы, а вверси хвистъ—Нѣжин. у.

5—6. **Вытушка**. 1. Прыйихалы гости, сталы на помости, розипъялы, розставылы свойи рукы-кости. Каневск. у.—2. Въ одному гнизди чотыри ярма.—Нѣжинск. у.

7. **Голка**. Кынувъ Орыну черезъ долыну,—де впала, тамъ и пропала—Каневск. у.

8. **Жорна**. Чотыри стоять, одынъ верне.—Нѣжин. у.

9. **Замокъ**. Мовчанъ собачка всього дому стереже. Нѣжинск. у.—Номысъ, № 274.

10. **Заступъ**. Изъ тюрмы та въ тюрму скаче.—Выбли Черниг. у.

11. **Звидъ до крыныци**. Журавель у нору, а яйця нагору—блысь!—Каневск. у.

12. **Каблучка и палець**. Сыдыть пани на майдани, прыйшовъ панычъ, каже: — «Позычъ».—Велыке маешъ, у мое не вбгаешъ».—Остерск. у.

13. **Каганець**. Чорна мазнычка. а золоты пыпныкъ.—Нѣжинск. у.

14. **Кинь: хвистъ, очи, уши**. Симсотъ свыще, чотыри тупоче, дви дывыться, два слухае.—Нѣжинск. у.

15—16. **Ключъ и замокъ**. 1. Сандачыть, сандачыть, покы дирку побачыть, а якъ дирку знайшовъ, по шыю въ неи зайшовъ.—Каневск. у. — 2. Бижыть гонець, выстромывъ конець, якъ дирку побачывъ, туды й засандачывъ.—Каневск. у.

17. **Колеса и кинь**. Чотыри браты та уси горбати, а пъятый Хома и той зъ хвостомъ.—Выбли Черниг. у.

18. **Колядкы**. Загадаю загадку, перекыну черезъ хатку, пошла загадка въ походъ, а вернулась черезъ годъ.—Нѣжинск. у.

19. **Коноплi**. Стойить верба, на верби много гилля. Нѣжинск. у.

20. **Корова и овечка**. У рули чотыри кгули, а у стрыли дви.—Нѣжинск. у.

21. **Коромысло**. Бисъ на бабу полизъ, на баби впотивъ та на дивку схотивъ.—Остерск. у.

22. **Кропыва жалыть**. Олена зелена, поцилуй—свербыть, болыть и чухаты хочеться.—Каневск. у.—Номысъ, № 211.

23. **Курка**. Бигае Мотрушка у ста кожушкахъ, якъ витеръ повіе, то й спына замріе.—Каневск. у. Чуб. I, 310; Ном., № 75; Закр., 84; Семент., 360—361.

24. **Ложка**. Булава, а въ ротъ лизе.—Нѣжинск. у.

25. **Лысыци на викни**. Що саме лучче квиткы робыть?—Нѣжинск. у.

26. **Льонъ**. Стойить трава зеленая, а на верси 20 голуивъ.—Нѣжинск. у.

27. **Лянтва** (?). Не гришнее, а повишене. — Нѣжинск. у.

28—29. **Млынъ**. 1. Крутыться, вертыться й Бога не бойиться.—Нѣжинск. у.—Номысъ, № 425.—2. Дубъ-вертолубъ, а на дуби хатка.—Нѣжинск. у.

30. **Молоко птыче**. Чого не було й не буде, а його называють люде? —Конотопск. у.—Нѣжинск. у.

31. **Мрець у труни**. Деревъяный пырожокъ начыненый мъясомъ.—Нѣжинск. у.

32. **Муихъ**. И въ васъ, и въ насъ поросюкъ завъязъ.—Нѣжинск. у.

33. **Небо, зиркы, сонце, мисяць**. Розисланый кожушокъ, посіяный горошокъ, а на краяхъ хлибъ и пивъ хлиба.—Каневск. у.

34. **Нижъ**. Изъ кинця колодочка, а на кинци гостре.—Нѣжинск. у.

35. **Нисъ и пальци**. Одынъ пыщыть, а пъять тащыть.—Нѣжинск. у.

36. **Овощъ**. Що безъ диркы налываеться?—Нѣжин. у.

37. **Очи, нисъ и ротъ**. Моргунъ, хапунъ и сопунъ.— Нѣжинск. у.—Номысъ, № 222. Закр., № 14. Семент., № 73.

38. **Павутыння**. А що въ хати нетесане й чоловикомъ не роблене?—Каневск. у.—Номысъ, № 329;—Чуб., стр. 313;—Закр., № 115;—Семент., № 250.

39. **Паперъ**. Кынь на землю—не розбъеться,—кынь на воду—росплыветься.—Нѣжинск. у.

40. **Перо**. Безъ языка, а все скаже.—Нѣжин. у.

41. **Пивень**. Родывся, не хрестывся, писнею Богу згодывся.—.—Нѣжинск. у.—Номысъ, № 72.

42. **Пичъ**. Злизь на мене, поялозь мене,—я покращаю.—Нѣжинск. у.

43. **Помело**. Прыйшла пани въ сыньому жупани, шаталася, моталася, пудъ пичъ захowалася.—Остерск. у.— Номысъ, № 331 и 334;—Семент., № 239 и 240.

44. **Ратыще**. Изъ конця гостре, а изверху хвистъ.— Нѣжинск. у.

45. **Росколына**. Що въ хати само робыться?—Нѣжинск. у.

46. **Рыба**. Есть крыла,—не литаю, нуигъ нема, а гуляю, по земли не хожу, на небо не гляжу, зуиръ не щытаю, людей не знаю.—Нѣжинск. у.

47. **Самуварь**. Стойить хлопець на мосту, крычыть: «Усихъ оболлю».—Нѣжинск. у.

48. **Снипъ пашни**. Тысяча братив звязаны, на матиръ поставлени.—Нѣжинск. у.

49. **Сонце**. Стойить дубъ-вертолубъ, на туимъ дуби вертолуби сыдить птыця-вертолыця, нихто йийи не достане—ни царъ, ни царыця. — Нѣжинск. у. — Номысъ, № 17;—Семент., № 5.

50. **Соняшныкъ**. Стойить дубокъ, а на верси картузокъ, въ картузку много дитокъ.—Нѣжинск. у.

51. **Соплякъ**. Що морозу не бойиться, а ще на верхъ вылазыть?—Нѣжинск. у.

52. **Сосулькы на стриси.** Що вверхъ коринемъ росте?—Нѣжинск. у.

53. **Стриха.** Що внызъ дывыться?—Нѣжинск. у.

54. **Телямъ.** Чымъ сперва вуилъ ходывъ?—Нѣжин. у.

55. **Трое.** Ишлы мужъ изъ жоною и братъ изъ сестрою, и шуринъ изъ зятемъ, найшлы воны яблуко й розризалы на четверо та й не подиляться: взять по четвертыни — одна остаеться; а взять по дви—одному не стае. Скуилько йихъ було? — Нѣжинск. у. — Номысъ, № 257.

56. **Хата, покривля.** Основа соснова, пидткання соломъяне.—Каневск. у.

57. **Ципокъ.** Ни очей, ни плечей, а старцуивъ водыть.—Нѣжинск. у.

58. **Ципъ.** Лищынка й дубокъ, въ середыни шкуратокъ.—Нѣжинск. у.

59—60. **Цыбуля.** 1. Марушка-семыкожушка, якъ допече, то й вода потече.—Нѣжинск. у.—2. Сыдыть сыдуха въ семы кожухахъ, а ще посынила.—Нѣжинск. у. Номысъ, № 184.

61. **Чоботы.** Дусели, дусели, лизте на мене.—Нѣжинск. у.

62. Навищо жыто сіють?—Бо садыть не можна.—Каневск. у.

63. На чимъ стойить викно?—На дирци.—Канев. у.—Номысъ, № 281.

64. По чому жыто сіють?—По рилли.—Нѣжинск. у.

Матеріалы, поступившіе во время печатанія книги.

Къ отдѣлу І-му.

339. Кишка.

1. Якъ киньмы йидешъ, такъ не можна кишку або кота на визъ браты, а якъ воламы такъ можно.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

2. Не можна кишку на визъ браты, бо хочъ вона и не важка, якъ йійи пидняты, а конямъ дуже важко, якъ вона на вози, такъ, шо й прыстануть. Хочъ такъ положы, що кони й не бачытымуть и хочъ четверыкъ запряжы, такъ усе одно прыстануть.

Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

---

340. Мыши.

Якъ мышей багато заведеться, то выжывуть съ того мисця.

Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

341. Гадюка.

— Моя невіѣстка такъ оце журытьсе: Кузьма вже чотыри дни хворый лежыть.

— Шо жъ йому таке?

— Погана штука йому случыласе: самъ собіѣ лыха здобувсе. Бачыте, вуонъ на поліѣ бувъ, оравъ и вже чы вуонъ выоравъ гадюку, чы де вона взеласе, я вже не знаю. Ну, туолькы бачыть вуонъ, шо гадюка и така здорова, а вуонъ излякавсе и давай йійѣ люшнею быть. Вуонъ же бъе, а вона проты його такъ и зопнетьсе, такъ на хвуостъ зопретьсе да такъ и зопнетьсе та такъ сычыть. А вуонъ йійѣ люшнею. Добре попоганявсе, покуль убывъ такы. Та съ того дня й лежыть: болыть усе и такъ наче пропасныця трусыть. И зовсимъ не здужае ничого робыть. Волочыть уже чоловіѣка одного попрохавъ за себе. Хто зна, шо йому й робыть теперъ? И на що було йійѣ займаты?

с. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

---

342. Жыве серебро.

II. Це озерце мабуть одъ розлыву зосталося? Довго якъ не высыхае.

— Ни, це озерце не одъ розлыву. Це таке озерце, шо може колысь и Десна высохне, а воно ни.

— Чому жъ то такъ?

— Це, бачыте, якее озеро. Колысь тутъ, кажуть, зовсимъ трохы воды було. А одынъ чоловикъ и вкынувъ туды жывого серебра. Не мало й укынувъ: хунтъ, чы може й два. Такъ воно якъ почало крутыть, якъ почало крутыть, та выкрутыло такъ, що й дна не можна достать. Вы гляньте, якъ по йому витеръ хвылю гоне. Такъ и выдно, шо глыбыня.

— На шо жъ той чоловикъ жывого серебра кыдавъ?

— Ну, значыть, уже йому треба було. То такый чоловикъ бувъ, шо...

Звощыкъ озырнувся на озеро и не ставъ билше про його розмовляты.

М. Н. Гринченко по дорогѣ изъ Чернигова на вокзалъ. 1898.

II. Чы правда, що жывого серебра не можна у рiѣчку кыдать? У насъ кажуть, шо не можна.

— Чому жъ не можна?

— Кажуть, шо яму здорову выкруте. У насъ у рiѣчцiѣ не було ямы, а теперъ стала та така глыбока. Такъ хлопци кажуть, шо то вôны жывого серебра вкынулы, такъ воно й выкрутыло.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 году.

Къ отдѣлу II-му.

343. Про годыну.

1. Качкы и горобци хлюпощуться на дощъ, а якъ дзюбкы ховають пидъ крыла—холодъ.

2. Якъ у вуси свербыть,—буде дощъ.

Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

344. Дытына.

1. Якъ нарожденному завъязують пупокъ плоскинню, то не буде йому ладу у жытти.

Каневск. у. В. Ф. Степаненко.

2. Якъ дытына стуляе кулакы, то скупе буде, а якъ ростуляни долони держыть, то буде щедре.

3. Якъ пелюшка заночуе на двори, то дытына не спатыме.

4. По заходъ-сонця не выносъ купелю на двуиръ—дытына неспокойна буде.

№№ 2—4 записалъ въ м. Веркіевкѣ Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

345. Хвороба. Смерть.

1. Не годыться личыть зубивъ у роти, бо падатымуть.

2. Переступаты черезъ коромысло не годыться, бо спына болитыме.

3. Якъ несуть мерця, то не годыться у викно дывыться.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко,

4. Хворы мисце переминя—на смерть.

5. Нисъ свербыть — на покойныка, а переносья на смерть.

М. Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

6. Якъ хто гукае уночи пидъ викномъ, такъ треба лаять: «Иды за чортовымъ батькомъ!» або «За лысымъ дидомъ!»... Воно й пиде. А обзыватыся не можно, а то ще хто вмре.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ, Черниг. у., въ 1900 г. Харьк. г.

---

346. Йижа.

1. По заходи сонця не годыться почынаты хлиба ризаты.

2. Не годыться зъ ножа хлибъ йисты.

3. Не годыться въ молоко крышыты хлиба ножемъ, бо корова захворіе на жывитъ.

4. Якъ умре хто въ сели, не клады въ той день варева въ погрибъ—буде снидиты.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко.

---

347. Кваша.

— А то ще хотiѣлося минiѣ дознатьсе, якъ квашу звуть, такъ матка, ажъ была мене, щобъ не дознаваласе.

— Та якъ же це якъ квашу звуть? И за що жъ васъ матка была?

— Та знаете, въ насъ такъ кажуть, шо квашу якось звуть, ну не коженъ знае якъ, и не можна взнаваты, бо якъ хто есть у хати такый, шо знае, такъ уже тоды хочъ не робы кваши, бо не вдастьсе. Такъ мене матка й была, шобъ я не взнавала, а то бъ и въ насъ кваша не вдаваласе.

— А есть же въ васъ у сели таки, шо знають, якъ квашу звуть?

— Ну, звiѣсно есть. Тамъ у насъ одынъ чоловiѣкъ, такъ вуо̆нъ до безконешносты квашу любыть, ну знае, якъ йiйѣ звуть, такъ у йихъ зроду не вдастьсе. Уже якъ схочуть, шобъ удаласе, такъ у сусiѣдъ роблють, або хочъ и дома, такъ такъ, шобъ вуонъ не знавъ, бо якъ узнае, такъ усе одно хочъ заразъ геть вылый, бо не вдастьсе. Спасыбы матцiѣ, шо мене тоды побыла, а то якъ бы взнала, такъ и въ насъ бы не вдаваласе, а я жъ йiйѣ шо люблю!

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко 1900.

---

348. Одежа.

1. На соби одежи не зашывай, бо й розумъ зашыешъ.

2. Хлопцямъ не годыться намыста надиваты, бо будуть вовка боятысь, а дивчатамъ—шапкы, щобъ урокивъ не боятысь.

3. По дви шапкы не годыться надиваты, бо дурнымъ будешъ.

Каневскiй уѣздъ В. Ф. Степаненко.

349. Гарбузы.

I. Ты жъ гледы, у Переплавну середу гарбузы посады. Та не поленысь, раненько встань, шобъ до сходъ сонца вже й посадыла. Такъ шо солодкійи будуть!

М. Н. Гринченко, отъ дивчины изъ с. Котовъ Черниг. у., въ 1900.

II. Треба пустоцвитъ зъ гарбузивъ позрываты та мижъ череду кынуты, такъ дуже багато гарбузивъ буде. И зъ огиркивъ такъ саме.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко 1900.

---

350. Свійська тварь.

1. Якъ собака потягнеться на кого,—той подарокъ получе.

2. Якъ собака вые, пиднявшы вгору голову, то ан пожаръ, а якъ унызъ опускае—на мерця.

Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

3. Не колядуй у пистъ, бо куры не нестымуться.

4. Не перевертай куркы, бо не нестыметься.

5. На Благовисныка ничого не шля гребты, щобъ куры не греблы грядокъ.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

6. Вы знаете, шо якъ буобъ цвите та макъ, такъ гусятамъ тоды дужей погано бувае. Якъ попрыходють до дому, такъ якъ пъяныйи, такъ и валяютьсе, та дохнуть. Я вже й сама не знаю, чого воно такъ, а туольки добре знаю, шо покуойна матка такъ було плаче, якъ макъ цвите, бо то вже знае, шо дохтымуть. Уже було вона йихъ и гнѣздомъ подкуруе, знарошне було гусяче гнѣздо зоставляе, и чого вона йимъ не робыть! И чого воно такъ? Шо вже жъ воны тоды й чымалыйи поростуть, а дужей йимъ нездорово бувае. Чы то може духъ такый одъ маку недобрый на йихъ бувае?

С Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 г.

---

351. Не годыться робыты на порози.

1. На порози не годыться зустричатысь.
2. Черезъ поригъ ничого не подаваты: не годыться.
3. Рубаты до порога не шля.
4. На порози йисты не годыться.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

---

352. Що и колы не годыться робыты.

1. Проты пъятныци не годыться мыты ложокъ.
2. Виныка не годыться кыдаты у пичъ,—сажа займатыметься.
3. Жинкамъ топтаты помела не годыться.
4. Проты велыкого свята зъ свитломъ не годыться выходыты на двиръ.
5. Понедилокъ та четверъ важки дни.

Каневск. у. В. Ф. Степаненко.

---

353. Якъ продаваты.

Якъ несешъ або везешъ на базарь щось продаваты, такъ не треба ставаты на дорози, якъ хто хоче купыты, бо добре якъ купыть, а якъ не купыть та заторгуе, то вже нихто бильшойи цины не дасть, а то й зовсимъ не продасы.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

---

354. Злагода.

1. Шобъ була злагода, треба суиль на хлиби передавать.
2. Ножа не даруй: посердышся.

Верқіевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

Къ отдѣлу III-му.

355. Ночныця.

Я бъ хотила, щобъ на мене ночныця напала, щобъ не спаты... А то такъ сплю!

С. Жеведь, Черниг. у. Б. Д. Гринченко.

---

356. Золотуха.

Одъ золотухы помагають золоти, сережкы, куплени безъ торгу.

Веркіевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

---

357. Грызь.

— Прыйшла до Одаркы, шобъ нуогу погрызла. Оце прыйшла въ городъ, а вона такъ дужей заболіѣла. Думаю, шо жъ воно такее? Уже жъ миніѣ не первына въ городъ ходыть. Колы слухаю, ажъ рыпыть,—ну, грызь, значыть. Такъ оце й прошу Одарку, шобъ погрызла. Вона жъ посліѣдняя, такъ одъ йіѣ поможетьсе. Одъ первого й одъ посліѣднього помогаетьсе, а одъ середульшыхъ уже ніѣ. И чого воно такъ?

М. Н. Гринченко, отъ дивчины изъ Черниговск. у., въ 1900 г.

---

358. Отрута жабою.

— Ой Боже мій! Така въ мене болисть, шо вже мабуть навикы я нещасна черезъ нейи буду. Хочъ бы вже и вмерты, такъ не дае Богъ смерты.

— Шо жъ у васъ болыть?

— У жывоти болыть. Дано мени. Ось нате, полапайте, якый у мене жывитъ; а теперъ прытулиться отутъ вухомъ та послухайте. А шо, чуете?

— Ничого не чую.

— Ой, Боже мій, якъ же такы вы не чуете? И шо жъ мени на свити Божому исъ такымъ лыхомъ робыты?

— Та роскажить же, шо вамъ таке?

— Охъ, лышенько мое тяжке! Хазяйинъ мій, то жывъ якъ слидъ, а то й почавъ ходыты до одніейи удовы, полюбовныця, значыть, вона йому була. Мени й сказано. Господы, шо я попомучылася! Уже жъ такы мы не молоденьки, сына оженыты диждалы, а винъ отаке надумавъ. Я вже йійи й не чипаю, бо такы жъ и проты свойихъ дитей, и проты людей соромъ, шо отаке на старисть. А йому кажу нышкомъ, уговоряю. Такъ и не блызько, такымъ важкымъ духомъ на мене дыхаты почавъ. Ну, вже терплю, а винъ уже такъ почавъ носыты до нейи, шо вже й сынови выдно. Такъ йій же мало того: схотилося замижъ за його питы, шобъ уже все хазяйство посисты. Такъ вона й надумала мене зъ свиту звесты й сына. На весилли увъ одныхъ людей гулялы мы, и вона гуляла, такъ вона тамъ и дала и мени, й сынови.

— Чого жъ вона дала?

— Мени чоловикъ такый, шо знае, росказувавъ. Я, якъ сталося мени лихо, пойихала до його, такъ винъ и каже: «Це,—каже,—тоби дано, чорнява молодыця у горилци дала». А шо дала, такъ и казаты страшно. «Узяла,—каже,—жабу та съ чорнойи гадюкы голову, высушыла, зомъяла та въ горилци й дала. И я,—каже,—тоби не поможу, шукай людей». Я зновъ до бабы пойихала,—не пособылося. Нездужаю та й годи: сама сохну, а жывитъ росте. Бачыте, якый вырисъ, це його кубло такъ роспирае.

— Яке кубло?

— Та воны жъ выплодылыся тамъ. Та, Господы, якъ заворушуться, якъ почнуть крюкаты, то вже, якъ бы гриха не боялася, то смерть бы соби заподіяла. Другый годъ оце мучымося и я, и сынъ.

— И въ сына жъ така хвороба?

— Ни, винъ тилькы сохне. Йому такъ и дано, щобъ сохъ. Де вже я не була, кого не пытала, такъ нихто не пособляе одъ цього лыха. Оце прыйшла до святытеля Өеодосія, одговіюся, та може чы не напытаю людей, бо тутъ, кажуть, багато народу бувае.

— Хочете, бабо, я поведу васъ до ликаря та попросю, щобъ прынялы васъ у ликарню, може тамъ пособлють?

— Э ни, спасыби вамъ, що клопочетеся, а тилькы я туды не пиду, не хочу.

— Чому?

— Мени вже давно казано: иды, бабо, до ликаря! а я не йду. Хыба я ликаривъ не знаю? Воны, звисно, ради булы бъ, якъ бы я до йихъ пишла исъ такою болистю: «Отъ, бабка, харашо сдилала, шо прыйшла, мы тебе выличымъ». А якъ бы бабка була дурна та послухала бъ йихъ, то воны бъ йийи швыдко выличылы. Далы бъ бабци такого, шобъ заснула та ничого не чула, та жывій и розризалы бъ жывитъ.

— На що?

— На те, щобъ подывыться, що тамъ таке, бо така болисть не часто бувае, такъ йимъ и треба роздывытыся. А тоди зварылы бъ бабку на кгокголь.

— На якый кгокголь?

— На такый, щобъ людей нымъ личыты. Та й нехай диты шукають тоди матери. Ни вже, спасыби вамъ, що клопочетеся, а я до ликаривъ не пиду. Вже якъ не найду соби людей, щобъ пособылы, такъ пиду додому та й дожыдатыму смерты. И высповидаюся, и запрычастюся, и поховають якъ слидъ. А то пишла бъ я до ликаривъ, щобъ

заризалы та зварылы, та й пропадай хрыстыянська душа... Ой-ой-ой, уже заворушылыся!..

М. Н. Гринченко отъ прочанки изъ Полтавщины, въ 1898 г.

Къ отдѣлу IV-му.

359. Нечыста сыла у непосвяченій хати.

Була въ чоловика хата непосвященная. Винъ бувъ самъ, а до його ходывъ небожъ ночуваты. На ту ничъ старшый небожъ не хоче йты: — «Дидъ,— каже,— говорыть зъ кымсь». И меншый не хоче, вже сылою його вытаскалы. Дидъ спавъ на печи, а хлопець на полу. Ажъ влитае наче коршыкъ красный зъ верха. Дида заразъ за глотку, перекусывъ йому глотку, подравъ бикъ, а хлопця давывъ, а той кынувся тикать, а хата защабнута (хто його знае звидкиль). Коло порога языка йому вытягъ, подравъ когтямы груды...

Назавтра не одмыкаються, ничого не чуть. Такъ люде зибралыся, одбылы двери, ажъ дидъ совсимъ мертвый, а въ хлопця языкъ вытягнутый.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

Къ отдѣлу V-му.

360. Москаль и упырь.

Ишовъ москаль зъ службы, ажъ у лиси стойить хатка, а у хатци лежыть мертвець и всього наготовлено: и горилка на столи, и сало, и все... Винъ найився, напывся, та тилкы ставъ хрестытыся, ажъ мертвець и встае. Москаль переляхався и сивъ на лавци. И собака чорный

лежавъ тамъ. Такъ мертвець зсунувся, а москаль хотивъ зъ хаты; мертвець його за полу, повалывъ його та й задушывъ. Людей насходылося та москаля однеслы въ церкву, одправылы надъ йимъ панахыду, а того мерця положылы въ труну, обложылы дошкамы, та тоди прывелы другого москаля, щобъ винъ штыкомъ пробывъ труну, щобъ и груды мерцю проколовъ. Пробывъ той труну, выскочыла кровъ, попала попу на рызы, пидняло його высоко и той убывся.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

361. Щобъ видьма не влизла.

Протывъ Ивана застыркують кропыву за викна, щобъ видьма не влизла.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

Къ отдѣму IX-му.

362. Про жинку скупого чоловика.

Бувъ соби на сели одынъ чоловикъ—такый скупый, що не дай Господы! Жинка його скилькы не заробыть, а все ходыть у драному и боса й гола, ще й голодна. Жалко йий дитокъ, та ничого не може вдіять, такый поганый у нейи бувъ чоловикъ: скрыню одъ нейи замыкае и ничого йий не дае, а самъ на себе тратыть. Пишла тая жинка до попа—росказала усе. А пипъ каже:

— А ты ось що зробы—умры. Я тебе наче поховаю, потимъ побачымъ, що буде. Нехай тилькы про це знае твоя кума, а бильшъ нихто.

Пошла тая жинка та й каже усе куми, щобъ вона прыйшла, якъ вона вмирать буде. На другый день жинка тая лягла та й стогне. И кума йийи прыйшла.

— Идить, каже, куме, жинка ваша вмирае.

Вона певне знае, що то тилькы кумедія.

Прыйшовъ чоловикъ, подывывся, баче, що справди такы вмирае. А винъ йийи не любывъ.

— Дайте жъ хочъ билу сорочку на мертву надить,— каже кума.

Винъ вытягъ зъ скрыни таку драну сорочку, що кума якъ надила, дакъ и соромъ дывыться: ажъ гришне тило свитыться. Закрыла вона йийи рядномъ, поклала вже й у труну.

Тая жинка чуе, що биля нейи диты плачуть. Якъ йій, бидній, було лежаты! Але вона все терпила. Тоди була зима, то на кладовыще нихто не пишовъ: тилькы чоловикъ, кума, та тійи люде, що неслы. Оце вже треба йийи ховать у яму, та ни на чимъ спуськать. Батюшка каже до чоловика:

— Иды додому да прынесы полотно.

Винъ пишовъ додому за полотномъ, а батюшка вже каже жинци:

— Вставай швыдче!

Вона встала. Кума надила на неи кожушанку.

— Бижы,—каже пипъ,—до мене.

Побигла жинка до попа. Прынисъ чоловикъ тее полотно, труну порожню поховалы. Жыве тая жинка у батюшкы, а чоловикъ зъ дитьмы бидуе: хата не топлена, диты голодни й не мыти. Не знае винъ, що зъ ными робыты. Клыче його батюшка до себе на роботу. Колысь увійшовъ тый чоловикъ у хату, баче—жинка коло печи пораеться.

— Якъ бы оце я самъ не бачывъ, батюшко, якъ вы мою жинку ховалы, то подумавъ бы, що це моя жинка,— каже мужыкъ до попа.

А пипъ йому каже:

— Се удова зъ сусиднього села; вона въ мене другый рикъ жыве, дуже гарна жинка: роботяща така.

Черезъ килькы днивъ прыходыть чоловикъ зновъ до попа.

— Се я,—каже,— хочу одружыться, та не знаю, чы пійде жъ хто за мене, що въ мене дитей багато?

— А може моя наймычка й пійде? Та тилькы я боюся йій и казаты про тебе, бо ты и зъ нею будешъ такъ жыть, якъ зъ першою. Ты въ гости и до шинку, а вона дома. Ты гарно вдягнутый, а вона въ драній спидныци.

— Йій Богу, батюшко, теперъ уже я такъ не буду, абы ся жинка пишла за мене.

— Та хто жъ його знае? Може й пійде? Я зъ нею поговорю—каже пипъ .

Дакъ у того чиловика ажъ очи загорилысь—такъ уже йому тая жинка подобалась. Винъ до нейи усе прыдывляеться, а вона скаже слово, два, та й зновъ за роботу. Не дуже то на його й дывыться.

Зновъ прыходыть чоловикъ до попа, а його нема дома. А пипъ уже навчывъ жинку, що треба й казать.

—Се,—каже,—я до васъ. — Та й ставъ коло порога и очей не зведе.

— Та чого жъ вы сталы коло порога? Идить сюды,— каже його жинка.

Вытягла зъ печы млынци, поставыла на стилъ горилку. Винъ такый радый. Пойивъ, попывъ, потимъ каже: — «Се я прыйшовъ до васъ, та боюсь, що вы й слухаты мене не схочете».

— Та кажить уже, може й послухаю.

— Чы не пійдете вы за мене замижъ? Въ мене дитей багато, та ще й мали.

— Дакъ шо жъ? Я дитей люблю.

Винъ такый радый, а вона ще бильшъ. Повинчавъ йихъ батюшка. Якъ увишла вона въ хату, то старша

дочка думае:—Якъ вона похожа на нашу матинку, та чы буде жъ вона така добра, якъ маты?

Чоловикъ каже:

— Мы ляжемъ на пичъ, а диты нехай доли сплять.

А въ нейи ажъ серце болыть, та вона йому ничого вже не каже. Винъ клыче старшу дочку:

— Нахылысь, нехай маты на твою спыну стане, щобъ на пичъ злизты.

Бидна дытына думае: Якъ наступыть мачуха на спыну, то й кисткы поламае. А вона легесенько ступыла—тилькы що доторкнулась ногою.

Тоди диты лежять та нышкомъ розмовляють: «Мабудь и мачуха така буде добра, якъ маты». Зъ того часу взяла тая жинка все добро въ свойи рукы. Диты вже не спалы доли. Вона гарно одягнута. Що хоче те й робыть. Чоловикъ зовсимъ другый ставъ. Выйдуть диты на вулыцю, дакъ инши кажуть: «Въ насъ мачуха лыха». А воны кажуть:—«А наша мачуха така добра, якъ ридна маты».—Такъ отъ якый чоловикъ зробывся, якъ удруге побрався зъ своею жинкою.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда, Черниг. губ., Василисы Наконечной.

---

363. Стрыжено! Стрыжено!

Йихавъ чоловикъ зъ жинкою полемъ. Було се литомъ, саме о ту пору, якъ на поли такъ хороше, такъ весело та любо, що й додому не хочеться. Йихалы воны дорижкою помижъ пашнею. Кобыла тюпае соби помаленьку, а лоша попереду—вскубне трохы травыци, зробыть выбрыка та й дали. Дывыться чоловикъ, хтось на ныви ячминь покосывъ.

— Дывысь,—каже,—жинко: вже й ячминь покошено.

А жинка каже: «Стрыжено».

Булы воны въ кума въ гостяхъ, дакъ ще тамъ жинка чогось роспрындылась. Чоловикъ подывывсь на нейи та й каже:—«Опъять?»—А вона закопылыла пысокъ та й одвитуе:—«Опъять».—«Жинко, — ставъ винъ изновъ казаты,—мовчы колы хочъ!..»—«Чого я буду мовчаты?»—«А чого жъ ты перечышъ: стрыжено, колы воно кошено.» А вона изновъ:—«Ни, стрыжено!»—«Ой, та будешъ быта. кажуть тоби: кошено!»—«Стрыжено!» Чоловикъ зопынывъ кобылу. Злизъ винъ зъ воза та й пытае, держучы батигъ наготови: — «Чы кошено?»—«Стрыжено!»—«Злизь зъ воза!»—гримнувъ на нейи чоловикъ: А вона:—«Не злизу»!—«Геть зъ воза, кажуть тоби!»—«Не злизу я зъ воза... чого я злизу?»—«Злазь, тогди побачымо, чы кошено!» А вона изновъ:—«Стрыжено!»—«Брешешъ, кошено!»—закрычавъ чоловикъ та й почавъ йийи чустрыть батогомъ. Чустрыть та прыговорюе:—«Кажуть тоби: кощешено! Кажуть тоби кошено! Бисова баба ажъ пыщыть пидъ батогомъ та знай свое грае:—«Стрыжено! стрыжено!»

Кобыла, почувшы, якъ чоловикъ трактуе батогомъ свою жинку, стала комызыться, трохы воза не перекынула; побигла бъ, дакъ хазяйинъ въ одній руци вижкы держыть. Бачыть чоловикъ, що зъ сього дыва не буде пыва, сивъ на визъ та й пойихавъ дали.—«Ось потрывай, —каже,—суча дочко, прыйидемо до господы: буде въ мене кошено!»—«Стрыжено!»— «Буде й кошено!» — «Стрыжено!»—«Потрывай! потрывай! Буде й кошено!»

Прыйихалы додому. Ставъ пытать чоловикъ жинку:—«Чы кошено?» А вона изновъ:—«Стрыжено!» Піймавъ винъ йийи за космакы та й потаскавъ до коморы.—«Кажы, суча дочко, чы кошено?»—«Стрыжено!»

Роздягъ винъ йийи, прывъязавъ до стовпа та й почавъ частуваты батогомъ. Бывъ, бывъ, а потимъ пытае: —«А чы, що кошено?»—А жинка изновъ свое:—«Стры-

жено!» — «Ось постой же!—каже йій чоловикъ: я тебе, проклятущу бабу, втоплю!» —та й потягъ йійи до рички. А ричка була недалечко, заразъ на городи.

Прывивъ до берега, пытае:—«Кажы, що кошено, бо втоплю!» А вона: — «Стрыжено!» Винъ йійи шубовть у воду!.. Подержавъ трохы въ води — вытягъ, пытае:—«А що, чы й теперъ стрыжено?»—«Стрыжено!»

Винъ йій изновъ у воду... Отъ-отъ пропаде дурна баба.. ажъ бульбашкы стала пускаты, а ще такы пидняла зъ воды руку та й стала выробляты пальцямы такъ, наче кравець ножыцямы риже: се бъ то: — «Стрыжено! стрыжено!»

Бачыть чоловикъ, що нельзя здолаты завзятойи бабы, вытягъ йійи зъ воды та й плюнувъ.

Полтавская губ. Л. И. Глѣбовъ.

---

364. Чортъ посварывъ чоловика зъ жинкою.

Бувъ соби на сели мужыкъ зъ жинкою, жылы воны гарно багато рокивъ, николы мижъ ными не було сваркы. Чорту ажъ нудно стало, що воны такъ гарно жывуть. Винъ всякъ думавъ, якъ бы йихъ скусыть. Прыйшовъ винъ у хату до жинкы, вона саме пичку топыла. Самъ одягнутый якъ мужыкъ.

— Ось, каже, якъ ты гарно зъ чоловикомъ жывешъ, а винъ сю ничъ умре.

А вона каже:

— Лышенько! Чого жъ се винъ умре?—Злякалась.

А винъ каже:

— Стій, молодыце, не лякайся! Ось я тебе навчу, що робыть. Якъ винъ засне, то ты йому пидъ шыею одрижъ тры волосыны. Та якъ будешъ ризать, то не рижъ ни ножемъ, ни ножыцямы, а брытвою. Тоди твій чоловикъ буде жывый.

Дакъ жинка не знала, якъ дождаты вечера. Прыготовыла брытву, а чортъ пишовъ до йійи чоловика, що въ поли оравъ. Чоловикъ зъ наймытомъ оддыхають пислядобида, и чортъ сивъ зъ нымы; попросывъ у мужыка воды. Выкресавъ вогню. Закурылы. Тоди чортъ каже:

— Отъ якъ ты гарно зъ жинкою жывешъ, а вона тебе сю ничъ зариже.

А чоловикъ не йме виры.

— За що?—каже.

А чортъ каже:—Отъ побачышъ.

Чортъ попрощався та й пишовъ, а чоловикъ засмутывся дуже.

— Чого жъ се вона мене вбъе? Мо въ нейи другый е?

Ще й рано було, а винъ каже наймыту:

— Пойидьмо вже, сыну, додому.

А наймытъ каже:

— Та чого жъ, дядьку, такъ рано додому? Може огонь дви ще проженемъ?

— Колы мени, сыну, щось не спокійно: рукы трусються и плуга не вдержу.

— То й пойидьмо.

Прыйихалы до воритъ, а жинка выскочыла зъ хаты.

— Чого се вы такъ рано прыйихалы? Поламалося що, чы шо?

— Не поламалось. Утомывся,—каже чоловикъ. А серце въ його болыть, болыть, що отъ-отъ смерть.

Попоралы скотыну. Силы, повечерялы. Жинка скоренько послала постиль.

— Лягай, чоловиче, колы тоби недобре, а я ще горшкы помыю та ложкы пdescribed вечери.

Винъ лигъ. Чуе жинка, що чоловикъ спыть (а винъ нарочыто прытайився), закачала рукава. Поставыла каганець блыжче, щобъ краще роздывыться, де тійи волосыны на горли. А въ його справди була тамъ бородавка зъ трома волосынамы.

Взяла жинка брытву и прыступае до чоловика зъ жахомъ. Серце въ нейи затайилося, рукы трусються. Тилькы простягла зъ брытвою руку, а чоловикъ йийи за руку:

— А що се ты хочешъ скойиты? Надойивъ?

Та й давай йийи быть. Бывъ, бывъ—тилькы що жыву оставывъ.

Посидалы воны на лавци, та й плачуть обое. Жинка каже:

— За що ты мене вбывъ?

А чоловикъ пытае:

— На що ты мене заризать хотила?

Вона одъ болю та плачу не може говорыть.

— Подожды, переплачу.

Отъ, потимъ уже, якъ выплакалась добре, тоди усе роскавала, якъ було.

А чоловикъ и соби росказуе. Колы чують, щось якъ зарегоче въ синяхъ, та заплеще въ долони.

— А що, каже, и дождався, а то я вже засохъ пидъ пичкою сыдячы та дывлячыся, якъ вы гарно жывете.

Сказавъ и щезъ.

Тоди мужикъ упавъ навколишкы и почавъ у жинкы прощеніе просыть: — Покы вмру, не буду тебе вже бильшъ быты.

Записала Одарка Романова отъ Василисы Наконечной, крестьянки с. Филевки Черниговской губ., Нѣжинскаго уѣзда.

---

365. Якъ жинка чоловика вбывала.

— Чы вы не чулы чого про Мытрохвана? Чы вуонъ очунявъ?

— Про якого Мытрохвана?

— Та про того, що йому дивчына межи очы кыслоты лынула.

— А! Кажуть шо очунявъ, туолькы на одно око сліѐпый зоставсе. А це зновъ, кажуть, діѐвка лежыть. Мо-

лодыца якась хотіѣла йой очи выпекты, да якось Буогъ давъ, шо не попала въ очи. а туольки выдъ попалыла та рукы, не въ мою міѣру міѣраючы, отъ поты. Та ще, кажуть, такъ хытро: повночи лынула та й побіѣгла, шобъ и не зналы, хто, шобъ, значыть йой ничого за тее не було. Такъ дознались: діѣвка сказала, на кого вона думае. До йие, ажъ у йие юпка попалена. Вона, значыть, якъ лынула, такъ и собіѣ на юпку та й попалыла. По тому й узналы, шо то вона зробыла. Якъ по вашому: я думаю, що тую кыслоту скоро зовсіѣмъ знышто-жуть?

— А воно добре було бъ, якъ бы зныштожылы, бо таке теперъ повелосе, шо якъ шо, такъ заразъ кыслотою очи выпекты. Бо кожне пиде въ обтеку й возьме, абы грывеныкъ.

— Ніѣ, оце въ насъ гомоніѣлы люде про одну сторію, до кравца прыйѣздылы, такъ росказувалы. Кажуть, у Рабцахъ случылосе. Одъ насъ и Рабцы тые недалечко. Дакъ росказувалы, якъ одна жуонка чоловіѣкови своему хорошей зробыть хотіѣла. Пошла, значыть, до дохтора и каже: «Дайте миніѣ мышаку». Дохторъ пытае: «На що тобіѣ мышаку?» Ну, вона вже тамъ шось исказала йому, звіѣсно, збрехала. Дохторъ заразъ и догадавсе та й думае: Ну постуой же, голубко, я жъ тебе выверу! И давъ йой, заміѣсто мышаку, того, шо горло нымъ полощуть, якъ болыть. Ну, вона вже забрала тую суоль, чы шо воно тамъ такее, и пошла, радіѣе вже, шо одурыла дохтора. А дохторъ знавъ, шо вона не въ согласійи съ свойимъ чоловіѣкомъ жыве. Заразъ пославъ по того чоловіѣка и каже: «Твоя жуонка въ мене мышаку просыла, то вона мабуть тебе отруйить хоче. Такъ ты не бойся— усе йѣжъ, шо даватыме, бо я йой такого давъ, шо не отруиссе. Туолькы прыміѣчай, шо якъ вона дасть тобіѣ такого, шо сама не йѣстыме, такъ ты послiѣ його зробысе неначе хворый. Побачымо, шо вже вона тоды ро-

бытыме». Той чоловѣкъ пошовъ додому и вже прыгледаетьсе до йие, примѣчае, значыть. Отъ вона:

— Шо це въ мене цяя курка така чогось смутная? Мабуть йие зарѣзать треба!

Зарѣзала, натерла тымъ мышакомъ, шо дохторъ давъ, бо вона жъ думала, шо то мышакъ, ижжарыла и подае. Подала, а сама не сѣдае йѣсти. Чоловѣкъ каже:

— Чому жъ ты сама не сѣдаешъ йѣсти?

А вона: «Я, каже, впосли iѣстиму, бо теперъ минiѣ нiѣколи».

Ну, вуонъ самъ найѣвсе добре, тоды й почынае, такъ, наче йому вже погано:

— Охъ-охъ! Чогось у мене жывуотъ такъ дужей заболiѣвъ!—Такъ стогне и вже й пiѣну зъ рота пустывъ.

—Охъ-охъ! Пойду въ хлiѣвiѣ ляжу!

Пошовъ, а вона радiѣе, шо вже його взяло. Туольки до хлiѣва все бiѣжыть, наслухуе, чы ще вуонъ живый. А вуонъ то дужей стогнавъ, а то вже тыхшей-тыхшей, а тоды вже й замовкъ. Вона думае:—«Ну, слава Богу, вмеръ уже». Заразъ узела вировку, пошла въ хлiѣвъ, зачепыла його вировкою за шыю и тягне, шобъ повiѣсить.

— На шо то ще й вѣшать, колы вже вона думае, шо вуонъ и такъ нежывый уже?

— Такъ шобъ не подумалы люде на йие, шобъ поподумалы, шо то вуонъ самъ завiѣсивсе. Ну, значыть вона його зачепыла вировкою и хоче тую вировку перекынуть угорiѣ та нiякъ не перекыне. Кыдала-кыдала— нiякъ.

— Треба,—каже,—палку взять, такъ палкою перекыну.

Пошла палкы шукать, а чоловiѣкъ уставъ, узявъ товкачъ изъ ступы и зачепывъ вировкою, замiѣсто себе, значыть, а самъ пошовъ у хату и люогъ на печи. А вона прыйшла съ палкою, тоды вже палкою перекынула вировку и тягне його. А товкачъ ва̀жкый и повночи въ хлевiѣ, такъ йой не выдко, и думае вона, шо чоловiѣка

тягне. Повієсила той товкачъ и тоды вже голосыть и біѣжыть до сусіѣдъ, крычыть:

— Ой ретуйте, муой чоловіѣкъ завіѣсивсе.

Сусіѣды позбіѣгались, засвіѣтили свіѣтло, пошли въ хліѣвъ, ажъ тамъ товкачъ изъ ступы высыть. Воны въ хату, а той чоловіѣкъ на печіѣ лежыть та смейиться:

— Дывитьсе, люде добри, яка въ мене жуонка! То жъ вона мене и труйила, и віѣшала!

Такъ йіе заразъ и забралы. Кажуть, шо на віѣки въ каторжну роботу пуойде.

М. Н. Гринченко отъ молодыци Марьи Коваленковой изъ с. Пѣвцовъ Черниг. уѣзда, 1900.

---

366. Старшына.

Въ окружнуимъ суди чытають ришинець одному старшыни: — Ришаемо всихъ правъ состояння й видъ должносты устраняемо.

— Покирно вамъ дякую, господа судди, за ласку; та ще бъ я васъ просывъ по ласци, що-бъ ослобонылы й видъ сильського одбутку, та щобъ и на греблю не гонено.

Нѣжинскій уѣздъ. Е. Н Гаврилей.

---

367. Старцевы гроши.

Хто й зна, чы се правда, чы такъ брехенька. Кажуть, жывъ у одного пана старець, и такый винъ бувъ бидный, ну зовсимъ старець. А тоди винъ умеръ. И осталася його свыта така погана, шо дворныкъ погыдувавъ йийи и въ рукы взяты, а взявъ та выламы й закынувъ на хату. Отъ вона тамъ и лежыть. Ну, треба було хату перекрывать. Сталы тую свыту исъ хаты скы-

дать, а вона вже зогныла. Тилькы взялы йийи на вылá, а вона й роспалася, зогныла значыть, а гроши зъ нейи такъ и посыпалыся. Воны тоди до пана:

— Такъ и такъ, гроши въ старцевій свыти найшлыся.

Ну, забралы ти гроши и думають, шо зъ йимы робыты. Панъ людей изобравъ и пытае:

— Шо съ цымы гришмы старцевымы робыты?

Люде прысудылы, шобъ йихъ на вбогыхъ людей виддаты. А панъ каже:

— Ни, не можна на вбогыхъ оддаваты. Ти гроши зъ жадносты, бо винъ якымъ старцемъ прыставлявся та все йихъ збиравъ. Йихъ не можна на добре дило повернуты.

Думалы, думалы и надумалы за ти гроши купыты свыней и годуваты. Ну, купылы свыню й кабана и годують йихъ за ти гроши. Свыня поросятъ навела и йихъ годують. Отъ и не стало вже грошей. Панъ каже:

— Вже свыни вси гроши пойилы, що жъ теперъ изъ йимы робытымемъ?

И прысудылы такъ, шо нехай теперъ свыни самы себе йидять. Якъ зачалы свыни самы себе йисты,—усихъ поросятъ пойилы, зосталыся тилькы свыня то кабанъ. А тоди кабанъ и свыню ззивъ. Отъ иззивъ та й пишовъ. А панъ каже:

— Визьмите десятеро коней и йидьте за нымъ назырци,—куды винъ пиде?

Отъ посидалы на кони и йидуть за кабаномъ, назырци, звисно—не швыдко, бо винъ не швыдко йде, та ще й стане, и воны стануть—дожыдають його. Отъ винъ прыйшовъ на кладовыще и ставъ старцеву могылу рыты. А панъ каже:

— Нехай рые!

Отъ винъ рывъ, рывъ, дорывся до труны, тоди росплатався на йій та й здохъ.

Отаки то старцевы гроши. Такъ воны й пропалы.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко, въ 1898 г.

---

368. Про добру панію.

Звiѣсно, всякiйи паны бувалы... Отъ у нашуомъ селiѣ одна панiя, К—ка, такъ, кажуть, дужей гарна до людей ла.бу Вона знала, шой сама вона до людей гарна, и було каже свойимъ уже панськымъ (я сама не знаю, а матка покуойна було росказуе, шо було каже): «Молить за мене Бога, шобъ давъ менiѣ царство небесне, шо я до васъ добра». Такъ шо вы думаете? -- и молылы Бога. Оце й за стуолъ посядуть, такъ молютьсе и спать лягають, молютьсе. Ще бъ не молылысь, колы йимъ куды жъ луччей було жыть, якъ у иншыхъ якыхъ пануовъ. И вона така була, шо все знала и людямъ росказувала. Оце вже хочъ и не пански булы, а йдуть до нейи пытать, колы шо робыть, колы тамъ шо сiѣять чы садыть. Такъ вона й росказуе, бо вже вона знала. Отъ було не велыть кiяхы садыть тоды, якъ у печи горыть, а то головня въ кiяхахъ буде. И-и-и багато було чого росказуе людямъ про хазяйство! Такъ шо вы думаете?—плакалы наши люде, якъ вона вмерла и Богу за йие молылысе.

С. Жеведь Черниговск. у. М. Н. Гринченко, въ 1900 г.

———

369. Догадавсь.

Ще за панського права одынъ чоловикъ та зробывъ соби парныкы и выкохавъ уже пару огиркивъ передъ Велыкоднемъ. Отъ и понисъ до пана на подарунокъ. Зрадивъ панъ, що такый у його хазяйноватый мужыкъ и подарувавъ йому за пару огиркивъ пару воливъ.

Зачувъ се багачъ та й думае соби: «Ну, вже жъ я лучче зроблю! Я йому визъ огиркивъ повезу. Дасть мени панъ не пару воливъ!»

Та диждавшы лита, якъ зародылы огиркы, насыпавъ йихъ визъ та й до пана.

— Такъ и такъ, пане,—прывизъ вамъ огирkивъ.

— Спасыби! спасыби! — каже панъ, — оддай тамъ на кухни.

Стойить чоловикъ, не йде зъ хаты.

— Чого жъ ты стойишъ?

— Та дожыдаюся—що ваша мылость пожалуете.

— За що?

— Та за огиркы-жъ... Онъ Мытрови за пару огирkивъ пару воливъ далы, а я якъ визъ прывизъ.

Якъ росердыться жъ панъ, якъ закрычыть на слугы:

— Визьмить його! прывъяжить його до стовпа!

Заразъ його вхопылы та й прывъязалы въ двори до стовпа.

— Берить огиркы, циляйте въ його огиркамы, быйте!

Беруть слугы огиркы та й ну влучаты въ багача. То оце тилькы который—лусь! то заразъ той: «Догадавсь!» Другый—лусь! а сей знову:« Догадавсь!» И такъ за кожнымъ разомъ. Почувъ сее панъ, крычыть:

— Стрывайте! ведить його сюды!

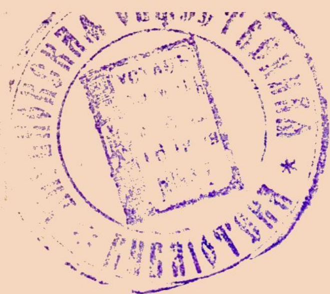
Одъязалы, прывелы.

— Що ты тамъ кажешъ? шо ты догадавсь?

—А вже жъ догадавсь! Жинка казала: визьмы,—каже,— чоловиче ще й кавунивъ, а я й не схотивъ узяты... Хыба жъ и не догадавсь? Шо бъ то воно було, якъ бы ще й кавунамы почалы циляты?

Зареготавсь панъ та вже й пустывъ його.

Харьковскій уѣздъ, Б. Д. Гринченко.



Прибавленіе.

Старая рукопись.

Цѣликомъ печатающаяся ниже рукопись представляетъ изъ себя тетрадку въ четвертушку сѣрой бумаги, въ которой заполнены только первыя 14 листковъ. Письмо начала XIX вѣка.

Копія сдѣлана небрежно, очень много искаженныхъ словъ. (Гдѣ могли, мы возстановляли въ скобкахъ первоначальный текстъ). Правописаніе непослѣдовательно; мы удержали его, сдѣлавъ лишь, для облегченія чтенія, слѣдующія измѣненія: а) разставили почти отсутствующіе въ рукописи знаки препинанія (кромѣ нѣсколькихъ испорченныхъ мѣстъ), б) отдѣлили союзы **а** и **и**, которые систематически стоятъ въ рукописи вмѣстѣ со слѣдующими за ними словами, в) раздѣлили нѣсколько словъ, случайно написанныхъ переписчикомъ вмѣстѣ (напр.: ботяти, покриего), г) большія буквы, разставленныя въ рукописи случайно, безъ всякой системы, поставили только тамъ, гдѣ требуетъ современное правописаніе. Необходимо сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе. Въ рукописи отмѣчается йотированіе **и**, производится это тѣмъ же знакомъ, который обозначаетъ и краткость **й**, т. е. , напр. «тийи, що дѣти свойи стратятъ» написано такъ: тий, що дѣти свой стратятъ». Этотъ же значекъ(˘) стоитъ иногда и надъ **і**.

Рукопись доставлена намъ В. Ф. Степаненкомъ изъ Каневскаго у Кіевск губ.

Сторія о мудромъ младенцу.

Билъ нѣкоторий младенецъ изпростаго стану, барзо мудрий и учоний внауцѣ своей и умудрости своей. Мовить: «пойду где воиншое панство и пристану доякого цара, жемъ зласки Божой науки маю доброи». Але онъ неимѣлъ защо сукнѣ справити. Теди продалъ оца,—купилъ коня, матку продалъ,—сукнѣ справилъ. И всѣвши наконя поехалъ вдалеку страну. Случилося ему зихатися здругимъ младенцемъ, которому онъ (конь!) присталъ, и дали собѣ добриденъ. Запиталъ его мудри младенецъ: «околъ ти идешъ? Вижу, же тѣбѣ конь присталъ». И они мовить младенецъ:«иду доцаря злистомъ». Мовить м(у)дри младенецъ «дай мнѣ той листъ, я знимъ поѣду доцаря, бо мой еще конь добри». А они младенецъ уклонился и далъ листъ мудрому младенцу, а самъ пойшолъ додому. Мудрий мла-

дениць, взявши листъ, и мислить себѣ: щобъ би втомъ листу написано? Отволилъ и почалъ читати, и тамъ написано: хто той листъ доцаря донесе, тому чоловѣку утъяти (голову) и напаль избити. Почитавши, подралъ: «хвалю тя, Боже мой, щомъ о(т)безумія моего незгинулъ»!

И приихалъ дотого мѣста, которого о(т)чотирехъ странъ оточили води, и обачилъ мудрий младенецъ около замки голови напаляхъ человѣчи. Барзо собѣ мислилъ: Що то запричина? Буду я того питати. И сталъ уедной жени - ночовати, барзо старой. А втой жени билъ единъ синъ, и натои часъ умеръ, и она уфрасунку била посвоему сину. И обачила того младенца и мовить: «сину мой, младенцу!» Увойшовши оній младенецъ удомъ ей и назвалъ ей маткою, и она его засина приняла. И мовить младенецъ: «матко моя, щото заголови напаляхъ позбитія?» И рече: «сину мой, то мѣсто царское, а утого царя только една дочка, барзо учона, нетолько, але и отецъ ей слухаетъ. Тая скаждимъ гадаетъ, и нѣхто ей непрегадаетъ, бо жаденъ человѣкъ неможетъ ей о(т)казати нетолько, але всвѣтѣ ей нихто неоткажетъ что загадаетъ и така есть красна и учона. Много младенцовъ ей скарбовъ показовали, а она натое негладѣла, только зними онаукахъ диспутовала, мовить: мнѣ скарби непотреба; хто хочетъ мене взяти нехай отъкаже тую науку, чого я запитаю и коли би мене хто перегадае, той мене озметъ; а неперегадаетъ мене, то кажу ему голову отяти и напалъ избити». Жена мовить: «сину мой, то голови паничовъ тихъ, которіе царевнѣ неотповѣдали». А потомъ жена младенца запитала: «околъ ти, младенче, приихалъ?» И оповѣдѣлъ ей: «матко моя, я затвоимъ благословеніемъ пойду доцаревни обозъку науку гадати й спробую щастя. Я тую науку добре знаю: забожию помощию перегадаю ей и озму засебе». Мовитъ жена: «дляБога прошу я тебе, сину мой, дай тому по-

кѣй, бо жаденъ невийшовъ о(т)тоей царевне вцѣлости». Младенецъ мовитъ: «матко моя, хто боітся смерти, нѣколи доброго дѣла незробить». Жена мовитъ: «Богъ тебѣ впомощь».

А потомъ младенецъ пойшолъ доцаревни, прийшолъ довратъ царскихъ и обачилъ стражу стоячую и мовитъ младенецъ: «позвольте мнѣ доцаревни увойти!» И війде первіе доцара и мовитъ: «найяснѣйший цару! позволь мнѣ с(с)воею цоркою поговорити». И риче царь: «нейди! мало ти науки знаешъ,—нинѣшняго дня страченъ будешъ». И рече младенецъ: «и я позволяю, тилько, цару, дай знати царевнѣ отомъ». И заразъ дано знати, и сказала прийти досебе. Младенецъ прийшолъ доней и далъ ей добриденъ, а она, поздоровивши его, казала принести кресло злоцѣное. Сѣвши младеницъ безпечне, неглянулъ нацаревну и умисли своей гадае: «если буду нацаревну пилно глядѣти,—скваплюся ей красотѣ, той зийду зрозуму». Якъ сѣлъ, и мовитъ доцаревни: «питай мене чого хочешъ,—буду тебѣ о(т)казувати».

Царевна мовить: «уцѣмъ сидишъ?».

Младенецъ мо: «шати мой намѣнѣ, оусвоихъ сижу».

Царѣвъна мовитъ: «хто такий безмеча воюе?»

Мла: мо: «риба вморѣ, же кораблѣ вивертае злюдми».

Ца: мо: «хто такий умогилѣ лежалъ три дні?»

Мла: мо: Иона пророкъ вочревѣ рибномъ».

Ца: мо: «хто такий умогилу увойшолъ, да гробной муки невидѣлъ?»

Мла: мо: «той, котораго Богъ о(тъ) гроба четверодневнаго воскресивъ».

Царѣвна мо: «хто такий родился безъ матки?»

Мла: мо: «1-й—Адамъ, 2-а—Ева, 3—барановъ (баранокъ!), которій закланъ бисть вмѣсто Исака, 4—крестъ, накоторомъ Христосъ распятся булъ».

«Которій ангели (лгали!) и посвари чинили?»

Младенца: «братій Иосифови, породавши (продавши!) его, оцу своему Иякову лгали».

Ца: мо: «которихъ Богъ дванадцятъ принялъ и грѣхи имъ пирибачилъ? вмѣсто воини (?) изновъ вийшли шесть тисяць народу?»

Мла: мо: «Ияковъ здва надесятима вийхалъ доМисера мѣста и тамъ сина своего знайшолъ и радъ билъ, що его синъ Иосифъ уцарствѣ осѣлъ, потомъ тая шоста своего добра догала преведене пророка Моисея».

Ца: мислить собѣ: «кождое рече, що тилько запитаю, тое минѣ отказуе».

Мислить себѣ: «оБоже мой милостивий, аби мой младенецъ неперегадалъ мене!»

И мовитъ царевна: «сего дня вцѣлости о(т)мене видешъ, а заутра рожнихъ клопотовъ учиню тобѣ».

Младенецъ мовитъ: «сего дня Господь помоглъ мнѣ и заутра поможе».

И потомъ, вставши, и пошолъ догосподи. Господиня мовитъ: «якъ вийшолъ еси отоей царевни здоровий?» Младенецъ мови: «хвалю Бога моего Спасителя, жемъ вишолъ.» Другаго дня вставши, пойшолъ зновъ доцаревни и далъ ей добриденъ, накрѣслѣ (сѣлъ).

И царѣвна почала гадати: «що то есть задрево, що внемъ есть 12 гѣлей и накаждой гѣлѣ потридцять листовъ, уверху древо болѣ (бѣло!), а усподѣ черно?»

Мла: мо: «латво мнѣ тое угадати: древо то есть рокъ, а дванадцять гѣлей, то есть дванадцять мѣсяцѣвъ, а вкаждомъ мѣсяцѣ потридцять дней, уверху бѣле, то есть день, а усподѣ чорне, то есть нощъ».

Ца: мо: «що то з(а)птахъ: яйце несе, дѣтей неплодить?»

Мла: мо: «то есть рокъ: нѣпребувае, нѣодбувае».

Ца: мо: «много есть птаховъ именемъ названихъ?»

Мла: мо: «1 ластовицу, 2 воронъ, 3 голубъ, 4 пчелѣ, 5 удодъ, 6 соловей, 7 жайворонокъ».

Ца: мо: «скажи мнѣ, кому Богъ далъ прирожену науку?»

Мла: мо: «то есть пчелѣ».

Ца: мо: «скажи мнѣ двѣ речи: (хто)тоесть двое людей, що правду реклі и допекла пойшли?»

Мла: мо: «то есть тіи люди едни есть умрене (вѣрмене!), а другѣ жиди. (Жиди) мовятъ: увѣр(м)енъ вѣри нимае, урмяне мовятъ: ужидовъ вѣри нимае». И блудятъ и допекла идутъ».

Ца: мо: «Якъ Сатанѣ имя било?»

Мла: мо: «харисъ твой часъ, якъ билъ нанебеси; Адама и Еву прелстилъ еднимъ ото вецъ и о(т)того часу сатаною ставъ».

Ца: мо: «много лѣтъ Адамъ жилъ насвѣтѣ?»

Мла: мо: «девять сотъ тридцять лѣтъ и умерлъ».

Ца: мо: «хто такий нетворитъ (не говоритъ?), тѣла и кровѣ неийметъ, и особѣ вѣдомости даетъ?»

Мла: мо: «то есть в(ѣ)терь»

Ца: мо: «божѣе створеніе (що) уводитъ допекла?»

Мла: мо: «кажди человѣкъ безбожни загрѣхи упеклѣ зостаетъ».

Ца: мо: «язикомъ якимъ будемъ упеклѣ говоритъ?»

Мла: мо: «Жидовскомъ, а врай греческимъ».

Ца: мо: «пойди додому! хочай рицеромъ хочешъ бути,—заутра зновъ прийдешъ».

Младенецъ вставши и пойшолъ. Царевна зостала увелікимъ фрасунку и младенцивимъ словамъ дивовалася. Другаго дня приходитъ младенецъ, далъ день добрий и сѣлъ знову накреслѣ. Ца: мо: «сегодня невийдишъ отмене вцѣлости, бо смѣеся измене и ругаеся, а если неотгадаешъ загадки моей, кажу тебѣ голову отяти и напалъ избити».

«Нинѣ мнѣ Господь поможе».

Ца: мо: «есть жена альбо пан(н)а,—много говоритъ непопански».

Мла: мо: «царевно, много есть губила паничовъ, а нехочешъ ся каяти!»

А той царевни имя било Сельгадка грецкими словами.

Мла: мо: «ну вже три дни гадаю стобою и все тобѣ отказую. Теперъ я тобѣ запитаю едной речи, але якъ неотважишъ, то я (скажу) тобѣ голову утяти и напалъ избити, а если откажешъ, то будешъ мнѣ женою».

Ца: мо: «на я натое позволяю; любо твоя власть надомною, а мой надтобою».

Мла: мо: царевнѣ: «хто таки мудрий и уродою хорошій и зотца учинилъ коня, а зматки учинилъ суннѣ».

Ца: мо: «прошу тебе, младенце, вижу тебе предсобою якъ свѣшу свѣтлу, немашъ тилко, якъ ти много разумѣешъ! Прошу тебе, дай мѣне по(ко)й натую нощъ, завтра прийдешъ, откажу тобѣ, а еслѣ неотважешъ (не откажу!), волно тобѣ що моя (твоя?) мислъ поднесе: хочъ голову отяти, хочъ зажену узяти».

Младенецъ далъ ей добривѣчоръ, а царевна зосталася звеликимъ фрасункомъ. И почала мислити: «оБоже мой! дивуюся барзо, що неоткажу загадки тоей, тилько уставши и пойду дотого младенца, питаючися его озагадку (онъ мя невидѣлъ много, неп(о)знаетъ мя), питаючися, чий онъ есть синъ: если царскій, то пойду занего, а если простаго стану,—непойду занего. Вѣдаю я добре, же онъ мнѣ скаже свою загадку». И убравшися вшати дорогѣе: «хто намене гляне, то изрозуму зийдетъ!» И взяла ис(с)обою напитки дрогѣе и пяніе, а младенца (младенцу!) Богъ напомощъ. И прийде царевна догосподи, закалатала и вийшла донеи господиня и мовитъ: «небого дѣво, чого ти прийшла?» Ца: мо: «Матко моя, позволь минѣ увойти удомъ свой: маю потребу подлую (пилную?)»—И поблагословившися и пойде домладенца и мовитъ: «добривѣчоръ, младенце!»—Мла: мо: «здорова ходила,ясная! скоро (скажи?) очемъ прийшла?»—«Мисль твоя прийшла (привела?)мя дотебе»—

Младенецъ мовитъ: «якого ти роду?»—Она мовить: «естемь ковалѣвна, мой отецъ коваль и слюсаръ. А ти, младенце, що маешъ запотребу унашомъ мѣстѣ? Тебе люди хвалять и рицаромъ називаютъ».—Мла: мо: «естемъ я такий, якъ мене бачишъ».—Ца: мо: «якого ти роду?»—Младенецъ мовитъ: «непамятаю, бомъ уночѣ виiхавъ здому».—Ца: мо: «тебе люде хвалятъ, же царевну перегадалъ, немѣла тобѣ отказати. Отецъ мой приволилъ (прислалъ?) мя престерѣгати, я тежъ, просячи (милуючи?) тя приймалъ (прийшла?). Ца:

Отъ (онъ!) бачилъ ей красоту, немоглъ ся догадати. И почали напитки пити, царевна сама наливаетъ. И стали межу собою увеселятися и сидячи наложку его едно другого сѣловати. Царевна мовитъ: «мой мили младенце, прошу тя для Бога, скажи мнѣ, чого питала царевна утебе? Повѣдали люде, що царевну перегадалъ».—Мла: мо: «я то власни отца продалъ,—коня купилъ, матку продалъ,—сукню справилъ и учужое панство служить пойхалъ и того я запиталъ,—она мнѣ неотказала». Ца: мо: «мой милий младенче, я нѣзкимъ нѣила, нѣпила, а дотебе пю люблячи тебе».—Мла: мовитъ: «дай тобѣ, Боже, здоровіе и мисль долгу!»—Отакъ розмовляючи (зъ) младенцемъ и сѣлуючися, нощъ щося младенцу уподобало, то робили. Заразъ ся младенцемъ (младенецъ!) зпянчилъ, а вона вставши злужка, заразъ пойшла до покоювъ своихъ, бо южъ близко день билъ.

И рано младенецъ ледво дорозуму прийшолъ, зафрасовался барзо, нипозналъ, що царевна била. Младенецъ уставши, глянулъ налужко свое и знайшолъ ей золотий (перстинь), наверху перстня камѣнь аспѣшовий, имя ей написано било. И взявши той перстинь, пошолъ доцаревнѣ, далъ ей добридень и сѣлъ накреслѣ. Царевна мовитъ: «я твою загадку отгадаю. Ти самъ той оца продалъ,—коня купилъ, матку продалъ,—сукнѣ справилъ, —ото твоя загадка, младенце!» И уволала слугъ своихъ

и мовить: «повидѣте его настрату, бо его перегадала».

И взявши его слуги повели доцаря наросудокъ. И мовить младенецъ: «найяснѣйши цару! маю одно слово мовити». Царь говорить: «мовъ смѣле!»—И рече младенецъ: «шщо то такое есть, же летѣвъ голубъ одцарского двора и прелетѣвъ навъдовинъ дворъ яко нѣби чужоземичь, надѣл того голуба хорошого и поймалемъ его, що хотѣлемъ, той изнимъ чинилъ. Обезпечившися, привикъ домене и обознался зомною и полетѣлъ зновъ доцарского (двора). Але хвалю Бого моего, же стого голуба одно пиро зосталося оумене».—Царь питае: «що то запричина?»—Перстень показалъ: «отожъ, цару, перо, которое я знайшолъ насвоему лужку».—Царъ обачилъ, зафрасовался о цорцѣ своей и мовитъ: «о цорко! що той перстинь чинитъ утого младенца?»—Царевна мовитъ: «то перстень немой, але сей ȝдижъ перстень неподобенъ моему, а вмене (мене?) онъ нецънотливи (не цнотливу?) передочима вашими вдаетъ».—Царъ мовитъ: «а чомъ я твоего невижу перстиня притобѣ?» Царевна вставши и пойшла и казала закликати и превести золотара, и превели. Ца: мо: «прошу тебе, золотару мой, изроби минѣ перстинь загодину злоцѣсти, зроби камень аспѣсовий, имя мое напиши». И заразъ сталъ робити. И дала ему кѣлка черво(н)ихъ и почала просити: «Мой мили золотару, невидавай мене оттого!» И взявши той перстинь и пойшла доцара своего и мовитъ: «отожъ, отецъ, мой перстень примѣнѣ, а то немой, що умладенца, але его визволяю».

Отого часу били доца(ра) гостѣ далекіе, воеводи. И взяли воеводи оба перснѣ и приклали еденъ додругого и немогли зрозумѣти,—оба ровніе, только вцаревни новій билъ. Теди царъ мовитъ: «одамъ я тебе, цорко моя, занего и будешъ въ мудрости царствовати». Цурка мовить: «я(къ) твоя воля, оче, билъ, и я рада що билъ (би-мъ?) клопоти болшъ немала». Учинилъ царъ веселя,

а посмотри отримати (по смерти цара отримали) царство, и жили собою и потомъ болшу власть мужъ имѣетъ, нижели жена. Амѣнь.

Повѣсть о царѣ Филименѣ.

повѣсть оагий оцару.

Бисть воградѣ Филименѣ царъ славенъ зѣло и богатъ. И прилучися ему стояти всоборной церкви въ престола божественой литугрій (литургіи!), а чтуще иерей святое евангеліе, вънемже написано: «богатий обнищаша и нищий обагатиша». И слиша царь Агія они евангельскія словеса и размисляше воумѣ своемъ вой(с)тину ложъ сие восвятомъ евангелйй написано, понеже естемъ царь славенъ и богатъ, а нишему невозможно обогатѣти». А егда скончися святая евангелія, то царь Агѣя повелѣлъ иерея втемницу всадити, а взявъ евангеліе, листъ вонъ видралъ. И пойде царь Агѣя сомногими боляри вцарскія своі палати и началъ пити. Его вѣрній слуга и возвѣсти цару: «проявися вотвоихъ лукахъ елень вельми красенъ, и нѣхто его несмѣетъ безтвоего царского велѣнѣя ловить». И слишавъ царь Агѣя, повелѣ предстоямъ осѣдлати коня своего и взявъ (съ) собою двадцять одного юношу, и пойде въ царскіе своі луга и увидѣлъ царь Агѣя еленя зѣло прекрасного и погна заеленемъ послѣдъ. И прибѣжа елень зарѣку, царь же Агѣя устремися заеленемъ и глагола кюношамъ: «стоите ви здѣ, азъ еденъ уловлю еленя». И скинувъ зсебе царскую одежду заеленемъ попли, препли рѣку и наеленя порегу вслѣдъ его жебѣ ради царь Агѣя вельми утомленъ бистъ, ангелъ Господенъ вообразѣ царя Агѣя прийде креченимъ юношамъ соонаго полу рѣки и рече имъ: «подайте мнѣ платѣе и коня моего! Елень бо убѣжа изочей моихъ». И одѣлъся ангелъ Господенъ воодежду

Агѣя цара. Сядетъ наконя и пойде вградъ Филименъ сославою царскою.

Агѣя же царь гнавъ заеленемъ, елень же невидимъ бисть. И возвратися впять, препли рѣку и невидимъ коня своего, ниплатя, ниюношей, сталъ нагъ, задумался и смотри сѣмо и оѣамо и видѣ пастуха, пасучи овци. И прийде кнему нагій просить: «пастуше-братія! гдѣ видѣлъ коня и юношей?» Пастухъ же глагола кнему: «ти хто̆ еси?»—Царже отвѣща кнему: «азъ есть царь вашъ Агѣя, града Филимена». Пастухъ же рече кнему: «окаяни! како ти смѣешъ царемъ наречися? Азъ видѣлъ царя Агѣя, прижалъ сославою велъможи и сомногими юноши, а ти окаяний нагій и нарикаешъ себе царемъ Агѣемъ?» И началъ его бити долгимъ батогомъ и трубою, Агѣя же началъ бѣжати. Пастухъ же гнаше волци (овци!) вослѣдъ его и бѣяше кнотомъ и швиграя трубою. Егдаже Агѣя бѣжа далече о(тъ) пастуха и нача плакати и умильно каятися предбогомъ: «войстину согрѣшилъ и Бога прогнѣвилъ и святое евангеліе похулилъ и ерея втемницу посадилъ безвине и листъ изевангелій видрахъ написаніе: богатий обнищаютъ, а нищий обогатѣютъ. Загрѣхи своя азъ жукшее (хужшее) всѣхъ неимущихъ: царствія своего лишися и царици». И воставъ пойде Агѣя царъ, пойшолъ незнаемимъ путемъ и стрѣтоша его напути торговѣе люде, глаголя кнему: «человѣче, чтоти еси нагъ? гдѣ твоя одежа?» Агѣя же поклонися имъ доземъли и рече книмъ: «одежду мою разбойники похитиша».—Ониже даша ему худую одежду, вкоторою одѣяся царь Агѣя, поки (паки?) пойде путемъ и стрѣтишася снимъ нищия братія. Агия же поклонися нищимъ братій: «возмите мене (съ) собою азъ вамъ готовъ служитъ, понеже я работатъ неумѣю а просить стижуся». Онеже (они же!) воспросяще его «ти хто еси таковъ?»—Агѣя же рече книмъ: «азъ естемъ единъ отубогихъ и нищихъ». Взяша его (съ) собою и даша ему суму засобою нести, и поидоша нищий восвояси. Агія же воспросиша оунищихъ: «братія моя

скажите ви мнѣ: кто есть воградѣ Филименѣ царь есть?»—Ониже рекоша кнему: «безумни! или ти нинашой земли, яко невѣси? унасъ царь Агѣя царствуетъ воградѣ Филименѣ, оуже тому пять десятъ и единъ годъ». Агѣя же воздихнилъ (воздихнулъ!) сосълезами и каяся: «Господи Боже!» денъ и(но)щъ освоемъ согрѣшеній. И пристъ (И пребисть?) Агѣя царъ впорабощеній, внищетѣ два года, и услиша Господъ моленія его и покаяніе и теплія слези. По третѣмъ же лѣтѣ ангелъ Господень сотвори пиръ проубогихъ и пронищихъ братій и повелѣ собѣрать повсему градѣ Филименѣ и покаждимъ силамъ и деревнямъ водворецъ царскій. И повелѣнію ангеловому поставиша трапезу изобилъная пища. И снищеею братіею приде царь Агѣя воведикомъ оужасѣ и трепетѣ и стояше нацарскомъ дворѣ и помишляше воумѣ своемъ: «како азъ окаяни лишенъ бистъ чертога своего царскаго з(а)грѣхъ свой!» И услиша Господь воздиханіе Агѣя царя. Ангелъ Господень глаголя копредстоящимъ: «возмитѣ комнѣ снищія братій единаго мѣхоношу, котораго азъ самъ повелю, преведите вмой царскіе палати!»—Предстоящимъ же повелѣнію его превидоша Агѣя царя, (не) знаяше, что царъ ихъ есть. Анъгелъ же Господень поятъ его сособою и его наказа, Агѣя царя, и научи его евангельскія слова нехулити, абисѣ коротку и смирну доубогихъ и нищихъ милостивий и вручи ему царство и заповѣда ему никому особѣ повѣдати сие, ангелъ Господень невидимъ бистъ. Агѣя же царъ попрежнему нача царствовати и вельми донищихъ много милостивъ и кротокъ билъ и тако скончa жизнь свою воблагодушій. А: Ко: Жи:

Печатные варіанты этого разсказа указаны въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» 1894, III, 126.

———

Чудо святителя Христова Николая.

Часу едного ствятий Николай ишолъ путемъ пищею (пущею) навидѣти святаго Макарія пустиножителя. И тамъ срѣтилъ его дияволъ напути, образомъ барзо страшнимъ, сталъ великъ и косматъ, очи ему огненіе, зуби ему железніе, язикъ ему голи и росоховати, ноги ему якъ уведмедя, волоси ему наголовѣ, набородѣ—якъ стрѣли огненіе, огнемъ лютимъ и страшнимъ дише, изухъ его димъ виходить якъ спечи, и весь страшни показался, хотячи устрашити святителя Христова Николая справой тута (пути!). Видевшеегосвяти Николай, знаменается крестомъ святимъ и рече: «Господи, оружіе надѣявола крестъ Твой далъ еси намъ». Изнову рекохъ: «небоюся страха бѣса полуденаго». Потомъ прийдетъ нанего Духъ Святий и покри его и укрѣпилъ моцно Святителя Николая. Святитель Николай, ставше смѣле посредѣ пути, и риче кодияволу: «Ктоти еси, идолъ, идешъ, якъ имя есть тебѣ.» Дияволъ рече: «имя минѣ есть Вселзавишъ и иду свѣта повѣжати и святихъ божиихъ посѣщати». Святи Николай рече ему: «але ти есть зли духъ неприязни, отийди отмене, сатано!» Дияволъ рече святому Николаю: «о Неколаю, якъ ти смѣешъ мовити такому ангелу велікому, которому и весь свѣтъ кланяется и хвалитъ и вси людіе мнѣ повинуются». Тутъ Святи Духъ указался святому Николаю и повелѣ узяти его вруцѣ свой и бити моцно того лютого диявола. И такъ святи Николай оузявъ его заволоса, извернулъ его наземлю и вложилъ ему мѣзиний вротъ палецъ свой и рече ему: «Повѣждь ми, сатано, отъколъ ти ходишъ и где ти идешъ и що твоя заробота?» И такъ дияволъ сталъ молити святаго Николая: «о святителю Христовъ Николае! молютися, оче святи, ослабити мало и вийми святи свой палецъ изрота моего, онъ бо мя палетъ, немогу терпѣти, и все тебѣ повѣмъ». И тако попустилъ ему святи Николай, и тако сталъ повѣдати святому Николаю: «теперь естемъ избездний, амо едѣло таковое

есть: я сна сотцемъ звожу на свари, цорку изматкою невѣстку зосвекрухою, нагнѣвъ привожу врага, избратомъ и систрою наблудъ привожу; и я дитину приотъцевѣ и приматцѣ сномъ твердимъ одавляю; я на все злое тий, що дѣти свой стратятъ и живихъ вземлю закопаютъ, наводу вътопятъ, научаю, всякого злого дѣла чинити и труіти людей на(у)чаютъ, аби своіхъ власнихъ мужей труіли и отрукъ ихъ умерали и мужи своихъ власнихъ женъ забивали и загубляли, въ корчмахъ и нагоподахъ и(з)води чиню, що единъ другаго забивае насмерть; я кума скумою наблудъ привожу; я навеселяхъ мижи святими наймилишими приятелями изводи чиню безобитнаго руганя, крово пролитія и межи молодими нелюбовъ укидаю, межкати (мешкати!) имъ недаю; я напразникахъ зводи и збойства чиню я въсего злого дѣла привожу; я тамъ, где хощетъ добрее дѣло изробити, то я тамъ, и перешкоду роблю, и тамъ где хто хощетъ рано доцеркви ити, то я его сномъ тяжкимъ пресипаю; я тамъ, где хто хощетъ офіру Богу принести, то тое згубитъ; я тамъ где хто хощетъ наотпустъ ити, тоя его и женою нагнѣвъ изведу, альбо то(до!)смертельнаго грѣха приведу; я и тамъ где отецъ сина любить, альбо и матка дочеръ свою кохае, я тамо межу ними осуругу въ кидаю еще забийство великое, которое неможется насвѣтъ показати. Я теперъ щобъ града кирскаго сина наотца изводити, аби синъ отца своего роднаго забилъ, и еще стого града возвратившися назадъ догемона и тамо булаби мнѣ похвала вилика отнашего цара Фамадея и зплату себѣ затое дѣло отрималъ би иеще вознелся, а теперь ти, святий Николае, пости (пусти!) мя и(з)своихъ святихъ рукъ, боуже немогу отвоего страха видужати, пусти мя хочь ницѣла, аби жива и большъ незабивамя». И тутъ Духъ Святий показался Николаю и сказавъ его связати и бити и заклинати именемъ Господа Бога Творца, которій оувесь свѣтъ сотворилъ. Итако роступайся зем-

ля, увернулъ его вбездну и тако яму Духъ Святий глагола: «иди во свой путь». А конецъ житѣя

Слово о смерти и рицеру богатомъ и славномъ.

Слово осмерти. Билъ нѣкотори рицеръ веляможнiй годний панъ и вовсемъ рицерствѣ потежнiй и грожнiй и моцнiй, которiй рицерствѣ своемъ много вѣску также потежне побивалъ и поражалъ кождаго дня (слово не разоб.) и пивалъ, гайновалъ а набога неуповалъ, непамяталъ. Еднаго часу самъ всобѣ: «шщоту люде много биваютъ, же яка смерть есть потужная и страшная, радъ я ей видѣти, щото она затакая рицеръ, щося ей люде боютъ и лякаются. Много, чую, людей и пановъ и кролевъ побираетъ, щото она затакая рицеръ. Гди би я ей хочъ окомъ накинулъ, нехайби зомною пограла, погралася бъ я ей? То глупiе що ея боятъ, або и даютъ побирати, я естемъ панъ славни, потежни и богати, а дотого и рицеръ моцнiй и потужнiй».

И трафилося еднаго часу, альбо еднаго дня, оубравшися рицеръ ведлугъ строю своего вовшелаку зброю свою рицерскую и взявши оружие свое барзо подуфалое, шукаюче скимъ бися попограти або речи и побити, и заихалъ вполе далеко седнимъ хлопяткомъ своимъ и то невеликимъ. А кди южъ издили пополю много, надибали смерть. Барзо страшнимъ образомъ ему показала: самие голие кости, худая, сухая, блѣдая, голенатая, кострубатая, зубатая, окатая, ногатая, вовсемъ непристойная, головатая, плечистая, постредѣ барзо сyптелная, во всемъ зѣло страшная, косячи косою своею всѣ зброй, всѣ свой риштунки: косу кривую а острую, серпъ, пилу, мечъ, лопату, заступъ, мѣтелъку, грабли, мѣтлу. Видѣвше рицеръ такую отособи страшную, непристойную, засмѣялся и до-

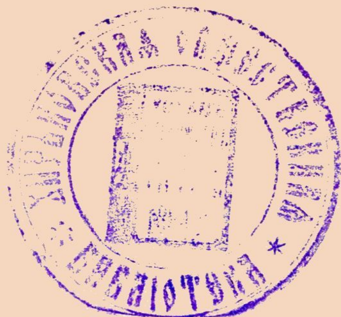
бувши своего меча, хощетъ тости (тяти!) изближившися и рече: «хто еси такое, повѣждь ми, жесь такая ходишъ оружиемъ непристойнимъ доволно? чого ходишъ пополю?» Рече смерть ему: «человѣче, хочъ мое оружие здается непристойне, але я пристойнихъ людей тимъ оружиемъ посѣкаю и всего свѣта побѣраю, да не слухай ти коли предя осмерти, бо смерть бо я. Самъ потребовалъ абымъ я видѣлъ, изомною ся побити,—отомъ готова зовсѣмъ своимъ риштункомъ». Глагола рицеръ: «да чи того смерть, що побираетъ краснихъ людей сего свѣта, даже щося люде боятъ и лякаютъ». Рече ему смерть: «отож тою якъ мя видишъ, яковая ся то здаю воочахъ твоихъ?» Глагола рицеръ: «тфу ствоимъ рицерствомъ, своимъ риштункомъ та своею уродою!» И риче ему смерть: «неплюй, але перше да спитай да спробуйся зомною, якъ видишъ никрасную, але я людей мно(го) краснихъ сего свѣта побирала, и ато и потебе прийшла? Що ти гадаешъ?» Глагола ей рицеръ: «щоти, страшилище, страшишъ людей слабихъ, а дотого еще душнихъ охъ, бѣдо сухая, куструбатая, голѣнатая, носатая, зубатая, окатая, головатая, та ти мене хощешъ узяти а чи неслухала ти орицере вѣмоцномъ и славному и пану богатомъ, а неслихала ти омоей моци, якихъ я людей, войсковъ, рицеровъ позабивалъ, порубилъ, посѣклъ, накопіе отой моей рицерской голови досвоего вобозу приношалъ? Ото то коли слихала овеликомъ пану—осимъ моимъ билитовимъ (булатовимъ) мечемъ посѣкалъ, а ти мене хощешъ оузяти! Есть умене мечъ рицерскій, копіе надахъ остріе, стрильба барзо огнистая. Если хоще еще потомъ полю ходити та немного говорити, бо чего хочешъ достати оумене, заразъ достанешъ».—Рече ему смерть: «да що ти ся хвалишъ своемъ риштункомъ? тое все вмене врукахъ, маю я на тебе косу кривую, серпъ барзо остри, лопата, мечъ, долги пила, заступъ, граблѣ, мѣтла, отого штука, человѣче, отожъ слухай що тобѣ повѣдаю: хочъ оружие просте, але шляхетнихъ людей руба-

етъ». Глагола ей рицеръ: «що ти ся хвалишъ своимъ неужитнимъ оружиемъ и непристойнимъ и нестройною зброею своею, коси ти косою поболоту шувахъ, жни ти своимъ серпомъ полугахъ тростини, сѣчи ти своимъ долгимъ мечемъ сухии хащи, три ти своею пилою гнилие колоди, копа ти своимъ рискелемъ суху землю, мечи ти своею лопатою гной, загриба ти своими граблями солому, загрѣба ти, своею мѣтлою полову замѣта ти,—твои риштунки дотого подобній, а не довойни. Умене натебе мечь булатовий рицерскій, дотого подобни, а не довойни, а вмене натебе котори внемъ я возму потохъ сухихъ голенатихъ и високихъ вѣчимъ симъ умене стрѣли которий очи твой окатие повыстрилю, есть умене копіе дахъ остріе, котримъ я наскрузъ прободу, есть у мене стрила барзо огнистая, копіе кости твой сухие, намя смотри и пойди отмене собѣ безбѣди, еще то мя догнѣву и дохоти рицерской и нерушися, о смерти и нерожважная да подобно и глупая, нетакимъ я рицаромъ сего свѣта погубихъ, да нетакихъ я головъ рицерскихъ постинахъ, а ти, смерте сухая, голенатая омнѣ ся видишъ воочахъ яко муха изгинешъ; яколи хощешъ зомною грати, грайже!»—Рече смерть: «человѣче, послухай перше моей бесѣди, которую я тебѣ повѣдати буду, и перше собѣ побесѣдуймо, то вжеся будемъ сѣчи хто будетъ знасъ лѣпши, альбо дужши».—Глагола ей рицеръ: «южъ вижу, жися мя большъ (боишъ) такого славного пана и рицера потужного и (з)витяжци моцнаго, вижу же трохи небудешъ ся озгоду умене просити. А втомъ—мовъ що маешъ, даю ти волю».—Рече ему смерть: «человѣче, що тися хвалишъ свойм рицерскимъ, же много позвитязалъ, посѣкалъ и войска побивалъ? Отожъ то я знаю добре, що безмене тамъ небило, що есь тамъ возвахъ и втинахъ, стрѣлахъ, забивахъ, колохъ, топтахъ, которихъ пробивахъ, то я тобѣ помагала, иншихъ прибивала, хочъ ти мене невидѣлъ, а я тамъ завужди стобою била».—Глагола ей рицеръ: «о смерте! тожъ илъ-

жешъ, яко неправдивая и нецнотливая! Та ти зомною тамъ бувала? Нѣгди то неправда! Я розумѣмъ, ощосми (що сми!) мовити мешъ доречи, а ти плетешъ нѣте, нѣте. Я тебе нѣвидѣвъ ажъ донинѣ».—Рече смерть: «я хожду невидимо и некождому явни. Где кого застану, тамо его втомъ и озму, рече, забожймъ росказомъ. А теперъ а тобѣмъся показала явно, бо тяти згола хочу взяти, бо я по тебе додвора твоего неходила, самъ ти потребовалъ,—отожъ теперъ конечно ходи, южъ тобѣ впанскомъ домѣ небути и слугъ своихъ неоглядати и впалацахъ роскошнихъ негуляти, але тутъ натомъ чистомъ полю лежати, и звѣримъ будетъ и пташки тѣло твое около костей обѣрати и кости твой розносити, абися смерти могль бояти».—Глагола ей рицеръ: «а пойди собѣ, напасниче, прочъ отмене, бо достоися тутъ бѣди оумене, бо умене тилько жаль моего меча булатового, абомъ его обтвой голие и сухие кости непритупилъ, а що больше стрѣлба огнистая, а зѣло певная, а сухи кости намуку потреть, копіе надахъ остріе мню и зелѣзо просадитъ,—обачимо чйся кости будутъ жмежи насъ валяти будутъ наполю». И южъ ся барзо рицеръ розгнѣвахъ, добивши мича, хощетъ тяти наню,—сежъ ему рука всхла, альбо зомлѣла. Рече ему смерть: «що ти, человѣче, робишъ? вижу, жеся розгнѣвахъ, а я твого гнѣву небоюся. Ти мя хочешъ нипорицерску, але позрадецку тяти. Постой, моцнй рицеру и богаті пане, зачимъ ся будешъ бити волно ти (ми?) исобою и поговорити. Нехай тимъ булатовимъ остримъ мичемъ!—острѣшая моя пела, певнѣшая моя мотика албо рискелъ, неж твоя огнистая албо певная стрѣла, лучая моя лопата и мѣтла, нѣжъ твоя надахъ копіе остріе, нихъвалися самъ собою, албо силую твоею противъко моей уроди сухой, блѣдой, еще и гагеречь (на герець?) зомною неиздилъ, и южъ ти рука умлѣла».—Глагола ей рицеръ: «когожъ би то такіе слова поганѣе догнѣву незрушили, якъ ти

мовишъ и ганишъ нетилко мене самого, але оружіе, що мовлю надахъ остріе, коли хощешъ его дознати,—озмѣмся пробовати, южъ я багато такихъ страшнихъ пловихъ ялити тися натое взяла, що ми рука отмича умлѣла, недивуюся, бо живъ; южъ ти пополудню третяя наспѣла».—Рече ему смерть: «щоже такъ ослабѣлъ, що килька годинъ неилъ? я мало коли що идаю, але прудко ся зсвоимъ отимъ всѣмъ оружіемъ убиваю. Южимся болше небавмо, далѣ южъ будетъ вечеръ,—що маешъ мовити,—мовмо».—Глагола ей рицеръ: «твой слова порожнѣй и неуважній нѣgди мя непреприть и допокори мя претобою недоведутъ, атъся ти поколонихъ плетешъ, нѣсе нѣте правишъ, о Адамѣ и потопѣ (слово не разобрано) тихъ копѣе твое будетъ вроботѣ». И то ся порветъ докопѣя. Рече ему смерть: «постойно, человѣче! щося такъ розгнѣвахъ? послухайно, человѣче, щоти мнѣ плотки завдаешъ о Адамѣ альбо о потопѣ? послухай, що повѣмъ! Еше отсотворенія свѣта амъ (я-мъ?) другая по Адамѣ родомъ, бо коли Богъ доАдама: аще будете воотцу (овощу?) одревати заказного,—смертію умрети; скоро Адамъ воотцу (овощу?) вкусивъ, я заразъ ся тамъ знайшла. Послуха(й)же: Адамъ вашъ прадѣдъ билъ,—того я взяла; Аврамъ билъ патриарха старозаконѣ,—того я взяла; тайже Исаакъ, Ияковъ, царей, кролевъ предпотопомъ и попотопѣ—и тихъ я взяла; Ной билъ котрий животъ людски о(т)потопу у(ков)чезѣ заховалъ,—того я взяла; Александеръ крадмакедонскій (краль македонскій) и немензскій, барзо моцній и славній билъ,—и того я взяла; Моисей пророкъ божи, игаманъ игаманъ жидовский,—и того я взяла; и такъ ти иНавинъ, Самсонъ силний билъ, такій моцній, ижъ онъ самъ повѣдалъ мнѣ—такій найшолся майстеръ, жебы втой села(?) посродку руску управни абися некрушила тоби якъ млиное имъ каменемъ албо карповимъ и оберто,—и того я взяла, кромихъ и всякаго стану мужескаго и женскаго и малихъ

дѣтей краснихъ и некраснихъ, старихъ и молодихъ нещаду, але заровне косою своею кошу и граблями загрѣбаю и лопатою закидаю, мѣтлою замѣтаю и серпомъ пожинаю и пилою потираю и рискелемъ присипаю, нѣкогося небою, нивстидаю и грози небою нѣчией».—Тое вислухавши рицеръ зумѣлся, серце внемъ нача трепетатися и натѣлѣ почалъ слабѣти, южъ сила почала отступати



Примѣчанія и параллели.

№ 1.

См. Гринченко, Этногр. матеріалы, II, № 10: Гадюка.

№ 2—7.

По истолкованію крестьянъ, метеоры — это огненные зміи, которые есть не что иное какъ тѣ-же нечистые духи, летающіе къ женщинамъ, какъ ихъ любовники, или-же, чтобы носить деньги людямъ, съ которыми они имѣютъ дѣло. Поэтому разсказы о метеорахъ незамѣтно переходятъ къ разсказамъ вообще о чертяхъ и спеціально о «перелесныкахъ» (см., напр., въ этой книгѣ № 120, стр. 94).

Различные разсказы, относящіеся къ этому предмету: Чубинскій, «Труды», I, Падающія звѣзды, Падающіе камни, 16—17; Перелестникъ, 193.—Гринченко, «Этнографическіе матеріалы», II, № 2: Змій (метеоръ).—Харьковскій сборникъ, IX, 271—274: Огненный змій, Змій-любовникъ.—Манжура, «Сказки», 9: О змѣяхъ.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр. Новоросс. края, 78: Лятавецъ (перелеснықъ).—Данильченко, 21—22: Перелеснықъ.—Къ легендамъ о летающихъ змѣяхъ, И. Манжуры (Этнографическое обозрѣніе, 1892, II—III, 254).—Этнографическое обозрѣніе, XXXV (1897), 126—128.—Сборникъ Харьковскаго историко-филолог. об-ва, V, 58—59.—Этногр. Обозрѣніе, XIII—XIV (1892), 81—82, 254; XXXI (1896), 153—154; XXXV (1897),

126—128; XXI (1894), 87, 91—94.—Сумцовъ, Культурныя переживанія, № 125: Украинскіе инкубы и суккубы. (Кіевск. Стар. 1890, I, 68—73).—См. примѣчаніе къ № 125 настоящей книги.—Кіевская Старина, 1899, IX, 396—400.—Аѳанасьевъ, Зооморфическія божества у славянъ, III, 1, 98, 109—110, въ «Отеч. Запискахъ» 1852, №№ 1—3).—Nowosielski, Lud Ukraiński, I, 251.—Ивановъ: Разск. о вѣдьмахъ, 216. (Сб. Харьк. и-ф. о-ва, III).—Руданськый, Творы, II. 237.

№ 9.

См.: М. Васильевъ, Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа: Вѣтеръ—въ «Этногр. Обозрѣніи» 1892, IV, 159.

№ 10.

Етнографичный Збирныкъ, V, 78, № 8: Градъ.—Харьковскій Сборникъ, II, 88.—Чубинскій, Труды, I, 28: Градъ.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр., 7.—Bartoś, Moravsky lid, 293.

№ 11.

Совершенно обратный взглядъ на климатъ земли: Гринченко, Этн. мат., II, № 1: Тепло въ старовыну.

№ 12.

Жыте и слово, III (1895), 386, № 21: Дытына зиму ззила.

№ 14—18.

Разсказы эти перепечатаны изъ «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей» 1859 г., гдѣ они помѣщены въ №№ 23 и 38. Первые три нумера передаютъ нар. вѣрованія въ то, что волками управляетъ или св. Юрій, или волчій богъ Полисунъ (Лисунъ); послѣдніе два не имѣютъ отношенія къ волкамъ, но ихъ связываетъ съ предыдущими образъ Лисуна, почему мы и помѣстили

ихъ здѣсь, а не въ отдѣлѣ IV-мъ. Вотъ относящаяся къ предмету литература: Харьковскій Сборникъ, I, 75—76; VIII, 117.— Ястребовъ, Мат. по этн., 11, 71. — Драгомановъ, Мал. пред., стр. 5, № 9: Волки.—Манжура, Сказки, стр. 147: Св. Юрій та вовкы. — Этнографическое Обозрѣніе, VII (1890), 85—86 (св. Юрій замѣненъ св. Петромъ).—Кіевская Старина, 1887, XI, 405—408; 1894, XII, 495—497.—Чубинскій, Труды, I, 51—52: Волкъ; 171; II, 7, № 1.—Булгаковскій, Пинчуки, 179: Св. Юрій. — Гринченко, Этн. мат., II, № 69: Вовкъ та св. Юрій (сказка, связывающая разсказы о волкахъ и волчьемъ богѣ со сказкою о чертѣ, отслуживающемъ краюшку хлѣба).—Номысъ, Укр. прык, №№ 434 и 435.—Етнографичный збирныкъ, II, Дикаревъ, стр. 12—13, № 11: Гр. Побидоносець, № 12: Про св. Георгія, еще стр. 34—35.—Ефименко, О Ярилѣ (отд. брош. и въ «Запискахъ И. Р. Г. О-ва, II, 77).—Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій храбрый—въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1879, XII; 1880, I и II.—А. Н. Веселовскій, Разысканія etc., II, 1—227.—Н. Сумцовъ, Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольск. сказкахъ — въ «Этногр. обозр.», 1890 III, 18—20.— Аѳанасьевъ, Поэтич. воззрѣн., I, 699—711.—Valjavec Kracmanov, Narodne pripowiedke, 93—94.—Черниговск. губ. вѣд., 1861, № 4: Ефименко, Нѣск. словъ о Полисунѣ; № 6: Павловскій, Волчьи праздники.—Nowosielski, II, 225.

Къ этой темѣ близко примыкаетъ тема про *бидного вовка* (вовка-дурня): Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, 1—12, №№ 1—5: Бидный вовкъ, Кравець и вовкъ, Марко и убогый вовкъ, Кравець и вовкъ.—Чубинскій, Труды, II, 124, № 42: Про вовка; стр. 126, № 43: Куцый вивкъ та кравець.—Етногр. збирныкъ, I, 25—26: Дурный вовцюга, Вовкъ и кравець; IV, 167, № 2: Про вовка, що не мавъ нигде щастя.—Черниг. Губ. Вѣд. 1861, № 21, стр. 159 — 161. — Запыскы наук. Т. и. Шевч., XXIX (1899), Верхратськый, 149—150.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, 31—43, № 24: Волкъ-дурень. — Даль, Повѣсти, сказки и разск. козака Луганскаго, II, 459.—Эзопъ, басня «О лошади и львѣ». — Езоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа, перев. Д. Т. Москва (1792), стр. 36 и

348—350. — Haupt und Smolar, Volkslieder der Wenden (1843), II, 161—164: Des Wolfes glücklicher Tag.—Glinski, Bajarz polski (1853), III, 177—191.—Матер. для изученіе нар. словесн., 42—47.—Библіотека для чтенія, 1836, томъ XIV, стр. 133.—Шейнъ, Матеріалы для изуч. быта и языка р. нас. сѣв.-зап. края, II, 344—348: Голодны воукъ, 262—263: Баранъ и волкъ.—Materyały antropologiczno-archeolog. i etnograficzne, T. II, 2, стр. 61—62, № 33.—Valjavec, Narodne pripovjedke, 267 — 269: Vuk-Rimljan. — Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I, вып. III, стр. 15—20.— Hahn, Griechiesche u. albanesische Märchen, II, № 92—93. — Wolf, Deutsche Hausmärchen, 419—421.—Руданськый, Творы, I, 146—148, № 90: Старый вовкъ.—Erben, Vybrané báje a povesti národni, 256 — 258: O hloupém vlkovi.—S. Barącz, Bajki, 215—219.—Бидный вовкъ. Нар. казка, Харьк., 1885. (Перепечатка № 1 изъ Рудченка).

№ 19.

Гринченко, Этногр. матер.. I, № 192: Дрикъ та вилъ.—Кіевская Старина, 1888, VI, 359 (въ «Молотникахъ» Г. Барвинокъ).

№ 20.

Разсказчикъ очевидно забылъ легенду и напуталъ.

№ 21.

Гринченко, Этногр. мат., I, 253, № 196.

№ 23.

Разсказъ взятъ изъ № 26 «Черниг. губ. вѣд.» за 1852 г. Иные разсказы о дятлѣ: Чубинскій, Труды, I, 61.—Гринченко, Эти. мат., I, № 155; II, № 5.—Ястребовъ, Мат. по этн., 164—165, № 24.

№ 24.

Подобное относительно журавлей и гусей: Драгомановъ Млр. пред., 7–8, № 24 и 25. — Ефименко, Млр. закл., 37, № 112.—Номысъ, Укр. прык., №№ 327 и 13387.—Чубинскій, Труды, I, 62.—Правда, журн., 1867, № 13.—Етногр. збирныкъ, V, 80, № 5: Журавель.—Nowosielski, Lud Ukr., II, 127, 128.

№ 25.

Данильченко, 16: Липа. — Чубинскій, Труды, I, 76: Липа.

№№ 27—112.

Указатели различнымъ примѣтъ, повѣрій, заговоровъ и пр. см.: Гринченко, Этн. мат., II, 27—30, 48—54, 355;—Сумцовъ. Заговоры, библіогр. указат. — въ Сборникѣ Харьк. ист.-ф. о-ва, IV, 258—273; а также тамъ-же стр. 291—292.

Изъ «Черниг. губ. вѣдомостей» взяты: въ № 27 примѣты 6, 8, 10, 13, 14, 19 и 23 (изъ № 9-го 1863 г.), въ № 30 примѣта 1 (оттуда-же), въ № 33 прим. 6 (№ 46-й 1862 г.), въ № 39 пр. 9 (изъ № 9 за 1863), въ № 43 прим. 4 (изъ № 23 за 1859), въ № 68 средства 3 и 4 (изъ № 6 за 1860), № 85 (изъ № 23 за 1859), (въ № 36 прим. 13, въ № 38 прим. 4, №№ 48, 55, 59, въ № 60 средство 1, № 67, въ № 99 ср. 4, въ № 101 ср. 2—взяты изъ брошюры Исаенко: «Село Голенка Конотопск. у.», Черниг., 1860 (первоначально была въ №№ 43, 44 и 46 «Черн. губ. вѣд»).

Въ № 112, на стр. 80, слѣдуетъ исправить опечатку: въ строкѣ 6-й сверху должно быть: а; ѱ; ь; ї (1712).

№ 115.

Иной разказъ о появленіи черта въ видѣ панича: Чубинскій, Труды, I, 184.

№ 122.

Изъ брош. Исаенка «С. Голенка», стр. 12—13.

№ 123.

Драгомановъ, Млр. пред., 54, № 2: Чертъ заводитъ человѣка съ дороги.

№ 125.

Гринченко, Этн. мат., 95, № 79.—Сборникъ Харьк. ист.-ф. о-ва, III, 225; V, 58, 59.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 331, № 212: Вдова и бѣсъ.—Кіевская Старина, 1899, IX, 381—382, 384. — Казанскія Губ. Вѣдомости, 1859, № 7, стр. 62.—Podania i legendy Семеньскаго, 36—37.—См. еще примѣчаніе къ №№ 2—7 настоящей книги.—Харьк. Сборникъ, VIII, 391—392.

№№ 127 и 128.

Различные разсказы о чертяхъ, слушающихъ музыку и танцующихъ: Чубинскій, Труды, I, 186, 187, 190; II, 364, № 99. —Сборникъ Харьк. ист.-фил. о-ва, V, 64—65.—Драгомановъ, Млр. пред., 52—54, №№ 19 и 20.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 41.—Гринченко, Этн. мат., II, №№ 60 и 61.—Данильченко, 20. Nowosielski, II, 32—34, 38—41.

№ 132.

Чубинскій, Труды, II, 379, № 105: Про бидного чоловика и чорта.—Эварницкій, По слѣдамъ запорожцевъ, стр. 117: Чоловикъ у чорта на позычкахъ; стр. 133—134.

№ 133.

Номысъ, Украинськи приказкы, 284, № 1254.—Tausend und eine Nacht, übertr. v. M. Henning (Leipzig, Verlag v. P. Reclam), T. I, 35: Der Fischer und der Ifrit.—Этимъ сюжетомъ воспользовался Le Sage въ своей книгѣ: «Le diable boiteux».

№ 134.

«Малор. преданія» Драг., № 1,3.— Основа, 1862, V, 80: Якъ Анцыболотъ дражнывъ Бога.—Етногр. збирныкъ, IV, 147, № 31: Чому громы бъють.—Харьковскій сборникъ, II, 87; VII, 441.—Жыте и слово, III (1895), 218, 372; II (1894), 180. —Добровольскій, Смол. сб. I, 226,№ 2, 3, 5.—Revue trad. pop. I, 94; II, 269; X, 222.—Этногр. Обозр. XXVIII, 116.

№ 135.

«Малор. преданія» Драг., 48, № 13.—Сборникъ Харьк. ист. ф. о-ва, V, 61—63.

№ 140.

Чубинскій, Труды, I, 192.

№ 141.

Чубинскій, Труды, I, 49: Лошадь.

№ 145.

Сборникъ Харьковскаго историко-фил. о-ва, V, 67.

№ 155.

Различныя сказки о смерти-кумѣ и о врачѣ, находившемся въ союзѣ со смертью (иногда съ замѣной смерти чертомъ): Ивановъ, Изъ области млр. н. легендъ—въ «Этногр. Обозрѣніи» V (1890), 154; VII (1890), 83—84. — Чубинскій, Труды, I, 217, № 93; 428, № 130: Про пъятныцю. — Кіевская Старина, 1892, VIII, 147—148; 1899, VII, 71.—Жыте и слово, III (1895), 219, № 31: Смерть кумою.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 31—32.—Moszyńska, Bajki i zagadki, № 22: Якъ баба чорта голыла.—Шейковскій, Бытъ подолянъ, II, 66—68: Смерть за куму.—Стороженко, Украинськи оповидання (Спб., 1897), 36—40: Жонатый чортъ. — Стихотворная передѣлка: Осташевскій, Piw kopy kazok (Wilno, 1850), 116—124: Мартынъ Знахарь (то-же во второмъ изданіи той-же книги:

«Пивъ сотни казокъ», Кіевъ, 1869, стр. 199—204, № XXX). —Гринченко, Этн. мат., II, № 75.—Зоря, 1890, 151.—Стихотворная передѣлка по русски: Данилевскій, Украинскія сказки, 6-е изд., стр. 58, № XIV: Смерть. — Шапкаревъ, № 241.— Carnoy et Nicolaides, 144, 172 (ново-греческая).—Сборникъ за народ. умотворения, VI, 162.—Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1892, III, 299 (указаніе на сходное талмудическое сказаніе).—Добровольскій, I, 314.—Сотанинъ, Очерки с.-з. Монголіи, IV, 498.—Садовниковъ, Сказки и пред. Самарск. края, § 88, 92, 104. — Караджичъ, 145 (сербская).—Ciszewski въ IX т. «Zbiór wiadomosci» (польская).— Потанинъ, IV, 498 (монгольская).—Фламандскія сказки, пер. Галибина (Спб., 1893), 59—71: Кумъ смерти; 201—215: Крестникъ смерти.—Kúnos, Oszmán török nép költésy gyüjtemény (см.: Гордлевскій, Обзоръ турецкихъ сказокъ, № 78).—О лубочномъ рисункѣ на эту тему см. въ «Кіевской Старинѣ» 1890, XII, 506—507.

№ 164.

Испорченная редакція. Подобное о вовкулакѣ см.: Гринченко, II, 126, № 93.

№ 166.

Кулишъ, Записки о Южной Руси, II, 43—44.—Чубинскій, Труды, II, 416—417, № 122.—Сборникъ Харьк. ист.-фил. о-ва, III, 225. — Малор. преданія, 392.—У Ястребова (135, № 10) за дѣвушкою гналися черти, а она старалась спастись отъ нихъ при помощи такой хитрости, какъ и въ нашемъ разсказѣ.

№ 170.

Легенда эта относится къ Василію Борковскому, сотнику выбельскому, впослѣдствіи полковнику черниговскому (до 1686.) и наконецъ генеральному обозному. О существованіи легенды сообщалъ еще Н. Маркевичъ въ своей книгѣ: «Обычаи, повѣрья...

малороссіянъ» (Кіевъ, 1860, стр. 79). Кромѣ него см. еще: Кіевская Старина: 1883, VI, 376; 1894, III, 530 — 536: «Генер. обозный В. К. Борковскій»; 1886, VI: Сѣлецкій, Колдовство въ юго-западн. Руси въ XVIII в., стр. 209—210; 1883, VI, 376: Ефименко, Упыри.—Иловайскій, Черниговская старина по преданіямъ и легендамъ, 35—37.

№ 171.

Малорусск. преданія, 62, № 2: Мертвякова намитка.—Харьковскій Сборникъ, IX, 259—261, № 36: О тимъ, якъ дивка пошуткувала.—Чубинскій, Труды, II, 422.—Кіевская Старина 1899, VIII, 203.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки, 314, № 205.—См. еще № 174 настоящей книги.

№ 172.

Объ обсыпаніи мертвецовъ и упырей макомъ: Ефименко, Заклинанія, 70, № 221.—Зоря, 1890, 152.—Етнографичн. збирныкъ, I, 5—8; № 2: Чоловикъ безъ страху и упыръ.

№ 173.

О мертвецахъ, пребывающихъ временно среди живыхъ людей: Кіевская Старина 1889, VII; 88—89 (въ разск. Г. Барвинокъ «Русалка»); 1899, VIII, 198.—Буслаевъ въ «Библ. для чтенія» 1864, III, 6.

№ 174.

Чубинскій, Труды, I, 91: Битье о закладъ; II, 422, № 125. Про ковпакъ мертвеця.—Данильченко, стр. 12: Битье о закладъ: Харьковскій Сборникъ,, IX, 259: Якъ дивчына зняла хустку зъ мары.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 314—315, № 205: Разсказы о мертвецахъ. А.—См. еще № 171-й настоящей книги.

№ 175 и 176.

Иные разсказы на ту-же тему: Харьковскій Сборникъ,

VIII, 44, 289.—Кіевская Старина 1894, III, 553.—Сборникъ Харьков. и. ф. о-ва, III, 170—172, 175.—Чубинскій., Труды, I, 198—199.—Nowosielski, II, 84—85.

№ 177.

Кіевская Старина, 1889, V—VI, 505.

№ 178.

Сборникъ Харьк. и.-ф. о-ва, III, 165. — Харьков. Сборникъ, VII, 449; VIII, 43, 290, IX, 245.—Манжура, Сказки, 135.—Малорусск. пред., 69 и 70.

№ 179.

Различные виды, въ которыхъ является вѣдьма: Гринченко, I, № 87.—Сборникъ Харьк. ист.-ф. о-ва, III, 177—202, 220.—Харьковскій Сборникъ, VII, 449, 451, 452; VIII, 44, 83, 288, 290—291; IX, 248, 250.—Чубинскій, Труды, I, 199.—Малорусск. преданія, 68, 69, 73 (№ 15).—Етнографичный збирныкъ, V, 216.—Ястребовъ, Матер. по этн., 64.

№ 181.

Сборникъ Харьков. и.-ф. о-ва, III, 166,

№ 187.

Кіевская Старина 1899, III, 139.

№ 188.

Гринченко, I, № 87.—Сборн. Харьк. ист. ф. о-ва, III, 167.—Кулишъ, Записки о Ю. Руси, II, 38.

№ 189.

Сборн. Харьк. и.-ф. о-ва, III, 165. 166; V, 41—43.—Этнографическій сборникъ, V, 97, 3.—Харьковскій Сборникъ, VII, 449; IX, 24, 310, 427.—Малолорусск. прец., 35, № 41;

70, № 9.—Гринченко, Этн. м., I, № 87 и 207.—Чубинскій, Труды, I, 198, 205.—Кіевская Старина 1889, VII, 38.

№ 192.

Харьковскій Сборникъ, II, 86.—Сб. Харьк. и.-ф. о-ва, III, 214.—Малор. пред., 68, № 3.—Манжура, Сказки, 134.—Кіевская Старина, 1890, I, 60.—Чубинскій, Труды, I, 17.

№ 193.

Спеціальное изслѣдованіе о противодемоническомъ значеніи собаки (преимуществ. объ иранскихъ повѣрьяхъ) принадлежитъ В. Ѳ. Миллеру. См. также Revue d. trad. populaires 1890, «Кіевская Старина», 1895, V, 192—193. Объясненіе слова «Ярчукъ» см. у Потебни: «Этимологическія замѣтки» въ III вып. «Живой Старины» 1891 г., стр. 17.—Чубинскій, I, 53, 198.—Ястребовъ, 9.—Кіевск. Старина, 1894, III, 553.—Гринченко, Этн. мат., I, № 87.— Сборн. Харьков. и.-ф. о-ва, III, 177, 179—180. — Харьковскій Сборникъ, II, 93; VII, 451; VIII, 302.—Малорусск. пред., 69.

№ 194.

Сборн. Харьк. и.-ф. о-ва, III, 178.—Манжура, Сказки, 140.

№ 195.

Сборникъ Харьк. и.-ф. о-ва, V, 57.

№ 199.

Кіевская Старина, 1889, XII, 588.—Г. Барвинокъ, Перемогла (Першый винокъ, альм., стр. 54—55). — Осташевскій, Пивъ сотни казокъ, 15, № 3. Орендаръ. — Nowosielski, II, 103—108.

№ 201.

О летаніи вслѣдствіе колдовства: Кулишъ, Записки о Ю. Руси,—II, 39. Ястребовъ, Этн. мат., 69—70.—Квитка, Конотопська видьма. Nowosielski, II, 147. — Wojcicki, Klechdy I, 94—100.

№ 203.

Гринченко, Этн. мат., I, 283, № 208.

№ 208.

Малорусск. нар. преданія, стр. 79, № 3.

№ 214.

Чубинскій, Труды, II, 505, № 10 (вторая половина); 520 № 16: Скупый (первая половина).—Харьковскій Сборникъ, IV 35.—Гринченко, II, № 97: Заздра на гроши.

№ 217.

Вторая половина этой сказки, разрабатывающая мотивъ о путешествіи къ солнцу, входитъ въ составъ сказки о Маркѣ Богатомъ. Параллели для этой половины: Чубинскій, Труды, II, 11, № 2; 133, № 47; 290, № 76; 341—344.—Драгомановъ, Млр. преданія, 329, № 22.—Kolberg, Pokucie, IV, № 5 и 6 Етнографичн. збирныкъ, I, стр. 3, № 1: Подорижъ до сонця; стр. 81, № 21: Дубъ-береза и його подорижъ до сонця; т. IV, 132, № 26. — Ивановъ—въ «Этн. Обозр.», кн. VII, 80—83. Moszyńska въ Zbiór wiad., кн. IX, № 1.—Давилевскій, Украинскія сказки, 6 изд., 76, № XIX.—Казкы Игнатія зъ Никловичъ, 39—44 (то-же, что и въ «Млр. пред.»).—Обширная литература сказки указана М. Драгомановымъ въ статьѣ: «Славянскитѣ сказания за рождението на Константина Великий»—въ «Сборникѣ за нар. умотворения», т. II, 132—184; т. III, 206—246; также Н. Сумцовымъ: «Сказки и легенды о Маркѣ Богатомъ»—въ «Этногр. Обозр.», XX (1894), стр. 9; см. еще IV томъ «Етнографичного збирныка», стр. 136, при № 26-мъ. Národopisný sborn. csl. III, 5. sl., 118. sl. c. 55—Andrews, Contes ligures, № 52.

№ 219.

Гринченко, Этногр. мат., II, 151.№ 103.

№№ 220 и 221.

Чубинскій, Труды, II, 432, № 132.—Харьковскій Сборникъ, VIII, 264. — Кіевская Старина, 1885, XI, 186—187; 1887, XI, 415.—Этнографическое Обозрѣніе, XXV (1895), 147. —Руданськый, Творы, II, 223—225, 256, № 6: Пъятныця и недиля.

№ 225.

Гнатюкъ, Гал.-р. анекдоты въ VI т. «Етногр. Збірныка», №№ 382, 482, 483. — Аѳанасьевъ, Р. н. сказки, II, 419.— Вук Врчевич, Срп. н. прип., 58—59, № 131.—Magazyn anekdotów, IV, 17—18.

№ 226.

«Записки о Ю. Руси» Кулиша, II, 30.—Драгомановъ, Малорусск. н. пред., 247, № II.—Номысъ, Укр. прыказкы, 10, № 430.

№ 227.

Вмѣсто ошибочнаго примѣчанія въ концѣ разказа см.: Кіевская Старина, 1886, III, 463: Кузьмичевскій, Турецкіе анекдоты въ укр. н. словестности.—La facecie del Piovano Arcotto ed Giuseppe Bacconi, Firence, 1884, стр. 80.— Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты въ «Етн. Збирн.», VI, №№ 273, 274 и 298.—Жыте и слово, IV (1895), 366, № 4.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки, II, 434 ppp.—Насрадинъ-Ходжа, Београдъ, 1896, стр. 6—7, № 10.— Die Sohwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reklam), 19, № 30.

№ 228.

Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, № 188: Смерть.

№ 230.

Вмѣсто ошибочнаго примѣчанія въ концѣ разсказа см.: Етнографичный Збирныкъ, I, стр. 10, № VI: Зъ подрыганіемъ; стр.

28, № V.—Рудченко, Н. ю.-р. сказки, II, 196, № III.—Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты—въ «Етн. Збирн.», VI, № 274. — Moszyńska, Bajki, №28 (также въ «Zbiór wiadomosci», IX, 142--146).— Сборникъ Харьковскаго и.-ф. о-ва, XI, 141.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 24.

№ 232.

Руданськый, Творы, I, 151: Пипъ зъ кропыломъ.

№ 234.

Сказка эта принадлежитъ къ циклу сказокъ объ удостовѣренiи вѣрности жены (невинности дѣвушки); сюжетъ этотъ часто сплетается съ другимъ: объ отсутствiи жены для выручки изъ неволи мужа и объ обвиненiи ее изъ-за этого въ невѣрности; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ являются иногда у супруговъ сорочки, остающiяся бѣлоснѣжными до тѣхъ поръ, пока сохранена вѣрность. Вотъ извѣстные намъ сказки этого цикла въ обоихъ его развѣтленiяхъ: Аѳанасьевъ, Русскiя н. сказки (1897), II, № 194. Оклеветанная купеческая дочь, 195. Царица-гусляръ. — Вольфъ, Deutsche Haussmärchen, 98—115.—Zeitschrift für D. M., II, 377—384 (Die getreue Frau). — Нѣмецкая пѣсня: «Der graf v. Rom (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 638—639). — Московскiй Наблюдатель 1837, XI, 350—352 («Германскiя преданiя»).—Янчукъ, Къ исторiи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ (въ «Юбил. Сборникѣ въ честь В. Ѳ. Миллера» 1900 г., ст. 353 и слѣд., а въ отдѣльн. оттискѣ 6 и слѣд.). Въ этой статьѣ приводится, какъ народная, «Дума про княгыню-кобзаря» и говорится: «М. С. Кононенко, пишущiй малорусскiе стихи и перелагающiй въ стихотворную форму нар. разсказы, сдѣлалъ, между прочимъ, изъ вышеприведенной думы «балладу» слѣдующ. ритмич. склада: «Не туманъ ото сывiе |И не курява чорнiе, |И не хмара йде, |Ни, то лавою жывою, |Вже знаряжене до бою |Вiйсько князя жде. (М. С. Кононенко, Княгыня Кобзарь. Баллада,

Кіевъ, 1893). На мой (г. Янчука) запросъ, откуда имъ взято содержаніе для этой баллады, г. Кононенко отвѣчалъ мнѣ любезно, что его стихотвореніе есть не что иное, какъ искусственное переложеніе думы, которую онъ записалъ въ двухъ мѣстахъ, въ Харьк, и Кіевск. губ., отъ стариковъ, почти безъ всякихъ отличій. Харьковскій варіантъ и есть тотъ самый, который мы привели», (стр. 358 въ «Юб. Сб.» или 11 въ оттискѣ). Но приведенный въ статьѣ г. Янчука текстъ думы есть не что иное, какъ *собственное стихотвореніе* редактора настоящей книги, написанное въ формѣ малорусской кобзарской думы на сюжетъ сказки Аѳанасьева, № 195. Царица-Гусляръ и никогда и нигдѣ не былъ записанъ отъ народа. Стихотвореніе это изданное въ 1891 г. въ сборникѣ «Колоскы» (Одесса, 71—79), перепечатывалось потомъ въ журн. «Дзвинокъ», 1891, № 10, и нѣсколько разъ въ сборникахъ стихотворнахъ передѣлокъ нар. сказокъ Б. Гринченка (В. Чайченка), — см. «Кныга казокъ виршомъ» (Львивъ, 1894, стр. 99 и Одесса, 1895, стр. 72) и брошурки львовскаго (1891) и харьковскаго (1893) изданія. —На тотъ же сюжетъ, но, съ значительно отличными подробностями написана (въ 1859 г.) поэма чешскаго поэта Vitezslav'a Hálek'a: «Krásná Lejla» (Spisy Hálkovy, porada F. Schultz, V Praze 1879, dil II, p. 67—80). — Вс. Миллеръ, Матеріалы для исторіи быллинныхъ сюжетовъ, Этногр. Обозрѣніе, XVIII (1893), стр. 65—66. — Boccacci, Il Derameron. La seconda giornata, Novella nona.—Tran Kurelac, Jacke ili narodne pesme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga, Zagreb, 1871, стр. 138—147: «Aleksander», — стихотворная поэма. Издатель (стр. LIII) догадывается, что хорватскій текстъ, найденный въ двухъ копіяхъ XVII в., представляетъ переводъ какой-то старонѣмецкой поэмы, написанной вѣроятно въ Вѣнѣ и называвшейся должно быть: «Die schöne Juliane». Этотъ текстъ послужилъ основою для малорусской «Поэмы про билу сорочку» Ивана Франка, первоначально появившейся въ V-й книгѣ «Литературно-наукового Вистныка» за 1899 г. (стр. 117—140) и повторенной въ сборникѣ стихотвореній Франка: «Поэмы». — См. еще «Кіевскую Старину» 1900, VII—VIII, Библіогр., 39.

№ 235.

Номысъ, Укр. прыказкы, 252, № 12827. — Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 50. — Комаровъ, Нова збирка н. м. прыказокъ, № 1011.

№ 236.

Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты въ VI т. «Ет. Збирн.», № 168.

№ 237.

Иные разсказы о мнимомъ мертвецѣ: Ястребовъ, Матер. по этн. 172, № 32. — Чубинскій, Труды, II, 540, № 31. — Манжура, Сказки, 132: Наказанный скупецъ. — См. еще: Кіевская Старина 1894, III, 440: Н. Сумцовъ, Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ; также Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 107—113, № XXXVI.—Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reklam), 26, № 45.

№ 238.

Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты—въ «Етн. Збирн.», VI, № 697: Дурни люде. Тамъ-же указана и литература.

№ 241.

Указаніе на польскіе варіанты у Ciszewskiego. См. Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 89. — Вольвачивна, Кажы жинци правду, та не всю. Харьк. 1893.

№ 242.

Перепечатана изъ «Черниг. губ. вѣд.» 1859, № 29, стр. 208.—Чубинскій, Труды, II, 530—537, №№ 25—28.—Сборникъ Харьковскаго ист.-ф. о-ва, VI, 177. — Кіевская Старина 1883, XII, 701—703; 1894, XII, 395.—А. Торишній, Жаръ птыця, Катерынославъ, 1884. — Cosquin, Contes popul. de Lorraine, II, 317—322. — Бѣлорусская сказка у Шейна въ

«Матер.», II, болгарская, Шапкарева, въ VIII кн. «Сборника». —Осташевськый, Пивъ сотни казокъ, 158, № 24: Иванъ.—Руданськый, Творы, I, 101, № 62: Чужая дытына не то, що ридня.

№ 245.

Номысъ, Укр. прыказкы, 183, № 9450.

№ 246.

Изъ № 2 «Черниговскихъ губ. вѣдомотсей» 1854, стр. 7—11.

№ 247.

Оттуда-же, 1857, № 4, стр. 28—32.

№ 250.

Разсказъ принадлежитъ къ циклу сказокъ о попыткахъ дурня жениться. См. сказки этого цикла: Ястребовъ, Мат. по этн., 163.—Квитка, Пидбрехачъ.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 145 (Сб. Х. и.-ф. о-ва, XI, 262). — Сумцовъ, Квитка какъ этнографъ—въ «Кіевск. Старинѣ» 1893, VIII.

№ 252.

Мѣсто этой сказкѣ собственно въ XIII отдѣлѣ; здѣсь она помѣщается какъ образчикъ примѣненія сказочнаго мотива къ извѣстной нравоучительной цѣли. См. Манжура, Сказки, 143.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, № 52: Морозко.—Жыте и слово, II (1894), 360: Морозъ.—Етнографичн. Збирныкъ, VI, № 142.—Чубинскій, Труды, II, 434, № 133.—Сумцовъ, Сказанія о займѣ дней—въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» 1891, № 3.

№ 253.

Чубинскій, Труды, II, 543—546, № 33.—Ястребовъ, Ма-

тер. по этн., 170, № 31.—Етнографичн. Збирныкъ, III, 189, № 27: Царъ, панъ и царивна (вторая половина сказки).—Стороженко, Укр. оповидання (1897), стр. 6: Вчы линывого не молотомъ, а голодомъ (то-же въ «Основѣ» 1861, № 1).—Илюстрована библіотека для молодижи, 1891, № 6, стр. 86—88: Малына, Хто ся колыше, най ся колыше.—Добровольскій, Смоленскій этнографич. сборникъ, 359—361: Упирливая дѣвка.—Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, III, 307: Празнишная жонка.

№ 254.

См. стр. 365 настоящей книги, прыказка № 117.

№ 255.

Разсказъ этотъ въ разныхъ селахъ прилагается къ опредѣленнымъ людямъ. Въ дѣтствѣ составитель этой книги слышалъ его отъ своего отца, пріуроченнымъ къ одному знакомому крестьянину на х. Немышля, Харьковск. у. Въ Черниговѣ отъ г. Зборовскаго составитель слышалъ его въ 1900 г., какъ мѣстное происшествіе. Вотъ еще варіантъ, доставленный Д. К. Лебедемъ изъ м. Веркіевки Нѣжинскаго уѣзда: «Два чоловикы йдуть уночи,—колы-жъ вовкъ; посталы воны тай дывляться. Колыжъ вовкъ проломавъ дырку у хливи та й полизъ туды. Отъ одынъ чоловикъ прысивъ надъ диркою передомъ до тыну та й заслонывъ дирку, а другый побигъ людей нагукаты. Чуе вовкъ, що люде бижать, та якъ розженеться у дирку, та головою у матню чоловикови; чоловикъ и повысъ на йому, а вовкъ понисъ та й понисъ його. Але й вовкъ такъ перелякався, що тилькы за село выбигъ та й здохъ. Отъ тоби й піймавъ вовка; на що те сило та ружже!»

№ 257.

Folklore de l'Ukraine. Украйинськый фолькоръ. Extr. des Κρυπτάδια, t V, 1898, Paris, p. 138—139: Tziganes.—M. Tewtik, Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reclam), 75, № 87.

№ 258.

Драгомановъ, Малорусск. преданія, 181, № 15: Сосѣдское добро.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 59.

№ 261.

Чубинскій, Труды, II, 647, № 108.—Етнографичный Збирныкъ, IV, 187: Якъ цыганъ зъ паномъ обидавъ.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 204.—Жыте и слово, III (1895), 70: Якъ цыганъ штукою найився.

№ 262.

Zbiór wiadomości do antrop. kraj., VIII; XIII, стр. 243 Линыва кума.—Етнографичный Збирныкъ, VI, № 201: Зюбрій.

№ 270.

Етнографичный Збирныкъ, VI, № 60: Хлопъ и мищухъ, № 93: Видтяла.—Жыте и слово, IV (1895), 364, № 3: Богачи и бидни. 2.—Насрадин-Ходжа, Београд, 1894, ст. 32, № 48.

№ 271.

Зеркало (юмор. газ.), 1892, № 15—16, стр. 3.

№ 272.

Гринченко, Этногр. Мат., I, 89, № 115.

№ 275.

Етнографичный Збирныкъ, VI, № 237: Розмова (конецъ).

№ 276.

Тотъ-же анекдотъ составитель книги слышалъ въ дѣтствѣ въ Харьковскомъ уѣздѣ.

№ 277.

Етнографичный Збирныкъ, VI, 194, № 441: Быколашъ.— Вотъ еще варіантъ, доставленный изъ Нѣжинского уѣзда Д. К. Лебедемъ въ 1900 г.: «Москали укралы теля, заризалы його та й шкуру знялы. А йихъ началныкъ и потуравъ йимъ въ симъ. Колы-жъ пиднялась трусанына, йдуть трусыты й москаливъ. Воны положылы теля на стилъ, прыкрылы його рядномъ, а одынъ москаль сивъ у головахъ та й псавтыръ чыта. Колы ввиходять и сюды трусыты; бачать — покійныкъ. Ну, якъ же тутъ трусыты!—«Хто умеръ?—пытають.—«Бычковъ».

№ 278.

Различные разсказы о покражѣ солдатами масла: Рудченко Н. ю. р. сказки, II, 167, № 38: Чоловикъ зъ масломъ и москали.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 431 ббб.

№ 279.

Зеркало (юмор. газ.), 1892, № 17—18.

№ 282.

Драгомановъ, Малор. преданія, 195, № 38.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 142.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 425 и. —Календарь Просвиты на р. 1870, стр. 78.—Zbiór wiadomości do antrop. kraj., VII, 3, стр. 32, № 84.—Етнографичный Збирныкъ, I, стр. 13, № III: Грынджолы; VI, 175, № 390: Русынъ и мазуръ.—Ястребовъ, Матер. по этн., 186, № 3.—Билецькый-Носенко, Казкы слипого бандурыста (Кіевъ, 1871), стр. 34, № V: Лыцвынъ да Украйинець.

№ 284.

Етнографичный Збирныкъ, II, Дыкаривъ, 22, № 21: Цыганъ-монахъ; IV, 185, № 6: Цыганъ у монастыри.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 410, № 248.

№ 289.

Записки Юго-Зап. Отдѣла И. Р. Геогр. Об-ва, I, 295.— Кулишъ, Зап. о ю. Руси, I, 277.

№ 290.

Кулишъ, Зап. о Ю. Руси, I, 114: Легенда о Б. Хмѣльницкомъ,

№ 291.

Записки Ю. З. Отдѣла Геогр. Об., I, 295.—Кулишъ, Зап. о Ю. Р., I, 277.

№ 292.

Записки Ю. З. Отдѣла Геогр. Об., I, 299—300: Ведмедивська попивна.

№ 293.

Различные разсказы, пѣсни и пр. о Паліѣ: Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy въ Zbiór wiadom., III, 139—140.— Легенды о Паліѣ въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша, I, 115, 117, 123.—Записки Юго-Зап. Отд. Геогр. О., I, 298.— Основа, 1861, XII, 29; 1862, VIII: Замѣчат. варіанты укр. пѣсенъ,—Драгомановъ, Млр. пред., 201—208, №№ 11—13.— Вл. Антоновичъ, Послѣднія времена козачества на правомъ берегу Днѣпра, 61—73 (Архивъ юго-зап. Россіи, т. II, ч. III, Предисл., 61—73).—Кіевская Старина: 1882, III, 611—615; IX, 579; 1886, II, 405; 1888, V, 47: Легенда о Паліѣ. — Черниговскія губернскія вѣдомости 1860, № 14.— Grabowski, O gminnych ukraińskich podaniach—«Rubon», Вильно, 1845, VI, 169—174. — Чубинскій, Нѣсколько народныхъ ист. пред., Кіевъ, 1873, 8—9 (тоже, что въ Зап. Ю: З. О., I).—Полит. писни укр. н., т. I, вып. 2, 37—46.—Кіевлянинъ 1868, № 111: Комарь Хмыничъ, Коростышевъ.—Кіевля-

нинъ, 1870, № 57: Свидницкій, Легенда о С. Паліѣ.—Черниговск. Епарх. Извѣстія, 1868, № 7, ч. неофф., 256-257.—Черниговск. Губ. Вѣдом., 1888, № 11.—Новости. 1889, № 66, Мордовцевъ.—Этнографическое Обозрѣніе, II (1889), 80: Каллашъ, Палій и Мазепа въ нар. поэзіи.—Журналъ Мин. Нар. Просв., 1889, 5: А. Н. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ, XII.—Екатеринославскія Губ. Вѣдомости, 1888, № 10, Новицкій.—Эварницкій, Запорожье, II, 233.—Кулѣшъ, Укр. нар. пред., Москва, 1847, отд. I.—Кіевлянинъ, 1888, № 34.—Якушкинъ, Сочиненія, Спб., 1884, стр. 312: великорусская легенда о Мазепѣ и Петрѣ.—Лисенко, Збирн. укр. писень, II, № 1.—Кіевск. Губ. Вѣд., 1868, №№ 14 и 147.—Полтавск. Губ. Вѣд., 1860, № 14.

№ 294.

Гринченко, Этногр. Матер., I, № 149.

№ 295.

Изъ «Черниговскихъ губ. вѣдомостей» 1853, № 10, стр. 69—71.—О Бондаренкѣ: Кіевская Старина, 1882. III, 530, XI, 393; 1886, II, 405; 1890, IV, 30, 31.

№ 296.

Кулишъ, Записки о Ю. Руси, I, 151 (иной разсказъ о похожденіяхъ гайдамакъ въ Каневѣ).

№ 297.

Кулишъ, Зап. о Ю. Руси, I, 149.

№ 302.

Гринченко, Этногр Мат., II, 233, № 173.

№№ 303—304.

Различные разсказы, пѣсни и пр. о Кармелюкѣ: Кіевск.

Старина: 1882, X, 183: Кармелюкъ; 1883, II, 466: Визитъ Кармелюка; VI, 393: Гнидко, варіантъ Кармелюка; 1884, IV, 698: Е. Маковскій, Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ; 1886, III, 495: Ролле, Кармелюкъ; VI, 371: Олтаржевскій, Воспоминанія старожила о Кармелюкѣ; VII, 553: Венгржиновскій, Еще кое что о Кармелюкѣ; 1887, XI, 588: Пѣсня о Кармелюкѣ; 1889, VIII, 533: Варіантъ пѣсни о Кармелюкѣ; 1892, X, 118: На родинѣ Кармелюка. — Этнографическое Обозрѣніе, XX (1894), 131: А. Малинка, Преданія о Кармелюкѣ. — Основа 1862, VIII, Дневникъ Шевченка, 17: пѣсня. — Екатеринославскія Губ. Вѣдомости, 1889, № 70: Варіантъ пѣсни о Кармелюкѣ.—Зоря, 1894, № 11: В. Боржковськый, Нар. згадка про Кармалюка.—Литературная обработка: Марко Вовчокъ, Оповидання (Спб., 1865): Кармелюкъ (то-же въ «Правди» 1867, №№ 4 и слѣд.).—Чайка, альм. 1875, № 4.—См. еще: Гринченко, Этногр. Мат., III, 618—619.

№ 306.

Различные нар. разсказы и пр. о Шевченко: Кіевская Старина: 1882, VIII, 371: Взглядъ народа на Шевченка; 1885, IX, 187: Нар. пѣсня о Шевченкѣ; 1887, VIII, 7 1; 1894, II, 165: Н. Бѣляшевскій, Разсказы крестьянъ с. Пекарей о Шевченкѣ; 1896, II: А. Крымскій, Шевченко въ нар. разсказахъ; 1900, VI, 141: М. Васильевъ, Т. Шевченко въ легендѣ.—Зоря, 1891, № 5: Хв. Крымськый, Нар. памъятъ про Шевченка; 1892, № 5: М. Школыченко, Оповиданння про Т. Шевченка (зъ нар. устъ); 1895, № 3: Два анекдоты про Шевченка; №№ 5 и 6: Д. Писочынець, Шевченко и народъ.

№ 307.

Изъ «Черниг. губ. вѣд.» 1854, № 15, стр 102—103.—Соединено два мотива: а) Заклятіе рѣчки матерью за утопленіе дочери (сына); б) переходъ рѣки съ одного мѣста на другое. Параллели перваго мотива: Гринченко, Этногр. мат., I, № 153: Преданіе о болотѣ Замглай (то-же въ «Кіевской Старинѣ» 1893, VI, 521).—См. еще №№ 311 и 315 настоящей книги.

№ 308.

Изъ № 32, стр. 227—229, «Черниговск. губ. вѣд.» 1854. —Сюда вошелъ мотивъ о паханіи змѣемъ, имѣющій обширную литературу; къ нему примыкаютъ разсказы о Кир. Кожемякѣ и змѣѣ: Рудченко, Н. ю. р. сказки, II, № 23: Поповичъ Ясатъ.— Манжура. Сказки, 24—26: Марко Сучченко.—Гринченко, Этнограф. мат., II, 233, № 175.—Кіевская Старина 1898, X, 13; III, 95.—Осташевськый, Пивъ сотни казокъ, 38, № 6: Змійивъ валъ.—Moszynska, Bajki, № 10: Про Сучченка.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, 196—197, № 85; въ томъ-же томѣ №№ 75 и 76.—Русская Бесѣда, 1856, III, статья Максимовича, 74.—Аѳанасьевъ, Поэтич. воззрѣнія, I, 560—562.—Кулишъ, Зап. о Ю. р., II, 27: Кир. Кожемяка. — Драгомановъ, Малор. пред., 248, № 1. Илья Швецъ и змій. — Nowoselski Lud Ukrainski, I, 133—135; 254—284.—Москвитянинъ, XII, 146—149. Въ Малор. преданіяхъ Драгом., 248, указано еще: сербскую пѣсню о больномъ Дайчинѣ у Караджича, II, 460, № 78.—Древне-русскій разсказъ объ Усмошвецѣ см. въ Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, I, 53.—Больной Георгій. Dozon, Chansons pop. Bulgares, № 40. О кракѣ и змѣѣ въ Вавелѣ см. San Marte Polens Vorzeit, 16.—Другіе примѣры у Буслаева: Клинообразныя надписи Ахеменидовъ, Рус. Вѣстн. 1873, № 12.

№ 311.

Изъ «Черниг. губ. вѣдомостей» 1858, № 51, стр. 400.— См. № 307 настоящей книги.

№ 312.

Изъ «Черниговскихъ губ. вѣдомостей», 1857 г., № 3, стр 17-18.

№ 313.

Оттуда-же, 1856, № 48, стр. 372—374.—Стихотворныя.

обработки темы: П. Кузьменко, Погане поле (Черниговск. губ. вѣд. 1860, № 21;—Основа, 1861, II, 41;—Чайка, альм. 1876, стр. 9).—Осташевськый, Пивъ сотни казокъ, 9, № 2: Гандзя кошового.

№ 314.

О вѣтряныхъ барабанахъ см. въ «Запискахъ о Ю. Руси» Кулиша, I, 114—115, гдѣ устройство ихъ приписывается Богдану Хмѣльницкому.

№ 315.

Изъ брошюры М. Исаенка: «С. Голенка Конотопск. у.», Черниг., 1860. стр. 4. (Печаталось первонач. въ Черн. Г. В.» 1860 г.).—См. № 311 этой книги.

№ 317.

Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 31.—Номысъ, Укр. прыказкы, № 10970.

№ 318.

Сказка о безстрашномъ, желающемъ узнать что такое страхъ и отыскивающемъ его, существуетъ во множествѣ варіантовъ у различныхъ народовъ: Етнографичный Збирныкъ, I, 5—8, № 2: Чоловикъ безъ страху и упыръ.—Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, 49, № 85.—Чубинскій, Труды, II, 366, № 101.—Kolberg, Pokucie, IV, № 30.—Манжура, Сказки, 60.—Ястребовъ, Матер. по этногр., 81.—Аѳанасьевъ, Р. нар. сказки (1897), II, 310—314, № 204: Безстрашной.—Kolberg, Lud, III, 119, VIII, 133 (здѣсь указаны польскіе варіанты).—Kozlowski, Lud, 336, 358.—Ciszewski, Krakowiacy, 209, 210.—Шапкаревъ, Сборникъ за нар. умотвор., №№ 122, 248.—Верещагинъ, Вотяки Соснов. края, 161.—Нѣмецкія сказки изъ Верхняго Пфальца указаны Кольбергомъ въ вышецит. мѣстѣ «Lud'a».—Grimm, Kinder- und Hausmärchen, I, № 4: Märchen von einem, der auszog

das Fürchten zu lernen и въ III т. примѣчаніе къ ней (стр. 13—19 изд. «Univ. Bibl.»).—Wolf, Deutsche Hausmärchen, 408—416.—Schleicher, Litauische Märchen, 79—83.—Gonzenbach, Sicil. Märchen, II, 237.—Hahn, 24, 32, 64.—Schott, Walach. Märchen, 27.—Cosquin, Contes pop. de Lorraine, II, 253—263, № LXVII. Jean sans peur (здѣсь указана литература).—Фламандскія нар. сказки, пер. Галибина, изд. Ледерле (Спб. 1893), стр. 95—116: Побѣдитель дракона.

№ 319 и 320.

Мотивъ объ отдачѣ обманщику женщиной предназначенныхъ для другого лица вещей и погонѣ за нимъ ея мужа, который въ свою очередь тоже оказывается одураченнымъ, разрабатывается въ двухъ версіяхъ: а) жена, не понявъ мужа, отдаетъ обманщику вещь, предназначенную для сбереженія, б) жена отдаетъ человѣку, выдавшему себя за идущаго съ того свѣта, вещи для передачи умершему родственнику (вторая половина—о погонѣ мужа—обѣихъ версій сходна). Варіантъ первой редакціи: Манжура, Сказки, 108.—Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва, XI, 110—111, 143.—Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 238—240.—У Цингерле—тирольскій варіантъ.—Етнографичный Збирникъ, III, 130, № 2. Дурна баба (литература къ этой сказкѣ въ т. IV «Етн. Зб.», 201).—Krauss, Sagen und Märchen d. südslav, II, 232.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 122, 147 (то-же въ Сборн. Х. и. ф. о., XI, 239, 264)).—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 227 в, стр. 367.

Вторая сказка существуетъ или самостоятельно, или является частью болѣе обширной сказки объ исканіи даннымъ лицомъ людей болѣе глупыхъ, чѣмъ его домашніе (плакавшіе о несчастной смерти возможнаго въ будущемъ ребенка). Излѣдованія (съ указаніемъ многочисленныхъ варіантовъ) послѣдней сказки (съ составными ея элементами), а также и сказки о передачѣ вещей умершему см.: Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 237—245, № XXII, Jeanne et Brimboriau.—Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы.

Анекторы о глупцахъ, стр. 23—56 (то-же въ Сб. Харьк. и. ф. о-ва, XI, 140—173, а также 110—111).—Кузьмичевскій, Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности (Кіевск. Старина, 1886, III, 445—450).—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 220. Вороватый мужикъ.—Clouston, The book of noodles, 204 и слѣд.

Кромѣ всего указаннаго, см. №№ 696—697 въ «Галыцько-р. анекдотахъ» Гнатюка (VI т. «Етн. Збірныка»), гдѣ находятся и дополненія къ литературѣ предмета, а также Archiv für slaviche Philologie, XXII Band, отдѣлъ критики, стр. 310.

№ 321.

Варіантъ очень распространенной въ Европѣ, Азіи и Африкѣ сказки о **матери-предательницѣ**. См.: Kolberg, Pokucie, IV, № 17.— Манжура, Сказки, 33—59.—Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II, 48—57.—Гринченко, Этн. Мат., I, №№ 157 и 158.—Чубинскій, Труды, II, 285—290, № 75.—Халанскій о Маркѣ Кралевичѣ, I, 17.—Zawiliński, № 4.—Садовниковъ, 69, 133.—Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, XVIII, 18, 79.—René Basset, Berberes, 222.—Къ этой темѣ примыкаетъ тема о **сестрѣ предательницѣ**: Kolberg, Pokucie, IV, №№ 13 и 14.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 49 (перепечатана отдѣльн. брошурою въ Кіевѣ, 1890, подъ заглав. «Братъ и сестра»); №№ 50 и 51; II, № 22.—Чубинскій, II, 138—167, №№ 48—50.—Ciszewski, Krakowiacy, 89.—Kunoś, Oszmán-török népköltesy gyüjtemény (см. Гордлевскій, Обзоръ турецк. сказокъ, № 71).

Литература входящаго въ эту сказку мотива о **благодарныхъ животныхъ** указана г. Сумцовымъ въ «Этногр. обозрѣніи» XXII (1894), 103.

№ 322.

Драгомановъ, Малорус. пред., 355, № 33: Мальчикъ-мизинецъ.—Худяковъ, Вкр. сказки, II, № 64.—Hahn, Griechische und

albanesische Märchen, I, № 55; II. № 99.—Schleicher, Litauische Märchen, 7—8.—Grimm, Kinder-und Hausmärchen (Verl. v. P. Reclam), I, 178, № 37: Daumesdick; 201, № 45: Daumerlings Wandershaft; III, 72, № 37; 76, № 45.—Norweg. Volksmärchen, II, № 14.—Zeitschrift für D. M., I, 48—49 и 381.—Valjavec Kraćmanov, Narodne pripoviedke, стр. 116—119.—Аѳанасьевъ, Поэтич. воззрѣнія, II, стр. 738—739.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 225—228, № 168: Мальчикъ съ пальчикъ.—Vogl, Volksmärchen (slawonische, 1851), № 6.—Cosquin, Contes populaires de Lorraine, II, 147—155, № LIII: Le petit poucet.—Даниловскій, Укр. сказки (6 изд.), 49, № XII: Коротышки (стихотв. русск. передѣлка).

№ 323.

Kolberg, Pokucie, IV, № 9.—Kolberg, Lud, XVII, стр. 180; XIV, № 15.—Kunoś, Oszmán-török népköltésy gyüjtemény (см.: Гордлевскій, Обзоръ турецк. сказокъ, № 68).—Сравн. Cosquin, Contes popul., I, № XXVIII: Le taureau d'or; № LXXVIII: La fille du marchand de Lyon.

№ 324.

Чубинскій, II, 355, № 93.—Moszyńska, Bajki, № 24.—Этногр. Обозрѣніе, XXII (1894), 129.—Етногр. Збирныкъ, VI, № 167.—Руданськый, Творы, I, 106, № 65: Крыва баба.—Жытє и слово, II (1894), 359: Якъ бидна баба ворожкою стала; IV (1895), 357, № 22: Якъ баба пана выличыла.—Zbiór Wiadomości do antr. Kraj., T. XI (3), стр. 62.—Календаръ Просвиты на рикъ 1872, стр. 61—62.

№ 325.

Изъ малорусскихъ варіантовъ намъ извѣстны только литературныя обработки сюжета: прозаическая у Квитки: «Пархимове снидання» и стихотворная у Руданскаго, Творы, I, 66, №

34: Цыганъ зъ хрономъ. —Сходная индусская сказка: Минаевъ, Инд. сказанія, 15. См. Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 41.

№ 328.

Афанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 248: Разсказы объ инородцахъ. z.

№ 330.

Подобныя «Розмовы»: Гринченко, Этн. Мат., II, № 203.—Чубинскій, II, 679, № 146: Роспыталысь.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 64 и 171.

№ 331.

Чубинскій, II, 677, № 142.—Руданськый, Творы, IV, 15: Ни зле, ни добре.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, № 230: Хорошо да худо.

№№ 333—336.

Kolberg, Pokucie, IV, № 73: Кошалки-опалки.—Moszyńska, Bajki, № 29 и 30: Про мудрого дурня и Якъ то соби сынъ зъ батькомъ хазяйнувалы.—Манжура, Сказки, 83—84: Брехня; 123—126: Якъ мы зъ дидомъ багатилы, а батька ше на свити не було, Небылыця, Прыказкы.—Чубинскій, Труды, II, 83—85, 336, № 85; 517—519, № 13; 678, № 143.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр., 11—13: Одъ чого зайци куци? 178—180, №№ 35 и 36.—Драгомановъ, Малоруск. преданія, 372—374, №№ 42 и 44; 338—339: Дурень на неби.—Сборникъ Харьк. Ист.-фил. Об-тва, VI, 171—175.—Харьковскій Сборникъ, VIII, 29, 114.—Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, №№ 176—179; II №№ 241—247.—Кулишъ, Записки о Южной Руси, I, 228—233. (Отсюда перепечатано: Гринченко, Веселый Оповидачъ, Черниг., 1898, № 74).—Дзвинокъ, газета для дѣтей, 1890, стр. 47.—Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852, № 26, Сказка о трехъ братахъ Кондратахъ.—Етнографичный Збирныкъ, IV,

157—161, №№ 37. Казка безъ правды, 38. Казка-небелыця.— Руданськый, Творы, I, 126—133, № 85.—Этнографическое Обозрѣніе, 1894, I, 9; II, 176.—Wisła, 1890, стр. 76.—Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, IX, 70; XII, 93; XV, 47.— Добровольскій, 659.—Календарь «Просвиты» на р. 1894, стр. 111.—Wunderbare Reisen und Abenteur des Freiherrn von Münchhausen (изд. Мейера, Реклама).—Етнографичный Збирныкъ, т. VI: Гнатюкъ, Галицько-руськи анекдоты, №№ 641—642, 645, 648—652, 657, 664, 665.—Етнографичный Збирныкъ, т. III, 49—51, №№ 16—17.—Литературная обработка въ стихахъ въ «Украинскихъ сказкахъ» Данилевскаго, 6-е изд., стр. 61, № XV: Сонъ въ Ивановскую ночь.—Пущанськый-Крывый, Перлы фантазійи югового-руського народу, 1894.—Запыски наукового т-ва им. Шенченка, XXIX (1899): Верхратськый, Знадобы до пизнаня угорсько-руськыхъ говоривъ, 148—149. —Оставшевськый, Пивъ сотни казокъ (Кіевъ, 1869), 314, № 50: Правда (стихотворная передѣлка).—Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 117—118, № 112, Der Dreschflegel vom Himmel, 247, № 159: Das Dietmarsische Lügenmärchen; III, 208—210, 257—258.—Wolf, Deutsche Hausmärchen, 424—425.— Haltrich, Deutsche Volksmärchen aus d. Sachsenlande in Siebenbürgen, № 56.—Wolt, Zeitshrift für deutsche Mythologie, II, 201—203: Der Märchenerzähler.— Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (изд. 1897), II, 374—383, № 231: Не любо—не слушай.—Худяковъ, Великорусскія сказки, II, № 74.—Нелюбо—не слушай, а лгать не мѣшай, пер. съ нѣмецкаго; было много изданій, по изданію И. Гурьянова (Москва, 1844) см. 213 и 448—449.— Народ. сказки, собран. сельскими учителями, изд. Эрленвейна, № 24.— Труды Яросл. Губ. Статистич. Комитета, V, 148—149.—Даль, Пословицы русскаго народа, стр. 1095.—Slovenski Glasnik, X (1864), 316, № 38.—Hahn, Griechische und albanesische Märchen, I, № 39 и 59.—Kylda, Moravske narodni pohâdky a povesti, II, № 39 и 41.—Schleicher, Litauische Märchen, 37—38.—Stier, Ungarische Volksmärchen, № 18.—Norwegische Volksmärchen, I, № 1.—Valjavec, Narodne pripovjedke, 264—265.—Mate-

ryały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, II, 2, стр. 95—96, № 68; стр. 112, № 85.—Wisła, IX,329—330, № 12: Niepodobieństwo.—Добровольскій, Смоленскій этногр. сборникъ, I, 467—470: Абъ старикѣ—«самъ на кутѣ, носъ на крюку, ноги на грядкахъ»; 663—665: А мужикѣ, што лоука урать умѣу.—Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, I, вып. III, 413—418: Не любо—не слушай.—Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русск. населенія сѣверо-западнаго края, II, 244—257: Не любо—не слушай; 167—168: Шавецъ и рыбакъ.—Uhlands Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage, III, 221-229.—Караджич, Српске народне приповиjетке № 44: Лаж за опкладу.—Ciszewski, Krakowiacy, I, № 194—196.—Chelchowski, Powieści i opow. ludowe z okolic Przasnycza, № 6.—Kolberg, Lud., т. XIV, № 103.—Zbiór wiadomości do antrp. kraj, т. VIII, 299; IX, 3, стр. 146; XVI, 2, стр. 19 и 71.—Dobsinsky, Slov. pohadky, T. III, 33—38.—Swiętek, Lud Nadrabski, 429—431, № 52.—Kolberg, Lud. Kujawy, I, 193—194: Dziwy.—Караджич, Српске нар. приповиjетке и заг., стр. 73—81: Усудъ.—Erben, Vybr. báje a pov. nár., 73—75: Stesti a nestesti.—Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. На стр. 181—197 подробное указаніе мотивовъ «нисевитныць» и литературы каждаго мотива.

№ 339.

Харьковскій Сборникъ, II, 93.—Ястребовъ, Мат. по этн., 10.

№ 358.

Объ отравѣ жабою см. еще: Гринченко, Этн. Мат., I, № 58.—Чубинскій, Труды, I, 136: Данния.

№ 359.

Разсказы о солдатѣ, боровшемся съ упыремъ: Гринченко, Этн. мат., I, № 86; II, №№ 83, 84, 85 и 88.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 205.

№ 363.

Изъ Черн. Губ. Вѣдомостей 1858, № 16, стр. 120—121.— Аѳанассевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 237: Жена спорщица.— Пыпинъ, Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, 202, 268.—Русск. Вѣстникъ, 1857, IX, статья Забѣлина.— Врчевич, Српске народ. приповjед. (1868), № 7.—Караджич, Српске пословиц., стр. 159.—Гринченко, Этногр. матеріалы, II, № 113, Уперта жинка.

№ 364.

Стороженко, Укр. оповидання (1897), 1: Се така баба, що чортъ йій на маховыхъ вылахъ чоботы оддававъ (первоначально было напечатано въ Основѣ 1861, IX, потомъ отдѣльно и въ первомъ изд. «Укр. оповид.»).—Н. Сумцовъ, Повѣсть о томъ, какъ чертъ разсорилъ супруговъ. (Литературная родня разсказа А. П. Стороженко «Се така баба» etc)--въ «Юбил. сборникѣ въ честь В. Ѳ. Миллера», Москва, 1900, стр. 169.—Добровольскій, Смоленскій Этногр. Сборн., I, 346.—Худяковъ, Великорусскія сказки, II, 131—Schleicher, Litauische Märchen, 50.—C. Wurzbach, Die Sprichwörter der Polen historisch erläutert, Wien, 2 Ausg., 1852, pp. 178—182.—Puibusque, Le comte Lucanor, 402—409.

№ 365.

Разсказъ этотъ намъ приходилось и раньше слышать, если не ошибаемся, въ Харьковской губ. Мы сочли его тогда передачею (быть можетъ,—искаженною) дѣйствительно случившагося въ названномъ намъ тогда селѣ событія и не внесли въ свои записи. Теперь онъ оказывается живущихъ въ устахъ крестьянъ Черниговскаго уѣзда. Уже послѣ доставленія этой записи пришлось прочесть въ № 159-мъ газеты «Кіевлянинъ» за 1900 г. слѣдующее:

Семейная траги-комедія. Въ станицѣ Роговской, Кубанск. обл., по словамъ «Крыма», разыгралась семейная драма. Жена

казака Люльки, Минодора, влюбилась въ фельдшера Пацюка и, чтобы избавиться отъ мужа, попросила Пацюка дать ей, для этой цѣли, яду. Фельдшеръ пообѣщалъ. Встрѣтившись на улицѣ со своимъ противникомъ, Пацюкъ разсказалъ ему о замыслахъ жены его и предупредилъ, что когда онъ вечеромъ выпьетъ стаканъ чаю, въ которомъ будетъ заключаться не ядъ, а гофманскія капли, то пусть притворится больнымъ. Поступая по совѣту Пацюка, Люлька, послѣ перваго стакана чаю, схватился за серце и попросилъ жену вывести его на чистый воздухъ, въ сарай, гдѣ и притворился умершимъ. Жена, видя, что мужъ скончался, схватила веревку и, надѣвъ петлю на шею, другой конецъ ея забросила на балку съ цѣлью повѣсить свою жертву для отвода глазъ. Когда Минодора доставала конецъ веревки, Люлька снялъ съ шеи петлю, надѣлъ ее на деревянный чурбанъ, а самъ спрятался въ углу сарая. Когда же она созвала сосѣдей и стала кричать, что мужъ повѣсился, сосѣдямъ пришлось только убѣдиться, что виситъ не человѣкъ, а деревянный чурбанъ.

№ 369.

Сочиненія Г. и С. Карпенко на русскомъ и малороссійскомъ языкахъ, Спб., 1860, книга II, стр. 31—39 (пересказъ по русски).—Въ № 174 «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей» 1900 г. перепечатанъ изъ газ. «Гражданинъ» тотъ-же анекдотъ (по русски), при чемъ разсказъ уже поіурочепъ къ князю Потемкину, который является здѣсь въ роли пана. Въ ст. Кузьмичевскаго: «Турецкіе анекдоты въ украинской нар. словесности» (Кіевская Старина 1886, II, 213—220) указаны иностранныя параллели анекдота.

Сторія и мудромъ младенцу.

«Сторія» есть варіантъ восточной сказки о царевнѣ Тюрандо; сказка эта вошла въ составъ сборника «Тысяча дней и одинъ» (см. Von der Hagen, Tausend und ein Tag, morgenländische Erzählungen, Prenzlau, 1836, т. I), сдѣлавшагося извѣстнымъ въ Западной Европѣ въ XVIII в.

Малорусская редакція ея (съ рукописи) опубликована впервые въ журналѣ «Жыте и слово», II (1894), 136—142; затѣмъ, если не ошибаемся, въ черновецкой газетѣ «Буковина» за 1897 г. (№ 144 ?) помѣщенъ былъ новый варіантъ.—См. еще: Moszyńska, № 25, Казка-загадка.—Kolberg, Pokucie, IV, № 49; польскій варіантъ послѣдней сказки въ «Wisła» 1891, I, 139, а сходная великорусская пѣсня въ соч. Хомякова.—Аѳанасьевъ, Р. н. сказки, II, 109—110, № 132: Царевна разрѣшаетъ загадки; I № 116а. — Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 127, № 114: Vom klugen Schneiderlein; III, 210, № 114.—Walachische Märchen, №№ 9 и 16.—Караджич, Српске народне приповиjетке, № 45: Краль и чобанинъ.—Гоцци воспользовался сказкой для сценическаго произведенія, а Шиллеръ передѣлалъ пьесу Гоцци по нѣмецки.

Повѣсть о Агий цару.

Это варіантъ «Сказанія о Едномъ цесари Іовианѣ». Литературную исторію обоихъ варіантовъ см. у проф. Веселовскаго: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» и «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха», гдѣ напечатанъ и текстъ разсказа объ Аггеѣ. Малорусскій текстъ «Сказанія о Іовианѣ» см. въ «Запискахъ науков. Т. и. Шевченка», т. XVI (1897), Гнатюкъ, 20—27, гдѣ указана и литература. Къ ней прибавимъ наиболѣе близкій къ нашему варіантъ у Рудченка, II, 159, № 36: Гордый царъ.—Moszyńska, Bajki, № 14: Про царя Іона. Въ примѣчаніяхъ къ послѣдней сказкѣ г. Сумцовъ указываетъ литературу: Этногр. Обозр. 1894, III, 126—127.

Слово о смерти и о рицеру.

Рукописный варіантъ см. въ «Запискахъ наук. т-ва им. Шевченка, XVI (1897), Гнатюкъ, Легенды зъ Хитарського збирныка, 14—20. Здѣсь же и устный варіантъ, перепечатанный въ III т. «Етногр. збирныка», 120—121, № 46: Про рыцаря и смерть. См. еще брошуру для народа: Рыцарь и смерть. Коломыя. Зъ печатни М. Бѣлоуса. 1894. (Второе изданіе).

Указатель содержанія помѣщенныхъ въ этой книгѣ записей.

I. Представленія и разсказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ.

1. **Сонце** плачетъ, если бросить на виду убитую гадюку. 2.

2. **Змій летивъ** (*метеоръ*), неся деньги сапожнику. 2.

3. **Змій носить гроши** нѣкоему П-чу. 3.

4. **Змій якъ куль соломы** летѣлъ по селу, неся деньги Б. 3.

5. **Змій видьми гроши носыть** и сидитъ у нея на крышѣ. 3.

6. **Змій скыдае свойи крыла.** Змій леталъ въ хату, гдѣ повѣсилась женщина, при чемъ оставлялъ свои крылья на дворѣ. Наймытъ перекрестилъ крылья, и змій не могъ ихъ взять до тѣхъ поръ, пока наймытъ самъ не отдалъ ему ихъ за кучу червонцевъ, насыпанную въ шапку съ дырой. 4.

7. **Одуреный змій палывъ чоловика.** Змій обязался наносить человѣку мѣрку денегъ, но не могъ исполнить этого, такъ какъ человѣкъ обманулъ его: желѣзную мѣрку безъ дна поставилъ надъ глубокой ямой. Разсерженный змій приказалъ человѣку расписаться своей кровью въ полученіи денегъ, а потомъ ежегодно жегъ его; человѣкъ избавился отъ этого тѣмъ, что началъ пристраивать ежегодно что либо новое; но все же обѣднѣлъ. 4—5.

8. **Визъ** (зиркы). Свѣтать начинаетъ, когда *Визъ* перевернется низомъ вверхъ. 6.

9. Витеръ сильно дуетъ отъ злости, что жена дала ему толстую рубашку. 6.

10. Грядъ—наказаніе людямъ за работу въ праздникъ. Обереги отъ него. 6.

11. Зима стае теплиша. Прежде бывалы такіе холода, что птица замерзала на лету, но земля поворачивается другою стороною и потому все теплѣетъ и теплѣетъ. 6—7.

12. Чомъ зима безснижна. Родился удивительный ребенокъ, который при крещеніи потребовалъ ѣсть. Ему дали снѣгу и потому будетъ семь (три) безснѣжныхъ зимы; а если бы дали хлѣба, то былъ бы голодъ. 7—8.

13 Обизяны. Бабы оставляютъ въ лѣсу лапти, въ которые обуваются любопытныя обезьяны,—тогда ихъ ловятъ. 8.

14. Вовкамъ Св. Юрій роздае що йисты. Св. Юрій указываетъ волкамъ каждое живое существо, которое они должны съѣсть. Три случая подслушиванья людьми на деревѣ распоряженій св. Юрія: одинъ окончился счастливо, а въ двухъ остальныхъ подслушивавшій былъ отданъ на съѣденіе волкамъ. 8—10.

15. Вовчый богъ Полисунъ—похожъ на человѣка, гоняетъ волковъ туда, гдѣ есть имъ пища, напр., на войну; онъ устанавливаетъ цѣну на ярмаркахъ. 10—11.

16. Лисунъ годуе вовкивъ. Бѣднякъ ночевалъ въ лѣсу на деревѣ и случайно видѣлъ, какъ Лисунъ раздавалъ волкамъ куски хлѣба, привезеннаго на возу; оставшуюся краюшку онъ отдалъ бѣдняку, который разбогатѣлъ отъ этого. Его богатый братъ, отправившійся за такою-же несъѣдаемою краюшкою въ лѣсъ, былъ разорванъ волками. Мѣсто жительства Лисуна и способъ узнать его. 11—12.

17. Лисунка выкупыла свою дытыну. Баба нашла въ лѣсу дитя Лисунки и возвратила послѣдней. Въ награду за это Лисунка подарила ей богатство, но по ея смерти, проплакавъ за ней три дня, сожгла ея жилище. 13.

18. Лисунка вкрала чужу дытыну. Украденное Лисункою дитя человѣкъ случайно нашелъ въ лѣсу и возвратилъ родителямъ. 44.

19. Вилъ и кинь. Конь и волъ бѣгали въ перегонку, волъ упалъ въ ровъ, подумалъ, что земля провалилась и съ тѣхъ поръ не хочетъ бѣгать. 14.

20. Чомъ ежакъ схожый съ свынею. Освященный на праздникъ пасхи въ церкви поросенокъ превратился въ ежа. 15.

21. Сорока начинаетъ вить гнѣздо на Хресте. 15.

22. Бусолъ. Поселившійся на хатѣ аистъ ежегодно выбрасываетъ изъ гнѣзда или аистенка, или яйцо: въ первомъ случаѣ будетъ урожай, во второмъ—наоборотъ. 16.

23. Дятелъ. Человѣка, рубившаго дрова по праздникамъ, Богъ обратилъ въ дятла, заставивъ его вѣчно рубить носомъ. 16—17.

24. Журавли вылетаютъ изъ ирія на двѣнадцатой недѣлѣ; они любятъ, чтобы ихъ называли не журавлями, а «веселка̀мы». 17.

25. Лыпа та осыка. *(Де диваеться жоноча клятьба)*—вся брань женщинъ, обращенная къ мужьямъ, падаетъ не на этихъ послѣднихъ, а на липу и осину, превращаясь тамъ въ наросты. 17.

26. Чого сталы неврожайи. Неурожаи появились отъ неуваженія къ старымъ обычаямъ и отъ заводящихся новшествъ; также отъ неуваженія женщинъ къ работѣ ратаевъ. 18.

339. Кишка. Кошку нельзя брать на возъ: лошади не повезутъ. 377.

340. Мыши выживаютъ хозяевъ. 377.

341. Гадюка. Крестьянинъ убилъ большую гадюку и оттого заболѣлъ. 377.

342. Жыве серебро, брошенное въ воду, вырываетъ въ днѣ глубокую яму. 378.

II. Примѣты и повѣрья.

27. Яка колы годына бува—примѣты о погодѣ по растеніямъ, животнымъ и различнымъ явленіямъ. 20—22. **№ 343**—379.

28. Весилля—примѣты о свадьбѣ. 22.

III. Знахарство, заговоры и проч.

IV. О сверхъестественныхъ существахъ.

113. Чорта не страшно: отъ черта вполнѣ защищаетъ крестъ, а русалка и вѣдьма гораздо страшнѣе. 90.

114. Чортъ конемъ. Двѣ дѣвушки возлѣ рѣчки встрѣтили черта въ образѣ сѣраго коня. 90—19.

115. Чортъ панычемъ на пасици. Чертъ въ видѣ панича пришелъ къ пасѣчнику во время грозы, но когда тотъ перекрестился, бѣсъ исчезъ. 91.

116. Нечыстый на кони. Разсказчикъ видѣлъ черта, скакавшаго на сѣромъ пламенѣющемъ конѣ и бросившагося въ Десну. 92.

117. Нечыста сыла йиде *(на велосипедахъ)*. Черти въ образѣ велосипедистовъ ѣхали прямо по водѣ черезъ Десну. 92.

118. Нечыста сыла голосыть. Нечистая сила гоняла табунъ пасшихся лошадей и плакала, проклиная жизнь. 92—93.

119. Нечыстый просыть перевозу—у бабъ, ловившихъ бреднемъ рыбу. 93.

120. Нечыста сыла несе гроши: а) въ образѣ огненнаго полотна и б) огненнаго индюка безъ головы. 94.

121. Чортъ лякае на ночлигахъ. Чертъ хотѣлъ перевернуть будку пасѣчника, въ которой спало два человѣка. 94—95.

122. Чортъ коней гоня на ночлигахъ, не желая, чтобы хлопцы пасли ихъ на извѣстномъ мѣстѣ. 95.

123. Нечыста сыла возыла. Паны, ѣхавшіе въ каретѣ шестерикомъ, попросили встрѣтившагося крестьянина показать имъ дорогу къ парому. Онъ поѣхалъ съ ними и они, заплативъ ему за услугу, вдругъ исчезли, и оказалось, что это черти, завезшіе его въ чужое село, а вмѣсто денегъ они дали черепки. 95—96.

124. Чортъ лякае дитей, бо йихъ маты зналася зъ йимъ. Нечистая сила ходила по ночамъ, стучала, бросала на дѣтей камнями, обливала ихъ и пр. 96—97.

125. Чортъ до молодыци ходыть йийи чолвикомъ. Женщина нашла въ полѣ клубокъ ленточекъ и съ этого времени сталъ

къ ней ходить по ночамъ чертъ подъ видомъ ея мужа, ночевавшаго на ночлегахъ. Узнавъ кто это, она избавилась при помощи средства, указаннаго знахаркою. 97.

126. Чортъ однявъ дытыну. Черти отняли у женщины въ лѣсу дочь-ребенка. Черезъ много лѣтъ сынъ этой женщины нашелъ свою, выросшую уже, сестру въ пустой хатѣ за селомъ и, по совѣту дѣвушки, привелъ священника посвятить хату. Но когда это было исполнено,—все провалилось сквозь землю. 98.

127. Парубокъ гравъ чортамъ. Черти мужескаго и женскаго пола заставили парубка играть себѣ на скрипкѣ и цѣлую ночь танцовали. Они представлялись ему парубками и дивчатами, но на утро все исчезло, а онъ увидѣлъ себя въ болотѣ. 99.

128. Чортъ платыть за танци. Чертъ въ болотѣ сидѣлъ около сундука съ деньгами и игралъ на скрипку. Человѣку, согласившемуся танцевать подъ его игру, онъ заплатилъ такъ щедро, что тотъ разбогатѣлъ. 99.

129. Чортъ ченцемъ частуе чоловика. Чертъ встрѣтился человѣку въ полѣ въ видѣ знакомаго монаха и сталъ его угощать водкой; но когда тотъ перекрестился, все исчезло. 100.

130. Чортыци частують человика. Чертовки въ видѣ знакомыхъ бабъ угощали крестьянина водкой, но когда онъ, передъ тѣмъ, какъ выпить, перекрестился, все исчезло. 100.

131. Чортъ та русалкы частують человика. Чертъ съ русалками пировалъ среди поля во ржи и угощалъ крестьянина; но предъ крестомъ все исчезло. 101.

132. Позычае въ чорта гроши. Бѣднякъ занялъ у черта на годъ деньги и когда принесъ долгъ, то оказалось, что его кредитора разорвали волки, а другіе черти сочли себя не вправѣ брать чужія деньги и оставили ихъ человѣку. 101—103.

133. Чортъ у неволи въ глечыку. Чертъ искушалъ на разные лады пустынника и наконецъ превратился въ рыбку и прыгнулъ въ кувшинъ, которымъ набиралъ пустынникъ воду. Пустынникъ перекрестилъ кувшинъ, завязалъ и бросилъ въ воду. Черезъ тридцать лѣтъ мужикъ, поймалъ сѣтью кувшинъ, открылъ его, и чертъ очутился на свободѣ. Но мужикъ, посредствомъ хитрости, снова засадилъ его въ кувшинъ и бросилъ въ озеро. 103—107.

134. Стрилецъ застрелывъ чорта, дразнившаго Бога. За это Богъ далъ охотнику постоянную удачу на охотѣ. 108.

135. Водяныкъ дытыною. Рыболовъ вытащилъ изъ воды смѣющагося ребенка, который потомъ исчезъ отъ креста. 108.

136. Манея не пускала. Манея не давала рыболову пройти, онъ прочиталъ молитвы, ударилъ весломъ, и все исчезло. 109.

137. Чы домовыкъ, чы манея насила на чоловика. Что-то, домовикъ или манея, сѣло парубку на шею и заставило нести себя, а потомъ толкнуло его и исчезло. 109.

138. Домовыкъ душывъ мачиху разсказчицы. 110.

139. Домовикъ не любытъ, якъ ночують у хливи, давитъ и выбрасываетъ вонъ человѣка, ночующаго тамъ. 110—111.

140. Домовыкъ кыдае коня въ ясла, что и подсмотрѣлъ человѣкъ, спрятавшіеся въ конюшнѣ. 111.

141. Домовыкъ зачипае сирого коня—путаетъ ему гриву и пр. 111.

142. Домовыкъ не дае робыты вночи и пугаетъ работавшаго въ клунѣ ночью хозяина. 111—112.

143. Домовыкови треба окропу. Для домовыхъ нужно имѣтъ въ печи кипятокъ: они его пьютъ. За неисполненіе этого домовой сжегъ своего хозяина. 112.

144. Домовыкъ на ночлигахъ. Человѣкъ зоветъ товарищей, а домовой отвѣчаетъ ихъ голосомъ, а затѣмъ ночью душить спящаго. 113.

145. Дви чирточкы зъ нашыхъ русалокъ. I. Женщина «на Зелену недилю» видѣла въ полѣ множество поющихъ, скачущихъ и плещущихъ руками дѣтей—это были русалки. II. Плачущей за умершей матерью дочери явилась во снѣ дивчина и сообщила, что мать ея превратилссь въ русалку. 114.

146. Русалкы женуться за жинкою. Шедшая по полю женщина увидала во ржи двухъ дѣтей. Они сейчасъ-же превратились въ большихъ русалокъ и погнались за нею. Она убѣжала, но отъ страха заболѣла и умерла. 114—115.

147. Русалкы не далы ловыты рыбы. Двѣ женщины «на Русалкы» ловили ночью рыбу, за ними погнались двѣ русалки

и хоть не догнали, но женщины со страху долго потомъ были больны. 115.

148. Русалкы прогналы человика зъ роботы. Крестьянинъ копалъ въ полѣ канаву на саранчу, за нимъ погнались двѣ русалки, изъ которыхъ одна была съ книжкою; онъ заболѣлъ со страху. 115—116.

149. У русальну недилю не можна робыты: мужъ и жена, поѣхавшіе въ это время полоть просо, выдержали нападеніе русалки, отъ которой избавились они тѣмъ, что мужъ очертилъ возъ и воловъ кругомъ и отмахивался топоромъ, а жена читала молитвы. 116.

150. Чоловикъ сховався видъ русалкы. Отъ погнавшейся за человѣкомъ съ поля русалки онъ спрятался въ клунѣ, въ которую русалка не вошла. 111

151. Русалка не може переступыты круга. Русалка, напавъ на человѣка въ полѣ, не могла сдѣлать ему вреда, такъ какъ не имѣла возможности переступить черезъ кругъ, которымъ онъ себя очертилъ. 117.

152 Русалкы гойдаются на гилькахъ,—это увидалъ въ лѣсу человѣкъ, и тогда русалки бросилися за нимъ и такъ его испугали, что онъ на другой день умеръ. 117.

153. Оддавъ русалкамъ дытя. Человѣкъ, когда на него напали въ полѣ русалки, пообѣщалъ имъ, за сохраненіе своей жизни, дитя. Возвратясь домой, онъ засталъ своего ребенка мертвымъ. 117—118.

154. Русалкы залоскоталы дытыну. На хлопцевъ и дивчатъ напали русалки; всѣ убѣжали, кромѣ маленькой дѣвочки, и русалки защекотали ее. 118.

155. Добра смерть. I. Человѣкъ служилъ у хозяина за одинъ обѣдъ. Отлуживъ свой срокъ и, возвращаясь домой, встрѣтилъ Бога, затѣмъ смерть, которую онъ накормилъ, а она дала ему краюшку хлѣба, которую, когда онъ пришелъ домой, никакъ не могла съѣсть вся семья. Затѣмъ смерть пришла къ нему въ гости и сдѣлала такъ, что у него всѣ закромы стали полны хлѣба.—II. Человѣкъ покумился со смертью, и она ему

посовѣтывала лѣчить больныхъ: если она будетъ стоять у больного въ ногахъ, то пусть смѣло лѣчитъ, а если въ головахъ— больной умретъ. Человѣкъ объявилъ себя знахаремъ, многихъ будто бы вылѣчилъ и разбогатѣлъ. Наконецъ смерть пришла за нимъ самимъ. Увидѣвъ ее у себя въ головахъ, онъ нѣсколько разъ заставлялъ переставлять свою постель такъ, чтобы лежать къ смерти ногами; но смерть перемѣщалась вмѣстѣ съ постелью, и человѣкъ долженъ былъ умереть. 118—124.

156. Смерть увиходе въ хату. Смерть вошла въ хату и вышла, и какъ разъ въ этотъ моментъ больное дитя умерло. 124.

157. Смерть домовыною встрѣтилась двумъ женщинамъ, и одна изъ нихъ упала мертвою. 124.

158. Смерть зострила на вулыци. Женщина шла съ больнымъ ребенкомъ отъ знахарки, встрѣтила смерть, и дитя умерло. 125.

159. Манея звищае смерть, встрѣчаяся въ черной одеждѣ съ людьми или плача. 125—126

160. Смерть голосыла, идя на кладбище,—это значитъ, что будетъ эпидемія. 126.

161. Моровыця трычи на рикъ ходыть въ видѣ коровы по улицамъ и въ какой дворъ войдетъ,—тамъ передохнутъ всѣ коровы и собаки. 126.

162. Моровыця конемъ. Конскій скелетъ, обтянутый шкурою трижды пробѣжалъ ночью по селу,—будетъ моръ животныхъ. 126—127.

163. Моровыця лякае молодижъ, явившись ночью хлопцамъ и дивчатамъ въ страшномъ видѣ, съ блестящими глазами; при ея исчезновеніи ударилъ громъ. 127.

164. Чудо. За то, что мужъ и жена работали на праздникъ Чуда, оно явилось ночью, а нечистая сила такъ сдѣлала, что мужъ съѣлъ жену. 127—128.

359 Нечыста сыла у непосвяченій хати. Дѣдъ съ племянникомъ ночевали въ неосвященной хатѣ. Ночью вылетѣлъ изъ печи красный «коршикъ», перекусилъ глотку и поцарапалъ бокъ дѣду, а племяннику изорвалъ когтями грудь и вытянулъ языкъ. 387.

V. О мертвецахъ.

165. Мертва маты прылитае до сына. Мать-упырь прилетаетъ на крыльяхъ къ сыну въ мельницу. Ее откапываютъ и пробиваютъ осиновымъ коломъ. 130.

166. Мертва ридна маты нападае, мертва хрещена обороняе. Дѣвушку, попавшую въ церковь въ то время, когда тамъ говѣли мертвецы, выводитъ оттуда крестная мать, чтобы спасти отъ родной, которая съѣла-бы дочь. Другая дѣвушка, въ подобномъ случаѣ, спасла себѣ жизнь тѣмъ, что, не переставая говорить съ родной матерью, уходила отъ нея, стоя къ ней лицомъ. 130—131.

167. Завишеный не мае на тимъ свити спокою,—ходитъ по селу, поетъ, плачетъ. 131.

168. Мертви говіють на второй недѣлѣ великаго поста. 132.

169. Мертвыхъ треба помынаты. I. Къ женщинѣ, ничего не приготовившей на поминки «на диды», явились мертвецы, и она спаслась отъ нихъ только тѣмъ, что поставила имъ на окно бутылку съ водою и рюмку.—II. Умершая баба по ночамъ ходила въ свою хату и дѣлала всякія непріятности хозяевамъ; а какъ только стали ее поминать,—все это прекратилось. 132—133.

170. Панъ-упырь. I. Умершій панъ ѣздилъ по Чернигову. Архіерей заклялъ его на Красномъ мосту, и онъ провалился подъ мостъ. Затѣмъ его откопали и пробили осиновымъ коломъ. II. Тотъ же панъ пропалъ въ болотѣ на Трисвятской греблѣ отъ проклятія встрѣтившагося ему человѣка. 133—134.

171. Не беры ничого зъ мертвяка. Дѣвушка встрѣтила мертвеца и сняла съ него платокъ. Мертвецъ явился за нимъ, заставилъ дѣвушку надѣть на него платокъ, схватилъ ее за руку и провалился вмѣстѣ съ нею. 134—135.

172. Макъ держыть мерця у труни. При похоронахъ за гробомъ мертвеца, въ которомъ предполагаютъ упыря, сѣютъ «макъ-выдуту», также и въ гробъ кладутъ узелокъ съ макомъ. Тогда упырь, отправляясь съ кладбища, долженъ предварительно посчитать весь тотъ макъ, который у него въ гробу и на дорогѣ, чего онъ не можетъ успѣть сдѣлать. Но одна баба-упырь все таки успѣва-

ла и ходила въ свою хату до тѣхъ поръ, пока священникъ не заклялъ ее. 136—137.

173. Мертва жыве на земли. Мать молила Бога, чтобы хоть во снѣ увидѣть свою умершую дочь. Въ поминальный день она встрѣтила ее и увела съ собою. Дочь жила у нея цѣлый годъ и затѣмъ исчезла въ тотъ-же самый день, въ какой явилась. 137.

174. Закладъ. Биться объ закладъ—грѣхъ. I. Парубокъ бился съ товарищами объ закладъ, что пойдетъ ночью на кладбище и прибьетъ къ кресту хустку. Но прибивая, онъ, незамѣтно для себя, прибилъ и свой рукавъ, и умеръ тамъ же со страху.—II. Подобное же (прикололъ къ землѣ свою полу) и съ тѣмъ же результатомъ случилось съ парубкомъ, который бился объ закладъ, что оббѣжитъ ночью вокругъ старой богадѣльни, гдѣ жила нечистая сила.—III. Парубокъ, побившись объ закладъ, принесъ ночью съ колокольни языкъ церковнаго колокола; но что то бѣлое погналось за нимъ; всѣ парубки отнесли назадъ и повѣсили на мѣсто языкъ; но невѣдомая сила потребовала, чтобы виновникъ самъ его привѣсилъ. Тотъ отправился на колокольню и больше не возвратился: провалился сквозь землю. 137—142.

360. Москаль-упырь. Солдатъ заходитъ въ пустую хату, гдѣ лежитъ мертвецъ, ѣстъ и пьетъ тамъ. Мертвецъ всталъ и задушилъ солдата. Днемъ упыря положили въ гробъ, другой солдатъ пробилъ его штыкомъ. Брызнула кровь, попала на ризу священнику, его подбросило высоко и убило. 387—388.

VI. О людяхъ съ чудесною силою (вѣдьмы, ворожки, волшебники и проч.)

175. Видьмы вчаться видьмыты. Костоправъ показалъ ѣхавшей съ нимъ женщинѣ, какъ двѣ вѣдьмы доучивались своей наукѣ, стоя надъ берегомъ рѣки среди множества гадовъ. 144.

176. Въ науци у знахарки. Молодая женщина попросила знахарку научить ее «видьмуваты». Подробности науки, которая оказалась такою страшною, что ученица, все бросивъ, убѣжала съ перепугу. 145—147.

177. Одъ видьомъ—обереги. 147—148.

178. Якъ побачыты видьму—пять способовъ. 148.

179. Чымъ видьма являеться. Разсказы о явленіяхъ вѣдьмы: въ видѣ человѣка, овцы, сороки, щенка, собаки, кота, сита, праныка, полотна, стѣны. 149—153.

180. Черезъ видьму убывъ чоловика. Вѣдьма вскочила на плечи одному человѣку, а другой, не зная того, что нужно бить не самую вѣдьму, а ея тѣнь, бросился бить ее и убилъ человѣка. 153.

181. Видьмы на Велыкдень стараются прикоснуться къ ризѣ священника, но мужчины отгоняютъ ихъ. Одна изъ вѣдьмъ отомстила отгонявшему тѣмъ, что у него въ церкви опали штаны. 153—155.

182. Видьма на процессіи—не можетъ обойти вокругъ церкви трижды. 155.

183. Видьма вночи видьмуе. Дивчата заночевали у вѣдьмы, которая ночью раздѣлась и, съ пѣной у рта, начала бѣгать по хатѣ, ухвативъ «рубель и качалку». Испуганныя дивчата едва убѣжали при помощи ночного сторожа. 155.

184. Видьмыне молоко. Ночевавшій у бабы солдатъ видѣлъ, какъ она, возвратясь ночью, выблевывала изъ себя молоко. Утромъ онъ отказался его пить. 156.

185. Видьма продае масло. Вѣдьму, продававшую на базарѣ масло, панъ потащилъ въ полицію. Вѣдьма убѣжала, а за нею убѣжало и все масло изъ горшка. 156.

186. Будякове масло. Панъ не далъ поденнымъ работникамъ въ поле ничего, кромѣ хлѣба. Тогда одна женщина начала крутить верхній цвѣтокъ бѣлаго будяка и накрутила много масла, а пани жаловалась потомъ, что въ тотъ день не получила и капли масла отъ своихъ семи коровъ. 157.

187. Завитка и видьма. Когда крестьяне пригласили свя-

щенника вырвать въ житѣ завитку, прилетѣла вѣдьма и начала просить не трогать завитки, но ее не послушали. 158.

188. Видьмамъ треба попилъ съ купалового вогню, почему онѣ и приходятъ за нимъ, когда хлопцы и дивчата разойдутся отъ огня. Но разъ двое хлопцевъ засѣли около остатковъ купальскаго огня, и одинъ изъ нихъ проганялъ отъ него вѣдьмъ лозою. 158.

189. Видьмамъ треба сыру зъ вареныка, що на заговины варють. Если этого сыру оставить на ночь за зубами, то, имѣя его, можно на Велыкдень увидать вѣдьмъ или вымѣнять за него неразмѣнный рубль. Поэтому вѣдьмы стараются всякими способами похитить этотъ сыръ. 159—160.

190. Видьма краде нехрещену дытыну, а чтобы избѣжать этого, необходимо имѣть горящую свѣчу въ той хатѣ, гдѣ есть некрещеный ребенокъ. 160.

191. Видьма выпльовуе часточку св. Даровъ, которая превращается въ пчелку и улетаетъ вверхъ. 160.

192. Видьма здіймае зиркы зъ неба. Одна вѣдьма это сдѣлала и запрятала звѣзду въ горшкѣ въ погребъ; но дѣти, играя, выпустили ее. Оттого и звѣздъ меньше стало, что вѣдьмы ихъ снимаютъ. 160—161.

193. Видьма бойиться йирчука и потому гдѣ таковой окажется, убиваетъ его. 161—162.

194. Видьмы возылы видьмака. Вѣдьмы, разсердясь на одного человѣка, который постоянно на нихъ указывалъ людямъ, вывезли его во время сна на возу «на разстаньки». Но человѣкъ этотъ былъ видьмакъ и сдѣлалъ такъ, что вѣдьмы не могли уйти отъ воза до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ не отпустилъ.

195. Дядько Хведиръ знахарь—однимъ своимъ желаніемъ онъ останавливаетъ лошадей или мельницу, заставляя даже колесо ея вертѣться въ обратную сторону; если онъ захочетъ, то ружье не стрѣляетъ, рыба не ловится, дорога не находится, велосипедистъ падаетъ съ велосипеда. 163—166.

196. Видьмакъ занапастывъ чоловика—за то, что тотъ вкосился въ его сѣно: только глянулъ на него, тотъ заболѣлъ и умеръ. 166—167.

197. Свекоръ ворожбытъ. Невѣстка не захотѣла подать свекру воды и ушла, но не могла найти дороги и должна была возвратиться назадъ; подавъ воду, получила способность находить дорогу. 167.

198. Якъ знахарь добувавъ горилку. Знахарь служилъ у еврея старшимъ рыбакомъ, и если еврей не давалъ ему водки, то онъ свистомъ сзывалъ въ его хату гадовъ и держалъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не получалъ водки. 167—168.

199. Якъ коняча шкура полизла у шынкъ. Шинкарь, желая, чтобы богатый хозяинъ распился, попросилъ его наймычку добыть ему волосъ хозяина. Та принесла ему волосъ съ конской шкуры, которая сама собою полѣзла въ шинокъ. 168.

200. Гончаръ видьмакъ. Хлопецъ прогналъ гончара съ его мѣста, а тотъ сдѣлалъ такъ, что у хлопца голова повернулась задомъ напередъ. По просьбѣ матери потерпѣвшаго гончаръ возвратилъ ему прежній видъ. 168—169.

201. Лытвынъ поробывъ, що москаль летивъ. Солдатъ отказался поподчивать бѣлорусса водкою, за что тотъ такъ сдѣлалъ, что солдатъ полетѣлъ по воздуху. Знающій человѣкъ съумѣлъ спустить его на землю. 169—170.

202. Лытвынъ одъ чаривъ вызволяе. Въ Нѣжинѣ одинъ парубокъ посваталъ дѣвушку, которая не знала, что у жениха была другая и двое дѣтей отъ нея. Покинутая обсыпала «молоду» какимъ то зельемъ при выходѣ ея изъ церкви, и та сошла съ ума. Случайно заѣхавшій въ хату бѣлоруссъ вылѣчилъ ее своими шептаньями. 170—173.

203. Якъ лытвынъ дывчину покаравъ. Дивчина украла два горшка у бѣлорусса-гончара, но онъ сдѣлалъ такъ, что она никакъ не могла дойти домой, а всю ночь и утро ходила отъ воза къ своему двору и обратно. 173—174.

204. Лытвынъ просывъ воды. Дивчата, идя въ поле жать, не дали воды бѣлоруссу-гончару. Ихъ вода превратилась въ пѣну и вылилась на землю. 174.

205. Вовкулакъ переводють черезъ хомутъ. Оскорбленный на свадьбѣ «боярынъ» перевелъ «молодыхъ» черезъ хомутъ,

и они превратились въ вовкулаковъ. Одного изъ нихъ, жену, поймали и возвратили ей прежній видъ, переведя черезъ хомутъ, а другой, мужъ, и до сихъ поръ бѣгаетъ. 175.

206. Панъ вовкулакою робыть. Панъ превратилъ мужика въ волка; случайно этотъ волкъ забѣжалъ во дворъ къ прирожденному вовкулаку; послѣдній сорвалъ съ него шкуру и возвратилъ ему человѣческій видъ. 175—176.

361. Щобъ видьма не влизла—подъ Ивана Купала затыкаютъ крапиву за окна. 388.

VII. О кладахъ.

207. Скарбъ парубкомъ явился къ женщинѣ въ хату подъ Велыкдень, прося ѣсть, и разсыпался деньгами отъ удара кочергою. 178.

208. Скарбъ у скрыни появился ночью и надъ нимъ горѣла свѣчка. Хлопецъ дважды бралъ изъ него червонцы, а въ третій разъ скрыня захлопнулась и провалилась сквозь землю и вышла потомъ вмѣстѣ съ нимъ въ Іерусалимѣ. 178—179.

209. Пожаливъ табаку и утерявъ скарбъ. Голосъ изъ оказавшейся въ лозахъ скрыни попросилъ у прохожаго понюхать, а когда тотъ отказалъ, кладъ провалился. 179.

210. Скарбъ—Мазепына карета. I. Увидѣвъ свѣчу въ полѣ, человѣкъ бросилъ на то мѣсто поясъ, но кладъ загрохоталъ внизъ и свѣча потухла. Это была или Мазепина золотая карета, или скрыня червонцевъ.—II. На мѣстѣ, гдѣ закопана около Выбель Мазепина золотая корета, полная денегъ, подъ землею грохочетъ и земля колышется; но на Велыкдень, при извѣстныхъ условіяхъ, можно откопать этотъ скарбъ.—III. Черезъ каждые три года Мазепина карета выходитъ на верхъ и бѣгаетъ надъ Десною въ видѣ коня, котораго и видѣли бабы. 179—181.

211. Злякався скарбу.—Кладъ явился человѣку въ видѣ скрыни съ деньгами; онъ хотѣлъ было ихъ брать, но испугался и убѣжалъ. 181.

212. Скарбъ зныкае одъ хреста. Человѣкъ выкопалъ два

сундука денегъ; предъ тѣмъ какъ брать ихъ, жена его перекрестилась, и сундуки съ деньгами превратились въ гнилыя колоды. 181—182.

213. Скарбъ коровою, а также и другими животными, а именно: а) коровою, которая разсыпалась деньгами отъ удара, б) бѣлымъ конемъ,—такой кладъ всегда на бѣду людямъ и его не слѣдуетъ брать; брать кладъ можно, когда онъ является медвѣдемъ, волкомъ, свѣчкою; а кладъ, являющійся въ видѣ бѣлаго коня, кладутъ недобрые люди, какъ и здѣсь,—Шведы во время Мазепы.—Три разсказа о копаніи кладовъ, при чемъ въ одномъ случаѣ знахарь находитъ кладъ палочкою, но кладъ проваливается, такъ какъ копавшіе разсердили его бранью. 182—186.

214. Шкарбъ и панська мода. Человѣкъ откопалъ кладъ, но кладъ былъ съ заклятіемъ: имъ могъ пользоваться только тотъ, кто съѣстъ лежавшія на котелкѣ человѣческія испражненія. Пришлось исполнить это, и человѣкъ разбогатѣлъ. Его жена захотѣла одѣваться по пански, но, вмѣсто панскаго платья, надѣла воловью кожу съ рогами, за что ее и выгнали изъ церкви. 187—188.

VIII.

215. Каянова жъунка была первою вѣдьмою и ходила доить коровъ Авелевой жены. Ей встрѣтился «богъ Валосько», но не могъ ей воспрепятствовать, а она заставила его стоять неподвижно на мѣстѣ. 190—191.

216. Громныци—праздникъ «на другый день писля дарнойи недили»: когда воскресшій Спаситель сошелъ въ адъ, то мертвецы отъ радости стали цѣловаться и обниматься; Господь, видя, что ихъ никакъ нельзя развести, загремѣлъ громомъ и только тогда они съ испугу разнялись. 191.

217. Чоловикъ у Бога. Богъ былъ въ гостяхъ у человѣка Пылыпа, пригласилъ его къ себѣ и прислалъ за нимъ бѣлаго коня. По дорогѣ Пылыпъ видитъ: а) человѣка, бьющагося объ стѣны, б) человѣка, стоящаго въ водѣ и просящаго пить,

в) человѣка, переливающаго изъ ковша въ ковшъ воду. Богъ объясняетъ, что это наказываются три грѣшника: а) не пустившій прохожаго въ мятель въ хату, б) не давшій жаждавшему воды, в) шинкарь, подливавшій въ водку воду. 191—193.

218. Богъ лучче знае, чого намъ треба. Человѣкъ угодилъ Богу, и за это Богъ ему далъ то, чего тому хотѣлось: возможности имѣть всегда, когда захочешь, дождь. Но хотя дождь и шелъ во время, однако человѣкъ забылъ попросить на время цвѣтенія пшеницы легкаго вѣтерка, и оттого пшеница уродилась безъ зерна. 193.

219. Камъяный горохъ Сѣявшій горохъ человѣкъ на вопросъ Божіей Матери сказалъ, что онъ сѣетъ камень, и выросшій горохъ оказался съ каменными зернами. Одну такую горошину принесъ человѣкъ изъ Іерусалима. 194.

220. Середа й пъятныця карають людей. Среда и пятница, въ видѣ двухъ женщинъ въ бѣлыхъ одеждахъ, ходятъ въ полночь по селу и спорятъ, какую кару на людей послать: моръ и пожаръ или голодъ и войну. 194.

221. Середа й пъятныця гниваються, що люде йихъ не шанують. Человѣкъ, заночевавшій въ пустой хатѣ, услышалъ жалобы пришедшихъ туда среды и пятницы на то, что первую колятъ, а вторую замазываютъ и засыпаютъ кострицею. Онѣ приказываютъ въ среду не шить, а въ пятницу не мазать и не прясть. 194—195.

222. Середа штовхнула съ мѣста спавшаго человѣка за то, что онъ въ среду вечеромъ ѣлъ сало, заявивъ, что среда уже спать лягла. 195.

223. Про Ерусалымъ. Одинъ здоровый парубокъ возвратился изъ Іерусалима больнымъ, такъ какъ за созерцаніемъ чудесъ забывалъ ѣсть. Тамъ, на Аѳонской горѣ, живетъ и Божія Матерь. Туда не пускаютъ женщинъ; одна женщина переодѣлась мужчиною и начала всходить на гору, но сорвалась и свалилась внизъ. Божія Матерь питается лишь святымъ духомъ, съ нея срисовали и прислали къ намъ икону. 195—196.

224. Хлопець, монахы и скарбъ. На болотѣ Трубайлѣ

стояла статуя человѣка съ надписью о томъ, что кто попадетъ ей въ голову, тотъ найдетъ деньги. Мальчикъ догадался, что нужно копать тамъ, гдѣ падаетъ тѣнь отъ головы статуи. Выкопавъ чугунный сундукъ съ деньгами и не будучи въ состояніи его поднять, онъ обратился къ игумену Михайловскаго монастыря; послѣдній послалъ съ нимъ двухъ монаховъ. Монахи утопили мальчика, а деньги взяли себѣ. Но мальчикъ остался невредимъ и вышелъ подъ престоломъ въ монастырѣ. Освобожденный оттуда, онъ обвинилъ монаховъ. 196—198.

225. **Де бильше празныкивъ**—объ этомъ заспорили еврей и христіанинъ и рѣшили за каждый праздникъ вырывать по волоску изъ бороды: еврей за еврейскіе праздники у христіанина и наоборотъ. Побѣдителемъ остался христіанинъ. 198—200.

226. **Чы Велыкдень велыкый день?** Это хотѣла узнать баба и пропряла цѣлый первый день праздника въ погребѣ; день оказался такимъ же, какъ и въ филиповки. 200.

227. **Непысьменный пипъ**—находитъ каждый разъ причину не говорить проповѣди. 200—201.

228. **Дви проповиди** надъ покойникомъ—украинца и бѣлорусса.—201.

229. **Помылывсь.** Архіерей, услышавъ сильный голосъ плотовщика, сдѣлалъ его дьячкомъ; но дьячекъ какъ то разъ забылся и крикнулъ въ церкви вмѣсто «Многія лѣта»—«Прычалюй!» Былъ изгнанъ. 201—202.

230. **Жарына.** Пріѣхалъ священникъ въ село, гдѣ люди никогда не были въ церкви. Онъ велѣлъ имъ слѣдовать,—когда они находятся въ—церкви, его примѣру. Но случайно ему упалъ за голенище сапога горящій уголекъ изъ кадильницы. Онъ началъ топать ногою, разуваться и проч., а міряне подражали ему. 202—203.

231. **Хытрый бляхаръ,** желая на обѣдѣ самъ ѣсть куриное мясо, котораго ему не доставалось за священникомъ, сказалъ послѣднему, что бабы для священника рѣжутъ издыхающихъ курей. Священникъ послѣ того никогда не ѣлъ приносимаго прихожанами мяса. 203—204.

232. Незвычайна хазяйка запряталась на печь (на чердакъ) отъ священника, пришедшаго съ молитвою, но такъ, что видны были ея ноги (юпка); священникъ (діаконъ) посовѣтывалъ ей брать съ собою, уходя, и ноги (не вѣшать юпки). 203—204.

233. Страшный судъ. Жгли жуковъ на свекловичн. плантаціи, а въ народѣ распространился слухъ, что уже земля горитъ и начинается страшный судъ. Ошибка обнаружена была осаулою, приказавшимъ идти ловить жуковъ. 205—206.

IX. О явленіяхъ жизни семейной и общественной.

234. Вирна дружына. Чумакъ и его жена дали другъ другу обѣтъ въ вѣрности и, на время отсутствія перваго, надѣли онъ и она бѣлыя сорочки: кто согрѣшитъ, у того сорочка почернѣетъ. Узнавъ объ этомъ, встрѣтившійся чумаку купецъ бьется объ закладъ съ послѣднимъ, что онъ соблазнитъ его жену, ѣдетъ къ ней, принуждаетъ ее провести съ нимъ ночь, но она подмѣнила и вмѣсто себя подставила вдову, у которой и отрѣзалъ въ доказательство своей побѣды косу. По возвращеніи чумака оказывается, что купецъ ошибся. 208—210.

235. Хытра жинка силится запутаннымъ счетомъ скрыть отъ мужа растрату денегъ. 210.

236. Линыва жинка не пряде. Жена все откладывала пряденье до самой страстной субботы. Чтобы избавиться отъ нареканій мужа, она положила въ чугуны, подъ видомъ полотна, ленъ и конопли и начала парить, а мужъ долженъ былъ не пускать собаки-кудлы, иначе полотна «покудляться». Заманивъ хлѣбомъ кудлу въ хату, жена обвинила мужа въ порчѣ полотенъ. 211.

237. Ленывa жинка чоловика на смерть убирае. Мужъ укорялъ жену, не любившую прясть, что ей не во что будетъ и одѣть его на смерть. Притворился мертвымъ, и жена одѣла его въ сѣть. Онъ побилъ ее. 211—212.

238. Жинка безъ десятойи клепкы. Жена, продала на базарѣ еврею яйца; деньги онъ долженъ былъ принести изъ

дому, а чтобы легче другъ друга узнать, онъ предложилъ ей одѣть свое негодное пальто, а самъ надѣлъ ея хорошій кожухъ, съ которымъ и исчезъ. Услышавъ отъ мужа, что у нея нѣтъ «десятоии клепкы», она упросила бондаря сдѣлать ее ей и заплатила за это большимъ саломъ. 212—213.

239. Якъ жинку ярмалокъ налякавъ. Жена, не бывъ никогда на ярмаркѣ, все приставала къ мужу, чтобы онъ ее туда повезъ. Мужъ повезъ, но подговорилъ полицейскаго назваться «ярмаркомъ» и побить его жену. Увидѣвъ послѣ этого въ церкви солдата, испуганная женщина убѣжала, подумавъ, что это «ярмарокъ». 213—214.

240. Жоноча пошесть. Жена больна: лежитъ безъ просыпу и ѣстъ безъ пощады. 214.

241. Чы можна жинкамъ правду казаты. Желая провѣрить свою жену, мужъ сказалъ за тайну, что у него вылетѣла изо рта ворона. Жена разсказала о двухъ воронахъ и въ концѣ концовъ дошло до разбора дѣла на сходкѣ по обвиненію мужа въ излетѣ изъ него 12 воронъ. 214—215.

242. Батькова правда. Умирая, отецъ приказалъ сыну съ паномъ не кумиться, съ евреями не брататься, женѣ правды не говорить, чужихъ дѣтей не усыновлять, собакѣ не вѣрить. Сынъ сдѣлался у пана приказчикомъ и покумился съ нимъ; послѣдній, отъѣзжая, поручилъ ему своего сокола. Желая провѣрить отцову правду, приказчикъ сказалъ женѣ какъ тайну, будто бы онъ зарѣзалъ сокола; жена сообщила кумѣ и т. д. Панъ хочетъ повѣсить приказчика но дозволяетъ ему попрощаться съ родичами. Приказчикъ идетъ изъ дому,—на него бросается собств. собака, еврей не отдаетъ денегъ, а пріемышъ готовъ за деньги принять на себя обязанности его палача. Въ концѣ концовъ приказчикъ разъясняетъ все дѣло. 215—217.

243. Удова. Обычай бросать во дворъ вдовы дрова, дерево. 218.

244. Недогадлыва дочка, услышавъ отъ матери приказаніе мѣсить хлѣбъ, пока «съ стрихи почне капаты», все ходитъ смотрѣть стриху; а оказывается, что мать говорила о потѣ со лба. 218.

245. Якъ сыны мырылы батькивъ. Сыновья хотѣли разнять дерущихся отца и мать, но потомъ рѣшили оставить ихъ, т. к. они сами родные братья, а тѣ «зводни черти». 219.

246. Батькивъ прокльонъ. Сынъ обращался съ отцомъ грубо, а когда тотъ заболѣлъ, оставлялъ его голодать. Отецъ проклялъ сына, вслѣдствіе чего онъ постепенно обѣднѣлъ, онъ и жена распьянствовались, самъ онъ умеръ отъ голода, попавъ пьяный въ пашенную яму, изъ которой не могъ вылѣзть, а жена—отъ пьянства. 219—226.

247. Сила клятвы. Умирая, отецъ-вдовецъ поручилъ своихъ малолѣтнихъ сыновей и ихъ имущество пріятелю, который поклялся быть имъ вмѣсто отца. Но, желая забрать имѣніе сиротъ, опекунъ отравилъ одного сына мышьякомъ, а другого рѣшилъ зарѣзать и отправилъ его на ночлегъ въ поле. Но сила клятвы покарала его: случайно вмѣсто сироты поѣхалъ собств. сынъ опекуна, котораго послѣдній и зарѣзалъ. 227—236.

248. Гарно, якъ батько вмирае—такъ говорилъ маленькій мальчикъ убогой семьи, т. к., по случаю поминокъ покойника, было вдоволь ѣды. 237.

249. Одурена дивчына. Глупая дивчина жаловалась, что ее никто не сватаетъ. Парубокъ подслушалъ и предложилъ ей сдѣлаться его женой, убѣжавъ отъ матери и забравъ все приданое. Увезя дивчину съ скрынями, онъ повозилъ ее по селу и снова привезъ къ ея же хатѣ, которой она не узнала, а самъ скрылся съ скрынями. 237—238.

250. Брехлывый староста. Сватъ посваталъ дивчину для лѣниваго парубка, выставивъ его работящимъ при помощи двузначнаго выраженія, потомъ истина обнаружилась. 238—239.

251. Якъ невистка манила свыней—не разобравъ указанія свекрухи, она звала ихъ фразою «якъ у васъ, такъ и въ насъ». 239.

252. Якъ невистка навчылася свекруху шануваты. Въ семьѣ жили двѣ матери: мать мужа и мать жены. По требованію жены мужъ отвезъ свою мать въ поле. Къ ней приходитъ Морозъ и за ея вѣжливые отвѣты награждаетъ ее шубою, послѣ

чего она возвращается домой. Позавидовавъ шубѣ, жена отправляетъ въ поле свою мать, которую Морозъ за грубость заморозилъ. Невѣстка стала тогда уважать свекровь. 240—242.

253. Якъ навчено линыву невистку робыты. Отецъ и мать избаловали свою дочь, кот. ничего не хотѣла дѣлать. Когда она вышла замужъ, то въ семьѣ мужа ее пріучили работать, обусловивъ полученіе пищи исполненіемъ работы. 242—246.

254. Хлибъ. Человѣку тяжело было нести хлѣбъ и онъ бросилъ его на дорогѣ. Проголодавшись, долженъ былъ вернуться за хлѣбомъ, сказавъ, что не онъ хлѣбъ несетъ, а хлѣбъ его несетъ. 246.

255. Якъ селянынъ піймавъ вовка. Ночью волкъ забрался въ кошару; когда хозяинъ пошелъ туда, то волкъ, выскакивая, попалъ ему промежъ ногъ, и человѣкъ поѣхалъ верхомъ на волкѣ. Волкъ съ перепугу издохъ, да и человѣкъ перепугался. 246—247.

256. Чоловикъ, заваленый у глыныщи. Человѣка завалило глинище, его сочли тамъ похороненнымъ и отслужили надъ нимъ похоронную службу. Но онъ былъ живъ, выбрался и пришелъ ночью домой. Тамъ всѣ испугались, думая, что это мертвецъ. 247—250.

257. Лики линывому. Крестьянинъ попросилъ доктора вылѣчить его воловъ отъ лѣности; докторъ помазалъ имъ подъ хвостами скипидаромъ, отчего волы побѣжали. Не будучи въ состояніи ихъ догнать крестьянинъ попросилъ доктора и ему сдѣлать то-же.—251.

258. Выпытавъ. Посредствомъ хитрости хозяинъ узналъ, что просившій у него топора парубокъ рубитъ дрова на землѣ, и не далъ ему топора. 251.

259. Якъ чоловикъ гостей прыймавъ. Хозяинъ такъ заговорился, что забылъ подчивать гостей и самъ съ женою выпилъ всю водку. 251.

260. Добри люде. Нѣтъ надобности въ собакахъ: люди «оббрешуть». 252.

261. Убогій за столомъ у попа. Бѣднякъ и богачъ держали пари, что священникъ приметъ перваго лучше, чѣмъ вто-

рого. Бѣднякъ достигаетъ почетнаго пріема, сказавъ священнику, что онъ нашелъ кладъ—боченокъ золота. 252—254.

262. Якъ кума куму не послухала. Кума просила куму помочь ей жать, но та отказалась подъ тѣмъ предлогомъ, что «жыбиръ колеться». Но когда отказавшая въ помощи явилась къ кумѣ зимою просить муки, то та отказала ей подъ тѣмъ же предлогомъ. 254—255.

263. Лакей и наймытъ не одно. Разговоръ, изъ котораго оказывается, что въ понятіяхъ крестьянъ должность лакея унизительна. 255—256.

264. Злодій жалуется, что нѣтъ удачи съ тѣхъ поръ, какъ началъ водить вмѣсто лошадей воловъ. 256.

265. Про воровство. Кумъ укралъ у кума медъ на пасѣкѣ, а другой человѣкъ подсмотрѣлъ и потомъ указалъ вора. 256—260.

266. Пысарь—требовалъ, чтобы отецъ ругалъ курицу словами: «Штобъ тебя писарь искушалъ». Отецъ примѣнилъ это къ котенку. 260.

267. Судди. Вирша, описывающая несправедливый судъ волостныхъ судей-пьяницъ. 260—262.

268. Хытрый чоловикъ—заставилъ пана ловкою фразою отдать захваченные паномъ волы. 262—263.

269. Добре росказавъ. Панъ побилъ не понимающаго словъ наймита; послѣдній находитъ этотъ пріемъ подобающимъ способомъ разъясненія. 263.

270. Скупый панъ заставлялъ повара покупать все подешевле. Тотъ ему купилъ «хлякивъ» и сдѣлалъ обидное предложеніе. 263.

271. Допытався. Малорусская передѣлка фамиліи кн. Гогенлоге. 263—264.

272. Черезъ чай сварка. Панъ угощалъ мужиковъ чаемъ: одному далъ съ сахаромъ, другому безъ, а третьему съ солью. Первый хвалилъ чай, второй былъ къ нему равнодушенъ, а третій находилъ его никуда не годнымъ. 264.

273. Хто скилько чаю пье—выходитъ, что больше всѣхъ—мужикъ. 265.

274. **Похвалывъ.** Деньщикъ сравнилъ офицера со львомъ, при чемъ оказалось, что львомъ называется у него животное, на кот. въѣзжалъ І. Христосъ въ Іерусалимъ. 265.

275. **Одмова по щыросты.** Денщикъ разъясняетъ офицеру, почему прислали къ нему самаго плохого деньщика. 265.

276. **Москали вкралы гуску** и запрятали ее въ барабанъ, почему во время обыска ее и не могли найти. 266.

277. **Москали вкралы корову,** зарѣзали и во время обыска положили ее на столѣ подъ шинель какъ будто покойника-солдата. 266—267.

278. **Москалы крадуть масло**—у бабы на базарѣ. 267.

279. **Козакы вкралы коець зъ гусьмы** у еврея, который поэтому не находилъ ничего удивительнаго въ томъ, что они потомъ взяли Плевну. 267—268.

280. **Два звощыкы**—малороссъ и великоруссъ, заспоривъ изъ за пассажира, говорятъ оскорбительныя вещи относительно происхожденія «хохла» и «кацапа». 268.

281. **Хохлу не давай объясняться а** просто бей—это сказалъ панъ, ревизовавшій писаря, и старосту, которые очень удачно изворачивались во время объясненій. 269.

282. **Не зрозумилы.** Бѣлоруссъ и малороссъ, говоря объ одномъ (потерянной торбѣ), считаютъ, вслѣдств. непониманія языка, что говорятъ о различномъ. 269.

283. **Лытвыны помынають дидивъ** и сильно объѣдаются при этомъ. 270.

284. **Цыганъ у манастыри.** Сперва ему тамъ понравилось, но потомъ онъ такъ отощалъ на постной пищѣ, что совѣтывалъ человѣку, хотѣвшему повѣсить собаку, отвести ее въ монастырь: тамъ она издохнетъ отъ голода. 270—271.

285. **Цыганъ зъ того свиту.** Цыганъ совѣтуетъ, чтобы покойнику положили хлѣба, т. к. онъ самъ на тотъ свѣтѣ былъ, но отъ голода долженъ былъ вовратиться. 272.

286. **Обое кращи.** Цыгану предоставили выбрать себѣ для ѣды что ему лучше: или сало, или поросятину. Цыганъ находитъ лучшимъ и то, и другое. 272.

287. Поповна за цыганомъ. Поповна влюбилась въ цыгана, вышла за него замужъ, но не могла жить цыганской жизнью и убѣжала къ отцу. 272—283.

288. Жыдъ-выхрестъ находитъ, что за крещеніе его маленького сына слѣдуетъ брать дешевле, чѣмъ за крещеніе старшаго. 283.

362. Про жинку скупого чоловика. Скупой мужъ плохо обращался со своею женою. По совѣту священника, она притворно умираетъ, скрывается у священника, а хоронятъ пустой гробъ. Мужъ узнаетъ всю тяжесть жизни вдовца съ малыми дѣтьми. Встрѣчаетъ свою жену у священника, женится на ней какъ на второй женѣ и старается изо всѣхъ силъ ей угождать. 388—391.

363. Стрыжено! Стрыжено! Мужъ утверждалъ, что ячмень скошено, жена, что его острижено. Поссорились, мужъ бьетъ ее, желая заставить согласиться съ собою, бросаетъ въ воду, но она и утопая показываетъ изъ воды пальцами, что стрижено. Мужъ спасаетъ ее. 391—393.

364. Чортъ посварывъ чоловика зъ жинкою. Желая поссорить хорошо жившихъ мужа съ женою, чертъ сказалъ женѣ, что мужъ умретъ, если жена не отрѣжетъ ему бритвою подъ бородою три волоска; а мужу, что жена его хочетъ зарѣзать. Увидѣвъ въ рукахъ у жены бритву, мужъ едва ее не убилъ. 393—395.

365. Якъ жинка чоловика вбывала. Жена взяла у доктора мышьяку, чтобы отравить мужа. Докторъ его предупреждаетъ. Мужъ притворяется отравленнымъ, мертвымъ. Жена хочетъ еще и повѣсить его, на время уходитъ, а мужъ привязываетъ вмѣсто себя товкачъ. Въ темнотѣ жена вѣшаетъ его вмѣсто мужа и объявляетъ людямъ, что ея мужъ повѣсился. Все открывается. 395—398.

366. Старшина, котораго судъ лишилъ правъ состоянія и устранилъ отъ должности, благодаритъ и проситъ еще и объ освобожденіи отъ натуральныхъ повинностей. 398.

367. Старцевы гроши Нищій умеръ и въ его свитѣ нашли зашитыми много денегъ, на кот. купили свиней. Свиньи проѣли всѣ деньги нищаго, поѣли другъ друга. Оставшійся кабанъ разрылъ могилу нищаго и умеръ на его гробу. 398—399.

368. Про добру панію. Крѣпостные плакали о смерти доброй помѣщицы, учившей, кромѣ того, ихъ хозяйничать и постоянно за нее молились. 400.

396. Догадавсь. Соблазненный тѣмъ, что бѣднякъ за два выращенные зимою огурца получилъ отъ пана пару воловъ, богачъ повезъ къ послѣднему лѣтомъ возъ огурцовъ. Панъ велѣлъ его бить этими огурцами. Мужикъ находитъ, что онъ былъ очень догадливъ, не привезя еще и арбузовъ, взять которые совѣтывала ему жена. 400—401.

X. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

289. Б.-та Ю. Хмельныцки. Ю. Хмѣльницкій возсталъ противъ отца и сбилъ верхъ съ отцовской церкви въ Суботовѣ. 288.

290. Б. Хмельныцькый та король. Б. Хмѣльницкій взбунтовался, но былъ пойманъ и приведенъ предъ короля, кот. его и простилъ. 287.

291. Про Хмильныцькыхъ, про Мамая. Сынъ Хмѣльницкаго побусурманился, возсталъ противъ отца и сбилъ верхъ съ церкви въ Суботовѣ, желая найти тамъ деньги. За это онъ и до сихъ поръ бродитъ въ лѣсахъ, и змѣя сосетъ его сердце. Послѣ Хм. былъ съ запорожцами козакъ Мамай, въ честь его названъ Мамаемъ дубъ, подъ кот. былъ его лагерь. 287—288.

292. Орда въ Ведмедивку вошла при помощи измѣнника; село обороняла попадья. 288.

293. Про Палія. Палій застрѣлилъ (сжегъ своимъ выстрѣломъ черта), за что и прозванъ былъ Паліемъ. Онъ сталъ пьянствовать и заложилъ у Мошки свою сивую кобылу. Когда Мазепа возсталъ противъ царицы Екатерины, Потемкинъ посовѣтывалъ пригласить Палія. Палій перебираетъ лошадей, отыскивая свою кобылу и выставляетъ свое знамя, увидѣвъ которое Мазепа смиряется. 288—291.

294. Мазепына хрещеныця. Къ стоявшему у Мазепина дома въ Черниговѣ часовому подошла женщина, прося креста. Онъ не далъ. Это Мазепина крестная дочь, выходящая на землю чрезъ каждыя 7 лѣтъ. 591.

295. Гайдамакы. Разсказъ о кошовомъ запорожскомъ (?), вербовавшемъ гайдамакъ и трехъ гайдамацкихъ атаманахъ его ученикахъ: Гордіѣ Саповичѣ, Бондаренко и Рацьовѣ; плѣнъ семьи Саповича татарами, освобожденіе и похороны ея; набѣги Бондаренка на поляковъ, пѣсня о немъ и Якименкѣ, смерть Бондаренка Рацьовъ былъ и чумакомъ. 291—295.

296. Гайдамакы у Каневи. Сожженіе и разграбленіе Канева гайдамаками; битва гайдамаковъ съ гетманцами; гайдамаки—«характерныкы»; Хмѣльницкій — гайдамацкій полковникъ. 295—297.

297. Золота грамота. Притѣсненія поляковъ; монахи Николаевскаго монастыря подделали и дали запорожцамъ золотую грамоту отъ имени царицы, съ позволеніемъ рѣзать поляковъ. Возстаніе и еще худшія притѣсненія со стороны поляковъ. 296—297.

298. Понятовскій та царыця Катерына. Понятовскаго паны хотѣли убить; онъ не захотѣлъ быть королемъ, подарилъ Екатеринѣ Польшу, а она сдѣлала его министромъ въ Петербургѣ. 297—298.

299. Конфедераты. Паны взбунтовались противъ своего короля, а такъ какъ до него далеко, то они мучили народъ. 298.

300 Запорожци на Кубани. Насмѣшка надъ черноморскими козаками, жаловавшимися на свою плохую жизнь. 298—299.

301. Про смерть козака Половаго, возвратившагося съ Гладкимъ изъ Турціи. Онъ приказалъ вывести себя въ поле и умеръ, обратившись лицомъ къ мѣсту бывшей Сѣчи. 299.

302 Звидкы узялась панщына—о томъ, какъ паны постепенно обратили свободныхъ людей въ крѣпостныхъ. 300—301.

303. Кармалюкъ. I. Баба, встрѣтивъ въ лѣсу Кармелюка и не зная его въ лицо, бранила его. За это онъ подковалъ ее. II. Кармалюкъ далъ бѣдняку денегъ и велѣлъ ему устроить балъ, на который обѣщалъ явиться. Панъ, узнавъ о балѣ у мужика

отправился туда съ цѣлью наказать мужика, а Кармелюкъ тѣмъ временемъ ограбилъ пана. 302—304.

304. Писня про Кармалюка будто бы заклята въ Пакульской церкви, т. к. ее пѣлъ нечистый. 305.

305. Крипакы дожыдалы воли и дарили чѣмъ могли того, кто предвѣщалъ имъ скорое освобожденіе. 306.

306. Про Т. Шевченка. Шевченко является людямъ трижды въ день: мальчикомъ, взрослымъ и старикомъ. 306.

XI. Преданія о мѣстностяхъ.

307. Преданіе о ручьѣ Буковище въ с. Юриновкѣ Новгородсѣверскаго уѣзда. Въ рѣчкѣ Буковище утопилась дочь вѣдьмы; вѣдьма закляла рѣчку, и послѣдняя, въ видѣ дѣвушки, перешла въ Бѣлицу. 308—310.

308. Озеро Синее. Въ лѣсу жили братья кузнецы Кузьма и Демьянъ. Появилась змѣюка, пожиравшая людей и звѣрей. Она напала на кузню братьевъ и прогрызла дверп. Братья ухватили ее за языкъ раскаленными клещами, запрягли въ соху и проорали ею ровъ до озера; здѣсь она начала пить воду и лопнула, отчего вода въ озерѣ провонялась и посинѣла. 310—311.

309. Про Глуховъ. Разсказъ старожила о расположеніи и постройкахъ Глухова въ прежнее время, о пожарѣ 1784 г., о ярмаркѣ и подымной подати. 313—315.

310. Преданіе о построеніи церкви св. Иліи. въ Черниговѣ, выстроенной будто бы по праздникамъ каменщиками, достроившими соборъ Мстислава. 315—316.

311. О м. Красномъ Колядинѣ Конотопск. у. I. Рѣка Роменъ высохла отъ проклятія пани Покорской, сынъ которой утонулъ въ Ромнѣ.—II. Нападеніе гайдамаковъ на жившаго въ Колядинѣ поляка Коляду; спрятанный имъ подъ воду кладъ.—III. О провалѣ церкви сквозь землю. 316—318.

312. М. Понорница Кролевецк. у. Объясненіе названія мѣстечка прозваніемъ основателя поселенія. 318—320.

313. Легенда о Поганомъ полѣ. Во времена Мазепы шве-

ды поймали двухъ дивчатъ: Катрю и Фесю; продержавъ недѣлю, отпустили. У обѣихъ родились дѣти, но Феся уморила своего ребенка и поэтому ее оставили безъ наказанія за пребываніе у шведовъ; а Катрю родной отецъ Миронъ живую закопалъ вмѣстѣ съ ребенкомъ въ землю. Ночью сдѣлалась страшная буря, напугавшая Мирона. Терзаемый совѣстью, онъ умеръ. Земля его не принимала, пока не заклялъ его священникъ; но семь лѣтъ ежегодно въ ночь его преступленія подвималась буря и изъ могилы Катри слышалась мольба о прощеніи. 320—325.

314. Могила Деречыха. Во время нашествія шведовъ послѣдніе забирали народъ. Гетманъ выслалъ противъ нихъ своего сына. Они его отравили. Не имѣя войска, онъ устроилъ на Деречихѣ мельницу съ барабанами, которые такъ напугали шведовъ, что послѣдніе ушли. 326—327.

315. Ричка Роменъ высохла оттого, что мать утонувшаго въ ней сына забила ея источникъ. 327—328.

316. Г. Зиньковъ названъ такъ по имени его основателя — Зинця. 328.

XIII. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія.

317. Ракова скора робота. Ракъ семь лѣтъ ходилъ по дрожжи и въ концѣ—разлилъ ихъ. 330.

318. Про хлопця, що ничого не боявся. Сынъ все просилъ отца показать ему страхъ; его пробовали испугать: а) дьячекъ на колокольнѣ, нарядившись мертвецомъ, б) оставивъ его ночью въ лѣсу около висѣлицы съ трупами, в) оставивъ ночевать въ пустомъ домѣ, гдѣ обитала нечистая сила. Все напрасно. Наконецъ, отецъ испугалъ его, плеснувъ на соннаго холодною водой. 330—331.

319. Негода. Зарѣзавъ свинью, мужъ оставилъ часть сала «Негоди». Жена приняла за негоду женщину въ синей одеждѣ и отдала ей сало. 332.

320. Нужда. Мужъ откладывалъ деньги «про нужду». Жена передала деньги нуждѣ черезъ солдата. Узнавъ объ этомъ,

мужъ бросился догонять солдата верхомъ на лошади, но солдатъ хитростью получилъ отъ него и лошадь. 332—333.

321. Маты зрадныця. Вдова имѣла двухъ дѣтей, Петра и Настю, окрещенныхъ Богомъ и св. Петромъ; послѣднiй подарилъ Петру жупанокъ, дающiй ему силу, и ружье, благодаря которому онъ былъ превосходнымъ охотникомъ. Сойдясь съ змѣемъ, мать притворяется больной и даетъ сыну опасныя порученiя, въ которыхъ онъ долженъ лишиться жизни; она ему велитъ: а) добыть дикой поросятины, б) добыть дикаго яблока, в) добыть «сцилющойи й жывущойи» воды. При помощи сестры, уже вышедшей замужъ, Петро все исполняетъ. Подъ предлогомъ испытанiя силы, мать заставляетъ сына снять жупанокъ и связываетъ его шелкомъ; змѣй надѣваетъ жупанокъ и убиваетъ его. Сестра оживляетъ брата «сцилющою й жывущою» водою. Подъ видомъ птички онъ прилетаетъ къ матери. Змѣй хочетъ поймать птичку для своего ребенка и сбрасываетъ жупанокъ, который надѣваетъ Петро и убиваетъ змѣя.—II. Варiантъ той же сказки. 333—341.

322. Про хлопчика Покати-Горошка. У бездѣтныхъ дѣда и бабы, при помощи ворожки, изъ яйца появляется крохотный сынокъ Покоти-Горошко. На полѣ онъ сѣлъ волу на роги и оралъ. Увидѣлъ его панъ и купилъ у старика. Мальчикъ убѣжалъ домой. Панъ снова его взялъ, но не могъ и на этотъ разъ уберечь. 341—346.

323. Про богатого купця дочку. Купецъ отдалъ дочь въ науку къ попу, который напрасно дѣлалъ ей нечистыя предложенiя. Онъ оклеветалъ ее предъ отцомъ. Отецъ послалъ двухъ сыновей съ приказанiемъ привезти сердце сестры. Пожалѣвъ сестру, братья привезли отцу сердце собаки. Дѣвушка бродила въ лѣсу гдѣ ее встрѣтилъ купецъ и женился на ней. Однажды онъ заболѣлъ и послалъ жену вмѣстѣ съ своимъ кумомъ на кораблѣ за товаромъ. Она отвергаетъ нечистыя предложенiя кума, который бросаетъ ее съ ребенкомъ въ море. Ребенокъ утонулъ, а она выплыла на берегъ, случайно набрела на домъ своего отца, гдѣ ее не узнаютъ и она нанимается тамъ въ услуженiе. Туда заѣзжаетъ ея мужъ, дѣло разъясняется, куму отрѣзываютъ голову. 346—347.

324. Шептуха. Не имѣя средствъ къ жизни, баба, по совѣту священника, сдѣлалась шептухою. Случайно она была позвана къ тому-же священнику лѣчить его отъ нарыва въ горлѣ. Увидѣвъ ее, священникъ расхохотался, и нарывъ прорвался. 348.

325 Бачылы очи що купувалы: йижте, хочъ повылазьте— такъ говорилъ человѣкъ, купившій на копейку хрѣна. 348—349.

326. Кавунъ-рябчыкъ былъ любимцемъ хозяина. Когда хозяинъ везъ арбузы, возъ опрокинулся, арбузы раскатились, а хозяинъ радуется, что рябчикъ впереди всѣхъ. 349.

327. Смерти спужалась. Жена пьяницы призывала смерть. Солдатъ пустилъ ей въ хату ощипаннаго индюка, сказавъ, что это смерть. Испуганная жена посылаетъ смерть къ мужу. 349—350.

328. Скупый чоловикъ. Ища пропавшую лошадь, человѣкъ даетъ обѣтъ поставить въ церкви свѣчу за полтинникъ и во время произнесенія этихъ словъ находитъ лошадь. Радуется, что полтинникъ остался цѣлъ. 350.

329. Дрова плохіе: одно полѣно положитъ въ печь, и то не горитъ. 350.

330. Розмова. Неподдающійся пересказу разговоръ встрѣтившихся крестьянъ. 351.

331 Добре, та не дуже. Разговоръ, въ которомъ все хорошее, что ни случается, оказывается имѣющимъ дурную сторону. 351—352.

332. Чого хоче. Нищій не видитъ ни одного, ни двухъ грошей, но беретъ три. 352.

333—336. Нисенитныци. 352—357.—**337. Прыказкы**— 358 – 372.—**338. Загадкы.** 372—376.

Прибавленіе.

Старая рукопись.

Сторія о мудромъ младенцу. Мудрый и ученый младенецъ для покупки платья и коня продаетъ отца и мать и ѣдетъ къ

царю. Получивъ отъ встрѣтившагося младенца письмо къ царю, прочитываетъ въ немъ, что подателя его должны казнить, и уничтожаетъ его. Вокругъ замка царя головы на кольяхъ. Усыновившая младенца вдова разъясняетъ причину этого: прекрасная дочь царя только за того выйдетъ замужъ, кто побѣдитъ ее въ диспутахъ; въ противномъ случаѣ долженъ потерять жизнь. Младенецъ хочетъ добыть царевну. Три дня щастливо отвѣчаетъ на ея вопросы и задаетъ ей вопросъ: кто отца превратилъ въ коня, а мать въ одежду. Царевна проситъ отсрочки до утра, неузнанная приходитъ къ младенцу, опьяняетъ его напитками и поцѣлуями и вывѣдываетъ отвѣтъ. Но она забыла у младенца перстень со своимъ именемъ. Когда ведутъ его на казнь, онъ показываетъ перстень царю. Царевна отрицаетъ принадлежность ей перстня, утверждаетъ, что ея перстень у нея и представляетъ поддѣльный. Царь выдаетъ ее замужъ за младенца. 402—410.

Повѣсть о Агий о цару. Царь Агій нашелъ ложными евангельскія слова о томъ, что богатые обнищаютъ, а нищіе обогатятся, вырвалъ листъ съ ними изъ Евангелія, а священника заключилъ въ тюрьму. На охотѣ царь погнался за оленемъ, сбросилъ одежду, чтобы переплыть рѣку. Ангелъ принялъ на себя видъ царя, взялъ его одежды и царствовалъ вмѣсто него три года, Агій-же три года былъ нищимъ, послѣ чего царство было снова ему возвращено. 410—412.

Чудо святителя Христова Николая. Св. Николаю явился въ дорогѣ въ страшномъ образѣ діаволъ. Укрѣпленный св. Духомъ, св. Николай повергаетъ діавола на землю и заставляетъ признаться въ его намѣреніяхъ, затѣмъ ввергаетъ его въ бездну. 413—415.

Слово о смерти и о рицеру богатомъ и славномъ, который не боялся смерти и искалъ ее; встрѣтилъ, хвасталъ своею силою, а смерть доказывала свою. Оружіе не помогло ему, и онъ умеръ. 415—420.